

Научный журнал "Известия Восточного института" является преемником одноимённого периодического издания, первый выпуск которого вышел в свет в 1900 г. Издание возобновлено в 1994 г. До 2011 г. журнал выходил под названием "Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета". Периодичность издания – четыре раза в год. ISSN 2542-1611. Индекс 42398.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации – серия ПИ № ФС77–36364 от 29 мая 2009 г. Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Дальневосточный федеральный университет". Адрес: 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10. Публикации "Известий Восточного института" фиксируются в международной базе данных CrossRef, поддерживаемой Агентством регистрации Цифровых Идентификаторов Объекта (Digital Object Identifier – DOI). Префикс DOI: 10.24866/2542-1611.

Статьи и материалы, опубликованные в журнале, индексируются в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на сайте Научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU, а также доступны через сайт научной электронной библиотеки "КиберЛенинка".

Научный журнал "Известия Восточного института" посвящён проблемам международных отношений, регионоведения и страноведения АТР. Приоритетными темами для журнала являются особенности развития азиатских и тихоокеанских стран (прежде всего, Восточной, Южной и Центральной Азии), история и настоящее Восточной Сибири и Дальнего Востока России.

К публикации в журнале принимаются статьи и научные материалы преподавателей и сотрудников ДВФУ, других образовательных и научно-исследовательских организаций России и зарубежных стран, а также всех заинтересованных и компетентных исследователей.

Выпуски журнала включают следующие основные рубрики:

"История"
"Литературоведение"
"Лингвистика"
"Политика"
"Архив"
"Рецензии"
"Научная жизнь"

Тематика статей, принимаемых к публикации в журнале "Известия Восточного института", соответствует следующим группам научных специальностей:

03.00.00 История. Исторические науки;
10.01.00 Литературоведение;
10.02.00 Языкознание;
11.00.00 Политика. Политические науки.

Журнал "Известия Восточного института" входит в список рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

07.00.02 Отечественная история (исторические науки),
07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки),
07.00.15 История международных отношений и внешней политики (исторические науки),
10.02.20 Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание (филологические науки),
10.02.22 Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (с указанием конкретного языка или языковой семьи) (филологические науки),
23.00.02 Политические институты, процессы и технологии (политические науки),
23.00.04 Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития (политические науки).

Адрес редакции: г. Владивосток, о. Русский, кампус ДВФУ, корпус D (20), каб. D620.

Сайт журнала: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_regional_and_international_studies/edition/. E-mail: izvestyavi@yandex.ru

Журнал отпечатан в типографии Издательства Дальневосточного федерального университета.

Адрес: 690950, Владивосток, ул. Пушкинская, 10.

Вышло в свет 25.03.2022 г. Тираж 100 экз. Цена свободная.

Главный редактор

Дмитриева Марина Олеговна, канд. полит. наук,
старший преподаватель кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Редакционный совет

Азизян Рубен Михайлович, канд. ист. наук, директор Центра исследований обороны и безопасности Университета Мэсси, Новая Зеландия.

Араи Хирофуми, старший научный сотрудник Института экономических исследований Северо-Восточной Азии (ERINA), г. Ниигата, Япония.

Бакланов Петр Яковлевич, академик РАН, доктор геогр. наук, научный руководитель Тихоокеанского института географии ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Курилов Владимир Иванович, доктор юрид. наук, профессор, г. Владивосток, Россия.

Ларин Виктор Лаврентьевич, академик РАН, доктор ист. наук, заведующий Центра азиатско-тихоокеанских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Прошина Зоя Григорьевна, доктор филол. наук, профессор факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия.

Сунь Юйхуа, доктор пед. наук, советник ректора Даляньского университета иностранных языков, г. Далянь, КНР.

Фудзимото Вакио, доктор ист. наук, ректор Осацкого университета экономики и права, почётный профессор Осацкого государственного университета, почётный доктор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Осака, Япония.

Хаматова Анна Александровна, канд. филол. наук, профессор кафедры китаеведения ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Редакционная коллегия

Барбенко Ярослав Александрович, канд. ист. наук, доцент кафедры политологии ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Бутенина Евгения Михайловна, доктор филол. наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Ващук Ангелина Сергеевна, доктор ист. наук, заведующая отделом социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Волыничук Андрей Борисович, доктор полит. наук, ведущий научный сотрудник отдела международных отношений и региональной безопасности Института истории археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Демьяненко Александр Николаевич, доктор геогр. наук, главный научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН, г. Хабаровск, Россия.

Дударёнок Светлана Михайловна, доктор ист. наук, ведущий научный сотрудник отдела социально-политических исследований Института истории археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Дятлов Виктор Иннокентьевич, доктор ист. наук, профессор кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета, профессор кафедры антропологии и этнологии Томского государственного университета, г. Иркутск, г. Томск, Россия.

Золотухин Иван Николаевич, канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Иванов Сергей Александрович, канд. ист. наук, старший научный сотрудник отдела китайских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Изотов Дмитрий Александрович, канд. экон. наук, ведущий научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН, г. Хабаровск, Россия.

Караман Вадим Николаевич, канд. ист. наук, ведущий библиотекарь Музея истории Дальнего Востока имени В.К. Арсеньева, г. Владивосток, Россия.

Кейдун Ирина Борисовна, доктор филол. наук, профессор кафедры китаеведения ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Киреев Антон Александрович, канд. полит. наук, доцент кафедры политологии ВИ–ШРМИ ДВФУ (ответственный редактор), г. Владивосток, Россия.

Кожевников Владимир Васильевич, канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Козлов Леонид Евгеньевич, канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Колотов Владимир Николаевич, доктор ист. наук, заведующий кафедрой истории стран Дальнего Востока Санкт-Петербургского государственного университета, директор Института Хо Ши Мина, г. Санкт-Петербург, Россия.

Кузнецов Анатолий Михайлович, доктор ист. наук, профессор кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Ловцевич Галина Николаевна, доктор филол. наук, заведующая кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Лукин Артём Леонидович, канд. полит. наук, заместитель директора по науке и инновациям ВИ–ШРМИ ДВФУ, доцент кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ (зам. главного редактора), г. Владивосток, Россия.

Моргун Зоя Фёдоровна, канд. ист. наук, доцент кафедры японоведения ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Мошков Анатолий Владимирович, доктор геогр. наук, главный научный сотрудник Тихоокеанского института географии ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Николаева Ольга Васильевна, доктор филол. наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Первушина Елена Александровна, доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка как иностранного ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Песцов Сергей Константинович, доктор полит. наук, профессор кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Поправко Елена Александровна, доктор ист. наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин "Военной академии материально-технического обеспечения им. А.В. Хрулёва" Минобороны РФ, г. Санкт-Петербург, Россия.

Пустойт Евгений Валерьевич, канд. ист. наук, директор ВИ–ШРМИ ДВФУ, доцент кафедры японоведения ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Савченко Анатолий Евгеньевич, канд. ист. наук, заместитель директора по научной работе Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Сбоев Александр Николаевич, канд. филол. наук, доцент кафедры китаеведения ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Севастьянов Сергей Витальевич, доктор полит. наук, профессор департамента политологии и международных отношений Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики", г. Санкт-Петербург, Россия.

Соколовский Александр Якубович, канд. филол. наук, профессор кафедры Тихоокеанской Азии ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Сторожук Александр Георгиевич, доктор филол. наук, заведующий кафедрой китайской филологии Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия.

Толстокулаков Игорь Анатольевич, доктор ист. наук, профессор кафедры корееведения ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Цветов Петр Юрьевич, канд. ист. наук, доцент кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД РФ, г. Москва, Россия.

Шереметьева Елена Сергеевна, доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка и литературы ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

The academic journal "Oriental Institute Journal" is the successor to the eponymously named periodical, the first issue of which was released in 1900. Publishing was resumed in 1994. Until 2011, the journal was published under the name "Izvestia of the Oriental Institute of the Far Eastern State University". The frequency of publication is four times per year. ISSN 2542-1611. Subscription index – 42398.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Compliance with Legislation in the Field of mass communications, communication and protection of cultural heritage. Registration certificate – PI № FS77–36364 dated May 29, 2009.

Founder and publisher: Federal state autonomous educational institution higher education "Far Eastern Federal University". Address: 690922, Russia, Primorsky Territory, Vladivostok, Russky Island, Ajax, 10.

Publications of the "Oriental Institute Journal" are recorded in the international CrossRef database maintained by the Agency for Registration of Digital Object Identifiers (Digital Object Identifier – DOI). DOI prefix: 10.24866/2542-1611.

Articles and materials published in the journal are indexed in the database of the Russian Science Citation Index (RSCI) on the website of the Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU, and are available through the site of the scientific electronic library "CyberLeninka".

"Oriental Institute Journal" is the academic journal dedicated to the problems of international relations, as well as to area and country studies of Asia Pacific. The priority topics for the journal are the features of the development of Asian and Pacific countries (primarily East, South and Central Asia), history and present of Eastern Siberia and the Russian Far East.

Articles and research materials provided by FEFU teachers and staff, and by investigators of other Russian and foreign-based educational and research organizations, as well as by all interested and competent researchers, are accepted for publication in the journal.

The journal issues include the following main subject headings:

"History"
"Literary Studies"
"Linguistics"
"Politics"
"Archive"
"Reviews,
"Scientific Life"

The subjects of articles accepted for publication in the journal "Oriental Institute Journal" correspond to the following groups of scientific specialties:

03.00.00 History. Historical sciences;
10.01.00 Literary criticism;
10.02.00 Linguistics;
11.00.00 Politics. Political sciences.

"Oriental Institute Journal" is included in the list of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate and Doctor of Sciences in the following scientific specialties and their respective branches of science:

07.00.02 Domestic history (historical sciences),
07.00.03 General history (of the corresponding period) (historical sciences),
07.00.15 History of international relations and foreign policy (historical sciences),
10.02.20 Comparative historical typological and comparative linguistics (philological science),
10.02.22 Languages of peoples of foreign countries of Europe, Asia, Africa, natives of America and Australia (with indicating a specific language or language family) (philological sciences),
23.00.02 Political institutions, processes and technologies (political sciences),
23.00.04 Political problems of international relations, global and regional development (political sciences).

Editorial address: 690922, Vladivostok, Russky Island, FEFU campus, building D (20), room D620.

Journal website: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_regional_and_international_studies/edition/. E-mail: izvestyavi@yandex.ru

The journal was printed in the printing house of the Publishing House of the Far Eastern Federal University.

Address: 690950, Vladivostok, Pushkinskaya St., 10.

Published on March 25, 2022. Circulation 100 copies. The price is free.

Editor in Chief

Marina O. Dmitrieva, Candidate of Political Sciences, Senior Lecturer,
Department of International Relations, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Editorial Council

Ruben M. Azizyan, Ph.D. in History, Full Professor, Director of the Centre for Defence and International Security Studies at Massey University (New Zealand).

Hirofumi Arai, Senior Research Fellow, Economic Research Institute for Northeast Asia (Niigata, Japan).

Petr Ya. Baklanov, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Geographical Sciences, Scientific Director of the Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Vladimir I. Kurilov, Doctor of Law, Full Professor (Vladivostok, Russia).

Viktor L. Larin, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Principal Research Fellow, Head of the Center of Asia-Pacific Studies, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Zoya G. Proshina, Doctor of Philological Sciences, Full Professor, Professor, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Moscow State University (Moscow, Russia).

Yuhua Sun, Doctor of Education, Advisor to the President of Dalian University of Foreign Languages (Dalian, China).

Vakio Fujimoto, Doctor of History, President of Osaka University of Economics and Law, Honorary Professor at Osaka University, Honorary Doctor at Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Osaka, Japan).

Anna A. Khamatova, Candidate of Philological Sciences, Professor, Department of Chinese Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Editorial Board

Yaroslav A. Barbenko, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Evgenia M. Butenina, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Angelina S. Vashchuk, Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of Socio-Political Research, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Andrey B. Volynchuk, Doctor of Political Sciences, Leading Researcher, Department of International Relations and Regional Security, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Alexandr N. Demyanenko, Doctor of Geographical Sciences, Chief Researcher, Economic Research Institute, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Khabarovsk, Russia).

Svetlana M. Dudaryonok, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Philosophy, Leading Researcher, Department of Socio-Political Research, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Viktor I. Dyatlov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of World History and International Relations, Irkutsk State University; Professor, Department of Anthropology and Ethnology, Tomsk State University (Irkutsk, Tomsk, Russia).

Ivan N. Zolotukhin, Candidate of Political Sciences, Head of Department of International Relations, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Sergey A. Ivanov, Candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow, Department of Chinese Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Dmitry A. Izotov, Candidate of Economics, Leading Researcher, Economic Research Institute, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Khabarovsk, Russia).

Vadim N. Karaman, Candidate of Historical Sciences, Head of Library, Museum of the History of the Far East named after V.K. Arsenyev (Vladivostok, Russia).

Irina B. Keidun, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Chinese Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Anton A. Kireev, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia) (Executive Editor)

Vladimir V. Kozhevnikov, Candidate of Historical Sciences, Professor, Department of Japanese Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Leonid E. Kozlov, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Vladimir N. Kolotov, Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of History of the Far East, St. Petersburg State University, Director of the Ho Chi Minh Institute (St. Petersburg, Russia).

Anatolij M. Kuznetsov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Galina N. Lovtsevich, Doctor of Philological Sciences, Head of the Department of Linguistics and Intercultural Communication, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Artyom L. Lukin, Candidate of Political Sciences, Deputy Director for Science and Innovation of Institute of Oriental Studies - School of Regional and International Studies, Associate Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Zoya F. Morgun, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Japanese Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Anatoly V. Moshkov, Doctor of Geographical Sciences, Chief Researcher, Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Olga V. Nikolaeva, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Elena A. Pervushina, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian as a Foreign Language, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Sergey K. Pestsov, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Elena A. Popravko, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, A.V. Khrulev Military Academy of Logistics of the Ministry of Defense of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia).

Evgeny V. Pustovoi, Candidate of Historical Sciences, Director of Institute of Oriental Studies - School of Regional and International Studies, Associate Professor, Department of Japanese Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Anatoly E. Savchenko, Candidate of Historical Sciences, Deputy Director for Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Alexander N. Sboev, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Chinese Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Sergej S. Sevastyanov, Doctor of Political Science, Professor, Department of Political Science and International Relations, National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg, Russia).

Alexander Ya. Sokolovsky, Candidate of Philological Sciences, Professor, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Alexander G. Storozhuk, Doctor of Philological Sciences, Head of the Department of Chinese Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia).

Igor A. Tolstokulakov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Korean Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Petr Yu. Tsvetov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of International Relations, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russia).

Elena S. Sheremetyeva, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian Language and Literature, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

ИЗВЕСТИЯ ВОСТОЧНОГО ИНСТИТУТА

№ 1 (53) • 2022

Научный журнал

Выходит 4 раза в год

Основан в 1900 г.

Возобновлён в 1994 г.

До 2011 года выходил под названием "Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета"

ISSN 2542-1611

Индекс 42398

DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1

СОДЕРЖАНИЕ

КРУГЛЫЙ СТОЛ

Демьяненко А.Н., Клиценко М.В., Тотонова Е.Е., Украинский В.Н., Чернов В.А., Чимитдоржиев Ж.Ж. Туристические исследования: российский кейс 11

ИСТОРИЯ

Подмаскин В.В. Народные знания чукчей 27

Бреславец Т.И., Кужель Ю.Л. Скульптура периода Камакуры в храмах и музеях 38

Кухаренко Н.В. Особенности антикитайского иммиграционного законодательства США (середина XIX – середина XX вв.) 48

Зуенко И.Ю., Сельцер Д.Г. "Кадры решают всё": реформа кадровой системы КНР на рубеже 1980–1990-х годов 58

Козлов Л.Е. Южнокорейская историческая наука о Северо-Восточном проекте КНР 70

Волкова Е.С., Ковалевская Ю.Н. Руины на постсоветском Дальнем Востоке: "созидательное разрушение" или "медленное насилие"? 78

ЛИНГВИСТИКА

Дрейзис Ю.А. Приёмы текстуализации акустического в китайской поэзии 1950–1970-х годов 91

ПОЛИТИКА

Кудаяров У.Б. Участие китайских ТНК в реализации инициативы "Цифровой шелковый путь" на примере стран Центральной Азии 99

Дмитриева М.О., Давыдов З.В. Кризис в Казахстане: предварительные итоги, анализ причин, реакции зарубежных партнеров 112

Лукин А.Л., Ли Юнхуэй, Кейдун И.Б. Россия и Китай в Арктике: состояние и перспективы двустороннего сотрудничества 123

Денисенко В.А. Россия и Китай: взаимодействие в сфере электроэнергетики 132

Аргылов Н.А., Меньшиков П.В., Шоботенко А.В. Функционирование политической коммуникации в КНР и США в условиях пандемии COVID-19 144

Тарантул Р.В. Пограничные пункты пропуска как инструмент Китая по укреплению экономического и политического сотрудничества с Северной Кореей. Часть 2 156

КЛУБ ИВИ

Дыбовский А.С, Быконя А.Д., Ерошкина А.Н.,
Карелина В.В., Киба Р.Ю., Колганов А.Н.,
Красюченко И.А., Пичугина А.А., Румянцев К.Д.,
Русейшвили Л.Г., Степанов В.Р., Шевчук А.А.,
Юсупов В.А. К публикации студенческих
переводов стихотворений японской писательницы,
переводчицы и поэтессы М. Тавара 172

Подписка на журнал принимается во всех почтовых отделениях. Информацию о стоимости и условиях подписки Вы можете найти в Объединенном каталоге "Пресса России" (Том 1. Газеты и журналы).

Подписной индекс журнала: 42398.

Сайт издания: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_regional_and_international_studies/edition/
или <http://bit.ly/1g20Qsu>

Электронная почта: izvestyavi@yandex.ru

Почтовый адрес редакции: 690950 г. Владивосток, ул. Суханова, д. 8,
редакция журнала «Известия Восточного института»

Фактический адрес редакции: г. Владивосток, о. Русский, кампус ДВФУ, корпус D (20), каб. D620.

Тел.: 8 (423) 223-00-21

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Качество печати иллюстраций соответствует качеству присланных авторами графических файлов.

© Авторы, Дальневосточный федеральный университет, 2022

ORIENTAL INSTITUTE JOURNAL

№ 1 (53) • 2022

Academic quarterly

Founded in 1900

Resumed in 1994

ISSN 2542-1611

DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1

CONTENTS

ROUND TABLE

- Dem'yanenko A.N., Klitsenko M.V., Totonova E.E.,
Ukrainskij V.N., Chernov V.A., Chimitdorzhiev Zh.Zh.
Touristic Researches: Russian case 11

HISTORY

- Podmaskin V.V. Folk knowledge of the Chukchi 27
- Breslavets T.I., Kuzhel' Yu.L. Kamakura Sculpture
in Temples and Museums 38
- Kukharenko N.V. Peculiarities of Anti-Chinese
Immigration Legislation in the United States
(mid-XIX – mid-XX centuries) 48
- Zuenko I.Yu., Seltser D.G. Cadres Decide Everything:
Reform of Cadre System in China in late 1980s –
early 1990s 58
- Kozlov L.E. South Korean Historical Science
on the Northeast Project of the PRC 70
- Volkova E.S., Kovalevskaya Yu.N. Ruins
in the Post-Soviet Far East: "Creative Destruction"
or "Slow Violence"? 78

LINGUISTICS

- Dreyzis Y.A. Acoustic Dimension Textualization
Techniques in Chinese Poetry of the 1950s
through 1970s 91

POLITICS

- Kudayarov U.B. Chinese transnational corporations
participation in the implementation of the Digital
Silk Road initiative on the example
of Central Asian countries 99
- Dmitrieva M.O., Davydov Z.V. Crisis in Kazakhstan:
preliminary results, analysis of causes, reactions
of foreign partners 112
- Lukin A.I., Li Yonghui, Kejdun I.B. The current state
and prospects of the Russia-China bilateral
cooperation in the Arctic 123
- Denisenko V.A. Russia and China: cooperation
in the electric power sector 132
- Argylov N.A., Men'shikov P.V., SHobotenko A.V. The
functioning of political communication in the PRC
and the United States in the context of the COVID-19
pandemic 144
- Tarantul R.V. Border checkpoints as a Chinese
instrument for strengthening economic and political
cooperation with North Korea. Part 2 156

ORIENTAL
INSTITUTE
JOURNAL

IVI CLUB

Dybovskij A.S, Bykonya A.D., Eroshkina A.N.,
Karelina V.V., Kiba R.YU., Kolganov A.N.,
Krazyuchenko I.A., Pichugina A.A., Rummyantsev K.D.,
Rusejshvili L.G., Stepanov V.R., Shevchuk A.A.,
Yusupov V.A. On the publication of student's
translations of poetry of a Japanese writer,
translator and poet M. Tawara 172

Subscription is available only in Russia, but everyone has free access to the web version of OIJ.
The journal's subscription index is 42398.
Web: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_regional_and_international_studies/edition/Oriental_Institute_Journal/
E-mail: izvestyavi@yandex.ru
Editorial office post address: 8, Sukhanova st., Vladivostok, 690950, Russia.
Editorial office location: room D620, building D, FEFU Campus, Russky Isl., Vladivostok, Russia.
Tel.: +7 423 223-00-21

The viewpoints expressed in OIJ are those of the authors and contributors,
and do not necessarily reflect those of the editorial board.
The quality of printed illustrations corresponds to the quality of graphic files sent by the authors.

© Authors, Far Eastern Federal University, 2022

Круглый стол
УДК 316.3+379.85
DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/11-26

Туристические исследования: российский кейс

Александр Николаевич ДЕМЬЯНЕНКО

Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия, demyanenko@ecrin.ru

Максим Вадимович КЛИЦЕНКО

Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, 007756@pnu.edu.ru

Елена Егоровна ТОТОНОВА

Северо-восточный федеральный университет им М.К. Амосова, Якутск, Россия, elena.totonova@mail.ru

Вадим Николаевич УКРАИНСКИЙ

Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия, ukrainsky@ecrin.ru

Владислав Афиногенович ЧЕРНОВ

Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, vl.af.chernov@mail.ru

Жан Жанович ЧИМИТДОРЖИЕВ

Дальневосточный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Хабаровск, Россия, jeanjean@mail.ru

Аннотация. В Высшей школе медиа, коммуникаций и сервиса Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск) 29 октября 2021 года был проведен семинар "Туристические исследования: российский кейс". Участие в семинаре приняли как сотрудники ТОГУ, так и представители других университетов и научно-исследовательских организаций. Круг, обсуждаемых вопросов касался как состояния российских туристических исследований, так и проблем развития туризма на северных территориях и в Дальневосточном макрорегионе.

Ключевые слова: туризм, туристические исследования, северный туризм, туристические потоки, Дальний Восток, АТР

Для цитирования: Демьяненко А.Н., Клиценко М.В., Тотонова Е.Е., Украинский В.Н., Чернов В.А., Чимитдоржиев Ж.Ж. Туристические исследования: российский кейс // Известия Восточного института. 2022. № 1. С. 11–26. DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/11-26

Round table
DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/11-26

Touristic Researches: Russian case

Aleksander N. DEMYANENKO

Institute of Economic Research FEB RAS, Khabarovsk, Russia, demyanenko@ecrin.ru

Maksim V. KLITSENKO

Pacific National University, Khabarovsk, Russia, 007756@pnu.edu.ru

Elena E. TONONOVA

North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, Yakutsk, Russia, elena.totonova@mail.ru

Vadim N. UKRAINSKY

Institute of Economic Research FEB RAS, Khabarovsk, Russia, ukrainsky@ecrin.ru

Vladislav A. CHERNOV

Pacific National University, Khabarovsk, Russia, vl.af.chernov@mail.ru

Zhan Z. CHIMITDORZHIEV

Far East Institute of Management RANEPА – The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Khabarovsk, Russia, jeanjean@mail.ru

Abstract. On October 29th., 2021, the Higher School of Media, Communication and Service, Pacific National University conducted a theoretical workshop under the theme "Touristic Researches: Russian case". The workshop was attended by both PNU colleagues and scholars from other universities and research organizations. The key questions were discussed about Russian touristic researches and tourism development in north territory and Far eastern macro region.

Keywords: tourism, touristic researches, north tourism, tourist flows, Far East, APR

For citation: Dem'yanenko A.N., Klitsenko M.V., Totonova E.E., Ukrainskij V.N., Chernov V.A., Chimitdorzhiev Zh.Zh. Touristic Researches: Russian case // Oriental Institute Journal. 2022. № 1. P. 11–26. DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/11-26

С недавних пор "туризм" стал необычайно популярным явлением, причем не только, а возможно, и не столько в научном сообществе, сколько в сфере государственного управления. Трудно найти российский регион, который бы не имел своей программы (стратегии и т.п.) развития туризма. Более того, "туризм" стал явлением повседневной жизни миллионов россиян.

И тем не менее несмотря на всё вышесказанное, уровень изученности туризма оставляет желать лучшего, как в теоретическом, так и в прикладном отношении. Естественно, участники круглого стола вовсе не ставили себе целью ответить на все вопросы; мы преследовали иную цель, а именно: обменяться мнениями относительно того, что есть "туризм" и "туристические исследования" в контексте современных российских реалий. При этом уже в силу проживания участников круглого стола на Дальнем Востоке, который, как известно, обширен и разнообразен, мы посчитали целесообразным остановиться особо на анализе состояния туризма в регионе, в том числе в его северных районах.

Туризм как социальный феномен и как область научных исследований.

Демьяненко А.Н.: Для начала следует определиться с исходными понятиями: "туризм", "рекреация" и "досуг", "туристические исследования". Меня интересуют прежде всего два из них: "туризм" и "туристические исследования". Начну с "туризма". Я не знаю определения туризма, которое бы устраивало всех. Ещё в далеком 1988 году в обзоре Уильямса и Шоу мы находим замечательную сентенцию: "определение туризма пустое занятие" [23, с.2]. И тому можно найти немало причин – и высокий уровень сложности и изменчивости туризма как социального феномена, и отсутствие сколько-нибудь внятных теоретических оснований, и прочее, и прочее.

Тем не менее никуда не деться от того, что потребность в определении туризма "критически важна". Значимость прояснения того, что есть "туризм", обусловлена потребностью не только в выявлении воздействия туризма на экономику страны, региона, города, что важно само по себе, но и в учете социальных, экологических и политических последствий туристической деятельности.

И здесь, наверное, есть смысл обратиться к уже ставшей классической работе Джона Урри и Йонаса Ларсена [22], название которой можно перевести как "Туристический осмотр 3.0". По мнению этих исследователей, существует минимальный набор характеристик, позволяющих описать феномен туризма.

Итак, во-первых, туризм есть деятельность в свободное от работы время. То есть, туризм, это – одно из проявлений того, что работа и досуг организованы как отдельные сферы социальных практик. Во-вторых, туризм предполагает перемещение людей из мест постоянного проживания в различные дестинации, то есть места осмотра. В-третьих, поездка и проживание вне обычных мест проживания и работы имеют краткосрочный и временный характер. В-четвертых, места осмотра не связаны с получением заработка и обычно предлагают контраст с местами постоянного проживания, то есть от мест, выбираемых для осмотра, ожидают, что они, будь-то природные пейзажи или городские ландшафты, удовлетворяют желания, которые несвойственны повседневной жизни [22].

Итак, быть туристом – это одна из характерных черт современного общества, в том числе и российского. Туризм – крайне сложный социальный феномен. Только один аспект этой сложности – немыслимое количество самых разных видов туризма. Каких только видов туризма не бывает: медицинский, событийный, деловой, образовательный, гастрономический, культуральный и дальше по списку.

Чернов В.А.: Насчет видов туризма и их классификации – это отдельная тема. Всемирная туристическая организация (WTO) насчитывает больше 200 видов туризма. И уж коль мы вспомнили медицинский туризм, то как не упомянуть о такой экзотической разновидности туризма, как туризм суицидальный?

Чимитдоржиев Ж.Ж.: Все-таки о медицинском туризме и его роли в оздоровлении населения нельзя ли поподробнее?

Демьяненко А.Н.: Я здесь вынужден обратиться к истории вопроса. Сюжет этот достаточно подробно освещен в уже упоминавшейся монографии Урри и Лар-

сена, поэтому буду предельно краток. И так, вначале нужно было, чтобы появилось свободное время у достаточно больших социальных групп. Далее в общественном сознании в таких странах, как Великобритания, США, Германия и некоторых других, сложилось понимание того, что пешие прогулки, а затем и велосипедные, альпинизм, отдых на морском побережье являются средством оздоровления.

Примерно в это же время появляется и медицинский туризм, который в российской традиции известен как "поездки на воды".

Украинский В.Н.: Конечно, тогда медицинский туризм как термин не использовался, но "поездки на воды" были распространенным явлением. То есть явление имело место, но его научного осмысления еще не было. Иначе говоря, туризм развивается быстрее, чем наука о туризме.

Чернов В.А.: Если уж мы коснулись российского туризма, то можно вспомнить об ЕГЭ туризме, который одно время существовал в некоторых республиках Северного Кавказа.

Демьяненко А.Н.: Мы можем еще долго перечислять самые удивительные виды туризма, в том числе и те, которые имеют место в нашем отечестве. Но я предлагаю все-таки подвести некоторые итоги. Полагаю, что нет смысла тратить усилия на поиск классификации туризма, которая бы имела универсальный характер, то есть была бы пригодна на все случаи жизни. Классификация должна быть, во-первых, под вполне определенную цель, причем не важно, идет речь о теоретическом исследовании или об исследовании, ориентированном на решение сугубо практических задач.

Во-вторых, наверное, здесь будет уместно вспомнить Д. Макканела и его ставшей давно известной (но не в нашем отечестве, к сожалению) классической работе "Турист", в которой он отмечает, что "Туризм – это экономика ...но также это культура и история" [2, с.235]. То, что туризм – это отрасль экономики, помнят, а то, что это ещё культура и история, нередко забывают.

Украинский В.Н.: Позвольте несколько слов относительно сложности понимания туризма. Сложность с пониманием туризма как многоаспектного социального феномена частично объясняется тем, что этот феномен "погружён" в ещё более сложный феномен под названием "досуг": "До восемнадцатого века путешествия совершались по разным причинам – поиски еды, исследования и приключения, торговля, религиозные ритуалы, но досуг *обычно* не был основной мотивацией. В отличие от этого современный туризм ... связан прежде всего с использованием свободного времени в погоне за удовольствием" [24, с. 2].

Роль досуга в жизни современного человека, многообразие форм досуга (рекреация и отдых – лишь часть, и далеко не всегда самая значимая, досуговых практик) порождают проблемы, связанные с постижением данного феномена. Как отмечает Д. Харрис, "досуг – это не предмет с согласованными или фиксированными границами, а предмет, который в разное время фокусируется на разных темах и разных концепциях" [13, с.1]. Затрагивая проблему чрезвычайной сложности феномена досуга, Д. Мерсер привел следующий пассаж: "Один разочарованный социолог утверждал, что попытка концептуализировать и проанализировать поведение, связанное с досугом, походила на попытку схватить медузу голыми руками" [15, с.124]. С такой меткой метафорой трудно не согласиться.

Возвращаясь к вопросу определения сути собственно туризма в связи с досуговой проблематикой, нужно отметить, что сфера досуга не поглощает туризм полностью по причине существования такого значимого сегмента, как деловой туризм. Впрочем, последний крайне сложно отделить от досуга жесткой границей, поскольку многие путешествующие "по служебной необходимости" так или иначе "вынуждены" организовывать своё свободное время. Что служит ещё одним свидетельством размытости границ рассматриваемых феноменов.

Сложностей туристическим исследованиям добавляет и то, что из-за пресловутой многогранности туризма в фокус могут попадать лишь отдельные аспекты этого феномена, что может уводить в тень другие, не менее важные моменты. Например, Г. Данн отмечает излишнюю сосредоточенность, на его взгляд, известных

исследователей на "внешних" по отношению к туристу моментах (в частности, достопримечательностях) в ущерб изучению той информации о порождающем обществе, носителем которой выступает турист [8, с.6]. Другими словами, важно не попасть в ловушку искусственно зауженного предмета исследования.

Демьяненко А.Н.: Я все-таки попробую продолжить. По-моему, особо следует отметить, что есть ещё одна российская особенность – завышенные ожидания относительно туризма, как драйвера регионального социально-экономического развития. Показательно, что в Стратегии пространственного развития РФ в подавляющем большинстве регионов "туризм" рассматривается как "эффективная специализация". Иначе говоря, как отрасль специализации.

Украинский В.Н.: Я бы добавил, что в каждом субъекте РФ среди "эффективных специализаций" ещё присутствует и раздел "прочие", в котором, скорее всего, есть место и для "туризма".

Российские туристические исследования: общее и специфическое.

Демьяненко А.Н.: Мы плавно переходим ко второму вопросу.

Клиценко М.В.: Туристические исследования сегодня – это миф. Туризм как область научных знаний не сформировалась окончательно, а вернее будет сказать, что этот процесс активно ведется именно в наше время. При этом формирование нового знания ведется с разных сторон: этим занимаются экономисты, антропологи, географы, социологи, психологи и многие другие. Следовательно, для изучения применяются соответствующие методы: географические, социологические, маркетинговые, антропологические и так далее. Основная и центральная проблема заключается в том, что результаты этих частных исследований трудно поддаются синтезу в общее понимание туризма.

На примере изучения дестинации полученные результаты исследований так или иначе не будут отражать полную картину развития туризма. Сумма частных исследований туризма в конкретной дестинации не приведет к целостному пониманию туризма. Не беремся сказать, что это происходит повсеместно, но для российской практики это вполне закономерный процесс. Специфика развития туризма во многом зависит от того, кто занимается его развитием: экономист, социолог или географ.

Как представляется, основанием для разработки туристических исследований является уточнение понятийного аппарата. Прежде чем говорить о методах и методологии, необходимо иметь четкое представление об объекте исследования. При этом для российской практики необходимо отказаться от слепого следования ФЗ №132 "Об основах туристской деятельности в Российской Федерации", чтобы объект исследования стал более ясным. Для российской науки по непонятным причинам, термины (а не понятия) "туризм", "турист", "туристская деятельность" и многие другие являются однозначными и не подвергаются критике, что существенно ограничивает потенциал исследований.

Демьяненко А.Н.: Что касается "туристических исследований", то я не сторонник той точки зрения, что это – миф. Хотя трудно не согласиться с тем, что туристические исследования, если под таковыми понимать только исследования туризма, имеющие междисциплинарный характер, большая редкость, особенно в нашем отечестве. Впрочем, не только в нашем. Причин тому много, и среди прочих то, что туристические исследования имеют совсем недолгую историю по сравнению, скажем, с исследованиями в области экономики, истории и социологии. Начало туристических исследований приходится на XIX век, но только с 1960-х годов они приобретают массовый характер, появляются первые специализированные журналы, обычными становятся научные (в том числе международные) конференции, посвященные проблемам изучения туризма. В конечном счете, в настоящее время можно говорить об институционализации туристических исследований в академическом смысле.

Тем не менее можно констатировать: большая часть исследований все-таки вписана в дисциплинарные рамки, точнее, в рамки субдисциплин: экономика туризма, социология туризма, антропология туризма, наконец, география туризма.

Причем основная их часть имеет непосредственное отношение к маркетингу и менеджменту в сфере туризма, то есть имеет место редукция, когда сложный социальный феномен, каковым, несомненно, является туризм, сводится к одной (хотя и весьма специфической) отрасли. Более того, существует доминирование, скажем так, производственно ориентированного подхода, который полезен в сравнительных экономических исследованиях и при оценке влияния туризма на экономики города, района или страны в целом. Но этот подход мало что дает, если мы хотим понять, каким образом происходит потребление туристических продуктов. К тому же производственно ориентированный подход не предполагает учета социальных, экологических и политических последствий туризма.

Кстати, и в этом случае остается опасность того, что усилия исследователей по концептуализации туристических исследований окажутся малопродуктивными, если им не удастся выйти за рамки "узкого экономизма".

И здесь будет уместным привести цитату весьма уважаемого источника: "... вряд ли туристские исследования могут опираться на единственную доминирующую парадигму или дисциплину" [12, с.14]. То есть, если признаем, что туризм сложный, может быть сверхсложный феномен, то и исследование одного предполагает множественность теоретических оснований.

Украинский В.Н.: По всей видимости, здесь корректнее вести речь о синтетической научной/учебной дисциплине, аналогом которой может выступать, например, маркетинг. Последний с успехом взял на вооружение концепции и исследовательские методики экономики, психологии, социологии и других наук, придав им свою, "рыночную" направленность.

Потребность в налаживании междисциплинарных связей была достаточно быстро (буквально в самом начале подъема массового туризма, произошедшего после Второй мировой войны) осознана специалистами: в 1959 г. на X конгрессе Международной ассоциации научных экспертов в области туризма (Association internationale d'experts scientifiques du tourisme, AIAEST) проблема методов, объединяющая специалистов разных социальных наук (географов, экономистов, психологов, социологов), была выведена на первый план [9, с.129]. Вероятность совершить серьезные прогностические ошибки обуславливает необходимость "сопоставлять экономические факторы с культурными и психологическими" [9, с.134].

Чернов В.А.: Ещё несколько реплик. Во-первых, в советское время за туризмом признавалась социальная функция. Сейчас мы ушли от нее, быстро скакнув в экономику. Мы утратили связь между экономической и социальной функциями туризма.

И во-вторых, в 1928 году, в газете "Правда" сообщается, что американцы приезжают в Европу, и они европейцам говорят о том, что ваши деньги не нужны. Они приезжают, и европейцы им услуживают. И это – очень плохо: они как господа, а те прислужники.

Демьяненко А.Н.: Несколько лет назад я имел возможность присутствовать на общественных слушаниях, на которых обсуждались перспективы развития туризма. Так вот там имел место глас народа (привожу, естественно, по памяти): "Вы хотите, чтобы мои дети прислуживали китайцам? Мне этого не надо. Уберите свой туризм".

Показательно, что и за пределами нашего отечества не всё так просто с туризмом. Позволю себе одну цитату из работы Стефана Смита: "Даже сегодня, некоторые люди сохраняют различие между их собственными действиями как "путешествие" (которое они оценивают как "хорошо") и массой "туристов" (которую они оценивают как "плохо")" [20, с.126].

Чернов В.А.: В 2017 году я проводил исследование туристических потоков в Хабаровске. Что мы получили? Во-первых, выяснилось, что на турфирмы (по которым идет обычно учет туристических прибытий) приходится только каждый седьмой посетитель Хабаровска. А, во-вторых, очень много категорий туристов никак не учитываются органами государственной статистики.

Тотонова Е.Е.: Сходная ситуация была выявлена нами и в ходе полевых исследований в Кобяйском улусе Республики Саха. Когда выяснилось, что официально туристов 200 человек, а на самом деле 500, если не больше. То есть можно предположить, что значительная, если только не большая часть туристического потока, это – теневой сектор.

Демьяненко А.Н.: Наверное, можно предположить, что значительная часть туристической деятельности находится в сфере неформальной экономики. Именно неформальной, а не криминальной. По мнению наших зарубежных коллег, неформальная (то есть ненаблюдаемая официальной статистикой) туристическая деятельность – объект, достойный внимания. Если, как отмечает Э. Бейкер, "VFR путешествия являются той областью исследований, которой пренебрегали последнее десятилетие" [7, с.61], то для большей части российских коллег такой проблемы всё ещё попросту нет.

Похожая ситуация в отечественных туристических исследованиях сложилась и в отношении взаимоотношений между туризмом и местными сообществами. Можете ли представить ситуацию у нас в России, чтобы кто-то всерьез интересовался мнением этого местного сообщества по поводу того, надо ли развивать туризм или не надо, на той или иной конкретной территории. Сам по себе вопрос – надо или не надо – у нас не стоит. Надо! Потому что у нас все считают, что туризм как "волшебная палочка": раз! – и всё будет хорошо.

Чимитдоржиев Ж.Ж.: Полагаю, что не всё так плохо в этой сфере. Мне кажется, что в России всё-таки пошел процесс обращения к местным комьюнити, особенно коренных народов.

Демьяненко А.Н.: Возникает другой вопрос. Что это комьюнити может, кроме как высказать свое мнение?

Тотонова Е.Е.: А Сикачи-Алян? Если не уходить далеко.

Чернов В.А.: По Сикачи-Алян: первая попытка, предпринятая на рубеже веков, фирмой "Вэлком" оказалась неудачной. Причина: не смогли найти в селе никого из нанайцев, желающих поработать, потому что они не желали "русским прислуживать". А ещё были и такие суждения: "вы пользуетесь нашими камнями для того, чтобы туристов привезти". Комьюнити не всегда знает и понимает.

Демьяненко А.Н.: Да, местное сообщество может принять неправильное решение, но это решение комьюнити, и это решение следует учитывать при формировании бизнес-проектов, равно, как и мер по государственной поддержке туризма. Ведь в той же Канаде местные сообщества для разработки локальных стратегий развития туризма привлекают экспертов, которые и осуществляют исследования мест на предмет выявления их развития как туристских дестинаций. И первый вопрос, на который они ищут ответ: принимает ли сообщество туризм как вид деятельности или не принимает. Случай с Сикачи-Алян показателен в том отношении, что демонстрирует невнимание отечественных предпринимателей к социальной среде. В результате, даже самая эффективная в экономическом плане идея, заканчивается провалом. То есть если в Канаде и не только в Канаде, туристические исследования – нечто обычное и для бизнеса, и для местных сообществ, не говоря уже об органах государственного управления, то для российских реалий это всё ещё экзотика.

Чимитдоржиев Ж.Ж.: Коллеги, у меня такой вопрос по поводу социальной среды, в которую пытается войти бизнес. Нам рассказали про Сикачи-Алян, где местное население не собирается прислуживать, выступать клоунами перед туристами. Тогда вопрос: почему в других дестинациях у нас есть этнографические деревни? В той же Бурятии, туда привозят туристов, кормят бузами, выступают своего рода артистами, лицедеями, клоунами.

Чернов В.А.: Скорее всего, успех или неуспех туризма как бизнеса в малых сообществах зависит от того, насколько вовлечено местное население в туристический бизнес. Можно предположить, что в Бурятии это в той или иной форме удалось. Но, есть немало случаев на просторах Дальнего Востока, когда этого до-

биться не удалось, и немалые, как правило, бюджетные вложения не привели к ожидаемому результату.

Кстати, сегодня в Сикачи-Алян, ситуация с туризмом явно улучшилась и скорее всего потому, что в бизнес оказались вовлечёнными местные предприниматели. А так как они свои, то и нет как минимум отторжения у местного сообщества.

Демьяненко А.Н.: Итак, все готовы развивать туризм, но вдруг выясняется, что это не только отрасль, но и много чего помимо экономики. Тогда нужно определиться с тем, что такое дестинация, а это не только место, начиненное туристскими аттракторами, но ещё и культурный ландшафт, и в него вписаны сообщества, которые не прочь сохранить и свою идентичность, и природную среду. Вопрос заключается в том, чтобы вписать туризм в стратегию развития той или иной территориальной социально-экономической системы. А это предполагает, что необходима координация не только усилий специалистов различных специальностей, но и координация между исследователями, с одной стороны, органами власти – с другой, и, наконец, местным сообществом – с третьей.

Чимитдоржиев Ж.Ж.: А кто координировать всё это будет? Вы говорите: требуется координация, значит должен быть начальник, координатор?

Демьяненко А.Н.: Я думаю, что одного координатора в принципе быть не может. Как не может быть и одного "заказчика" на проведение туристических исследований; в качестве таковых выступают одновременно и властные структуры, и бизнес-сообщество, и местные сообщества. Естественно, в каждом конкретном случае степень их вовлеченности в туристические исследования будет разной.

Чимитдоржиев Ж.Ж.: Вы имеете в виду, что должен быть сформирован коллегиальный орган, который будет координировать взаимодействие всех заинтересованных сторон?

Демьяненко А.Н.: Скорее всего, так.

Украинский В.Н.: Если вспомнить о менеджменте, то для такого коллегиального органа напрашивается матричная организационная структура.

Чернов В.А.: Вопрос к власти, и кто тут главный. Начнем с того, что власть зачастую вообще не понимает, что такое туризм, она его просто не видит. Транспорт, рестораны, гостиницы, музеи и иные культурные учреждения – видит, а туризм – не видит.

Клиценко М.В.: В продолжение относительно непонимания природы туризма со стороны местных властей и туристических исследований. Есть госзаказ на якобы исследование туризма в городе, но, по сути, это – некий скрипт того, что уже заложено в соответствующей стратегии. И всё исследование в конечном счете должно подтвердить основные положения стратегии. Наверное, это российская особенность – сначала стратегия, а затем – исследование. И два слова относительно стейкхолдеров. Как известно, есть такая процедура, как общественные слушания, на которые приглашаются и представители общественных организаций, то есть представители бизнеса и местных сообществ. Так вот в кулуарах у них обсуждался один вопрос: а мы зачем вам нужны?

Демьяненко А.Н.: Я понимаю, что у каждого из нас есть опыт взаимодействия с органами власти и представителями, и опыт этот не всегда вызывает чувство удовлетворения от такого рода взаимодействий. Но, коллеги, вернемся к заявленной теме.

Чернов В.А.: Если продолжить обмен мнениями по современным туристским исследованиям, то следует обратить внимание на радикальные изменения в методах сбора и обработки информации. Если раньше мы говорили об анкетах, интервью и т.п., то сегодня используются цифровые технологии, Big Data и т.д. и т.п. Сегодня можно посчитать каждого туриста.

Демьяненко А.Н.: Посчитать, наверное, можно. Но, во-первых, зачем, а, во-вторых, каковы будут затраты?

Впрочем, есть тут еще одна проблема. Кто сказал, что Big Data, как и статистические органы, работают с целью удовлетворить наши исследовательские интересы?

И самое последнее относительно туристических исследований в РФ: это проблема адаптации к нашим реалиям теоретических концепций и аналитических инструментов, пришедших из-за пределов нашего отечества. Увы, но нередко имеет место ситуация, когда мы перенимаем, скажем, так "зарубежный опыт" наспех, не соотнося его с тем социальным контекстом (который, кстати, крайне разнообразен), который присущ современной России.

География туризма или географии туризма?

Демьяненко А.Н.: Попробую, предельно кратко показать проблемы переноса идей и инструментов в туристических исследованиях из-за пределов нашего отечества на российскую почву, взяв в качестве своеобразного объекта наблюдения отечественную географию туризма. Но прежде сделаю одну оговорку: современные российские исследования до настоящего времени находятся под сильным влиянием советской географии туризма. И это обстоятельство следует иметь в виду, когда мы пытаемся анализировать влияние "импортных" теорий и инструментов на современную российскую географию туризма.

Начнем с того, что российская география туризма весьма отлична от зарубежной (прежде всего англо-саксонской), скажем так, по объекту исследования. Если для отечественной географии всё ещё актуальным является "туристско-рекреационный комплекс" в самых различных формах и модификациях, то зарубежные коллеги предпочитают исследовать туризм, как вполне самодостаточный объект исследования.

Что же касается зарубежных влияний, то здесь трудно пройти мимо повального увлечения "туристскими кластерами". Судя по всему, здесь имеет место реинкарнация советской модели: есть решение центральной власти, согласно которому без кластеров никак нельзя развивать туризм, и вот мы уже имеем публикации, авторы которых обнаружили таковые в Энской губернии, да что там, в губернии, - в селе Пупкино.

Тотонова Е.Е.: Из своего опыта. В ходе обсуждения диссертации мне часто повторяли: нужны современные методы исследований. И, честно, я искала. С зарубежного опыта начала, с поиска туристических кластеров в северной Канаде, целый год искала, не нашла. Канадцы мне сказали: в Канаде кластеров нет на севере, не ищите их, там их нет. А мнение французских географов можно суммировать следующим образом: успокойтесь, пожалуйста, во Франции кластеров нет.

Демьяненко А.Н.: Второе отличие имеет скорее инструментальный (хотя вполне возможно отчасти и методологический) характер. В отличие от российских географов, зарубежные географы широко используют инструментарий не только экономического анализа, что вполне ожидаемо, но и социологии, культурологии, этнографии и антропологии. Конечно, есть и отечественные исследователи, которым не чужды такие подходы. Но все-таки они – исключение. Возможная причина – такого рода методики, как правило, предполагают полевые исследования, а они, в свою очередь, требуют не только финансирования, но и времени и что самое главное – профессиональное владение исследовательскими техниками, которым отечественных географов не учат.

Третье отличие (здесь российские исследователи близки к географам из стран Центральной и Восточной Европы) заключается в том, что зарубежные географы (за редким исключением) не пытаются подменить ни специалистов в области маркетинга и менеджмента, ни специалистов в сфере государственного и регионального управления. Показательно, что за последние два десятилетия произошла любопытная трансформация названий географических кафедр: в них появился "туризм". Возможно, это желание привлечь студентов, а следовательно, дополнительные ресурсы?

Но, какими бы специфическими чертами не обладала отечественная география туризма, российские географы, как и их зарубежные коллеги, стоят перед одной общей проблемой: формирование такой методологической платформы, которая обеспечила бы междисциплинарный синтез в исследовании пространственной организации туризма.

При этом следует иметь в виду, что излишний оптимизм относительно места и роли географии туризма в структуре географического знания, вряд ли уместен и обоснован. Что же касается интеграционной роли географии туризма, то следует признать: нахождение этой субдисциплины на "перекрестке", вовсе не есть свидетельство того, что она в настоящее время играет роль интегратора географической науки.

Скорее всего, мы имеем дело с тенденцией, которую можно обозначить как движение от "географии туризма к географиям туризма".

Северный туризм в России и за рубежом.

Демьяненко А.Н.: "Северный туризм" – не совсем привычный термин для тех, кто в той или иной мере связан с туризмом. Даже среди участников нашего семинара есть те, кто скептически относится к "Северному туризму". Не так ли, Максим Вадимович?

Клиценко М.В.: Сама концепция северного туризма не совсем ясна. Как известно, виды туризма могут подразделяться по различным основаниям. Например, по целям деятельности можно выделить культурно-познавательный, религиозный, оздоровительный, событийный, деловой и другие. По специфике способов передвижения: пешеходный, водный, лыжный и так далее. По уровню организации: индивидуальный или массовый. По направлению туристских потоков: внутренний, въездной, выездной. По принципу оплаты: коммерческий или социальный. Оснований разделения видов туризма достаточно (что характерно для российской науки, стремящейся стандартизировать и унифицировать абсолютно всё), но не представляется ни одного основания, чтобы выделить северный туризм. Что он из себя представляет, и в чем заключается необходимость идентификации такого вида туризма, не совсем ясно. Следовательно, помимо северного туризма должны существовать южный, западный и восточный виды туризма. Отметим также, что если север в данном контексте используется как природная (географическая) зона, то речь идет не о северном туризме, а о специфике организации туристической деятельности в зоне Арктики и Субарктики. Тогда используемая классификация туризма, о которой говорилось ранее, не теряет своей актуальности.

Демьяненко А.Н.: Попробую прояснить этот вопрос, прежде чем предать слово Елене Егоровне, которая не один год занимается сравнительными исследованиями туризма на российских и канадских "северах".

Итак, начнем с того, что констатируем: северный туризм, который всё чаще рассматривают как часть "полярного туризма", трудно поддается определению. Тем не менее определение границ Севера (или точнее северов) в общем и целом, имеет не только познавательное, но и практическое значение, так как определяет границы территории с особыми режимами, в том числе и в сфере туризма.

Теперь несколько слов относительно того, что "северный туризм", это крайне незначительный сегмент туристического рынка. Удивительно, но факт: прогноз Л.-Э. Амлена полувековой давности, согласно которому туристический поток на Север вряд ли превысит 1% от общего числа прибытий, оправдался. Поэтому во все не удивительно, что "северный туризм" не самая популярная тема в туристических исследованиях. Тем не менее не стоит отрицать, вполне определенный исследовательский интерес к туризму на Севере. Наверное, здесь нужно упомянуть работы К. М. Холла, Д. Мюллера, Я. Сааринена, В. Стоунхауза, Д. Снейдера [11; 16, 17; 18; 21], что же касается работ по туризму на Севере Канады, то отчасти они приведены в нашей совместной с В.Н. Украинским и Е.Е. Тотоновой статье в Известиях РГО [1].

Что следует из ознакомления с результатами зарубежных исследований туризма в северных регионах? Туризм – не панацея от всех бед. Он действительно может быть драйвером развития для локальных сообществ, но, чтобы определиться с локальностями, которые могут рассматриваться как туристические дестинации, необходимы помимо всего прочего достаточно длительные и систематические исследования.

К сожалению, для российского Севера туризм не стал объектом всесторонних исследований. Более того, существуют удивительные суждения относительно того, что "этнографический", "аборигенный", "культурно-просветительский" и т.п. виды туризма не требуют значительных инвестиций. На самом деле туризм на севере – дело, требующее больших затрат, прежде всего, на инфраструктуру.

Украинский В.Н.: Во-вторых, несмотря на удаленность, многие современные аборигены, уже совсем не те аборигены, которые были. Они уже давно забыли традиции. Поэтому, если приезжий хочет увидеть что-то очень традиционное, ему это надо в Якутске покупать в магазине. Это нужно специально создавать, а в обычной жизни того же самого аборигена очень много уже другого.

Демьяненко А.Н.: Есть и ещё более экзотичные суждения: Камчатские экспедиции В. Беринга предлагают рассматривать как образец "научного туризма".

Но такого рода суждения – не самая большая проблема. Большую озабоченность вызывает желание рассматривать туризм на северах, как абсолютное благо, к тому же не требующее каких-либо существенных затрат, в том числе и на научные исследования.

Тотонова Е.Е.: Северный туризм представляет собой вид туризма, для которого характерны уникальные сочетания экстремальных природных условий и не менее уникальные уклады жизни коренного населения, составляющие, в конечном счете, ядро туристского продукта.

Проведенное автором исследование развития туризма северных территорий Канады и арктических районов Республики Саха (Якутия) [4; 5] позволяет говорить о сложности сравнительного анализа, обусловленной тем, что эти территории находятся на разных этапах развития туризма. В арктических районах Республики Саха (Якутия) развитие туризма находится на начальном этапе развития с преобладанием неорганизованных туристов, путешествующих самостоятельно.

Напротив, в Канаде четко прослеживается развитие сетевого взаимодействия между крупными туроператорами, региональными турфирмами и местным населением.

Анализ развития северных территорий Канады показывает, что для успешного развития туристской индустрии необходимы организация научных исследований территории, создание институтов самоуправления и выделение дифференцированных инвестиций в развитие не туризма "вообще", а конкретных сообществ. Эффективность такого подхода объясняется тем, что северные территории отличаются друг от друга не только по уровню социально-экономического развития, но и по степени привлекательности отдельных дестинаций, а также их доступности.

Таким образом, развитие туризма в арктических районах Республики Саха (Якутия), как показывает опыт северных территорий Канады, может способствовать "легализации" существующего неформального туристского рынка посредством развития местного самоуправления, государственной поддержки и единой координационной политики управления туризмом, основанной на результатах научных исследованиях. При таком подходе развитие туризма в арктических районах Республики Саха (Якутия) может стать процессом нового освоения этих территорий с сопутствующим развитием технологий, коммуникаций, инфраструктуры, с повышением уровня профессиональной подготовки местного населения, развитием предпринимательства.

Демьяненко А.Н.: Я отдаю себе отчет в том, что концепция "северного туризма" далека от логической завершенности. И возражения М.В. Клиценко, несомненно, не беспочвенны. Но я склоняюсь к той точке зрения, что концепция "северного туризма", возможно, как часть "полярного туризма", имеет право на существование. Более того, я полагаю, что для России в целом и для Дальнего Востока в частности эта концепция заслуживает пристального внимания. Хотя бы по одной простой причине: российские и в том числе дальневосточные севера обширны и разнообразны.

Дальневосточный туризм: современное состояние и перспективы развития

Демьяненко А.Н.: Дальневосточный туризм, точнее, туризм на Дальнем Востоке объект, трудно поддающийся определению. Дело в том, что Дальний Восток, как и "Севера", очень разнообразен. И по этой причине мы имеем дело с многообразием пространственных форм организации туристической деятельности. И если есть какой-то системный объект, назовем его район, то только, пожалуй, побережье южного Приморья.

Чернов В.А.: Для иностранцев или для российских посетителей?

Демьяненко А.Н.: И для тех, и для других. И это особенность Приморской Ривьеры.

Чернов В.А.: Буквально на днях я имел встречу с представителем компании "Мир без границ", по мнению которого реальными аттракторами на Дальнем Востоке они видят вулканы Камчатки, морепродукты Сахалина и алмазы Якутии. Он сказал, что Хабаровск и Владивосток интересны, с одной стороны, как хабы, а с другой – объекты историко-культурного наследия.

Демьяненко А.Н.: Есть разные сегменты рынка туристических услуг, туристического продукта. Есть сегмент массового туризма. Массовый поток жителей юга Дальнего Востока в южное Приморье – факт неоспоримый. Счет идет на сотни тысяч, может, даже на миллион прибытий. Здесь это все присутствует. В то же время Владивосток, Хабаровск выступают в качестве аттракторов для международных туристов как хабы. Владивосток имеет определенные культурные и исторические ценности, с Хабаровском в этом отношении похуже.

Другой сегмент – это туристические продукты для высокодоходных групп населения. Есть, помимо всего прочего, природные экзоты, то есть природные ландшафты, которых больше нигде нет. К примеру, тукуланы, континентальные дюны, нигде их нет, только в Кобяйском улусе Якутии. Кто о них знает? Да, практически, никто. На Камчатке не только вулканы, но и Долина гейзеров, Кроноцкий заповедник и много чего еще. А еще есть Курилы, Шантарские острова и прочее.

Но имеющийся туристический потенциал – это не только уникальные природные ландшафты, но и уникальная культура аборигенов Дальнего Востока, памятники истории и культуры "пришлого" населения.

Однако Дальний Восток, обладая немалым потенциалом для развития как внутреннего, так и въездного туризма, далеко не самый востребованный туристами регион. Дело в том, что актуализация туристского потенциала сопряжена с целым рядом проблем. Они хорошо известны:

низкий уровень транспортной доступности и инфраструктурного обустройства большинства направлений;

- туристические продукты, предлагаемые местными операторами, мало востребованы рынком;

- отсутствуют системные меры по продвижению туристических продуктов и направлений на рынки других регионов РФ, а также сопредельных стран.

- Показательно, что при наличии многоводных рек и протяженной морской береговой линии отсутствует круизный туризм, столь популярный за рубежом, в том числе и в арктических водах.

Тотонова Е.Е.: Коллективные средства размещения являются важной частью инфраструктуры туризма. Поэтому, по моему мнению, определенный интерес могут представлять результаты анализа использования фонда коллективных средств размещения в Республике Саха (Якутия) за период с 2011 по 2018 год. Сразу отметим, что в рассматриваемом периоде имел место рост числа граждан, воспользовавшихся услугами средств размещения на территории Якутии на 28% процентов (в 2011 г. – 140 649 чел., в 2018 г. – 196 651 чел.).

Исходя из целей поездок в Якутию, за вышеуказанный период времени преобладающим видом являются **деловые поездки**, удельный вес которых варьировал в интервале от 51,1 (2017 г.) до 66,2% (2013 г.).

Среди размещенных в гостиницах с целью **личного характера** выделяются два вида наиболее популярных целей поездок. На первом месте – **отпуск, досуг и отдых** (20 814 чел. в 2011 г. и 67 053 чел. в 2018), на втором – **лечебные и оздоровительные процедуры** (далее ЛОП) (21 754 чел. в 2011г. и 16 803 чел. за 2018 г.). Нетрудно заметить, что имеет место разнонаправленная динамика.

Среди прочих выделяются поездки, связанные с получением услуг по **образованию и профессиональной подготовке** (далее ОПП). Данные по ОПП показывают стабильный рост за период 2011 г. (2 657 чел.) и 2018 г. (7 615 чел.).

При рассмотрении продолжительности пребывания можно заметить, что на первом месте стоит показатель **1-3 ночевки**, где за 2011 г. набралось 69 358 чел., а за 2018 г. 123 569 чел. Причем удельный вес именно этой группы имеет устойчивый опережающий рост по сравнению со всеми другими группами. Ожидаемо, что явно прослеживается зависимость: по мере увеличения сроков проживания в коллективных средствах размещения уменьшается численность посетителей. Проживание более месяца имеет единичный характер.

Демьяненко А.Н.: Цифры они и есть цифры. Что появилось нового в туристической индустрии Якутии?

Тотонова Е.Е.: Нового не так и много. Наверное, следует отметить, что в последние годы активизировались малые предприниматели, которые вновь открывают турбазы и строят гостевые дома. В республике в настоящее время более 40 таких объектов, которые принимают порядка 20 тыс. туристов. Причем это все главным образом в окрестностях Якутска.

Что же касается поездок за пределы республики, то тут ничего нового: Москва и область, Санкт-Петербург, Краснодарский край, Крым и Татарстан.

Хотя все-таки новое есть: растет поток граждан, путешествующих по России в формате самостоятельного туризма, в том числе на личном автотранспорте.

Чимитджиев Ж.Ж.: В рамках обозначенной программы, хочу высказаться по вопросу гастрономического туризма на Дальнем Востоке, который, по моему мнению, мог бы стать при определенных условиях, значимым турпродуктом для многих территорий региона.

В ходе своего исследования удалось определить исходные коды для строительства регионального гастрономического бренда.

Мы выделяем три основные этнические кухни, которые дают отправную площадку для строительства гастрономического бренда "Дальневосточная кухня". Современные туристы, несомненно, приветствуют местную кухню и всегда стремятся её продегустировать. Учитывая космополитизм вкусов, взращенный на почете глобализации, в региональном бренде, должны быть, представлены современные кулинарные технологии, которые позволят обеспечить эту сторону вопроса. В тоже время в дальневосточной кухне должны присутствовать различные истории из местной этнической кухни. Региональный гастрономический бренд может стать одним из аттракторов местных дестинаций.

Наши исследования показали, что ведущие региональные дестинации Дальнего Востока способны построить свои уникальные локальные бренды под зонтиком бренда "дальневосточная кухня". Местные ресурсы еще в состоянии обеспечить общественное питание необходимым количеством качественных локальных продуктов.

Естественно, что помимо локальных, зачастую уникальных продуктов, необходимы те, кто в состоянии не только продемонстрировать возможности этнических кухонь аборигенов Севера и Приамурья, но и в состоянии создать свою авторскую кухню на базе наших исходных кодов. Таким образом, перед менеджментом региона стоит задача построить региональный гастрономический бренд во взаимодействии с другими стейкхолдерами, для гармоничного развития туристического рынка Дальнего Востока.

Демьяненко А.Н.: Итак, потенциал развития есть, но уровень его использования оставляет желать лучшего. И помимо всего уже сказанного есть смысл отме-

тить еще раз дефицит туристических исследований как в разрезе отдельных его видов, так и отдельных дестинаций.

Дальний Восток в туристических потоках АТР

Клиценко М.В.: Ни для кого не секрет, что львиную долю (до 90%) въездного потока на Дальний Восток России до пандемии формировали три страны: Китай, Япония, Южная Корея. Несомненно, большинство туристов было из Поднебесной.

Если сравнивать цифры, то придется признать: рост количества туристов, которых принимал Дальний Восток России, был намного ниже, чем в целом по миру. Иными словами, количество путешествующих по миру китайцев от года к году становилось все больше, но доля тех, кто отправлялся в ДФО была не пропорциональна этому росту. Вскрывать причины такой ситуации будет неэкономно, гораздо важнее отметить то, что пандемия коронавируса, которая приостановила все международные поездки, показала, насколько важны были эти туристы для Хабаровского и Приморского краев.

Что еще важно, сейчас формируется накопительный эффект туристского потенциала: все находится в ожидании снятия запретов на пересечение границ, возврата к нормальной, стабильной туристической жизни, и это может превратиться в эффект прорыва дамбы, когда снимут барьеры и массы туристов отправятся по абсолютно всем направлениям. Если смоделировать ситуацию, при которой границы по миру резко открылись, все дестинации, притягивающие туристов, начнут массово зарабатывать. Но, к сожалению, мы не умеем делать выводы и не умеем работать над ошибками, поэтому нам останется только рассуждать, почему к нам опять не едут туристы и куда вкладывать деньги, чтобы улучшить инфраструктуру и субсидировать транспортные расходы для массовизации туризма в регионе. Специфика туризма в АТР такова, что динамика изменений в экономике и культуре стран Азии существенно отличается от российской. Мы решаем вопросы, которые в Азии решили 50 лет назад: принципы организации туристской деятельности, законодательство о праве пересечения границ, развитие инфраструктуры туризма, развитие культуры, работа с местным населением по вопросам развития туризма и т.д. Поэтому как бы мы не хотели идти в ногу со временем, или хотя бы в ногу со странами АТР, необходимо навести порядок в туристской деятельности у себя.

Тотонова Е.Е.: Можно по-разному относиться к данным официальной статистики, но вряд ли разумно их игнорировать. Я попытаюсь использовать данные статистических органов [3; 6] для того, чтобы, хотя бы в общих чертах показать место Якутии в географии туристических потоков АТР.

Но прежде всего несколько цифр, характеризующих международные туристические потоки в целом. Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что в доковидный период (2010 – 2019 гг.) в явном виде произошли изменения в предпочтениях жителей республики. Если в 2010 г. число реализованных населению турпакетов по территории РФ и по зарубежным странам было соответственно 7,6 тыс. и 12,7 тыс., то в 2019 г. значения этих показателей были 9,6 и 7,5 тыс., соответственно. То есть, при сокращении общего числа реализованных турпродуктов, имеет место смена приоритетов с выездного туризма на внутренний.

Теперь об изменениях в стоимости турпакетов. В 2010 г. стоимость реализованных населению турпакетов по территории РФ – 116,7 млн. руб., а по зарубежным странам – 525,8 млн. руб., в 2019 г. значения этих показателей были 262,6 и 729,2 млн. руб. соответственно.

Что касается географии выездного туризма, то здесь произошли значительные изменения: во-первых, резко уменьшился поток в страны Западной и Центральной Европы (было 1,9 тыс. чел., стало – 0,8 тыс.), а в США и Канаду он фактически исчез; во-вторых, резко уменьшился поток в Северную Африку (Египет и Тунис); в-третьих, несмотря на появление новых направлений (Доминиканская Республика, Куба, Черногория и др.), лидером по-прежнему остается Турция (поток вырос с 2,5 до 4,5 тыс. чел.).

Наиболее значительные изменения произошли с потоками в сторону АТР. Здесь произошла смена приоритетов: если в 2010 г. туристы из Якутии явно отдавали предпочтение КНР и Таиланду (0,9 и 0,7 тыс.), то в 2016 г. на этом рынке появляется третий игрок – Вьетнам (2,9 тыс.), который выходит на второе место после Таиланда (3,8 тыс.), опередив КНР (1,8 тыс.).

Показательно, что практически исчез поток туристов из Якутии в наиболее развитые страны АТР – Японию и Республику Корея. Если в отдельные годы он доходил до 0,5 тыс. чел., то по последним данным он сократился почти в 10 раз.

Демьяненко А.Н.: Время подводить итоги, и не только по последнему вопросу, но и по работе нашего круглого стола в целом. Так вот, что касается места дальневосточных регионов в туристических потоках в АТР, придется признать очевидный факт: он крайне невелик, к тому же он подвержен резким изменениям. И это касается как въездного, так и выездного туризма. Увы, но дальневосточные регионы не самые привлекательные дестинации для туристов из стран АТР. Как бы это не показалось удивительным, но Дальний Восток пользуется устойчивым интересом у туристов из Западной Европы. Хотя туристические потоки из этих стран невелики, но их формируют достаточно обеспеченные туристы.

И самое, что ни на есть последнее: встречи, на которых бы обсуждались проблемы развития туризма на Дальнем Востоке, следовало бы в более широком формате проводить регулярно. Сейчас же следует сказать: "Спасибо, М.В. Клиценко за то, что эта встреча состоялась".

Литература

1. Демьяненко А.Н., Тотонова Е.Е., Украинский В.Н. Туризм на севере Канады: долгая история изучения // Известия Русского географического общества. 2021. Том 153. № 3. С. 76–88.
2. Макканел Д. Турист. Новая теория праздного класса. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 280 с.
3. Статистический ежегодник Республики Саха (Якутия): Стат. Сборник / Территориальный орган Федеральной государственной статистики по Республике Саха (Якутия). Якутск, 2020.
4. Тотонова Е.Е. Территориальная организация туристической отрасли Республики Саха (Якутия) // Регионалистика. 2014. Т. 1. № 3. С. 30–38.
5. Тотонова Е.Е. Туризм на Севере Республики Саха (Якутия): опыт географического моделирования. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2016. 188 с.
6. Численность иностранных граждан, размещенных в коллективных средствах размещения. Территориальный орган Федеральной государственной статистики по Республике Саха (Якутия). Якутск: Статистические данные, 2019.
7. Backer E. VFR Travellers – Visiting the Destination or Visiting the Hosts? // Asian Journal of Tourism and Hospitality Research. 2008. №2(1). P.60–70.
8. Dann G.M.S. The Tourist as a Metaphor of the Social World // Dann G.M.S. (ed.) The Tourist as a Metaphor of the Social World. Wallingford, UK: CABI Publishing, 2002. P. 1–17.
9. Dumazedier J. Vers une civilization du loisir? Paris: Éditions du Seuil, 1962. 319 p.
10. Gibson C. Locating geographies of tourism // Progress in Human Geography. 2008. vol. 32. № 3. P. 407–422.
11. Hall C. M., Müller D., Saarinen J. Nordic Tourism: Issues and Cases. Buffalo: Channel View Publications. 2009. 293 p.
12. Hall C.M., Williams A.M., Lew A.A. Tourism: Conceptualizations, Institutions, and Issues // A Companion to Tourism. A. Lew, C.M. Hall, A.M. (eds). Malden, Oxford, Carlton: Blackwell, 2004. P. 3–21.
13. Harris D. Key Concepts in Leisure Studies. London: Sage, 2005. X, 275 p.
14. Hughes G. Tourism and the Semiological Realization of Space // Destinations: cultural landscapes of tourism / edited by Greg Ringer. Taylor & Francis e-Library, 2003. P. 17–32.
15. Mercer D.C. Motivational and Social Aspects of Recreational Behavior // Altman I., Wohlwill J.F. (eds.) Human Behavior and Environment: Advances in Theory and Research. Vol. 1. New York: Plenum Press, 1976. P. 123–161.
16. A Nordic Perspective on Co-Operation for Sustainable / Eds: I. Bernhard and A.K. Olsson. Trollhättan: University West, 2015. 90 p.
17. Øian H., Fredman P., Sandell K, Sæþórsdóttir A.D., Tyrväinen L., Jensen F.S. Tourism, nature and sustainability. A review of policy instruments in the Nordic countries. Copenhagen: Nordic Council of Ministers/ Publication Unit, 2018. 99 p.
18. Polar tourism: a tool for regional development / Eds. by Grenier A.A., Müller D.K. Presses de l'Université du Québec, Montreal, 2011. 270 p.
19. Sanz-Ibáñez C., Anton Clavé, S. The evolution of destinations: towards an evolutionary and relational

economic geography approach // *Tourism Geographies: An International Journal of Tourism Space, Place and Environment*, 2014. №16 (4). P. 563-579.

20. Smith S.L.J. *The Measurement of Global Tourism: Old Debates, New Consensus, and Continuing Challenges // A Companion to Tourism*. A. Lew, C.M. Hall, A.M. (eds). Malden, Oxford, Carlton: Blackwell, 2004. P. 25-35.

21. Stonehouse B., Snyder J. *Polar Tourism: An Environmental Perspective*. Bristol, Buffalo, Toronto: Channel View Publications, 2010. 217 p.

22. Urry J., Larsen J. *The Tourist Gaze 3.0*. SAGE, 2011. 282 p.

23. Williams, A. M., and Shaw, G. *Tourism and development: Introduction // Tourism and Economic Development: Western European Experiences*. A.M. Williams and G. Shaw (eds). London: Belhaven Press, 1988. P. 1–11.

24. Zuelow E.G.E. *A History of Modern Tourism*. London: Palgrave, 2016. XII. 290 p.

References

1. Dem'yanenko A.N., Totonova E.E., Ukrainskij V.N. Turizm na severe Kanady: dolgaya istoriya izucheniya // *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 2021. Tom 153. № 3. С. 76–88.

2. Makkanel D. *Turist. Novaya teoriya prazdnogo klassa*. M.: Ad Marginem Press, 2016. 280 s.

3. *Statisticheskij ezhegodnik Respubliki Sakha (Yakutiya): Stat. Sbornik / Territorial'nyj organ Federal'noj gosudarstvennoj statistiki po Respublike Sakha (Yakutiya)*. YAKUTSK, 2020.

4. Totonova E.E. Territorial'naya organizatsiya turisticheskoy otrasli Respubliki Sakha (Yakutiya) // *Regionalistika*. 2014. T. 1. № 3. S. 30–38.

5. Totonova E.E. *Turizm na Severe Respubliki Sakha (Yakutiya): opyt geograficheskogo modelirovaniya*. YAKUTSK: Izdatel'skij dom SVFU, 2016. 188 s.

6. *CHislennost' inostrannykh grazhdan, razmeshhennykh v kollektivnykh sredstvakh razmeshheniya*. Territorial'nyj organ Federal'noj gosudarstvennoj statistiki po Respublike Sakha (Yakutiya). YAKUTSK: Statisticheskie dannye, 2019.

7. Backer E. VFR Travellers – Visiting the Destination or Visiting the Hosts? // *Asian Journal of Tourism and Hospitality Research*. 2008. №2(1). P.60–70.

8. Dann G.M.S. *The Tourist as a Metaphor of the Social World // Dann G.M.S. (ed.) The Tourist as a Metaphor of the Social World*. Wallingford, UK: CABI Publishing, 2002. P. 1–17.

9. Dumazedier J. *Vers une civilization du loisir?* Paris: Éditions du Seuil, 1962. 319 p.

10. Gibson C. Locating geographies of tourism // *Progress in Human Geography*. 2008. vol. 32. № 3. P. 407–422.

11. Hall C. M., Müller D., Saarinen J. *Nordic Tourism: Issues and Cases*. Buffalo: Channel View Publications. 2009. 293 p.

12. Hall C.M., Williams A.M., Lew A.A. *Tourism: Conceptualizations, Institutions, and Issues // A Companion to Tourism*. A. Lew, C.M. Hall, A.M. (eds). Malden, Oxford, Carlton: Blackwell, 2004. P. 3–21.

13. Harris D. *Key Concepts in Leisure Studies*. London: Sage, 2005. X, 275 p.

14. Hughes G. *Tourism and the Semiological Realization of Space // Destinations: cultural landscapes of tourism / edited by Greg Ringer*. Taylor & Francis e-Library, 2003. P. 17–32.

15. Mercer D.C. *Motivational and Social Aspects of Recreational Behavior // Altman I., Wohlwill J.F. (eds.) Human Behavior and Environment: Advances in Theory and Research*. Vol. 1. New York: Plenum Press, 1976. P. 123–161.

16. *A Nordic Perspective on Co-Operation for Sustainable / Eds: I. Bernhard and A.K. Olsson*. Trollhättan: University West, 2015. 90 p.

17. Øian H., Fredman P., Sandell K, Sæþórsdóttir A.D., Tyrväinen L., Jensen F.S. *Tourism, nature and sustainability. A review of policy instruments in the Nordic countries*. Copenhagen: Nordic Council of Ministers/ Publication Unit, 2018. 99 p.

18. *Polar tourism: a tool for regional development / Eds. by Grenier A.A., Müller D.K*. Presses de l'Université du Québec, Montreal, 2011. 270 p.

19. Sanz-Ibáñez C., Anton Clavé, S. *The evolution of destinations: towards an evolutionary and relational economic geography approach // Tourism Geographies: An International Journal of Tourism Space, Place and Environment*, 2014. №16 (4). P. 563-579.

20. Smith S.L.J. *The Measurement of Global Tourism: Old Debates, New Consensus, and Continuing Challenges // A Companion to Tourism*. A. Lew, C.M. Hall, A.M. (eds). Malden, Oxford, Carlton: Blackwell, 2004. P. 25-35.

21. Stonehouse B., Snyder J. *Polar Tourism: An Environmental Perspective*. Bristol, Buffalo, Toronto: Channel View Publications, 2010. 217 p.

22. Urry J., Larsen J. *The Tourist Gaze 3.0*. SAGE, 2011. 282 p.

23. Williams, A. M., and Shaw, G. *Tourism and development: Introduction // Tourism and Economic Development: Western European Experiences*. A.M. Williams and G. Shaw (eds). London: Belhaven Press, 1988. P. 1–11.

24. Zuelow E.G.E. A History of Modern Tourism. London: Palgrave, 2016. XII. 290 p.

Александр Николаевич ДЕМЬЯНЕНКО, д-р геогр. наук, главный научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН, г. Хабаровск, Россия, e-mail: demyanenko@ecrin.ru

Максим Вадимович КЛИЦЕНКО, канд. социол. наук, директор высшей школы медиа, коммуникаций и сервиса Тихоокеанского государственного университета, г. Хабаровск, Россия, e-mail: 007756@pnu.edu.ru

Елена Егоровна ТОТОНОВА, канд. геогр. наук, доцент кафедры французской филологии Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-восточного федерального университета им М.К. Амосова, г. Якутск, Россия, e-mail: elena.totonova@mail.ru

Вадим Николаевич УКРАИНСКИЙ, канд. экон. наук, научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН, г. Хабаровск, Россия, e-mail: ukrainsky@ecrin.ru

Владислав Афиногенович ЧЕРНОВ, канд. ист. наук, доцент высшей школы медиа, коммуникаций и сервиса Тихоокеанского государственного университета, г. Хабаровск, Россия, e-mail: vl.af.chernov@mail.ru

Жан Жанович ЧИМИТДОРЖИЕВ, канд. мед. наук, доцент кафедры менеджмента и предпринимательского права Дальневосточного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы, г. Хабаровск, Россия, e-mail: jeanjean@mail.ru

Aleksander N. DEMYANENKO, Doctor of Geographical Sciences, Chief Researcher, Institute of Economic Research FEB RAS, Khabarovsk, Russia, e-mail: demyanenko@ecrin.ru

Maksim V. KLITSENKO, Candidate of Sociology, Director of the Higher School of Media, Communication and Service, Pacific National University, Khabarovsk, Russia, e-mail: 007756@pnu.edu.ru

Elena E. TOTONOVA, Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, Department of French Philology, Institute of Foreign Philology and Regional Studies, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, Yakutsk, Russia, e-mail: elena.totonova@mail.ru

Vadim N. UKRAINSKY, Candidate of Economics, Research Fellow, Institute of Economic Research FEB RAS, Khabarovsk, Russia, e-mail: ukrainsky@ecrin.ru

Vladislav A. CHERNOV, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Higher School of Media, Communication and Service, Pacific National University, Khabarovsk, Russia, e-mail: vl.af.chernov@mail.ru

Zhan Z. CHIMITDORZHIEV, Candidate of Medical Sciences, Associate Professor, Far East Institute of Management RANEPА – The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Khabarovsk, Russia, e-mail: jeanjean@mail.ru

Научная статья
УДК 39 (571)
DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/27-37

Народные знания чукчей

Владимир Викторович ПОДМАСКИН

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия, podmaskin@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются мало изученные народные знания чукчей. На их основе обобщается опыт социальной трансформации и потенциал ценностной ориентации в традиционной культуре. Это обстоятельство в значительной мере объясняется теми задачами, которые поставлены перед этнологической наукой по изучению и сохранению функционирующих, имеющих общечеловеческую значимость духовных ценностей, сформированных на основе взаимодействия человека с определённой средой обитания. Показана историческая динамика антропогенных систем жизнеобеспечения. Выявляются векторы репродуктивных показателей в сфере народной культуры. С позиций интегративно-антропологического подхода в народных знаниях чукчей проявляются признаки компонентов этнокультур Северо-Востока Азии, что важно для решения сложных проблем этногенеза и этнической истории.

Ключевые слова: чукчи, знания о пространстве и времени, знания о фауне и флоре, народная медицина, Северо-Восток Азии

Для цитирования: Подмаскин В.В. Народные знания чукчей // Известия Восточного института. 2022. № 1. С. 27–37. DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/27-37

Original article
DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/27-37

Folk knowledge of the Chukchi

Vladimir V. PODMASKIN

Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia, podmaskin@yandex.ru

Abstract. The article examines the little-studied folk knowledge of the Chukchi. On their basis, the experience of social transformation and the potential of value orientation in traditional culture are summarized. This circumstance is largely explained by the tasks assigned to ethnological science for the study and preservation of functioning, having universal significance, spiritual values formed on the basis of human interaction with a certain habitat. The historical dynamics of anthropogenic life support systems is shown. The vectors of reproductive indicators in the sphere of folk culture are revealed. From the standpoint of the integrative-anthropological approach, the Chukchi folk knowledge shows signs of components of the ethnocultures of Northeast Asia, which is important for solving complex problems of ethnogenesis and ethnic history.

Keywords: Chukchi, knowledge about space and time, knowledge about fauna and flora, folk medicine, Northeast Asia

For citation: Podmaskin V.V. Folk knowledge of the Chukchi // Oriental Institute Journal. 2022. № 1. P. 27–37. DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/27-37

Введение

Чукчи являются потомками одного разросшегося племени, близкородственно-горякам. В начале второго тысячелетия нашей эры они стали оседать на побережье Берингова моря и Ледовитого океана и осваивать морской зверобойный промысел, сочетая его с охотой на диких оленей. С этого времени чукчи вступили в тесный контакт с эскимосами. Народные знания этноса представляют собой сложный комплекс положительного опыта и иррациональных представлений об окружающем мире. Накопление знаний шло через известное к неизвестному на сенсорном уровне: всё обозревалось, обнюхивалось, ощупывалось, пробовалось на вкус, затем строились логические связи. Научного понимания законов природы

и общества у чукчей не было. Хозяйство чукчей в основном было натуральным, производимые продукты потреблялись внутри патриархальной общины. Производство средств к существованию строго регламентировалось сезонными изменениями природы как у оленеводов, так и у оседлых зверобоев. Практически весь год был наполнен заботами о промысле, выпасе оленей, по изготовлению одежды и обуви, в поддержании в порядке жилища, создании необходимых запасов жира для отопления и освещения жилой части яранги и т. д. Экономическая и общественная жизнь проходила внутри селения.

Знания о пространстве и времени. Ещё в XIX–XX вв. у чукчей, как и у коренных народов Северо-Востока Азии, господствовали мифологические объяснения мироздания. Мифы о творении мира не выходили за рамки обыденных знаний природной обстановки северных широт. Первоначальные занятия и быт представлялись в виде жизни полярных охотников на диких оленей. Мифы, содержащие сведения о жизни на побережье океана, о морской фауне, – явление более позднее, связанное с переходом чукчей к морскому зверобойному промыслу.

В чукотских мифах фигурирует Тынантомны (Творец) [28, с. 184–185]. Этот культурный герой не имел детальных характеристик, но представлялся добродушным, хорошо относящимся к плодам своего творения – людям. Жил он в Зените – Гынонканоургын. Небесный свод, по представлениям чукчей, имел сферическую форму подобно яранге, в верхней части которой имелось сквозное отверстие *рыноургын*, через него видно небо с его светилами. Высшей точкой небосвода считалась Полярная звезда (Унпэнгэр) как местопребывание Творца.

Каменные глыбы, разбросанные по тундре, в прошлом чукчи считали существами живыми и впоследствии обращённые Творцом в камень [5, с. 7]. Поэтому широко распространены имена Выквов (муж.) и Выквына (жен.) – от *выквын* – "камень" [13, с. 47].

Рассматривая космогонические идеи и пространственные концепции чукчей, прослеживается связь с представлениями о структуре Вселенной и отдельных её частях. Например, *уттэгын* – "край лесов, лесотундра"; *нутэтэгын* – "предел земли, граница". В.Г. Богораз определяет *-тэгын* как "суффикс, означающий: край, мера, предел" [1, с. 142]. Но возможно, что в прошлом, как считает А.Н. Жукова, "такое представление восходило к значимой основе, очевидно полисемантической, употреблявшейся для обозначения времени и пространства" [13, с.51]. Нерасчлennым понятием в сознании чукчей являлось слово *нутэнут* – "земля, страна, тундра".

Морские зверобои, которым приходилось уходить далеко от берега, до сих пор пользуются приёмами определения возможного характера и направления ветра, знают состояния движения льда и способы ориентации в пространстве, выработанные издавна.

Чукчи были знакомы с созвездиями и их расположением по отношению к горизонту в различные моменты суток и года. Небесные светила служили ориентирами, позволяющими находить стороны горизонта в незнакомой местности и приблизительно определять время. По сообщению В.Г. Богораза, чукчи настолько хорошо разбирались в звёздном небе, что "даже различали особо движение планет, называя их поперечно ходящими звёздами" [6, с. 29]. Они знали также, что Полярная звезда неподвижна. По ней и окружающим её созвездиям они определяли части света, эмпирически различали и выделяли свыше двадцати направлений компаса, каждому из которых соответствовало определённое положение солнца во время дня [5, с. 21].

В названиях созвездий и звёзд отразились особенности занятий, быта, социальных институтов и связей. Так, у чукчей звёзды Янотлявыт "Передняя голова" – Арктур и Яалляут "Задняя голова" – Вега характеризуют военную организацию кочевников и составляют созвездие Ангарочоттэ "Вожди", "Предводители звёзд". Представление о Млечном Пути "Песчаная река" связано с *увиритти* одинокими женщинами, не имевших мужей, которые при жизни должны были заботиться сами о себе, и после смерти живут "ловя петлями и сетями диких оленей в то время, когда они переходят "Песчаную реку" [5, с. 24, 44].

Многие явления природы чукчи объясняли при помощи мифологии. Они создали художественное повествование о месяце, который будто бы хотел похитить девушку-чукчанку, но ему не удалось, и он вынужден был в дар за своё освобождение создать для людей времена года. Полярная звезда для них – пастух оленей. Орион изображает погоню ламута (эвена) за тремя оленями. Плеяды – красавица Юргалы; северное сияние – небесные огни костров, которые разводят великаны, обитающие на далёких островах в Ледовитом океане; утренняя заря – это пробуждение дочери солнца, длинноволосой красавицы Юрюнг Удаган [31, с. 19].

Чукчи до мельчайших подробностей знали свой традиционный район промысла, особенно климатические условия на суше и на море, морские течения, географические ориентиры [24, с. 50]. Зимой они ориентировались на местности по направлению ветра, расположению снежных надувов (застрогов).

У чукчей давно сложилась система мер и весов. Им известны простые понятия и операции, такие как число, счёт, запись нумерации. В крупных расчётах чукчи использовали двадцатки – число пальцев на руках и ногах одного человека. Пять человек составляли число 100. Числительные разделялись на простые: *ыннэн* "один", *нгирэк* "два", *нгырок* "три", *нгырак* "четыре", *мытлынгэн* "пять", *мынгыткэн* "десять", *кылгынкэн* "пятнадцать", *кликкин* "двадцать"; сложные: *ыннанмытлынгэн* "шесть" (букв. "один + пять", *нгэръамытлынгэн* "семь" (букв. "два + пять"), *нгырôмытлынгэн* "восемь" (букв. "три + пять"), *нгирэккликкин* сорок ("два по двадцать"), *нгырокклеккэн* "шестьдесят" ("три по двадцать"); составные: *мынгыткэныннэнпарол* "одиннадцать" (букв. "десять, один лишку") и т. п. [30, с. 259–260]. Так чукчи могли считать в пределах 1000 безошибочно, хотя и довольно долго.

В совершенстве чукчи знали годовой цикл явлений природы, так как с ним был связан сезонно-хозяйственный календарь. Оленеводы, например, различали, начиная с зимнего солнцестояния, следующие месяцы: 1-й – "месяц упрямого старого быка", 2-й – "месяц зябнувшего вымени", 3-й – "месяц обнажённого вымени", 4-й – "месяц рождения телят", 5-й – "месяц вод", 6-й – "месяц появления листьев", 7-й – "тёплый месяц", 8-й – "месяц обдирания рогов", 9-й – "месяц заморозков", 10-й – "осенний месяц", 11-й – "месяц узкого мяса", 12-й – "месяц сужения дней" [2, с. 42].

Многим коренным народам Дальнего Востока был знаком лунный календарь, основанный на наблюдениях за фазами луны, более древний, чем солнечный. Время от одного новолуния до другого называлось у чукчей, как и сама Луна, *тактук*. Ряд месяцев начинался с зимнего солнцестояния, время которого отмечалось с особой точностью [17, с. 94].

Чукчи накопили географические знания, связанные с умением ориентироваться на местности. Течение рек, расположение озёр, побережья морей, направление ветра и морских течений – все эти природные факторы наряду с астрономическими явлениями (движением солнца и звёзд) помогали охотникам и оленеводам ориентироваться в пространстве.

Большинство географических названий на Чукотке – это слова, возникшие тысячи лет тому назад, они закрепились в современных топонимах [24, с. 9–18, 55–63; 20, с. 24–40]. Например, река Алыкатваам – от чукотского *элкэтвтвээм* – "полноводная река", посёлок Апапельгино – предположительно от чукотского *апаапэлггын* – "паучья горловина", посёлок Валькумей – от чукотского *вылкыкэй* – "угольная гора", посёлок Ваеги – от чукотского *вааргын* – "тренога", река Кэпэрвеем переводится как "росомашья река", озеро Эльгыгытгын – от чукотского *элгыгытгын* – "белое озеро", полуостров Тайгонос – от чукотско-корякского *тайнынот* – "запретная, греховная земля" (такое название, возможно, связано с эпидемией или стихийными бедствиями), гора Чевтътытгым – "головные кости", вероятно, как свидетельство военных столкновений [20, с. 350; 24, с. 24–40].

Топонимика побережья Берингова моря от Анадырского лимана до мыса Говена на современной карте имеет древне-корякско-чукотскую основу [21, с. 81]. Большой интерес представляет распространение географических чукотско-корякских номенклатурных терминов *пилгын* "горловина" и *кагыйнын* "устье".

Лексико-семантический состав чукотских топонимов отразил географические свойства окружающей среды и историко-этнографические сведения о жизни предков чукчей в прошлом. Самой многочисленной являются группы географических названий, которые обозначают почти все разновидности географических объектов. Они достаточно разнообразны, отражают гидронимические особенности, горный рельеф, неровность местности, запретные зоны охоты, различные препятствия и т.д. Они сохранились в основном в микропонимах и связаны с хозяйственной деятельностью: с местами охоты и рыболовства, реже с оленеводством.

Чукчи, не имея письменности, давно изобрели картинное письмо. Это письмо состояло из ряда охотничьих и бытовых сцен, предметных рисунков, которые изображались на досках и кости. Археолог Н.Н. Диков, анализируя петроглифы Чукотки, обнаружил сюжеты морской охоты и охоты на дикого оленя и пришёл к выводу, что "авторами этих петроглифов были древние предки чукчей и эскимосов" [11, с. 54]. Как у азиатских эскимосов, у чукчей также была распространена татуировка. Знаками татуировки стали: китовые хвосты, рисунки Солнца и Луны, изображающие человека. По мнению В.Г. Богораза, чукчи наносили себе знак, изображающий фигурки людей как символ убитых ими врагов. Тем самым они стремились как бы превратить врага в своего помощника или сделать его частью своего собственного существа [5, с. 50].

Знания о фауне. Природа, по древним представлениям чукчей, обладала качеством и свойством. Ценились рациональные знания о домашнем олене, промысловых животных и рыбах; эти знания помогали успешно добыть зверя на охоте, поймать рыбу в реках и море, лечить людей, воспитывать подрастающее поколение и т.д. Чукчи хорошо знали особенности поведения промысловых животных, их повадки, сезоны появления (периоды миграции), размножения и т. п. В этом проявилась острая наблюдательность чукчей и их соседей (эскимосов, коряков, юкагиров) [8, с. 227].

Для чукотского языка характерна богатая лексика по оленеводству, морскому зверобойному промыслу и влияющим на них явлениям природы (детальность в названиях мастей, половозрастных различий) [30, с. 269]. Заимствования из эскимосского языка, как правило, относятся к морскому зверобойному промыслу.

В процессе охоты накапливались знания о животном мире. Из поколения в поколение передавались наблюдения о повадках животных, птиц и рыб, лучшие способы охоты, техника изготовления орудий лова. Чукчи заметили места, где обычно водится зверь, в приметах предвидели изменения погоды, умели читать следы и т.д. Наблюдательность и навыки давали возможность охотникам успешно вести промысел.

Огромные богатства ихтиофауны Чукотки определили знания о рыболовстве. Чукчи выработали специфические орудия и способы ловли рыбы и её обработки. Они бережно относились к природным богатствам. Добывали только необходимое для семьи количество рыбы, соблюдали сроки охоты и рыболовства. Большинство приморских селений размещалось в промысловых районах с благоприятными условиями для рыбной ловли [24, с. 33, 36, 96]. Следует отметить, что чукотская хозяйственная практика в большей степени ориентировалась на комплексное использование природных ресурсов.

Охотское и Берингово моря богаты морским зверем. В языке приморских чукчей зафиксировано несколько половозрастных видов ластоногих: *уньэллахтак* – "двухлетний самец лахтака", *мемель* – "четырёхлетняя ларга", *кедлиндлин* – "четырёхлетняя акиба", *рырык* – "взрослый морж". Обнаружено сходство чукотских названий морских зверей у эскимосов и коряков [7, с.241]. Охота на морских животных (китов, моржей, нерп) практиковалась с древних времён с помощью гарпуна с листовидным наконечником и длинным древком. Материалом для гарпунных наконечников служили кость или железо; в качестве вкладыша использовались китовый ус, кость, камень, железо, медь. Охота на тюленей проводилась с маскировкой. Охотник надевал на голову, снятую целиком шкуру, ползком, подражая движениям животного, приближался к зверю [14, с. 63].

При охоте на моржа по воде хлопали специальными пластинками из китового уха. Звуки от удара напоминали сигналы, издаваемые касатками во время нападения на моржей. Моржи готовились к отражению атаки и опускали головы в воду. Охотники же тем временем подгребали к стаду на близкое расстояние. Хлопушки использовались для охоты на моржа отгоном. Моржи добывались осенью на лежбищах. На нерпу охотились на припае у лунок. Добычу доставали крюком на длинном древке. Промысел крупных морских млекопитающих носил коллективный характер [25, с.182, 189]. Все приёмы морской охоты основывались на прекрасном знании биологии и особенностей поведения животных. Например, при зимнем промысле нерпы учитывали, что она всегда держится у берега под припайным льдом, как бы широк он не был. Охотники определяли присутствие зверя в том или ином месте не только по лункам, но и по гряде торос льда. Участки чистой воды находили по тёмному отсвету на облачном небе и по интенсивному парообразованию над ним [4, с. 21].

Чукчи научились изготавливать одежду из тюленьих и оленьих шкур, кишок моржа [27, с. 908, 911]. Технологические приёмы чукотских умельцев достигли высокого мастерства. Они умели выделывать кожи, замшу, меха, дубить шкуры, делать невод из оленьих жил [31, с. 36]. Жилища отапливались и освещались жирниками, которые изготовлялись из камня, глины, кости. В качестве топлива использовался жир морских животных. Сравнительный анализ технического устройства чукотских и эскимосских жировых ламп, ареалов их распространения, природно-климатических факторов позволяет предположить, что первые жировые лампы появились в среде охотников на морского зверя [10, с. 125].

Юагиры, коряки и чукчи хорошо знали пути миграции диких оленей, сроки начала и конца оленьего хода, места переправы животных. Охотник мог по следу дикого зверя определить его возраст и примерное местонахождение в данный момент [26, с. 124].

Многовековая практика выработала правила ухода за домашними оленями. Пастухи умело выбирали пастбища, защищённые от ветра и богатые мхом. Во время отёла, стадо разделялось на две половины – плодовое и неплодовое. В течение многих веков ими была выведена уникальная порода северного оленя *льгек, ор*. Это животное отличалось исключительной приспособленностью к суровым условиям тундры. Оно может жить без богатых ягельных кормов и способно быстро набирать вес и жизненные силы в течение короткого северного лета на долгий зимний период [3, с. 9–16]. Чукчи различали оленей по полу, возрасту, масти, форме рогов, по меткам на ушах, повадкам [15, с. 32–34]. Как отметили исследователи, у них сложилась стройная система, при помощи которой оленеводы, "как бы "читая" стадо, запоминали каждого оленя", помнили оленей нескольких поколений. Такая память была необходима для селекционной работы, ибо давала возможность выделять генеалогические линии наиболее крупных, сильных и жизнеспособных животных [16, с. 127]. Оленеводческая культура чукотского народа развивалась в гармонической системе взаимного приспособления человека и оленя к экстремальным условиям Арктики, в глубоком знании особенностей друг друга и даже – во взаимозависимости.

Большое значение в жизни чукчей имела собака. Оседлые чукчи использовали упряжки собак в нартах для перевозки людей и грузов, ведения байдар на бечевах вдоль берега моря. Чукчи, вероятно, позаимствовали у эскимосов веерный тип упряжки [26, с. 100]. Оленеводы не знали пастушеских лаек [14, с. 58]. Собак разводили для охоты, кормом для них служила юкола и китовое мясо. Клички животным давали по масти: Серый Волк, Чёрный, Белая Лисица [3, с. 39]. С собакой был связан ряд религиозных представлений. Одно из них говорит о том, что "новопришелец в царство мёртвых, прежде всего, должен пройти через особый собачий мир" [5, с. 45]. Широко распространены личные имена, производные от *ыттыбын* (собака). Наличие личных имён, связанных с названиями животных, объясняется, очевидно, тем, что в обществе, дающем эти имена, имеется особое представление о каждом из животных [13, с. 48].

Знания о флоре. Арктические народы имели развитую систему знаний о видах и свойствах местной флоры, умели найти необходимые растения, знали время сбора их. Чукчи и эскимосы употребляли в пищу более 30 видов дикорастущих растений [23, с. 92]. В пищу шли листья карликовой ивы, дикого щавеля и различные съедобные корни, которые заготавливались обычно впрок. Приморские чукчи листья и травы квасили. Например, свежие листья камнеломки Нельсона клали в жир, сохраняли их на зиму, использовали как приправу к мясу. Эта трава служила хорошим кормом для оленей. Все виды камнеломки, употребляемые в пищу, чукчи называли *амп'юк`ирак`* [18, с. 142].

Летом пищей служили морские водоросли с жиром. Весной до цветения собирали толстые, сочные листья розовой родиолы *юнеут*. Молодые побеги квасили и употребляли в пищу, добавляя моржовый и нерпичий жир. Осенью и весной собирали корни иван-чая *вывтыльгын* [18, с. 135, 138]. Лакомым блюдом считались "колобки", приготовляемые из толчёных корней, смешанных с мясом и жиром [27, с. 908]. Корякам и чукчам хорошо известны кормовые растения для оленей [8, с. 227]. Чукчи отметили, что в зимнее время основой питания для лосей, зайцев и куропаток служила ива. Листьями её набивали мешки из тюленьих шкур, квашенный силос употребляли в пищу [18, с. 123, 124].

Эскимосы и чукчи использовали в пищу свежесобранные белые цветы дриады точечной (*Dryaspunctate*) с мясом, жиром. Чукчи называют дриаду, или куропаточью траву, *ульпихтак*. У неё съедобные бутоны, цветки, молодые листья, семена. Люди давно заметили, что зобы куропаток заполнены листьями дриады и почками ив; эта сырая снедь употреблялась в пищу. Как показал химический анализ, в семенах, листьях и цветах дриады содержатся сахара и жирные масла [18, с. 133].

Настои из ольховой коры применяли для окраски оленьих шкур. Окрашивание делает кожу мягче, защищает от сырости значительно лучше, чем кожа с неокрашенной внутренней стороной. Неоднократно отмечалось, что оленьи шкуры чукотской выделки отвечают отчасти требованиям современной техники дубления. По данным 1756 г., чукчи знали свойства яда аконита, смазывая им наконечники боевых стрел [3, с. 208].

Чукчи изобрели деревянные приборы для добывания огня путём сверления. Дополнительным средством служило лучковое сверло, состоявшее из деревянного стержня и небольшого лука с кожаной тетивой и деревянной или костяной накладкой. Огонь добывали трением стержня, который вращали в ямке-углублении с помощью лучка, придерживая стержень сверху накладкой. В углубление клали сухой мох, древесный уголь или вываренный и высушенный древесный гриб [33, с. 106]. При добывании огня использовали серу, так как она воспринимала малейшую огненную искру [3, с. 168].

Народная медицина. Коренные народы Северо-Восточной Азии – представители арктической цивилизации, которая характеризуется способностью быстро приспосабливаться к меняющимся климатическим условиям, переходя от морского к сухопутному типу хозяйствования и наоборот. Традиционное питание чукчей – мясное. Запасы мяса (нерпы, моржа) держали в ямах, где оно квасилось. Такое мясо оседлые чукчи употребляли в пищу. Соль в блюда не добавляли. Тем не менее, по замечанию врача Н.В. Кирилова, "мясной рацион питания влечёт за собой антропологические отличия оседлых туземцев от кочевых: они рослее и крепче физически" [32, с.119–120].

Самым надёжным и любимым продуктом на промысле и в пути была заготовленная впрок лососёвая икра. Её сушили на воздухе связками или в пустотелых стеблях борщевика у костра. Как правило, эту икру ели с корой берёзы или ивы. А ещё икру квасили в яме, устланной и покрытой травой, или в кожаных мешках. Вместо соски малышам, не имевшим зубов, давали в рот мешочек с икрой. Ягоды местных растений, таких как воронья морошка, голубица, рябина и пр., перед употреблением в пищу, смешивали с нерпичьим жиром. Лакомством считалась снедь, извлечённая из желудка добытого оленя [3, с. 130].

В практике чукотской народной медицины бытовали различные подходы к оценке и причин заболеваний и выбору лечения. Чукчи не знали научных приёмов диагностики внутренних заболеваний, поэтому болезни внутренних органов, острых простудных заболеваний, общее недомогание объясняли действием вредоносных существ *лыгикэльэйт* (*кэле* у чукчей – безобразный злой дух, охотящийся за душами людей и напускающий на них болезни), с которыми призывали шаманов вести борьбу. Косвенное подтверждение правильности своих выводов они находили при вскрытии покойников, когда обнаруживали повреждённые болезнью лёгкие, печень и другие органы. Боле эффективно они лечили травмы, порезы и другие механические повреждения. Их смазывали тюленьим жиром или присыпали золой и бинтовали, прикладывали заячью шкуру мездровой стороной к ране и этим достигали заживления ран. Гнойные нарывы вскрывали ножом. На переломы конечностей накладывали деревянные лубки или обкладывали палками, затем прочно всё обвязывали ремнями [29, с. 179]. По их представлениям, связывание суставов определённым образом придаёт силы больному для быстрого выздоровления, поэтому в зависимости от способа связывания можно помочь или навредить здоровью человека [9, с. 193].

Врач Н.В. Слюнин, изучая народную медицину чукчей, отметил что они выделяли внутренние и женские болезни, язвы и нарывы и так называемые "русские болезни" *нэйучалыэллер* – "сифилис и оспу", а также психическую болезнь *эмеряк*. Характеризуется как арктическая истерия, встречается практически у всех народов Северо-Восточной Сибири и даже в Забайкалье [31, с. 35].

В условиях кочевого образа жизни, традиционное жилище чукчей плохо сохраняло тепло. Когда горел очаг, температура была высокой. Ночью жилище не отапливалось, становилось холодно, как снаружи. Сырость, дым от костра, чрезвычайная скученность приводили к различным заболеваниям. Для освещения и отопления жгли ворвань в плошках. Воздействие продуктов сгорания жира способствовало развитию глазных болезней. Многие люди страдали хроническим воспалением век. Обычай спать без одежды вповалку всей семьей, а иногда вместе с любимой собакой способствовал передаче кожных болезней. Традиционная одежда чукчей, коряков и эскимосов, как правило, была мало гигиеничной, стирке не подлежала, быстро загрязнялась [32, с. 118–119].

Весной, в период "сияния снегов", чукчей подстерегала опасность снежной слепоты. Для защиты глаз от весеннего катара, при полном отсутствии медицинской помощи, оленеводы применяли очки с двумя узкими прорезями. "Снежные очки" использовали многие народы Северо-Восточной Азии и Северной Америки [22, с. 103].

Для чукчей характерны древние анимистические воззрения. Они верили, что мир населён духами гор, лесов, морей, рек, озёр, болот, тундры. Кроме постоянных духов были временные – души блуждающих умерших, опасных для здоровья живых людей: уходя в мир иной, они могли унести с собой душу живого человека. Считалось, что духи – активная сила, причиняющая людям как добро, так и зло (например, болезнь). Общаться с духами могли только шаманы. Они занимались изгнанием духов болезней с помощью камланий [9, с. 181]. Чукчи меняли имя человека во время его болезни. Вероятно, это связано "с защитными поверьями" [13, с. 47]. Процветали первобытные нравы: многоженство, предоставление жены по праву гостеприимства, добровольная смерть стариков.

При малокровии и общей слабости чукчи и коряки пили свежую кровь оленей, тюленей и забитых домашних животных. Часто для этих же целей чукчи употребляли и сырую печень. Для лечения туберкулёза специально откармливали щенков собак, а затем их жир с пищей применяли внутрь. Гусиный жир использовали в качестве мази при обморожении, медвежьей желчь, растворённую в воде, принимали при болезнях печени и желудочно-кишечного тракта [29, с. 188].

Широко использовали лекарства растительного происхождения. Знахари умели готовить из трав *вбаглингын* – всевозможные лекарства и мази. Ежедневно протирали своё тело мхом, он же служил гигиеническим средством для женщин и

мытья посуды. Сухую осоку применяли для стелек в обувь. Эта трава предохраняла ноги от стирания, ушибов и грибковых заболеваний. Раны у человека и домашних животных зашивали и замазывали пихтовой смолой. В народной медицине, как хорошее обезболивающее средство, использовали грибы мухоморы. Древние человекоподобные изображения грибов-мухоморов, имеющих только в чукотском языке особые названия для различных стадий развития мухоморов, обнаружил археолог Н.Н. Диков на пегтымельских петроглифах Чукотки [11, с. 64].

Из растительных средств врачевания врач Н.В. Слюнин выделил девясил, который употребляли при внутренних заболеваниях, "денежную траву" – при женских заболеваниях, "шаламейник" применялся при ожогах и ознобе. Труха гнилого дерева служила хорошим "перевязочным" материалом при лечении ран [31, с. 29].

Значительное место в народной медицине чукчей занимала физиотерапия: при заболеваниях костей, судороге мышц, головных болях делали массаж; в фольклоре упоминается такое средство, как натирание тела охрой. Большую роль в сохранении здоровья играла любовь к различным физическим упражнениям. Национальная борьба, лыжный спорт, массовые игры и танцы на свежем воздухе способствовали физической закалке молодого поколения [3, с. 197–208; 12, с. 51–90; 19, с. 7–20]. В.Г. Богораз отмечал, что "все благодарственные праздники чукчей, устраивавшиеся по случаю добычи дикого оленя, россомахи, тюленя и др., сопровождаются плясками; по верованиям чукчей, во время пляски с тел пляшущих стряхиваются болезни и злые духи" [5, с. 97]. Эти практики имели положительное обоснование в условиях традиционного кочевого быта.

Итак, на протяжении веков у чукчей были выработаны своеобразные лечебные методы, имеющие рациональные объяснения, различные магические церемонии, обряды, предохранительные меры и обереги, признанные обеспечить здоровье и благополучие потомства.

Таким образом, народные знания чукчей обеспечили стабильность функционирования специфического хозяйства пеших охотников, морских зверобоев и оленеводов. Многовековой опыт, накопленный чукчами в хозяйственном освоении тундры и прибрежной морской акватории, оказался достаточно жизнестойкими, имел значительную практическую значимость в освоении Арктики. Чукчи издавна владели довольно обширными сведениями о жизни местных животных и растений, о фенологических явлениях, региональной географии, народной медицине и кулинарии. У них до сих пор популярен сезонно-хозяйственный календарь, способствующий устойчивому развитию экономики в суровых арктических условиях. Народные знания чукчей являлись результатом как собственного познания действительности, так и опыта соседних народов (коряков, эскимосов, юкагиров). Положительный опыт ведения специфического хозяйства не исчерпал себя и в настоящее время. Стойкими остаются ценные традиционные знания о местной фауне и флоре, приметах погоды, народной педагогике. Весьма важно, чтобы этот опыт не был утерян, чтобы традиционное промысловое и оленеводческое хозяйство развивались.

Литература

1. Богораз В.Г. Лоураветланско-русский словарь. М.; Л., 1937. XXXIX+165 с.
2. Богораз В.Г. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора // Труды якутской экспедиции. СПб., 1900. Отд. 3. Т. 2. 353 с.
3. Богораз В.Г. Материальная культура чукчей. Послесл. и примеч. И.С. Вдовина. Авториз. пер. с англ. М.: Наука, 1991. 224 с.
4. Богораз В.Г. Чукчи. Социальная организация. Л., 1934. Ч. 2. 192 с.
5. Богораз-Тан В.Г. Чукчи. Религия. Авториз. пер. с англ. Л.: НИИИНС ЦИК СССР, 1939. Ч. 2. 195 с.
6. Богораз В.Г. Эйнштейн и религия. М., 1923. 112 с.
7. Бурькин А.А. Чукотский язык // Языки народов России. Красная книга. Энциклопедический словарь-справочник. М.: Academia, 2002. С. 238–249.
8. Вдовин И.С. Природа и человек в религиозных представлениях чукчей // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX– начало XX в.). Л.: Наука, 1976. С. 217–253.
9. Вдовин И.С. Чукотские шаманы и их социальные функции // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири. Л.: Наука, 1981. С. 178–217.
10. Гуцол Н.Н. Чукотские жировые лампы // Культура народов Дальнего Востока: традиции и современность. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1984. С. 120–126.
11. Диков Н.Н. Наскальные загадки древней Чукотки: Петроглифы Пегтымеля. М.: Наука, 1971. 131 с.
12. Жорницкая М.Я. Народное хореографическое искусство коренного населения Северо-Востока Сибири / Отв. ред. И.С. Гурвич. М.: Наука, 1983. 151 с.
13. Жукова А.Н. Этимология некоторых личных имён чукчей // Этнография имён. М.: Наука, 1971. С. 44–53.
14. История и культура чукчей: историко-этнографические очерки / Под общ. ред. чл.-корр. АН СССР А.И. Крушанова. Л.: Наука, 1987. 286 с.
15. Кись Р.Я., Лебедев В.В. Некоторые аспекты изучения традиционного оленеводства чукчей // Полевые исследования Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. 1978. / Отв. ред. С.И. Вайнштейн. М.: Наука, 1980. С. 120–127.
16. Куликова И.В. Лексико-семантические группы названий оленя в чукотском языке // Вопросы лексики и грамматики языков народов Крайнего Севера СССР: Сб. статей / Отв. ред. Ю.А. Сем. Л.: Ленинградский государственный педагогический институт им. А.И. Герцена, 1983. С. 32–42.
17. Лебедева Ж.К. Чукотский календарь // Полярная звезда. 1984. № 4. С. 94–96.
18. Леонова А.В. Этноботанические сведения о растениях, употребляемых в пищу коренными народами Севера // Краеведческие записки. ГБУК "Магаданский областной краеведческий музей" / Отв. ред. А.А. Орехов. Вып. 21. СПб.: Кордис, 2019. С. 123–150.
19. Леонтьев В.В. Самый сильный, самый ловкий: о чукот.-эскимос. спорт. играх. Магадан: Кн. изд-во, 1979. 32 с.
20. Леонтьев В.В., Новикова К.А. Топонимический словарь Северо-Востока СССР / Науч. ред. Г.А. Меновщиков. Магадан: Кн. изд-во, 1989. 456 с.
21. Леонтьев В.В. Этнография и фольклор кереков. М.: Наука, 1983. 130 с.
22. Мельникова Т.В. "Снежные очки" аборигенов Дальнего Востока России // Тихоокеанская Россия в истории российской и восточноазиатских цивилизаций (Пятое крушановские чтения, 2006 г.) : в 2-х томах. Владивосток: Дальнаука. 2008. Т. 1. С. 100–104.
23. Меновщиков Г.А. Дикие растения в рационе коренных жителей Чукотки // Советская этнография. 1974. № 2. С.92–99.
24. Меновщиков Г.А. Местные названия на карте Чукотки: Краткий топонимический словарь / Науч. ред. В.В. Леонтьев. Магадан: Кн. изд-во, 1972. 207 с.
25. Михайлова Е.А. Место традиций в хозяйственной деятельности морских зверобоев севера Дальнего Востока // Культурные традиции народов Сибири / Отв. ред. Ч.М. Таксами. Л.: Наука, 1986. С. 178–200.
26. Народы Дальнего Востока СССР в XVII–XX вв. Историко-этнографические очерки / Отв. ред. И.С. Гурвич. М.: Наука, 1985. 240 с.
27. Народы Сибири. Этнографические очерки/ Под редакцией М.Г. Левина, Л.П. Потапова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 1083 с.
28. Подмаскин В.В. Мифологический словарь: коренные малочисленные народы Дальнего Востока России. Владивосток: Дальнаука, 2013. 248 с.
29. Подмаскин В.В. Этномедицина и этнодиетология в истории и культуре народов Дальнего Востока России (XVIII–XX вв.) / Науч. ред. В.Л. Ларин Владивосток, 2011. 304 с.
30. Скорик П. Я. Чукотский язык // Языки народов СССР. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки: в 5-ти томах. Л.: Наука, 1968. Т. 5. С. 248–270.

31. Слюнин Н.В. Среди чукчей // *Землеведение*. М., 1885. Вып. 4. С. 1–46.
32. Тарасенко Д.Б. Этнографические наблюдения Н.В. Кирилова на Чукотке и Аляске (1905 г., по материалам РГИА ДВ) // *Тихоокеанская Россия в истории российской и восточноазиатских цивилизаций* (Пятое крушановское чтения, 2006 г.): в 2-х томах. Владивосток: Дальнаука. 2008. Т. 1. С. 116–124.
33. Хаховская Л.Н. Роль огнивых досок в хозяйственной адаптации северо-восточных палеоазиатов // *Тихоокеанская Россия в истории российской и восточноазиатских цивилизаций* (Пятое крушановское чтения, 2006 г.): в 2-х томах. Владивосток: Дальнаука. 2008. Т. 1. С. 104–109.

References

1. Bogoraz V.G. *Louravetlansko-russkij slovar'*. M.; L., 1937. КХКХКНХХ+165 s.
2. Bogoraz V.G. *Materialy po izucheniyu chukotskogo yazyka i fol'klora* // *Trudy yakutskoj ehkspeditsii*. SPb., 1900. Otd. 3. T. 2. 353 s.
3. Bogoraz V.G. *Material'naya kul'tura chukchej*. Poslesl. i primech. I.S. Vdovina. Avtoriz. per. s angl. M.: Nauka, 1991. 224 s.
4. Bogoraz V.G. *CHukchi*. Sotsial'naya organizatsiya. L., 1934. CH. 2. 192 s.
5. Bogoraz-Tan V.G. *CHukchi*. Religiya. Avtoriz. per. s angl. L.: NIAINS TSIK SSSR, 1939. CH. 2. 195 s.
6. Bogoraz V.G. *EHjnshtejn i religiya*. M., 1923. 112 s.
7. Burykin A.A. *CHukotskij yazyk* // *Yazyki narodov Rossii*. Krasnaya kniga. EHntsiklopedicheskij slovar'-spravochnik. M.: Academia, 2002. S. 238–249.
8. Vdovin I.S. *Priroda i chelovek v religioznykh predstavleniyakh chukchej* // *Priroda i chelovek v religioznykh predstavleniyakh narodov Sibiri i Severa* (vtoraya polovina XIX– nachalo KHKH v.). L.: Nauka, 1976. S. 217–253.
9. Vdovin I.S. *CHukotskie shamany i ikh sotsial'nye funktsii* // *Problemy istorii obshhestvennogo soznaniya aborigenov Sibiri*. L.: Nauka, 1981. S. 178–217.
10. Gutsol N.N. *CHukotskie zhirovye lampy* // *Kul'tura narodov Dal'nego Vostoka: traditsii i sovremennost'*. Vladivostok: DVNTS AN SSSR, 1984. S. 120–126.
11. Dikov N.N. *Naskal'nye zagadki drevnej CHukotki: Petroglify Pegtymelya*. M.: Nauka, 1971. 131 s.
12. ZHornitskaya M.YA. *Narodnoe khoreograficheskoe iskusstvo korenного naseleniya Severo-Vostoka Sibiri* / *Otv. red. I.S. Gurvich*. M.: Nauka, 1983. 151 s.
13. ZHukova A.N. *Ehtimologiya nekotorykh lichnykh imyon chukchej* // *Ehtnografiya imyon*. M.: Nauka, 1971. S. 44–53.
14. *Istoriya i kul'tura chukchej: istoriko-ehtnograficheskie ocherki* / *Pod obshh. red. chl.-korr. AN SSSR A.I. Krushanova*. L.: Nauka, 1987. 286 s.
15. Kis' R.YA., Lebedev V.V. *Nekotorye aspekty izucheniya traditsionnogo olenevodstva chukchej* // *Polevye issledovaniya Instituta ehtnografii im. N.N. Miklukho-Maklaya AN SSSR*. 1978. / *Otv. red. S.I. Vajnshtejn*. M.: Nauka, 1980. S. 120–127.
16. Kulikova I.V. *Leksiko-semanticheskie gruppy nazvanij olenya v chukotskom yazyke* // *Voprosy leksiki i grammatiki yazykov narodov Krajnego Severa SSSR: Sb. statej* / *Otv. red. YU.A. Sem*. L.: Leningradskij gosudarstvennyj pedagogicheskij institut im. A.I. Gertsena, 1983. S. 32–42.
17. Lebedeva ZH.K. *CHukotskij kalendar'* // *Polyarnaya zvezda*. 1984. № 4. S. 94–96.
18. Leonova A.V. *Ehtnobotanicheskie svedeniya o rasteniyakh, upotrebyaemykh v pishhu korennyimi narodami Severa* // *Kraevedcheskie zapiski*. GBUK "Magadanskij oblastnoj kraevedcheskij muzej" / *Otv. red. A.A. Orekhov*. Vyp. 21. SPb.: Kordis, 2019. S. 123–150.
19. Leont'ev V.V. *Samyj sil'nyj, samyj lovkij: o chukot.-ehskim. sport. igrakh*. Magadan: Kn. izd-vo, 1979. 32 s.
20. Leont'ev V.V., Novikova K.A. *Toponimicheskij slovar' Severo-Vostoka SSSR* / *Nauch. red. G.A. Menovshhikov*. Magadan: Kn. izd-vo, 1989. 456 s.
21. Leont'ev V.V. *Ehtnografiya i fol'klor kerekov*. M.: Nauka, 1983. 130 s.
22. Mel'nikova T.V. *"Snezhnye ochki" aborigenov Dal'nego Vostoka Rossii* // *Tikhookeanskaya Rossiya v istorii rossijskoj i vostochnoaziatskikh tsivilizatsij* (Pyatye krushanovskie chteniya, 2006 g.): v 2-kh tomakh. Vladivostok: Dal'nauka. 2008. T. 1. S. 100–104.
23. Menovshhikov G.A. *Dikie rasteniya v ratsione korennykh zhitel'ev CHukotki* // *Sovetskaya ehtnografiya*. 1974. № 2. S.92–99.
24. Menovshhikov G.A. *Mestnye nazvaniya na karte CHukotki: Kratkij toponimicheskij slovar'* / *Nauch. red. V.V. Leont'ev*. Magadan: Kn. izd-vo, 1972. 207 s.
25. Mikhajlova E.A. *Mesto traditsij v khozjaystvennoj deyatel'nosti morskikh zverboev severa Dal'nego Vostoka* // *Kul'turnye traditsii narodov Sibiri* / *Otv. red. CH.M. Taksami*. L.: Nauka, 1986. S. 178–200.
26. *Narody Dal'nego Vostoka SSSR v XVII–XX vv. Istoriko-ehtnograficheskie ocherki* / *Otv. red. I.S. Gurvich*. M.: Nauka, 1985. 240 s.
27. *Narody Sibiri. Ehtnograficheskie ocherki* / *Pod redaktsiej M.G. Levina, L.P. Potapova*. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1956. 1083 s.
28. Podmaskin V.V. *Mifologicheskij slovar': korennyye malochislennyye narody Dal'nego Vostoka Rossii*.

Vladivostok: Dal'nauka, 2013. 248 s.

29. Podmaskin V.V. Ehtnomeditsina i ehtnodietologiya v istorii i kul'ture narodov Dal'nego Vostoka Rossii (KHVIII–XX vv.) / Nauch. red. V.L. Larin Vladivostok, 2011. 304 s.

30. Skorik P. YA. CHukotskij yazyk // YAzyki narodov SSSR. Mongol'skie, tunguso-man'chzhurskie i paleoaziatskie yazyki: v 5-ti tomakh. L.: Nauka, 1968. T. 5. S. 248–270.

31. Slyunin N.V. Sredi chukchej // Zemlevedenie. M., 1885. Vyp. 4. S. 1–46.

32. Tarasenko D.B. Ehtnograficheskie nablyudeniya N.V. Kirilova na CHukotke i Alyaske (1905 g., po materialam RGIA DV) // Tikhookeanskaya Rossiya v istorii rossijskoj i vostochnoaziatskikh tsivilizatsij (Pyatye krushanovskie chteniya, 2006 g.): v 2-kh tomakh. Vladivostok: Dal'nauka. 2008. T. 1. S. 116–124.

33. KHakhovskaya L.N. Rol' ognivnykh dosok v khozjaystvennoj adaptatsii severo-vostochnykh paleoaziatov // Tikhookeanskaya Rossiya v istorii rossijskoj i vostochnoaziatskikh tsivilizatsij (Pyatye krushanovskie chteniya, 2006 g.): v 2-kh tomakh. Vladivostok: Dal'nauka. 2008. T. 1. S. 104–109.

Владимир Викторович ПОДМАСКИН, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия, e-mail: podmaskin@yandex.ru

Vladimir V. PODMASKIN, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia, e-mail: podmaskin@yandex.ru

Поступила в редакцию

(Received) 18.01.2022

Одобрена после рецензирования

(Approved) 14.02.2022

Принята к публикации

(Accepted) 25.02.2022

Научная статья
УДК 85.103 (3)
DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/38-47

Скульптура периода Камакуры в храмах и музеях

Татьяна Иосифовна БРЕСЛАВЕЦ

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, breslavets.ti@dvmfu.ru

Юрий Леонидович КУЖЕЛЬ

Московский государственный университет спорта и туризма им. Ю.А. Сенкевича, Москва, Россия, korkyr@yandex.ru

Аннотация. Скульптурные портреты, созданные в эпоху Камакуры (1192–1333), бережно сохраняются в буддийских храмах, демонстрируются в национальных музеях и зарубежных галереях. В этот период в Японии произошла трансформация религиозно-философских, этических и эстетических ценностей, поскольку на смену аристократии к власти пришло воинское сословие. Статья даёт понимание не только путей развития портрета, но и акцентирует внимание на новых возможностях его обозрения в музейных экспозициях. В музее, теряя связь с сакральным пространством храма, скульптуры обретают светское значение.

Ключевые слова: скульптура, храм, музей, выставочное пространство, экспонат

Для цитирования: Бреславец Т.И., Кужель Ю.Л. Скульптура периода Камакуры в храмах и музеях // Известия Восточного института. 2022. № 1. С. 38–47. DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/38-47

Original article
DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/38-47

Kamakura Sculpture in Temples and Museums

Tatiana I. BRESLAVETS

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, breslavets.ti@dvmfu.ru

Yurii L. KUZHEL'

Moscow State University of Sports and Tourism n.a. Yu. A. Senkevich, Moscow, Russia, korkyr@yandex.ru

Abstract. Sculptural portraits of Japanese patriarchs and historical figures created in the Kamakura era are carefully preserved in Buddhist temples, and are periodically displayed both in national museums and in foreign galleries. In this period have changed religiously-philosophical, ethical and aesthetic values. The range of depicted images expanded due to new historical figures who devoted themselves to public service. The Kamakura Period was marked by new innovations in sculpture. This article gives an idea not only about the ways of development of the portrait, but also focuses on the new possibilities of its review in museum exhibitions. Round sculpture requires a detour, and this is easily achieved when it is demonstrated in the exhibition space, where it gets a new sound and is filled with additional meaning. In the museum, the audience's perception is formed, sculptures are transformed into art objects that give aesthetic pleasure. They acquire a secular meaning, but at the same time their connection with the sacred space of temples is lost.

Keywords: sculpture, temple, museum, exhibition space, exhibition

For citation: Breslavets T.I., Kuzhel' Yu.L. Kamakura Sculpture in Temples and Museums // Oriental Institute Journal. 2022. No. 1. P. 38–47. DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/38-47

Введение

Камакурская скульптура (1192–1333) завершила блестящий период японской иконографии, прославивший такие эпохи, как Асука (538–710), Нара (710–794) и Хэйан (794–1185). Она предстаёт во всём великолепии в местных храмах, а также в японских и западных музейных экспозициях¹ на постоянной или временной основе, демонстрируя "разные контексты восприятия". В храмовом пространстве скульптура созвучна среде, является органичной частью её убранства, живёт там, где совершается молитва, настраивает на особое общение в атмосфере культа.

¹ Первая музейная выставка в Японии состоялась в 1871 г., в Киото, в храме Ниси Хонгандзи [2, с. 87–97].

Пластический образ умиротворяет и гармонизирует человека, существует в тишине, бесстрастии и безмолвии.

В выставочном зале, изъятая из привычного аутентичного окружения, скульптура утрачивает сакральное назначение, перестаёт быть моленным образом. В музейном пространстве перенесённая в другой контекст, она наделяется светским содержанием. Скульптуре не поклоняются, а ею любуются, изучают её как предмет искусства.

Исследование предложенной темы актуально, поскольку многие из произведений камакурской пластики отнесены к национальным сокровищам *кокухо*: 国宝 или важным культурным ценностям *дзю:ё:бункадзай* 重要文化財. Превращённая в музейный объект, скульптура является предметом национальной гордости, реализует сопричастность к наследию страны и формирует культурно-историческую идентичность.

Цель статьи – рассмотреть особенности презентации буддийских скульптур вне храмовых стен. В задачи входит оценка выставочного зала как культурно-исторического пространства, анализ возможностей обозрения произведений пластики. Современный подход к скульптуре в музее предполагает рассматривать её как художественный шедевр, рождающий у посетителя эстетическое наслаждение.

Исследование ведётся с учетом опыта изучения буддийской скульптуры такими японскими авторами, как Кумада Юмико, Мори Хисаси, Нисимура Котё, Танака Ёсиясу. Используется методология комплексного подхода к анализу эмпирического материала, позволяющего, оценивая конкретное пластическое произведение, прийти к пониманию целостной картины явления. Этому способствует система методов: историзма, типологически-системный, иконологический, аналитический.

Буддийское искусство эпохи Камакуры

Обладая к периоду Камакуры многовековым опытом и заняв устойчивые позиции в художественной культуре Японии, буддийское искусство предложило новое видение мира, роли божеств и реальных людей в нём. На смену старым, но ещё имевшим большое влияние религиозно-философским, этическим, эстетическим ценностям пришли иные представления о жизненных нормах и духовных идеалах [2, с. 193–194]. Изображаемые лики при всей их отрешённости, погружённости в себя стали выгладеть не вознесёнными над земной жизнью, а приближенными к ней. Скульпторов занимала не только Вселенная, но и эмоции человека, его духовные потребности. Сохранился традиционный круг божеств, святых, подвижников, предстоящих и учеников, однако он расширился за счет культурных героев, и в музейном пространстве, возможности восприятия скульптуры увеличились.

Камакурская иконография, выходя за рамки сложившихся понятий о национальном пластическом языке, пополнилась персонажами из ряда государственных деятелей, а также обратилась к последователям буддизма, сыгравшим важную роль в его распространении – индийским и японским патриархам, внося многообразие в галерею их типов [15, с. 74–77]. Портретируемый интересовал мастера *бусси* 仏師 как личность, обладающая социально значимыми качествами. Скульптор через пластику выявлял духовность образа, подчёркивал его телесность.

Подобная новизна привлекает современных посетителей музеев, знакомых с фактами биографии героев, их подвижничеством или государственным служением. Поскольку средствами пластики изображается не мифологизированный герой, а реальная личность, лишённая ритуально-магического посыла, то взгляд зрителя направлен на познание его мира, а также эстетической ценности скульптуры.

Мастера ваяния в эпоху Камакуры

Знаменитый **Кокэй** (ум. в 1200 г.) продемонстрировал высокое мастерство в создании скульптур шести патриархов школы Хоссо *хоссо:рокусю* 法相六祖 для Нанъэндо (Южный октагональный храм)² на территории храма Кофукудзи, пора-

² Основан в 813 г., нынешняя постройка относится к концу XVIII в.

Рис. 1. Патриарх Мудзяку.

Источник: URL: <https://sv-scena.ru/Buki/Istoriya-kuljityury-Yaponii.16.html>

Fig. 1. Patriarch Mujaku.

Source: URL: <https://sv-scena.ru/Buki/Istoriya-kuljityury-Yaponii.16.html>

лей японской школы вааяния считается сын Кокэя – **Ункэй** (1152–1223), создатель нового стиля в скульптуре. Автор произведений храмового искусства, он принадлежал к старинному цеху мастеров, его предками были знаменитые резчики из столицы Нары. В 1208 г. Ункэю поручили создать серию скульптур для Хокуэндо (Северный октагональный храм)³ на территории храма Кофукудзи, в частности индийских патриархов Мудзяку и Сэсина. Скульптуры сохранились до наших дней и свидетельствуют о высочайшем мастерстве Ункэя и его помощников, в том числе пятого сына, Унга, который, судя по обнаруженной надписи, был ответствен за скульптуру Сэсина [6, с. 240–241].

При размещении шедевров Ункэя в современном экспозиционном пространстве, важное место отводится этим скульптурам. Выставка работ трёх поколений семьи Ункэя состоялась 22–26 ноября 2017 г. в Токийском национальном музее и была связана с окончанием реконструкции Накакондо (Центральный золотой павильон) храма Кофукудзи. Центром экспозиции стала скульптура Мудзяку, расположение которого на рекламном постере свидетельствовало о значительности этой фигуры в истории буддизма и искусства (рис. 1).

³ Это самая старая постройка на территории храма Кофукудзи, относящаяся к XIII в., – реконструкция часовни, воздвигнутой в 721 г. в память о сыне основателя рода Фудзивара Каматари – Фудзивара Фубито (659–720).

жающих глубиной образов. Шесть патриархов – Гёга, Гэмпин, Гэмбо, Дзэндзю, Дзёто, Синъэй – представлены фигурами, объединёнными в три пары в соответствии с их позами *сувариката* 座り方. Это сидящие изображения из раскрашенного дерева примерно одного размера – от 76 до 86 см (1189 г.) [8, с. 38–39, 141]. Их роднит глубокое волевое сосредоточение на внутреннем мире, самоуглублённость и в то же время желание быть услышанными, обращённость к последователям веры. В трактовке поз персонажей нет единообразия, характерного для ранней портретной скульптуры.

Они часто являются объектами национальных выставок. В музейной практике Японии случалось, что выставлялись не все шесть патриархов, а, например, только двое – Гёга и Синъэй, которые украшали экспозицию в портретном зале № 2 в Национальном музее г. Нары (апрель 2014 г.). Тогда эти скульптуры можно было охватить одним взглядом. В апреле – мае 2005 г. в Музее изобразительных искусств префектуры Ямагути, в рамках выставки национальных сокровищ храма Кофукудзи, была представлена только сидящая скульптура Гёга.

Одним из ярких представите-

Скульптуры патриархов не придвинуты к стене: есть возможность для их обхода. Пространство обозрения расширено, что создаёт ещё один повод для экспозиционеров при отборе объектов показа, поскольку современный зритель предпочитает круглые фигуры, дающие более полное представление о скульптурах, у которых тщательно смоделированы складки одежды на спине. Трёхмерный объём статуй, пластическая всесторонность усиливают их эмоционально-художественное восприятие. Скульптуры Мудзяку и Сэсина, исполненные духовной напряжённостью, относят к шедеврам портретной пластики эпохи Камакуры, что заставляет организаторов выставок часто их экспонировать (рис. 2).

До последних дней жизни Ункэй был связан с восточным районом Японии, где зародился и получил развитие стиль, отразивший вкусы и пристрастия воинского сословия как силы, лидирующей в стране. Камакурская пластика, созданная Ункэем с учётом предшествующих традиций, на долгие годы определила вектор развития японской скульптуры, представленной шестью сыновьями Ункэя и другими последователями.

Не случайно после многих лет изучения и собирания, с 23 января по 21 марта 2021 г. в Городском историческом музее г. Йокогамы была проведена специальная выставка шедевров буддийского искусства, куда были включены и лучшие произведения периода Камакуры. Выставку украсили статуи Одиннадцатиликой Каннон из храма Кэйкодзи, скульптуры Ункэя – Якуси [14, с. 96], Дзидзо [12, с. 50–51], Амиды, Дайнити [14, с. 80, 128], а также исторического персонажа – принца Сётоку Тайси (574–621).

Японские галеристы не ограничились демонстрацией произведений пластического искусства, а сопроводили мероприятие лекциями о зарождении и развитии буддийской скульптуры в этом районе, акцентируя внимание на исторической ситуации, которая содействовала использованию иных приёмов художественной выразительности – переключению внимания на всем понятные зрительные образы. Было очевидно, что произведения этих лет стали основой для успеха дальнейшего творчества Ункэя, в котором воплотились лучшие черты его уникального стиля, отличающего скульптуры мастера от талантливых работ других.

В 150-летнюю годовщину со дня подписания первого договора о дружбе и культурном обмене между Японией и Италией в зале Скудерия папского Квиринальского дворца, в Риме, с 29 июля по 4 сентября 2016 г., проходила выставка шедевров японской скульптуры. Среди них были три работы **Танкэя** (1173–1256), старшего из сыновей Ункэя, – Бисямонтэн (169 см) [19, с. 74], Китидзётэн (80 см) [19, с. 81] и Дзэнниси Додзи (80 см) [16, с. 142]. Скульптуры, принадлежащие храму Сэккэйдзи (преф. Коти), выполнены из раскрашенного дерева.

Автор сделал акцент на теплоте их взоров и обращённости предстоящих к людям, над которыми божества не возвышаются. Хотя это изображения не известных людей эпохи, а представителей буддийского пантеона, но по переданной стили-

Рис. 2. Патриарх Сэсин.

Источник: URL: <https://ru.frwiki.wiki/wiki/Kofuku-ji>

Fig. 2. Patriarch Sesin.

Source: <https://ru.frwiki.wiki/wiki/Kofuku-ji>

Рис. 3. Принц Сётоку Тайси.
Источник: URL: https://twitter.com/moa_museum/status/1361264987801489409

Fig. 3. Prince Shōtoku Taishi.
Source: https://twitter.com/moa_museum/status/1361264987801489409

фотография бодхисаттвы Мироку (1189 г., 462 см) из Бостонского музея изобразительных искусств.

В Токийском национальном музее, в октябре – декабре 2018 г., в рамках специализированной выставки скульптур из храма Дайхоондзи (Киото), по случаю 800-летия (2020 г.) основания храма, были представлены работы Кайкэя – Десять Великих учеников Будды (Дзюдайдэси) [12, с. 82–83; 6, с. 144]. Расположение скульптур в пространстве выставочного зала даёт возможность зрителю, обходя их вокруг, осмотреть их объёмно, при этом создаётся ощущение, что они находятся в движении.

Ученики, сгруппированные вокруг Учителя, демонстрируют верность Учению и готовность нести его людям. В выставочном зале явно прослеживается обращённость учеников к Наставнику, стремление идти за ним. Это достигается продуманным расположением фигур в экспозиционном пространстве, где наглядно действует принцип митатэ. В храме скульптуры придвинуты к стене, но мастера

стике они выходят из традиционного сакрального сонма божеств и приближаются к людям, в чем и проявляется особенность камакурской иконографии, переосмыслившей художественную подачу пластических образов.

Если в храме прихожанин сосредоточен на молитве, то посетитель музея обращает внимание на художественную составляющую образа: детали облачения, украшения, сакральные атрибуты и открывает творческую сторону скульптуры как экспонента⁴.

Творчество скульптора **Кайкэя** (1150–1250), создавшего многочисленные произведения буддийской пластики, настолько значительно, что ему была посвящена моноэкспозиция⁵ в Национальном музее г. Нары (08.04. – 04.06.2017 г.), собравшая восемьдесят восемь работ мастера, семь из которых относятся к национальным сокровищам, пятьдесят – к важным культурным ценностям. На выставке "Буддийский скульптор Кайкэй" были представлены работы мастера из храмов Тодайдзи (Нара), Конгобудзи (Вакаяма), Идзюяма (Сидзуока), святилища Хатимангу (Нара) и др., а также Стоящий Шакьямуни (XIII в., 81,8 см) из Художественного музея Кимбелл, (Форт Уэрт, Техас) и

⁴ На наш взгляд, происходит свойственная японскому искусству подмена – *митатэ* 見立て, когда объект в иных условиях выступает в новом качестве, выявляет другие свойства, обогащающие его восприятие зрителем. Например, показательны манипуляции с веером в руках мастера "смешного рассказа" (ракуго) или имитация картин природы в японских садах. "Используя прием *митатэ*, стало возможным *представить* обычные, хорошо знакомые всем предметы в новом неожиданном контексте", т. е. так, чтобы представляемое приобретало особый смысл и акцент [3, с. 54–56].

⁵ Одиннадцатиликая Каннон (XIII в., 122,4 см, дерево, позолота) принадлежит его ученику Тёкаю.

художественно обработали и спины, что в музее становится очевидным и вызывает интерес зрителей, усиливая восприятие произведений.

Фокус экспозиции – Исторический Будда Шакьямуни (скульптор **Гёкай**, XIII в., ученик Кайкэя, школа Кэй) [14, с. 50] изображён сидящим в одной из канонических поз проповеди. Его правая рука, согнутая в локте и с открытой ладонью, демонстрирует мудру *сэмушин* 施無畏印, а левая – открытой ладонью лежит на колене – мудру *ёганбин* 与願印. Считается, что подобное положение рук является одной из разновидностей мудры проповеди – *сэптоин* 說法印 [10, с. 8, 10, 14]. Скульптор не вышел за рамки традиции, в частности, не избежал телесного признака – надутых, как у льва, щёк *сисигё:со*: 獅子形相 [6, с. 297], но смог и через бесстрашие покая показать пластическими средствами глубину боли Наставника человечества за всех живых существ.

Золочёная мандорла *нидзю:энко*: 二重円光 украшена фигурками будд и колокольчиками, распространяющимися в мире глас Учения [18, с. 174]. От своего учителя Гёкай наследовал манеру изображения раскосых глаз и передачи одухотворенного взгляда, но пренебрёг вниманием к деталям. Завитки волос неоправданно увеличены, а нос смоделирован недостаточно тонко. Возможно, в этом проявилась самобытность Гёкая.

В Токийском национальном музее были выставлены и другие шедевры из храма Дайхоондзи – Шесть воплощений бодхисаттвы Каннон скульптора **Дзёкэя II** (род. в 1184 г.): Святая Каннон, Тысячерукая Каннон, Одиннадцатиликая Каннон, Каннон с Лошадиной головой, Каннон Чунди (Дзюнтэй Каннон) и Каннон с жемужиной исполнения желаний [7, с. 194]. Скульптурные образы Каннон были популярны в японской пластике, но, возможно, Дзёкэй II уделил им большое внимание в связи с тем, что и в Сунском Китае (960–1279) был широко распространён культ этой бодхисаттвы под именем Гуан Инь.

Из тридцати трех ипостасей Каннон, канонизированных в сутрах, к изображению семи (в их числе – Каннон с силками) наиболее часто прибегали японские скульпторы. Из шести образов для храма Дайхоондзи точно принадлежащей Дзёкэю II признаётся Каннон Чунди, одна из пяти "превращённых" *хэнгэ* 變化 Каннон. Это определено по надписи на статуе, найденной в XX в. во время реставрационных работ.

Скульптура из нераскрашенного дерева впечатляет изысканностью. Хорошо сохранились пьедестал и постамент. Сунское влияние обнаруживается в передаче складок одежды, струящейся по телу, и декоративности высокой причёски, которая становится отдельным произведением искусства.

Каннон Чунди, иначе Чунди *буцубо* 仏母 (буддоматерь), считается прародительницей бесчисленных будд прошлого. Это типичный образ для японо-буддийской иконографии: однолика, трехъюкая, восемнадцатирукая, насыщенная такими символами, как лотос, чётки, ритуальное оружие ваджра, топорик, колесо закона и др. Каннон Чунди изображена в рост на фоне резной мандорлы в форме ладьи. Её волосы собраны в искусно выполненную высокую причёску *ко:кэй* 高髻, украшенную диадемой, голова обрамлена широким обручем. В художественной резьбе причёсок скульптор достиг наивысшего мастерства. Руки Святой Каннон украшены браслетами *вансэн* 腕釧 и *хисэн* 臂釧; одежда *дзё:хаку* 条帛, расходящаяся по всей длине фестончатыми складками, обтекает стройную фигуру милосердного божества [18, с. 163–174].

Эти черты высокой изобразительности и декоративности характерны для многих работ Дзёкэя II. По замыслу автора, скульптуры придвинуты к стене, но задником служит ажурная, пропускающая свет мандорла во весь рост, и создаётся иллюзия кругового обхода. В музейной экспозиции можно осмотреть скульптуру со всех сторон, обращая внимание на мастерски вырезанные складки одежды, прикрывающей спину.

Даже находясь вне храма, скульптуры оказывают эмоциональное воздействие, в том числе и благодаря удачному решению художников выставки разместить их на красных круглых постаментах, повторяющих очертания родных пьедесталов

и совпадающих по цвету с полотнами на заднем фоне. Благодаря искусственному освещению знакомые по храму скульптуры визуализируются по-новому.

Скульптура позднекамакурского периода

В позднекамакурский период обозначился переход от мифологической скульптуры к изображению реальных лиц, принадлежавших буддийскому сообществу, и к созданию светских произведений. Мастера обратились к известным личностям прошлых веков и государственным деятелям, определявшим историю страны.

Заслуживает внимания в качестве культурной ценности малоизвестная скульптура принца Оцу (663–686). Широкой японской публике она была представлена в 2008 г., когда в Токио проходили две выставки шедевров храма Якусидзи – в Токийском национальном музее и в столичном районе Мэгуро, где и был показан скульптурный портрет принца. Тогда, возможно, зрители впервые прочувствовали важность этой личности и как члена императорской семьи и как талантливого поэта, о котором знали только специалисты. Например, в антологии "Манъёсю" (№ 416) есть стихотворение принца, сложенное им накануне смерти, оно помещено и в антологию "Кайфусо" [1, с. 152]. Проведение подобных выставок открывает широкие возможности для национального самообразования.

После смерти отца принц пытался завладеть тронном, но заговор был раскрыт, и его казнили. Мастер XIV в. создал сидящую скульптуру из наборного дерева, высотой 39,5 см, облачённую в придворное одеяние [17, с. 141]. Особое внимание он уделил выражению лица, в котором передал страдание расстающегося с жизнью. Сдвинутые брови, полуприкрытые глаза выражают душевную боль.

Очевидно, что зрителя привлекает одухотворённый образ легендарного персонажа, о котором до этого он мог и не слышать. Посещение выставки расширяет культурный горизонт и способствует углублению не только знаний об этой личности, но и позволяет прикоснуться к его трагической судьбе и осознать меру его поэтического таланта.

Одним из излюбленных объектов для ваяния стал принц Сётоку Тайси. Идеализированные изображения Сётоку Тайси разделяются на три категории, олицетворяющие этапы его жизни: детство, юность и зрелость. *Намубуцу Тайси дзо*: 南無仏太子像 – принц стоит со сложенными в молитве руками и возглашает молитву⁶. *Ко:ё: Тайси дзо*: 孝養太子像 – принц выражает сыновнюю почтительность. *Косан Тайси дзо*: 古參太子像 – изображение принца-регента [8, с. 68–69].

Скульптуры Сётоку Тайси часто появляются в выставочных экспозициях, устраиваются и его моновыставки. Городской музей изобразительных искусств г. Сидзуоки проводил выставку в июне – июле 2014 г. В 1250-ю годовщину основания храма Сайдайдзи, в мае 2017 г., скульптуру намубуцу Тайси демонстрировали в музее "Мицуи кинэн бидзюцукан", в тематическом разделе "Нара Сайдайдзитэн". В постоянной экспозиции Музея искусств MOA⁷ выставляется круглая скульптура Сётоку Тайси (рис. 3) в двухлетнем возрасте в стиле намубуцу (скульптор Косюн, раскрашенное дерево, 68 см, 1320 г.).

Светлый государь Айдзэн мёо (скульптор Коэн, 1275 г., храм Дзингодзи, г. Киото) не часто выставляется, хотя, с точки зрения восприятия зрителем, он чрезвычайно колоритный и не может не привлечь внимания. Он предстаёт окрашенным в красный цвет, с длинными прямыми волосами, похожими на ровные языки пламени, вздыбленные в стиле *эмпацу* 炎髮 на фоне красного нимба, представляющего солнечный круг *нитириин* 日輪 [18, с. 162, 170, 174].

Шестирукий Светлый государь очень привлекателен для экспозиционеров, поскольку мало известен современной публике и своим необычным видом вызывает интерес у зрителей. Страшный ликом, Айдзэн воплощает обуздание страстей,

⁶ Наму Амидабуцу – Славься, будда Амида

⁷ Музей MOA был открыт в 1982 г. Ассоциацией Мокити Окада (MOA). Глава организации Окада Мокичи (1882–1955) был известным коллекционером.

избавление от страданий и заблуждений, но не через насилие, а путем естественных изменений в человеке, которые приведут к просветлению души.

Экспозиции скульптур Камакуры

Организованная в Нью-Йорке, в 2016 г., по инициативе Азиатского общества, экспозиция шедевров Камакуры из ведущих американских музеев, как и другие, проходящие в Японии и Европе, показала их востребованность в современной жизни Восточного и Западного миров, путешествие по которым они продолжают. По случаю 160-летней годовщины установления дружеских отношений между Японией и Францией в Национальном музее восточных искусств Гиме, в Париже, была проведена выставка шедевров из храма Кофукудзи под девизом "Японизм 2018", среди которых экспонировалась скульптура стража врат Конго рикиси (школа Кэй, период Камакура) [11, с. 137].

Инициатором знакомства японских и западных зрителей с традиционной скульптурой, наряду с Агентством по культуре Японии, активно выступает Комитет по культуре префектуры г. Нары, который, в частности, с 3 октября по 24 ноября 2019 г. организовал в Британском музее выставку двадцати шедевров из храмов, включая национальные сокровища и важные культурные ценности эпохи Камакуры. Лондонская выставка прошла под девизом "Священные образы ранней Японии. Истоки японской веры и красоты".

Японские организаторы выставок буддийского искусства за рубежом проводили их в преддверии Олимпиады 2020 г., в том числе и с целью привлечь туристов в страну. Но пандемия внесла свои коррективы, и амбициозные задачи оказались невыполнимыми.

В 2019 г. продолжались выставки в честь основания храма Дайхоондзи. С 23 апреля по 16 июня состоялась специальная выставка в Национальном музее Кюсю, представившая скульптурные шедевры этого храма, в том числе Шесть воплощений Каннон и Десять Великих учеников Будды [12, с. 82–83].

С апреля 2014 г. в префектурах Японии под девизом "Принц Сётоку – 1400 лет"⁸ проводятся тематические выставки с показом скульптур этой великой личности, которую Н. И. Конрад назвал "апостолом Японии" [5, с. 28]:

27 апреля – 20 июня 2021 г. – Национальный музей г. Нары,

13 июля – 5 сентября 2021 г. – "Принц Сётоку и храм Хорюдзи",

17 ноября 2021 – 10 января 2022 г. – Музей искусств Сантори, в Токио.

На начало 2020-х гг. спланирована целевая программа организации выставок буддийских скульптур, в том числе из шедевров эпохи Камакуры, как в столичных музеях, так и региональных. С 23 марта по 4 июля 2021 г. в префектуре Сайтама состоялась выставка из Национального музея г. Нары, где были представлены произведения ранней буддийской пластики и, конечно, шедевры Камакуры – будда Амида [14, с. 80], Светлые государи Фудо мёо и Айдзэн мёо [13, с. 52, 90], Одиннадцатиликая Каннон, бодхисаттва Дзидзо [12, с. 50–51].

При организации выставок скульптур, первоначально созданных для храмов, перед экспозиционером стоит задача выбрать способ их показа, выявить основные смыслы, поэтому музейные интерпретации могут быть разнообразными. В музеях иллюстрируются мировоззренческие концепции буддизма, соотносящиеся с конкретной эпохой, в данном случае с эпохой Камакуры. Предметы искусства, перенесённые из храма, представляют исторические артефакты, соответствующие времени. Однако экспонирование базируется и на отношении к предметам как к произведениям искусства, вызывающим эстетическое наслаждение, возводящим их в статус шедевров. Выставленные произведения сопровождаются пояснениями – описаниями школы вааяния, региона и времени создания, места постоянного нахождения, исходного материала, указанием имени мастера. Всё это составляет целостное представление о предмете и расширяет кругозор посетителя.

⁸ В 2021 г. исполняется 1400 лет со дня смерти Сётоку.

Скульптуры могут рассматриваться и как сакральные, но тогда необходима реконструкция храма в музее и создание первоначального окружения, что не является задачей организаторов выставок. Перенос скульптуры из одного контекста в другой, лишение сакральности меняют её символическое и практическое содержание. Музеефикация способствует утрате культовой природы скульптуры, которая начинает оцениваться по культурно-историческим и эстетическим критериям. Однако потеря скульптурой связи с храмовым миром не обедняет её, а углубляет философско-эстетический аспект произведения. Восприятие скульптур в музее, на экспозиционной площадке отличается от восприятия в сакральном пространстве храмов, где прихожанин сосредоточен на аккумуляции религиозных чувств, а не на выражении восторга от встречи с произведением искусства.

Заключение

Камакурская скульптура, опираясь на традиции раннеяпонского реализма и китайской школы вааяния, открыла темы и образы, почти отсутствовавшие в предшествующих периодах. В ней наблюдается отход от каноничности сакральной скульптуры. Она свободно размещается в пространстве экспозиций, проявляя особенности художественного образа, что свидетельствует о переосмыслении языка пластики. Это также подтверждается наличием в храме не только пристенных скульптур, но и круглых, что позволяет переносить их в выставочные залы, придав скульптурам светское содержание.

В Японии и за рубежом проводятся выставки лучших произведений эпохи Камакуры из храмов и музеев, что предоставляет зрителям возможность детально ознакомиться с ними. Выставленные в экспозиционном пространстве, скульптуры демонстрируют верность принципу объёмного обозрения, который расширяет представление о японском храмовом искусстве, наполняющемся важным дополнительным смыслом, в том числе и благодаря развитости ассоциативного мышления японцев. В музее доминируют эстетические идеи, оценивается мастерство авторов, обращается внимание на выразительность исполнения скульптур, т. е. преобладает художественно-образное секулярное восприятие.

Литература

1. Бреславец Т. И. Литература Японии VIII–X вв. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2014. 336 с.
2. Виноградова Н. А. Скульптура Японии III–XIV вв. – М.: Изобразительное искусство, 1981. 240 с.
3. Герасимова М. П. Воображение японцев // Историческая психология и социология истории. 2016. № 1. С. 2–23.
4. Герасимова М. П. Из истории учреждения музеев в Японии // Восток (Orient). 2014. № 5. С. 87–97.
5. Конрад Н. И. Очерк истории культуры средневековой Японии VII–XVI века. – М.: Искусство, 1980. 144 с.
6. Кужель Ю. Л. XII веков японской скульптуры. М.: Прогресс-Традиция, 2018. 496 с.
7. Кужель Ю. Л. Мир японского паломничества. М.: МГИИТ, 2012. 327 с.
8. Mori Hisashi. Sculpture of the Kamakura Period. Tokyo: Heibonsha, 1974. 174 с.
9. Mori Hisashi. The Japanese Portrait Sculpture. Tokyo: Shibundō, 1977. 150 с.
10. 秋山愛三郎. 印相. 要所河. 1939. 83 С. = Акияма Аисабуро. Мудры / Аисабуро Акияма. Йокогама: Ёсёкава, 1939. 83 с.
11. 仏像探訪. 東京、エイ出版社. 2011. № 3. 144 С. = Исследования буддийской скульптуры. Токио: Эйсюпанся, 2011. № 3. 144 с.
12. 熊田由美子. 仏像の辞典. 東京、成美堂. 2006. 159 С. = Кумада Юмико. Энциклопедия буддийских скульптур / Юмико Кумада. Токио: Сэйбидо, 2006. 159 с.
13. 明王像のすべて. 東京、エイ出版社. 2014. 125 С. = Все скульптуры Светлых государей. Токио: Эйсюпанся, 2014. 125 с.
14. 如来像のすべて. 東京、エイ出版社. 2013. 144 С. = Все скульптуры будд. Токио: Эйсюпанся, 2013. 144 с.
15. 西村公朝、小川光三. 仏像の見分け方. 東京、新潮社. 2009. 119 С. = Нисимура Котё, Огава Кодзо. Изучение буддийской скульптуры / Котё Нисимура, Кодзо Огава. Токио: Синтёся, 2009. 119 с.
16. 桜井恵. 四国遍路. 東京、日本放送出版協会. 290 С. = Сакураи Мэгуми. Паломники Сикоку / Мэгуми Сакураи. – Токио: Нихон хосо сюппан кёкай. 2008, 290 с.
17. 関裕二. 仏像と古代史. 東京、ブクマン社. 2012. 227 С. = Сэки Юдзи. Буддийская скульптура и древняя история / Юдзи Сэки. Токио: Букманся, 2012. 227 с.

18. 田中義恭. 仏像の世界. 東京、日本文芸社. 2008. 255 С. = Танака Ёсиясу. Мир буддийской скульптуры / Ёсиясу Танака. Токио: Нихон бунгэйся, 2008. 255 с.
19. 天皇仏像のすべて. 東京、エイ出版社. 2013. 123 С. = Все скульптуры Небесных царей. – Токио: Эйсюпанся, 2013. 123 с.

References

1. Breslavets T. I. Literatura YAponii VIII–X vv. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2014. 336 s.
2. Vinogradova N. A. Skul'ptura YAponii III–XIV vv. – M.: Izobrazitel'noe iskusstvo, 1981. 240 s.
3. Gerasimova M. P. Voobrazhenie yapontsev // Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii. 2016. № 1. S. 2–23.
4. Gerasimova M. P. Iz istorii uchrezhdeniya muzeev v YAponii // Vostok (Orient). 2014. № 5. S. 87–97.
5. Konrad N. I. Ocherk istorii kul'tury srednevekovoj YAponii VII–XVI veka. – M.: Iskusstvo, 1980. 144 s.
6. Kuzhel' YU. L. XII vekov yaponskoj skul'ptury. M.: Progress-Traditsiya, 2018. 496 s.
7. Kuzhel' YU. L. Mir yaponskogo palomnichestva. M.: MGIIIT, 2012. 327 s.
8. Mori Hisashi. Sculpture of the Kamakura Period. Tokyo: Heibonsha, 1974. 174 s.
9. Mori Hisashi. The Japanese Portrait Sculpture. Tokyo: Shibundō, 1977. 150 s.
10. 秋山愛三郎. 印相. 要所河. 1939. 83 S. = Akiyama Aisaburo. Mudry / Aisaburo Akiyama. Jokogama: YOsyokava, 1939. 83 s.
11. 仏像探訪. 東京、エイ出版社. 2011. № 3. 144 S. = Issledovaniya buddijskoj skul'ptury. Tokio: EHjisyupansya, 2011. № 3. 144 s.
12. 熊田由美子. 仏像の辞典. 東京、成美堂. 2006. 159 S. = Kumada YUmiko. EHntsiklopediya buddijskikh skul'ptur / YUmiko Kumada. Tokio: Sehjido, 2006. 159 s.
13. 明王像のすべて. 東京、エイ出版社. 2014. 125 S. = Vse skul'ptury Svetlykh gosudarej. Tokio: EHjisyupansya, 2014. 125 s.
14. 如来像のすべて. 東京、エイ出版社. 2013. 144 S. = Vse skul'ptury budd. Tokio: EHjisyupansya, 2013. 144 s.
15. 西村公朝、小川光三. 仏像の見分け方. 東京、新潮社. 2009. 119 S. = Nisimura Kotyo, Ogava Kodzo. Izuchenie buddijskoj skul'ptury / Kotyo Nisimura, Kodzo Ogava. Tokio: Sintyosya, 2009. 119 s.
16. 桜井恵. 四国遍路. 東京、日本放送出版協会. 290 S. = Sakurai Mehgumi. Palomniki Sikoku / Mehgumi Sakurai. – Tokio: Nihon khoso syuppan kyokaj. 2008, 290 s.
17. 関裕二. 仏像と古代史. 東京、ブクマン社. 2012. 227 S. = Sehki YUdzi. Buddijskaya skul'ptura i drevnyaya istoriya / YUdzi Sehki. Tokio: Bukmansya, 2012. 227 s.
18. 田中義恭. 仏像の世界. 東京、日本文芸社. 2008. 255 S. = Tanaka YOsiyasu. Mir buddijskoj skul'ptury / YOsiyasu Tanaka. Tokio: Nihon bungehjsya, 2008. 255 s.
19. 天皇仏像のすべて. 東京、エイ出版社. 2013. 123 S. = Vse skul'ptury Nebesnykh tsarej. – Tokio: EHjisyupansya, 2013. 123 s.

Татьяна Иосифовна БРЕСЛАВЕЦ, канд. филол. наук, профессор кафедры японоведения ДВФУ, г. Владивосток, Россия, e-mail: breslavets.ti@dvfu.ru

Юрий Леонидович КУЖЕЛЬ, д-р искусствоведения, профессор кафедры иностранных языков Московского государственного университета спорта и туризма им. Ю.А. Сенкевича, г. Москва, Россия, e-mail: korkyr@yandex.ru

Tatiana I. BRESLAVETS, Candidate of Philological Sciences, Professor, Japanese Studies Department, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: breslavets.ti@dvfu.ru

Yurii L. KUZHEL', Doctor of Art History, Professor, Department of Foreign Languages, Moscow State University for Sports and Tourism n.a. Yu. A. Senkevich, Moscow, Russia, e-mail: korkyr@yandex.ru

Поступила в редакцию

(Received) 19.12.2022

Одобрена после рецензирования

(Approved) 15.02.2022

Принята к публикации

(Accepted) 25.02.2022

Особенности антикитайского иммиграционного законодательства США (середина XIX – середина XX вв.)

Николай Владимирович КУХАРЕНКО

Благовещенский государственный педагогический университет, Благовещенск, Россия, inter@bgpu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются многочисленные иммиграционные акты и законы США в период с 1849 по 1949 гг., начиная с эпохи "золотой лихорадки" в Калифорнии и заканчивая завершением Второй мировой войны и созданием Китайской Народной Республики. Автор наглядно демонстрирует изменения в политике США в отношении выходцев из Китая в зависимости от внутренних и внешних обстоятельств, анализирует факторы выталкивания и притяжения, оказавшие влияние на китайскую эмиграцию. Автор уделяет особое внимание сходству и различиям в механизмах социокультурной адаптации европейских и китайских иммигрантов к реалиям принимающего сообщества, приводит малоизвестные исторические факты расовой сегрегации в США.

Ключевые слова: США, Китай, китайцы, мультикультурализм, иммиграция, законодательство, ограничения, расизм, сегрегация, адаптация, диаспора

Для цитирования: Кухаренко Н.В. Особенности антикитайского иммиграционного законодательства США (середина XIX – середина XX вв.) // Известия Восточного института. 2022. № 1. С. 48–57. DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/48-57

Original article
DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/48-57

Peculiarities of Anti-Chinese Immigration Legislation in the United States (mid-XIX – mid-XX centuries)

Nikolai V. KUKHARENKO

Blagoveshchensk State Pedagogical University, Blagoveshchensk, Russia, inter@bgpu.ru

Abstract. Looking at contemporary U.S. policy on multiculturalism, efforts to achieve ethnic diversity and respect for natives of other countries, it is hard to imagine that in the XIXth and XXth centuries American society was far from today's ideals. This article examines numerous U.S. immigration acts and laws from 1849 to 1949: from the California Gold Rush era to the end of World War II and the establishment of the People's Republic of China. The author studies the works of American scholars on this issue. The article vividly demonstrates changes in U.S. policy toward Chinese natives depending on internal and external circumstances, and analyzes the push and pull factors that influenced Chinese immigration. The author pays special attention to the similarities and differences in the mechanisms of sociocultural adaptation of European and Chinese immigrants to the realities of the host community, cites little-known historical facts of racial segregation in the USA. The article might be interesting to students and scholars specializing in Asian and American studies.

Keywords: United States, China, Chinese, immigration, migrants, legislation, restrictions, diaspora, segregation, multiculturalism

For citation: Kukharenko N.V. Peculiarities of Anti-Chinese Immigration Legislation in the United States (mid-XIX – mid-XX centuries) // Oriental Institute Journal. 2022. № 1. P. 48–57. DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/48-57

Рассматривая современную политику США в сфере мультикультурализма, усилия, направленные на достижение этнического многообразия и уважительного отношения к выходцам из других стран, с трудом можно себе представить, что в XIX и XX веках американское общество было далеко от сегодняшних идеалов. Хотя Соединенные Штаты Америки сформировались исключительно благодаря мигрантам. В первые десятилетия XVII века приток переселенцев из Старого Света приобрел стабильный характер. Возникали этноцентричные территориальные образования: Новая Англия, Новые Нидерланды, Новая Швеция.

Люди покидали Европу по разным причинам, но среди них можно выделить три ключевые. Первая и основная на начальном этапе иммиграции – поиск свободы вероисповедания. Влияние протестантской Реформации (1517 г.) быстро

стало ощутимо во всей Европе, и, по мере того как это движение набирало силу, все большее число религиозных нонконформистов становилось религиозными беженцами.

Вторая причина иммиграции из Европы – это возможность начать новую жизнь, на собственной земле, что для перенаселенной Европы было особенно актуальным.

И, наконец, третья причина – желание разбогатеть на золотых приисках Калифорнии. Середина XIX в., когда в Калифорнии было найдено золото, является началом третьей иммиграционной волны, теперь уже не только из Европы, но и из Юго-Восточной Азии и Южной Америки.

Первые переселенцы из Азии и даже их последующие поколения, родившиеся на американском континенте, никогда не чувствовали себя в США как дома. В своей книге "Чужак" (The Stranger), чтобы объяснить дискриминацию и отчуждение, испытываемые группой мигрантов, входящей в новое принимающее общество, американский социолог Джордж Симмель представил теорию, основанную на опыте еврейской диаспоры. Изначально не принадлежа к веками сложившейся принимающей культуре, чужаки приносят свои традиции и обычаи, которые часто разительно отличаются от принятых в данном обществе. В результате иммигранты формируют замкнутые этноцентричные клановые структуры, жестко привязанные к старой стране и старой культуре. Принимающее население, оценивая иммигрантов, уделяет внимание не их индивидуальности и талантам, а их чуждому происхождению [11, с. 17].

Азиатские иммигранты превращались в "чужаков" не только потому, что они прибыли в страну, не будучи связанными с принимающим сообществом общими культурными узами. Не последнюю роль в этом сыграло их происхождение и специфическое отношение к ним со стороны американского населения. Их опыт ассимиляции во многом отличался от опыта европейских иммигрантов. Иммигранты европейского происхождения имели определенные преимущества. Например, европейцы могли скрыть свое прошлое и начать новую жизнь, взяв себе другие имена и фамилии. "Америка предлагала новую жизнь, новые надежды, новые перспективы", – замечает Джон Хук в своей книге, посвященной истории американских фамилий. "Почему бы было не попытаться влиться в американское общество с новым "американским" именем, которое не имело ничего общего с прошлой жизнью. Не отличавшиеся на глаз от американского населения, европейские переселенцы с легкостью растворились в нем" [5, с. 325].

Ассимиляция азиатских иммигрантов было сопряжена с определенными трудностями. Они пришли с *другого берега* через Тихий океан, в отличие от европейцев, пересекших Атлантический. В данном контексте слово *берег* несет в себе дополнительную смысловую нагрузку, подчеркивая различие между азиатскими культурными традициями и традициями, зародившимися в греко-римском мире. Более того, азиаты обладали признаками, которые они не могли изменить или скрыть – форма глаз, цвет кожи и волос. Они носили то, что можно назвать *расовой униформой*. В отличие от ирландцев или немцев, китайцы не могли стать простыми членами общества, неразличимыми в массе населения. Они, к своему большому сожалению, вскоре обнаружили, что о них судят по цвету кожи, а не по деловым и личным качествам. *Этнический антагонизм* заставлял белых рабочих выступать за ограничение использования китайского труда даже в узкоспециализированных и низкодоходных сферах. [6, с. 890.]

В результате многие иммигранты из Азии были вынуждены открывать свои магазины, становиться торговцами и мелкими предпринимателями. Как известно открытие собственного дела не было характерной чертой китайских иммигрантов, так как у себя на родине они были крестьянами. Смена рода деятельности стала средством выживания, ответом на расовую дискриминацию и изгнание с рынка труда. Иммигранты, будучи исключенными из общей экономики, организовывали самодостаточные, автономные анклав, служившие экономическим базисом для этнической солидарности. В свою очередь, такая экономическая и культурная

обособленность ещё больше усиливала их образ *чужаков* и отношение к ним, как к *чужакам* [2, с. 547].

Рассматриваемый в статье этап китайской иммиграции в США приблизительно охватывает период с середины XIX века до окончания Второй мировой войны. В любом миграционном процессе можно выделить так называемые *выталкивающие* и *притягивающие* факторы. *Выталкивающим* фактором в случае с китайскими мигрантами послужил экономический и общественный упадок внутри страны после того, как Китай проиграл Великобритании Первую опиумную войну (1839-1842 гг.) и был вынужден подписать унижительный Нанькинский договор. Правительство Китая, ранее строго контролировавшее передвижение своих подданных, с открытием портов свободной торговли и фактической потерей контроля над ними уже не могло предотвратить массовый исход китайского населения. Тысячи китайцев, проживавших в прибрежных портовых районах и более или менее знакомых с внешним миром, хотели отправиться в другие страны в поисках заработка.

Кроме того, Китай раздирали внутренние восстания. Самое известное из них было восстание тайпинов (1850–1864 гг.), в ходе которого погибло по самым скромным оценкам от 20 до 30 млн. человек, по более реалистичным – до 100 млн человек [12]. Некогда процветающие районы Китая были разорены и опустели. Неспособность властей установить порядок в стране привела к тому, что во второй половине XIX в. множество жителей покинуло страну.

После окончания опиумных войн (1857-1858 гг.) Францией и Великобританией на правительство Китая были наложены штрафные санкции. А правительство обложило население высокими, для многих непосильными налогами. Тех крестьян, кто не мог платить установленную сумму, лишали земельных наделов. Особенно остро эта проблема встала в провинции Гуандун, которая уже тогда была самой густонаселенной территорией Китая. Крестьянам, лишенным земли и, следовательно, средств к существованию, ничего другого не оставалось, как покинуть родные места. Одни отправлялись в Малайзию, другие в Сингапур, третьи – в США. Именно из-за того, что большинство приезжающих в Калифорнию китайцев были выходцами из Гунадун, в китайской диаспоре в США долгое время основным языком общения был кантонский диалект, распространенный в этой провинции. Большинство китайских мигрантов прибывали в США по системе "билет в кредит", когда посредник оплачивал их проезд, а затем мигрантам нужно было возместить эту сумму из своих заработков с учетом процентов.

Середина XIX века неразрывно связана с "золотой лихорадкой" в США, когда огромное число искателей приключений и желающих быстро разбогатеть стекалось в Калифорнию со всех концов света. Китайские мигранты не были исключением. Если до этого времени в Калифорнии насчитывалось 54 китайца, то в течение последующих десятилетий эта цифра выросла до 116 тыс. (всего в США в то время насчитывалась 151 тыс. китайских иммигрантов). [6, с. 21.] Большинство приезжавших в Америку китайцев ставили перед собой единственную цель – заработать денег и вернуться домой, в семью. Именно поэтому они ощущали себя временными жителями – *huaqiao*, и менталитет *huaqiao* сохранился, даже когда годы растянулись в десятилетия, а десятилетия – в поколения.

Со временем золотые запасы истощались, и негативное отношение к иностранцам возрастало. В 1850 году под давлением населения законодательный орган штата Калифорния принял первый закон о налоге на иностранных шахтеров (*Foreign Miners Tax*), взимавший ежемесячную плату в размере двадцати долларов с каждого иностранца, занятого в горнодобывающей промышленности. В результате среди иностранных шахтёров прокатилась волна протестов, и в 1851 году закон был отменен. Закон о налоге на иностранных шахтеров был вновь принят в 1852 году. В 1853 году в разделе 6 закона о налоге на иностранных шахтеров говорилось: "Сумма, выплачиваемая за каждую лицензию, составляет четыре доллара в месяц, и эта лицензия ни в коем случае не подлежит передаче" [13].

Многие иностранцы отказались платить налог и покинули страну. Другие, как, например, китайцы, остались в Калифорнии и нашли себе работу в других сферах.

К началу 1860-х годов, когда "Золотая лихорадка" пошла на спад, многие европейцы покинули шахты, и китайские старатели составляли две третьих всех горнорабочих к западу от Скалистых Гор. Помимо шахтеров, китайцы работали в горняцких сообществах в качестве прислуги, поваров и прачечных рабочих.

Фактор *притяжения* складывался за счет заинтересованности западных колониальных держав в привлечении дешевой и покорной рабочей силы для развития недавно приобретенных территорий в Новом Свете. Учитывая мировую тенденцию к отмене рабства, американские бизнесмены были, как никто другие, заинтересованы в рабочих. Особенно из Китая, Японии и Кореи – стран-поставщиков наиболее трудолюбивой и дешевой рабочей силы. Именно поэтому в 1868 г. США и Китай подписали Берлингеймский договор (Burlingame Treaty), разрешавший неограниченный въезд и выезд граждан в эти страны как с одной, так и с другой стороны. Наиболее широкое использование китайского труда наблюдалось во время строительства железных дорог. Именно тогда впервые китайских рабочих стали нанимать по контракту в больших количествах. К тому времени золотая лихорадка пошла на спад, и китайские рабочие предлагали свои услуги за минимальную зарплату. Губернатор Калифорнии Лелэнд Стэнфорд, который одновременно являлся одним из директоров железнодорожной компании Central Pacific, в своем докладе президенту США 10 октября 1865 г. так отзывался о китайских рабочих: "Как класс они тихие, мирные, терпеливые, трудолюбивые и экономные. Всегда готовые и способные к получению новых знаний, необходимых в строительстве, вскоре они станут столь же квалифицированными, как белые рабочие..." [7, с. 39].

Однако китайские рабочие боролись за свои права, когда имели такую возможность. В июне 1867 г. 5 тыс. китайских рабочих, задействованных в строительстве железной дороги в гористой местности, устроили забастовку из-за тяжелых условий труда. Они требовали повышения зарплаты до уровня зарплаты белых рабочих, сокращения рабочего дня на открытой местности до 10 часов, а в туннеле – до 8 часов. Также они требовали запретить избиения кнутом и предоставить возможность увольняться по собственному желанию. Забастовка длилась неделю. Управление Central Pacific действовало быстро и решительно. Прежде всего, администрация связалась с Нью-Йорком для срочной переброски 10 тысяч афроамериканцев взамен бастующих китайцев. Затем были прекращены поставки провианта в лагерь бастующих. В результате, после недельного "заточения" и голодания в Сьерре, китайские рабочие сдались [14, с. 143]. Забастовка широко освещалась в местных газетах, но действия китайских рабочих не нашли отклика среди белых строителей. Последних вскоре стало раздражать, что китайцы научились использовать стачечные методы для отстаивания своих интересов [9, с. 45].

Исторически сложилось так, что Конституция США, как она выглядела в глазах отцов-основателей, предоставляла право на гражданство только белым иммигрантам. Признавались только два цвета кожи: белый и черный. Китайские иммигранты не попадали ни в одну из этих категорий. В 1870 г. был принят Акт о натурализации (*Naturalization Act*), который наделял правом на гражданство "только белое население и выходцев из Африки" [15], тем самым закрепляя в Конституции расистскую идеологию.

С ростом потребности в дешевом китайском труде в США росла и китайская диаспора. К 1852 г. в США насчитывалось 25 000 китайских рабочих, к 1880 г. их число возросло до 105 465 человек. Среди китайских мигрантов по объективным причинам наблюдался гендерный дисбаланс – 90% из них были мужчинами [16]. Неудивительно, что в Калифорнии в период Золотой Лихорадки процветала проституция. Китайские проститутки обычно поставлялись в страну на контрактной основе, после того как их выкупали у бедных родителей за 70 – 150 долларов или похищали. В США их перепродавали по цене от 350 до 1000 долларов за человека. Спрос на китайских проституток был очень велик. Согласно закону, сексуальные отношения между китайцами и белыми женщинами были запрещены, а число китайских женщин в стране было ограниченным. В результате китайские рабочие не имели возможности создавать семьи. В 1860 г. из 1784 китайских женщин 85%

были проститутками. В 1874 г. религиозные общественные деятели, используя прессу для освещения полицейских рейдов в китайские бордели, организовали широкую кампанию против китайской проституции. В 1875 г. Конгресс США издал Закон Пейджа (Page Law), запрещавший въезд в страну "представителям Китая, Японии и любой другой восточной страны ... с непристойными и аморальными целями". Таможенные офицеры должны были осматривать все приходящие из Азии корабли с целью выявления проституток. Возможно, христианские миссионеры и руководствовались чистыми моральными принципами, но Закон Пейджа привел к тому, что американская общественность стала воспринимать всех китайских женщин, как проституток. Многие жены китайских рабочих даже не пытались отправиться вслед за мужьями, зная через какие унижения им придется пройти. В течение семи лет после принятия закона число китайских женщин, въезжающих в США, сократилось на 68% по сравнению с семилетним периодом до принятия закона [8, с. 28]

К 1870-м симпатия, с которой первых китайцев приветствовали в США, сменилась плохо скрываемой ненавистью, часто перераставшей в насилие. Все больше белых жителей опасались за свое материальное благополучие, и среди них усиливались расистские настроения. Белые рабочие отказывались работать с китайцами. Большинство из них полагало, что китайцы, соглашавшиеся работать задешево, отбирали у них рабочие места. Была образована "Рабочая партия", выдвигавшая лозунг "Долой китайцев!" и запугивавшая фирмы, которые нанимали "желтокожих". По стране прокатилась череда погромов в отношении китайцев [5, с. 89].

Во многих американских газетах выходили карикатуры, акцентирующие внимание на монополии и демпинге китайцев в сферах бытового обслуживания [17].

Стоит отметить, что такая агрессивная линия поведения свойственна странам, население которых традиционно этнически разнообразно. Недавние иммигранты, чувствовавшие себя чужаками и с трудом "отвоевывающие" себе место под солнцем в условиях неприязни местного населения, сами с ещё большей ненавистью относятся к вновь прибывшим конкурентам. Более того, американское общество изначально задумывалось как "белое", в нем не было места "цветным". Этому свидетельствует вся история иммиграционной политики США по отношению к выходцам из Азии, в особенности к китайцам. Антикитайские настроения умело использовались политиками в их попытках собрать как можно больше голосов избирателей на выборах. В своей предвыборной речи в феврале 1879 г. госсекретарь США Джеймс Блэйн заявил: "Если мы как нация имеем право не допускать к себе инфекционные заболевания, если мы имеем право не допускать к себе преступные классы, мы, несомненно, имеем право не допускать к себе ту иммиграцию, от которой несет нечистотами и которая не может приехать к нам, не посеяв обильно семена моральных и физических болезней, нищеты и смерти" [18]. В других выступлениях он говорил, что "американская нация стоит перед выбором: Америка будет христианской или конфуцианской цивилизацией. Необходимо остановить "желтую угрозу" – нескончаемый приток китайцев, которые размывают первоначальные англо-саксонские традиции" [1, с. 31].

Юридическое преследование китайцев принимало форму налогов и уставов, направленных против их и без того скудных заработков, их обычаев и даже их внешности. Китайские семьи должны были платить специальные налоги. Их детям было запрещено посещать местные общественные школы. В Сан-Франциско было принято постановление (правда, в последний момент мэром на него было наложено вето), согласно которому китайцы, находившиеся в тюрьмах, должны были обрезать свои косы.

Законы запретили носить корзины на шестах при ходьбе по тротуарам, как делали работники китайских прачечных, или арендовать помещения, где бы на одного человека приходилась площадь меньше 500 кубических футов, (а скученно было вынуждено проживать большинство китайцев) [19]. "Китайский вопрос", который сводился к разработке способов не допустить китайских иммигрантов

в США, стал главной национальной проблемой. Два года спустя, в 1882 г., Конгресс издал Акт Исключения — закон, запрещающий китайцам, не имеющим родственников в США, въезд на территорию страны (Chinese Exclusion Act). Это был первый иммиграционный закон в истории США, разработанный с целью недопущения на территорию страны определенной национальности. Закон приостановил иммиграцию китайских чернорабочих на десять лет. Однако он разрешал въезд преподавателям, студентам, торговцам и путешественникам. Именно этот пункт стал той лазейкой, которой китайцы научились пользоваться. Закон об иностранных контрактных рабочих (Alien Contract Labor Law), принятый позже в 1885 г., запретил ввоз на территорию США иностранных рабочих. Исключение было сделано для домашней прислуги и для искусных мастеров, чье умение могло пригодиться при создании новых отраслей производства [4].

В 1888 г. был издан так называемый Акт Скотта (Scott Act). Согласно ему, китайским рабочим, выехавшим на родину, запрещалось возвращаться в США даже с действующей выездной-въездной визой. В 1894 г. была принята поправка к Акту исключения от 1882 г. Суть ее сводилась к тому, что китайским рабочим запрещалось возвращаться в США, за исключением случаев, когда их семьи уже жили там [10].

Большинство китайцев были юношами от 15 лет до 21 года, которые незаконно попали в Соединенные Штаты как "бумажные сыновья", используя лазейку в законе. Закон гарантировал право на гражданство китайским детям, которые родились в Китае, но чьи родители были американскими гражданами. Несомненно, самой большой "удачей" для китайской иммиграции в США стало землетрясение 1906 г. в Сан-Франциско. В результате землетрясения был разрушен городской архив, где хранились регистрации и записи о рождении жителей города. Схема начиналась с того, что китаец, находящийся в США, подделывал сертификат, подтверждающий, что он родился в США (после уничтожения архивных записей это нельзя было опровергнуть). Теперь тысячи китайцев могли уверенно утверждать, что они родились в Соединенных Штатах. Кто-то из социологов подсчитал, что, если бы каждое такое заявление было верным, то каждая китайская мать в Сан-Франциско до 1906 г. должна была бы родить 800 детей. "Бумажный отец" сообщал, что у него есть сын в Китае. Настоящая семья мальчика покупала ему все необходимые документы, включая билет в Америку, свидетельство о рождении, подтверждающее, что он сын "бумажного отца", и подробные инструкции о том, как вести себя во время допроса, проводимого представителями иммиграционных властей. Мальчик брал фамилию своего фиктивного отца и старался заучить наизусть сотни деталей о семействе этого человека и жизни в родной деревне [1, с. 236].

Рис. 1 "Грядущий человек".
Источник: [17].

Fig. 1 "The Coming Man".
Source: [17].

В 1907 г. принимается Закон об экспатриации (Expatriation Act), суть которого состояла в том, что американская гражданка, вышедшая замуж за иностранца, теряла гражданство [20]. Становилось очевидным, что в своем стремлении ограничить китайскую иммиграцию, власти шли на нарушение прав белого населения.

В 1913 и 1920 гг. в Калифорнии вышли новые законы (Alien Land Laws). В штатах Айдахо, Монтана, Аризона, Вашингтон и Орегон были приняты сходные законоположения. Первоначально они были направлены против японцев, но после поправок 1913 и 1927 гг. охватили всех выходцев из Азии. Азиатским иммигрантам запрещалось покупать землю или владеть ею, как "иностранцам, не подходящим для гражданства" [21].

В 1922 г. цепочка анти-иммиграционных законов пополнилась еще одним – Актом Кейбэла (Cable Act). Он частично отменял принятый в 1907 г. Закон о экспатриации. Теперь, согласно принятому акту, любая женщина, являющаяся гражданкой США, теряла гражданство только в том случае, если она выходила замуж за азиата. Однако после развода или смерти мужа она вновь получала прежний статус [22].

И наконец, в 1924 г. правительство США приняло наиболее жесткий иммиграционный закон (National Origins Act), направленный непосредственно против китайских иммигрантов, точнее, — против китайских женщин. Прежде женам китайских торговцев и китайцев, рожденных в США, позволялось въезжать в страну. Теперь любой женщине, которая не подпадала под вышеприведенную категорию и не была преподавателем, студенткой или туристом, запрещалось въезжать в США. В результате до начала 1960-х годов среди китайского населения в США наблюдалась огромная половая диспропорция. В 1900 г. Только 5% из 90-тысячного контингента составляли женщины [3].

Вторая мировая война стала переломным моментом для китайцев в Америке. Китай был союзником США в войне против Японии, и генералиссимус Чан Кайши (1887–1975) пользовался всемирной известностью. Он стал символом участия Китая во второй мировой войне. Принял участие в Каирской конференции 1943 г., где встречался с Черчиллем и Рузвельтом. В 1942 г. американский журнал "Time" назвал Чан Кайши человеком года и поместил его фотографию на обложку. Китайцы, проживавшие в Соединенных Штатах – к тому времени их численность сократилась до 78 тыс., – не преминули воспользоваться этим обстоятельством. Почти четверть взрослых китайских мужчин в стране были призваны на военную службу (хотя многих китайских новобранцев обычно посылали на курсы поваров). Так как большинство китайцев не были женаты и не имели детей, их в первую очередь набирали в армию, как не являющихся кормильцами. Но многие шли в армию добровольно, видя в этом свой шанс изменить судьбу. Как гражданские жители, китайские рабочие впервые приветствовались на рабочих местах в промышленности, где зарплата традиционно была выше. Положительный образ Китая повлиял на отношение к китайцам в США – презрение сменялось восхищением. Американская литература стала восхвалять "несгибаемый характер" и "законопослушное поведение" китайцев, хотя всего десять лет назад китайцы описывались как исключительно злобные бандиты, курящие опиум. В 1943 г. под давлением общественности Конгресс принял законопроект, аннулирующий Акт исключения от 1882 г. Президент Рузвельт поддержал эту инициативу в своем обращении к Конгрессу и признал Акт исключения "исторической ошибкой" [23].

После Второй Мировой войны ситуация во многом изменилась. Китайцы теперь могли устраиваться на любую работу и покупать дома за пределами китайского квартала. Многие из них получили долгожданное гражданство уже в преклонном возрасте. Большое значение имел Акт о солдатских невестах (War Bride Act), который позволял китайцам, служившим в армии США во время Второй мировой войны, привезти в страну своих жен и детей на внеквотовой основе. В результате в период с 1946 по 1953 гг. более 7 тыс. китайских женщин въехали в страну как невесты военных. Как следствие исправления полового дисбаланса, китайское население в США стало снова медленно расти [24, с. 100].

Однако истории свойственна цикличность, и уже в 1949 г., после образования Китайской Народной Республики и свержения режима Чан Кайши, а затем участия Китая в Корейской войне, в США вновь вспыхнула антикитайская истерия. Новая угроза представлялась "с желтым лицом и красной идеологией". Началась "охота на ведьм". Китайцы снова стали жить в атмосфере враждебности и недоверия. На них смотрели как на врагов и шпионов.

Американское иммиграционное законодательство исторически опиралось на внутривластную конъюнктуру, а политики в своем стремлении получить дополнительные голоса избирателей становились заложниками общественного мнения, часто необъективного. В результате многие законы носили ярко выраженный расистский характер, идущий вразрез с принципами гуманности и демократии.

Иммиграция на протяжении многих десятилетий остается в США одной из самых актуальных тем острых политических дебатов, затрагивающей экономические, гуманитарные проблемы и проблемы безопасности. В течение многих лет Конгресс не мог прийти к соглашению по всеобъемлющей иммиграционной реформе, фактически передавая некоторые важные политические решения в исполнительную и судебную ветви власти и разжигая дебаты в залах государственных и муниципальных органов власти.

Бывший президент Дональд Трамп вернул эти вопросы в центр общественных дебатов своими беспрецедентными усилиями по ограничению иммиграции и изменению политики предоставления убежища. Президент Джо Байден пообещал отменить действия Трампа и реформировать систему, но продолжающаяся пандемия COVID-19 и большой наплыв мигрантов осложнили его планы.

Литература

1. Кухаренко Н.В. Китайские этнорелигиозные сообщества в США, дис.... канд. филос. наук: 09.00.13, Благовещенск, 2004, 194 с.
2. Bonacich, Edna. A Theory of Ethnic Antagonism: The Split Labor Market. Washington DC.: American Sociological Review, 1972. vol. 37. № 5, P. 547–559.
3. Closing the Door on Immigration URL: <https://www.nps.gov/articles/closing-the-door-on-immigration.htm> (дата обращения: 02.01.2022)
4. Foran Act of 1885. URL: <https://immigrationhistory.org/item/foran-act-of-1885-aka-alien-contract-labor-law/> (дата обращения: 04.02.2022).
5. Hook J.N. Family Names: How Our Surnames Came to America. New York, 1982. 410 p.
6. Mišćević D. and Kwong P. Chinese Americans: The Immigrant Experience. Hong Kong: Hugh Lauter Levin Associates Inc., 2000. 240 p.
7. Park R. E. Human Migration and the Marginal Man. // American Journal of Sociology. The University of Chicago Press. Vol. 33, No. 6 (May, 1928), P. 881–893.
8. Peffer, George. Forbidden Families: Emigration Experiences of Chinese Women under the Page Law, 1875–1882. Journal of American Ethnic History, New Brunswick, N.J.: Transaction Periodicals Consortium, Vol. 6, No. 1. N. (Fall, 1986). P. 28–46.
9. Ping, Chiu. Chinese Labor in California, 1850–1880. Madison: State Historical Society of Wisconsin, 1967. 180 p.
10. Scott Act (1988) // Harp Week. Immigrants and Native America. URL: <http://immigrants.harpweek.com/ChineseAmericans/2KeyIssues/ScottAct.htm> (дата обращения: 02.01.2022).
11. Takaki, Ronald. Strangers from a different shore. New York: Back Bay Books; Revised and Updated edition, 1998. 614 p.
12. Восстание тайпинов в Китае. Причины, итоги, суть, события, участники. URL: <https://faktrus.ru/восстание-тайпинов-в-китае/> (дата обращения: 02.01.2022).
13. Online Archive of California. Foreign Miners Tax documents, 1850–1867. URL: <https://oac.cdlib.org/search?style=oac4;idT=001482545> (дата обращения: 02.01.2022).
14. Kwong, Peter. Forbidden Workers: Illegal Chinese Immigrants and American Labor. New York: New Press, 1997. 273 p.
15. Naturalization Act of 1870. URL: <https://immigrationhistory.org/item/naturalization-act-of-1870/> (дата обращения: 06.02.2022).
16. Musoraffiti, Dominique. History of Chinese Diaspora in America. URL: <https://china-underground.com/2016/10/30/history-chinese-diaspora/> (дата обращения: 06.02.2022).
17. "The Coming Man". The Wasp (San Francisco, California) Vol. 6, 1881. URL: <https://upload.wikimedia>.

org/wikipedia/commons/d/d3/The_Wasp_1881-05-21_The_coming_man.jpg (дата обращения: 07.02.2022).

18. Park, Ju-Hyun. The Alien and the Sovereign: Yellow Peril in Pandemic Times. URL: <https://evergreenreview.com/read/the-alien-and-the-sovereign-yellow-peril-in-pandemic-times/> (дата обращения: 08.02.2022).

19. Mossburg Cheri, Moon Sarah. San Francisco becomes fourth city in California to apologize to Chinese community for racist past. URL: <https://edition.cnn.com/2022/02/02/us/san-francisco-apology-chinese-community> (дата обращения: 08.02.2022).

20. Expatriation Act of 1907. URL: <https://immigrationhistory.org/item/an-act-in-reference-to-the-expatriation-of-citizens-and-their-protection-abroad/> (дата обращения: 08.02.2022).

21. Alien Land Laws in California (1912 & 1920). URL: <https://immigrationhistory.org/item/alien-land-laws-in-california-1913-1920/> (дата обращения: 08.02.2022).

22. Cable Act of 1922. URL: <https://immigrationhistory.org/item/cable-act/> (дата обращения: 08.02.2022).

23. Repeal of the Chinese Exclusion Act. URL: <https://history.state.gov/milestones/1937-1945/chinese-exclusion-act-repeal> (дата обращения: 08.02.2022).

24. May, Diane and Chih, Ginger. A Place Called Chinese America. Dubuque, Iowa: Kendall/Hunt Publishing Company, 1993. 201 p.

References

1. Kukhareno N.V. Kitajskie etnoreligioznye soobshhestva v SSHA, dis.... kand. filos. nauk: 09.00.13, Blagoveshensk, 2004, 194 s.

2. Bonacich, Edna. A Theory of Ethnic Antagonism: The Split Labor Market. Washington DC.: American Sociological Review, 1972. vol. 37. № 5, P. 547–559.

3. Closing the Door on Immigration URL: <https://www.nps.gov/articles/closing-the-door-on-immigration.htm> (дата обращения: 02.01.2022)

4. Foran Act of 1885. URL: <https://immigrationhistory.org/item/foran-act-of-1885-aka-alien-contract-labor-law/> (дата обращения: 04.02.2022).

5. Hook J.N. Family Names: How Our Surnames Came to America. New York, 1982. 410 p.

6. Mišević D. and Kwong P. Chinese Americans: The Immigrant Experience. Hong Kong: Hugh Lauter Levin Associates Inc., 2000. 240 p.

7. Park R. E. Human Migration and the Marginal Man. // American Journal of Sociology. The University of Chicago Press. Vol. 33, No. 6 (May, 1928), P. 881–893.

8. Pfeffer, George. Forbidden Families: Emigration Experiences of Chinese Women under the Page Law, 1875-1882. Journal of American Ethnic History, New Brunswick, N.J.: Transaction Periodicals Consortium, Vol. 6, No. 1. N. (Fall, 1986). P. 28–46.

9. Ping, Chiu. Chinese Labor in California, 1850–1880. Madison: State Historical Society of Wisconsin, 1967. 180 p.

10. Scott Act (1988) // Harp Week. Immigrants and Native America. URL: <http://immigrants.harpweek.com/ChineseAmericans/2KeyIssues/ScottAct.htm> (дата обращения: 02.01.2022).

11. Takaki, Ronald. Strangers from a different shore. New York: Back Bay Books; Revised and Updated edition, 1998. 614 p.

12. Vosstanie tajpinov v Kitae. Prichiny, itogi, sut', sobytiya, uchastniki. URL: <https://faktrus.ru/vosstanie-tajpinov-v-kitae/> (дата обращения: 02.01.2022).

13. Online Archive of California. Foreign Miners Tax documents, 1850–1867. URL: <https://oac.cdlib.org/search?style=oac4;idT=001482545> (дата обращения: 02.01.2022).

14. Kwong, Peter. Forbidden Workers: Illegal Chinese Immigrants and American Labor. New York: New Press, 1997. 273 p.

15. Naturalization Act of 1870. URL: <https://immigrationhistory.org/item/naturalization-act-of-1870/> (дата обращения: 06.02.2022).

16. Musorrafiti, Dominique. History of Chinese Diaspora in America. URL: <https://china-underground.com/2016/10/30/history-chinese-diaspora/> (дата обращения: 06.02.2022).

17. "The Coming Man". The Wasp (San Francisco, California) Vol. 6, 1881. URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/d/d3/The_Wasp_1881-05-21_The_coming_man.jpg (дата обращения: 07.02.2022).

18. Park, Ju-Hyun. The Alien and the Sovereign: Yellow Peril in Pandemic Times. URL: <https://evergreenreview.com/read/the-alien-and-the-sovereign-yellow-peril-in-pandemic-times/> (дата обращения: 08.02.2022).

19. Mossburg Cheri, Moon Sarah. San Francisco becomes fourth city in California to apologize to Chinese community for racist past. URL: <https://edition.cnn.com/2022/02/02/us/san-francisco-apology-chinese-community> (дата обращения: 08.02.2022).

20. Expatriation Act of 1907. URL: <https://immigrationhistory.org/item/an-act-in-reference-to-the-expatriation-of-citizens-and-their-protection-abroad/> (дата обращения: 08.02.2022).

21. Alien Land Laws in California (1912 & 1920). URL: <https://immigrationhistory.org/item/alien-land-laws-in-california-1913-1920/> (дата обращения: 08.02.2022).

22. Cable Act of 1922. URL: <https://immigrationhistory.org/item/cable-act/> (дата обращения: 08.02.2022).

23. Repeal of the Chinese Exclusion Act. URL: <https://history.state.gov/milestones/1937-1945/chinese-exclusion-act-repeal> (data obrashheniya: 08.02.2022).

24. May, Diane and Chih, Ginger. A Place Called Chinese America. Dubuque, Iowa: Kendall/Hunt Publishing Company, 1993. 201 p.

Николай Владимирович КУХАРЕНКО, канд. филос. наук, начальник Управления по научной работе и международному сотрудничеству Благовещенского государственного педагогического университета, г. Благовещенск, Россия, e-mail: inter@bgpu.ru

Nikolai V. KUKHARENKO, Candidate of Philosophy, Director of the Department of Science and International Cooperation, Blagoveshchensk State Pedagogical University, Blagoveshchensk, Russia, e-mail: inter@bgpu.ru

Поступила в редакцию
(Received) 16.01.2022

Одобрена после рецензирования
(Approved) 16.02.2022

Принята к публикации
(Accepted) 25.02.2022

Научная статья
УДК 94+323.37
DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/58-69

"Кадры решают всё": реформа кадровой системы КНР на рубеже 1980–1990-х годов

Иван Юрьевич ЗУЕНКО

Московский государственный институт международных отношений (Университет), Москва, Россия, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия, i.zuenko@inno.mgimo.ru

Дмитрий Григорьевич СЕЛЬЦЕР

Тамбовский государственный университет имени Г.П. Державина, Тамбов, Россия, seltser@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу реформы кадровой системы, осуществлённой руководством КНР на рубеже 1980–1990-х годов в рамках политики реформ и открытости. Реформа оптимизировала и систематизировала практики рекрутинга, индоктринизации и функционирования бюрократии. Благодаря её осуществлению были регламентированы практики набора чиновников в соответствии с результатами экзаменов, их карьерного движения в соответствии с иерархичной системой административных рангов и ротации руководящих кадров. Проведение данной реформы стало одним из ключевых факторов сохранения и усиления партоткратического режима в КНР на фоне кризиса в мировом социалистическом движении и краха СССР и КПСС.

Ключевые слова: Китай, кадровая система, реформа, перестройка, государственная служба, партотократия

Для цитирования: Зуенко И.Ю., Сельцер Д.Г. "Кадры решают всё": реформа кадровой системы КНР на рубеже 1980–1990-х годов // Известия Восточного института. 2022. № 1. С. 58–69. DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/58-69

Original article
DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/58-69

Cadres Decide Everything: Reform of Cadre System in China in late 1980s – early 1990s

Ivan Yu. ZUENKO

Institute of International Studies, Moscow State University of International Relations (MGIMO), Institute of History, Archeology and Ethnology, Far Eastern branch of Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, i.zuenko@inno.mgimo.ru

Dmitry G. SELTSEER

Derzhavin Tambov State University, Tambov Russia, seltser@yandex.ru

Abstract. The article is dedicated to the analysis of the cadre system reform in China in late 1980s – early 1990s that was implemented as a part of wider 'reforms and opening up' policy. The cadre system reform (first of all, Provisional Regulations on State Civil Servants, 1993) managed to improve recruiting, indoctrination and functions of Chinese bureaucracy. The reform brought start to the practices of enrolment exams, rotation of leadership and hierarchy system of administrative ranks. All these measures became one of key factors of maintaining and strengthening of China's partocracy regime in 1990s, which contrasted with crisis in international communism movement and collapse of the Soviet Union and its Communist Party. The success of these measures conducted in the framework of the experimental reform led to adopting Civil Servants Law in 2005, which was fully based on previous Provisional Regulations on State Civil Servants.

Keywords: China, cadre system, reform, perestroika, civil service, partocracy

For citation: Zuenko I.Yu., Seltser D.G. Cadres Decide Everything: Reform of Cadre System in China in late 1980s – early 1990s // Oriental Institute Journal. 2022. № 1. P. 58–69. DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/58-69

Фундаментальная научная задача, стоящая перед авторами статьи, заключается в попытке ответа на давний, но не потерявший актуальности вопрос: "Почему сохранились КНР и КПК, но исчезли СССР и КПСС, несмотря на то что в 1980-х годах и в Китае, и в Советском Союзе были инициированы реформы, и обе стра-

ны столкнулись с острым социально-политическим кризисом". В ходе глубинных интервью, проведенных Д.Г. Сельцером в Китае, информанты – китайские партийно-государственные чиновники разного уровня – были единодушны: секрет жизнеспособности КНР – в контроле правящей партией руководящих кадров, как некогда это было в СССР. Потеря партией контрольной функции чревата для Китая неизбежным распадом и уходом КПК с исторической арены, то есть повторением судьбы СССР–КПСС. Оттого вопрос "Почему сохранились КНР и КПК, но исчезли СССР и КПСС?", несомненно, не умозрительен, а имеет не только научный, но и прикладной характер. Ответ на него, разумеется, не может быть дан единственно через изучение кадровой политики. Вместе с тем именно кадровая политика видится авторам статьи как один из ключевых факторов процесса реформ в СССР и Китае, имея в виду базовые основы функционирования политических режимов в обеих странах – их партократический характер.

Таким образом, объектом же конкретно этой статьи является реформа кадровой системы, осуществлённая в КНР в рамках более широкой политики реформ и открытости, инициированной китайским руководством в конце 1970-х гг. Её ключевые мероприятия: введение "Временного положения о государственных служащих", разрабатываемого с конца 1980-х гг. и утверждённого в 1993 г., а также его дальнейшее усовершенствование, приведшее к созданию современной системы рекрутинга и индоктринации бюрократии и политической элиты страны. Не будет преувеличением сказать, что именно кадровая реформа рубежа 1980–1990-х гг. создала современную кадровую систему КНР.

В настоящей статье авторы ответят на вопросы, каковы были предпосылки инициации реформы, какие факторы влияли на её проведение и к каким результатам привело её осуществление. В соответствии с этими тремя вопросами работа разбита на три параграфа, которые предваряет параграф, посвященный анализу имеющихся по теме статьи источников и литературы.

Теоретико-методологические аспекты исследования

Прежде всего, следует чётко обозначить, что же авторы статьи имеют в виду под "кадровой системой" и "кадровой реформой" в современном Китае.

Под "кадровой системой" подразумевается совокупность практик, касающихся организации государственного управления на уровне подбора, продвижения и назначения государственных служащих, а также контроля над их деятельностью. Под "кадровой реформой" – совокупность мер по оптимизации данной системы для обеспечения потребностей государства и правящей партии в меняющихся социально-экономических условиях. Таким образом, внимание авторов сфокусировано на вопросах организации и реформирования системы подбора и продвижения государственных служащих (в качестве синонимов нами будут также использованы термины "чиновники" и "бюрократы", причём без негативной коннотации). В то время как не менее важные, но требующие отдельного исследования вопросы организации деятельности государственных институтов, политических реформ и политической идеологии в Китае 1970–90-х гг. остаются вне фокуса данной работы.

Следует отметить, что ключевое значение кадровой реформы для обеспечения устойчивости политического режима в КНР неоднократно выделялось китайскими и зарубежными авторами. Этому посвящены, например, работы таких исследователей, как Се Цинкуй, Тун Фулин, Хон Чан, Мелани Мэнион [27; 30; 35]. К разработке данной темы вплотную подошли также в "позднем" СССР, где было защищено несколько диссертаций, рассматривавших развитие кадровой системы сквозь призму партократии [2; 25]. В современной России наиболее последовательно и комплексно данную тему изучал научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН А.В. Ершов [7 – 9]. Помимо нескольких работ авторов статьи [10 – 15; 22 – 24] она также затрагивалась в исследованиях А.П. Алексеенко [1], Л.М. Гудошникова [3], К.А. Егорова [5, 6], С.А. Иванова [16; 17], К.А. Кокарева [18], П.В. Трошинского [26]. Изложенная в указанных работах фактура позволяет реконструировать процесс развития кадровой системы в период китайских реформ, однако

не акцентирует внимание читателя на конкретных мероприятиях по апробации и внедрению "Временного положения о государственных служащих" и их связи с преодолением острого системного кризиса, в котором оказался режим правления Коммунистической партии Китая на рубеже 1980–90-х гг. Данный пробел призвана восполнить настоящая статья.

Для работы над статьёй использовано две группы источников: письменные и опросные. Первая группа источников представлена различными официальными документами, которые содержатся в ежегодниках, хрониках и справочниках центральных и региональных ведомств, сборниках нормативных документов [33; 36], собранных И.Ю. Зуенко в ходе работы в библиотеках провинции Хэйлунцзян и Института изучения России Хэйлунцзянской академии общественных наук, а также оцифрованных базах данных по периоду реформ¹. Работа по сбору данных, относящихся ко второй группе источников, была проведена Д.Г. Сельцером в ходе уже упомянутого полевого исследования кадровой политики, механизмов элитного рекрутинга и состояния кадров партийно-государственного управления современного Китая, проведенного им в 2011 г. в КНР². Географические границы данного исследования были локализованы Пекином, Шанхаем и городами провинций Хэйлунцзян (Цзямусы, Суйфэнхэ, Фуцзинь, Харбин, Муданьцзян) и Цзянсу (Сюйчжоу, Суйнин, поселок Ланшань), в ходе чего было взято 25 полуструктурированных интервью. Для достижения целей данной статьи были использованы данные, относящиеся к вопросам кадровой реформы, которая, несмотря на то что её ключевые мероприятия прошли в начале 1990-х гг., не считается завершённой по сей день.

Предпосылки кадровой реформы

Китай – это цивилизация с многотысячелетней историей государственного управления, достигшая уже к рубежу нашей эры выдающихся свершений с точки зрения организации бюрократической системы. Её ключевыми характеристиками являлись (и являются до сих пор) меритократический характер рекрутинга, строгая иерархичность, разветвлённость аппарата, культ письменных документов, поддерживаемый мощной традицией книжной учёности [19, с. 123–124].

Безусловно, на этом фоне было бы наивно и даже безответственно говорить о внедрении определённых элементов кадровой системы только в период китайских реформ. Признавая это, отметим, что приход к власти Коммунистической партии (КПК) в 1949 г. значительно деформировал те практики, которые достались Китаю "в наследство" от имперского периода, причём сразу в двух направлениях: с одной стороны, внедрялся советский опыт, основанный на партократии и жёсткой централизации; с другой стороны, развивался собственный опыт КПК, приобретённый ей в ходе управления сельскими и горными районами в условиях гражданской войны, начиная с конца 1920-х гг., и направленный прежде всего на отход от чрезмерной регламентации и централизации управленческого процесса. (Противоречие между этими векторами развития было описано Мао Цзэдуном в работе "О десяти важнейших взаимоотношениях" [21, с. 342–343]). В результате в годы правления Мао Цзэдуна (1949–1976 гг.) образовалась противоречивая и имеющая массу недостатков кадровая система, в которой чиновники были дезориентированы и в значительной степени демотивированы³.

¹ В частности, использована база текстов по политике реформ и открытости, размещённая на Интернет-ресурсе rhb.reformdata.org, и база юридических документов, размещённая на Интернет-ресурсе chinaacourt.org/law. Более подробно работа по составлению источниковой базы расписана в: [15].

² Подробно методология исследования расписана в: [22].

³ Подтверждение этого мы видим даже в китайской литературе тех лет. Так, теме рефлексии государственных, партийных и корпоративных служащих посвящены два крупнейших рассказа периода до и после "культурной революции": Ван Мэн "Новичок в орготделе" (на русском языке опубликован в 1985 г. в переводе В. Сорокина) и Цзянь Цзылун "Дневник секретаря заводууправления" (опубликован тогда же в переводе С. Торопцева).

Ключевым фактором системного кризиса в кадровых аспектах стала развязанная Мао Цзэдуном т.н. "культурная революция" 1966–1976 гг., целью которой как раз и являлось разрушение бюрократической системы, естественным образом складывающейся после перехода КПК от работы в условиях гражданской войны к мирному строительству. На месте этой системы Мао Цзэдун хотел создать новую – компактную, мобильную, универсальную, способную самостоятельно и автономно решать на местах задачи местного значения [20]. Данный подход был воплощён в создании "революционных комитетов" как универсальных органов власти и управления на местах. Председателями провинциальных ревкомов, как правило, назначались руководители провинциальных военных округов, соединившие в своих руках военную и административную власть. После восстановления партийных комитетов в 1969–72 гг. в руках руководства ревкомов оказались сосредоточенными функции и партийных органов тоже. Данная тенденция стала следствием установки Мао на создание "компактного и оперативного госаппарата", закреплённой в ст. 15 конституции КНР 1975 г., а также стремления Пекина обеспечить контроль над регионами с помощью жесткой субординации, характерной для военных кадров.

Данная децентрализованная система имела ряд институциональных и кадровых проблем. Не были разграничены функции ревкомов и партийных комитетов; не было реализовано на практике подчиненное положение ревкомов по отношению к представительным органам власти, закреплённое в конституции 1975 г. Леворадикальные "выдвиженцы культурной революции" в руководстве регионов – прежде всего, из числа военных – проявляли себя как неэффективные управленцы, склонные к волюнтаризму, самоуправству и интриганству. Потенциально усиление самостоятельности региональных военных лидеров грозило вернуть Китай в "эпоху милитаристов". "Старые кадры", имеющие значительный практический опыт работы в 1950–60-х гг., в значительной степени были отстранены от власти. Молодое поколение под воздействием массовых политических кампаний 1960–70-х гг. лишилось доступа к образованию, было дезориентировано в идеологическом плане, в значительной степени демотивировано, психологически сломлено, настроено недоверчиво по отношению к деятельности партийно-административных органов.

Таким образом, к моменту смерти Мао Цзэдуна в 1976 г., который в историографии принято считать завершением "культурной революции", назрела задача реформирования всей системы госуправления: как в институциональном, так и кадровом отношении. Институциональные вопросы в основном были решены в 1977–1982 гг., когда были приняты две новые конституции, уничтожившие институты, созданные в годы "культурной революции" (ревкомы, народные коммунь), и создавшие современную систему госорганов в центре и на местах. В тот же период в результате реабилитации лиц, подвергшихся гонениям в годы "культурной революции", в государственные органы массово стали возвращаться уже упомянутые "старые кадры". А "выдвиженцы культурной революции", напротив, задвигались, лишались руководящих постов или же административной работы вообще. Как следствие, изменился стиль управленческой работы: гораздо большее значение приобрела письменная регламентация деятельности, значительно расширился и разветвился управленческий аппарат. Однако вопрос выстраивания новой, стройной системы работы госслужащих решён не был.

Во многом данное обстоятельство обусловлено тем, что он связывался с т.н. "проблемой политической реформы", т.е. концепцией реформы политического режима, главной дилеммой которой в середине 1980-х гг. виделось разделение государственного и партийного аппаратов [4, с. 178].

В июне 1986 г., признав, что поднятый ещё в начале реформ вопрос о политических реформах так и не был конкретизирован, де-факто лидер Китая Дэн Сяопин потребовал включить его в повестку дня: "Стало ясно, что без проведения реформы политической структуры нельзя идти в ногу с развитием нашей обстановки. <...> В противном случае при нашем громоздком, разбухшем аппарате, бюрокра-

тизме, волоките <...> неизбежно возникнет торможение, которое застопорит реформу хозяйственной системы"; "Реформа политической структуры должна входить в круг наших реформ. Следует сократить и упростить управленческий аппарат, на деле передавать права низам"; "Я предлагаю товарищам из секретариата обдумать вопрос перестройки всей политической структуры" [32]. Решение вопроса было запланировано на период до начала XIII-го съезда КПК, однако фактически было отложено в связи со студенческими волнениями и, как следствие, усилением консерваторов в руководстве КПК.

Новый виток ожиданий политической реформы оказался связан с XIII-м съездом КПК (октябрь 1987 г.), к началу которого с целью сохранения статус-кво между реформаторским и консервативным течением Дэн Сяопином была произведена перебалансировка правящей верхушки. В результате этого повестка съезда была сформирована умеренно-реформаторски настроенным генсеком ЦК КПК Чжао Цзыяном, и в решениях появились призывы к проведению кадровой реформы, демократических выборов внутри партии, а также разделению партийного и государственного аппарата. Однако прогрессивные формулировки съезда фактически не были выполнены в связи с разразившимся начиная с 1988 г. острым социально-экономическим кризисом, кульминацией которого стали "тяньаньмэньские события" весны 1989 г. и итоговая победа консерваторов в межфракционной борьбе.

Тем не менее задача по созданию стройной и урегулированной кадровой системы оставалась на повестке дня и реализовывалась уже в условиях усиления консерваторов и отказа от политической реформы в её радикальном (мы бы рискнули назвать его "перестроечным") варианте.

Проведение кадровой реформы

Сделаем небольшой экскурс назад. Формирование института госслужбы, наравне с реформой цен и госсектора, считалось одним из ключевых направлений реформ в течение всех 1980-х гг. Так, курс на создание будущей иерархичной системы упоминался в "Правилах деятельности номенклатурных работников" 1984 г. Тогда же из сотрудников пятнадцати ведущих вузов страны была сформирована экспериментальная исследовательская группа по подготовке законопроекта об институте госслужбы [37].

Огромный шаг в направлении реформы был сделан на 1-й сессии ВСНП 7-го созыва (1988 г.) в рамках осуществляемого после XIII-го съезда КПК на разграничение партии и государства. Тогда в структуре Госсовета было создано Министерство кадров, которому от Орготдела ЦК КПК передавался ряд полномочий по формированию кадрового аппарата в Центре и на местах [38]⁴. А в апреле 1988 г. появился проект "Временного положения о госслужащих", который устанавливал правила классификации должностей госслужащих, зачисления их на службу по результатам экзаменов, порядок аттестации, поощрения и наложения взыскания, увольнения на пенсию, ухода в отставку. 1 января 1989 г. было выпущено "Уведомление об использовании экзаменов и проверок при приеме на работу новых сотрудников в государственные административные учреждения", подготовленное Организационным отделом ЦК КПК и Министерством кадров, согласно которому устанавливалась практика экзаменов на замещение госдолжности в качестве рекрутинга кадров во всех учреждениях от уезда и выше [Там же]. С апреля 1989 по июнь 1990 гг. в шести центральных ведомствах, выбранных для проведения эксперимента, включая налоговое, ревизионное и таможенное управления, была произведена инвентаризация 2618 должностей, определен круг их обязанностей, составлена классификация; 156 новых служащих были приняты на работу в результате прохождения экзаменационных испытаний [Там же]. В опытный порядок стали использовать новую систему и на местах: с апреля 1989 г. – в двух городах окружного значения (Харбин и Шэньчжэнь); со второй половины 1989 г. – в двух

⁴ Министерство кадров существовало до 2008 г., когда было слито с Министерством труда и социального обеспечения, в результате чего было создано Министерство трудовых ресурсов и социального обеспечения.

провинциях (Гуандун и Фуцзянь) и восьми городах окружного значения. Всего к 1992 г. количество "местных экспериментальных площадок" различного уровня достигло 21 [Там же].

После событий 1989 г. развитие института госслужбы приобрело новое значение, поскольку правящая элита была намерена использовать этот механизм для комплектования руководства всех звеньев лояльными режиму кадрами, а также в преодолении центробежных процессов, характерных для 1980-х гг. Учитывая значительный объем кадровых чисток, осуществленных в рамках борьбы с "буржуазной либерализацией", бюрократия нуждалась не только в подготовке сменщиков тех, кто был уволен, но и в формировании своеобразного "кадрового резерва".

Данная задача возлагалась на местные органы власти и управления, которые должны были подобрать 200–300 перспективных управленцев уездного уровня на каждую провинцию, а также ведомства Госсовета, которые должны были выдвинуть 100–200 чиновников от учреждения [18, с. 174]. Приоритет отдавался выходцам из рабочих, крестьян, семей революционеров и номенклатуры (так была заложена основа будущего "поколения принцев", пришедших к власти в конце 2000-х гг.) Активисты "культурной революции" и "тяньаньмэньских событий" исключались из числа кандидатов [Там же, с. 175]. Ввиду дефицита руководящих кадров разрешили оставлять на своих должностях тех, чей возраст превышал 65 лет. Кадровая политика, начатая в середине 1980-х гг. в период нахождения на посту генсека ЦК КПК реформаторов Ху Яобана и Чжао Цзяяна, направленная на широкое привлечение кадров из интеллигенции, была фактически свёрнута [Там же].

В 1993 г. была образована Руководящая группа по работе с новыми кадрами, подготовившая ряд постановлений, направленных на индоктринацию рекрутируемой бюрократии в духе верности партии и её боевым традициям. В июле 1994 г. Партийная школа ЦК КПК начала издавать журнал "Китайская душа" ("Чжунхуахунь" 中华魂), целью которого провозглашалась популяризация революционных традиций, яньаньского духа, воспитание патриотизма.

Однако подлинно системной реформой в этом направлении стало введение с 1 октября 1993 г. на территории всей страны "Временного положения о государственных служащих" [31]. Уже в ближайшее время была завершена работа по классификации должностей в соответствии с "Временным положением", разработаны структура, полномочия, штаты государственных учреждений, определены должностные категории и их содержательная характеристика. Был закреплён порядок приема на работу в местные правительства. Начал применяться прием на госслужбу по результатам экзаменов уже к очередному, XV-му, съезду КПК (1997 г.), организованному на регулярной основе в 28 провинциях.

Принятие полноценного закона о государственной гражданской службе, ставшего основой кадровой существующей по сей день кадровой системы КНР, было отложено до 2005 г. При этом значимых изменений по сравнению с "Временным положением" 1993 г. закон не имел [34] – экспериментальные принципы, положенные в его основу, были признаны однозначно успешными.

Содержание кадровой реформы

В чём же заключаются основные элементы внедрённой кадровой системы, и как проведение реформы помогло режиму правления КПК выстоять на фоне крушения социалистического лагеря?

В соответствии со ст. 2 Закона "О государственной гражданской службе" государственный служащий – это персонал, осуществляющий публичные обязанности в соответствии с законом, включённый в кадры государственной администрации и получающий заработную плату и пособия за счёт государственных финансов. В Китае отсутствует понятие муниципальной службы, а госслужба включает в себя работу как в центральных, так и в местных органах. Централизм также достигается посредством того, что единым органом, осуществляющим управление госслужащими в рамках всей страны, является Государственная администрация государственной службы КНР, созданная в 2008 г. в подчинении Министерства трудовых ресурсов и социального обеспечения. Поскольку курс на разделение партийного и

Номер ранга	Руководящие должности	Неруководящие должности
1	Высшие государственные должности (председатель КНР, премьер Госсовета, председатель Постоянного комитета ВСНП, председатель Всекитайского совета НПКСК)	–
2-4	Заместители вышестоящих	–
4-8	Руководители уровня министерств и провинций (шэн-буцзи 省部级)	–
6–10	Заместители вышестоящих	–
8–13	Руководители уровня округов и департаментов (тинцзи 厅级)	Инспекторы
10–15	Заместители вышестоящих	Заместители вышестоящих
12–18	Руководители уровня уездов и управлений (цзюйцзи 局级)	Консультанты
14–20	Заместители вышестоящих	Заместители вышестоящих
16–22	Руководители уровня волостей и отделов (чуцзи 处级)	Заведующие отделами
17–24	Заместители вышестоящих	Заместители вышестоящих
18–26	–	Референты
19–27	–	Клерки

Табл. 1. Система рангов на китайской гражданской службе, согласно "Закону о государственной службе" (2005 г.)

Источник: [34].

Table 1. The rank system in the Chinese civil service, according to the Civil Service Law (2005)

Source: [34].

административного аппаратов был свёрнут, подавляющее большинство государственных служащих (прежде всего, руководящих) являются членами КПК, и на всю их управленческую деятельность оказывают непосредственное влияние решения партийных органов. Учитывая партократический характер политической системы КНР, главным органом, отвечающим за кадровую политику в Китае, является Организационный отдел Центрального комитета КПК. Именно здесь осуществляется подбор и назначения руководящих кадров в рамках всей страны.

Все должности государственной гражданской службы в Китае подразделяются на руководящие и неруководящие, а также по административным рангам (синчжэн цзибе 行政级别). В своеобразной "табели о рангах", которая насчитывает 27 ступеней, выделяется четыре категории руководящих должностей, а также одна категория для рядовых чиновников. При этом низшие ранги руководящих должностей (например, в волости или посёлке) могут быть ниже, чем ранг неруководящего служащего (например, инспектора министерства). Наличие подобной иерархической системы позволяет более предсказуемо, прозрачно и системно продвигать кадры по служебной лестнице. Кроме того, чиновнику и обывателю, знакомому с данной системой, сразу понятно, служащий какого ранга находится перед ним и каков его предел полномочий. Соотнося ранг с возрастом чиновника также можно делать объективные выводы о его карьерных перспективах. Что немаловажно, данная система применяется при определении заработной платы чиновников. Административно-территориальные единицы, имеющие особый статус с целью стимулирования в них социально-экономического развития, повышаются в данной иерархии на одну ступень [13]. Ниже данная представлена в табличной форме.

Заметим, что руководители комитетов сельских и городских жителей (органы самоуправления соседской общиной) находятся вне данной системы, поскольку не являются государственными служащими. Человек "извне" не обязательно будет начинать карьерный путь с низшего 27-го ранга, потому что часть должностей в гражданских организациях формально или неформально привязана к системе рангов: так, ректор крупного вуза государственного или провинциального уровня будет считаться чиновником уровня заместителя руководителя министерств и провинций (6–10 ранг, "фушэнбуцзи" 副省部级) и в случае поступления на государственную службу может претендовать сразу на пост вице-губернатора или заместителя министра. Соответственно, у вузов окружного (городского) уровня ранг ректора на одну ступень ниже и т.д.⁵

Данная иерархическая система лежит в основе института ротации руководящих кадров, благодаря которому Пекину удалось преодолеть центробежные тенденции 1980-х гг. Система ротации руководящих кадров охватывает руководителей, начиная с уровня руководства округов и департаментов. Соответственно, до этого уровня чиновник может дослужиться и на неруководящих должностях в родной провинции (будучи, например, инспектором), однако в случае желания двигаться дальше он неизбежно вовлекается в систему ротации и, как правило, сменяет место работы и жительства. Такие чиновники, которые назначаются Центром на работу в другие провинции, обозначаются в Китае термином "кунцзян ганьбу" 空降干部, то есть "летающие ганьбу", или же, "ганьбу-десантники" [28, с. 240].

В среднем срок нахождения на руководящей должности при оптимальном развитии карьеры составляет 3-5 лет [29, с. 70]. Задержка на одной позиции свидетельствует о стагнации карьеры чиновника. При этом реальным руководителем региона является первый секретарь парткома, тогда как губернатор выступает его заместителем по партийной линии и, как следствие, занимает второстепенное положение. Движение по карьерной лестнице коррелирует с пятилетним циклом партийных съездов и возрастом чиновника к началу того или иного цикла. Общий принцип – чем старше, тем выше должна быть должность (существует точка зрения, что в этом воплощен конфуцианский подход к оценке авторитета человека, исходя из его возраста [29, с. 72]). К пику карьеры ганьбу подходят к возрасту около 60 лет. Наивысшее назначение приходится на жизненный отрезок 60-65 лет, после чего, если функционер не занимает высших партийных должностей, он получает почетную "предпенсионную" должность и к 70 годам уходит на пенсию. Институционно возраст нахождения на руководящих должностях не закреплен; чисто технически чиновники просто не получают новых назначений. Чиновники, достигающие к своему пику (60 лет) должностей руководителей провинциального уровня, не двигаются дальше. Те же, кто получил подобное назначение в более молодом возрасте (45-55 лет), имеют высокие шансы по итогам последующих партийных съездов получить руководящую должность в центральных органах КПК [29, с. 73].

Существует также негласная иерархия территорий, согласно которой назначение в одни регионы является более ответственным и почетным, чем в другие. В рамках ротации определенный чиновник может переводиться на аналогичную должность в другом регионе, и это будет являться не "горизонтальным перемещением", а повышением [29, с. 75]. Партийные руководители наиболее значимых регионов могут занимать места в Политбюро ЦК КПК. К таковым относятся самые развитые и населенные провинции Китая (Гуандун, Цзянсу, Чжэцзян, города центрального подчинения Пекин, Тяньцзинь, Шанхай, Чунцин).

Заметим также, что закон о государственной службе четко устанавливает порядок замещения неруководящих вакантных должностей посредством проведения экзамена, причём важным моментом является то, что его проводит не то ведомство, в котором собирается работать кандидат, а Государственная администрация

⁵ Данные полевого исследования, проведённого Д.Г. Сельцером в КНР в 2011 г.

государственной службы КНР или же её местные подразделения. Кроме того, важными элементами кадровой системы, созданной в Китае, является обязательное прохождение обучения при занятии должности, а также периодическое прохождение длительных стажировок в государственных ведомствах в других городах и провинциях. Помимо прочего, то внимание, которое уделяется профессиональной подготовке, позволяет государству контролировать процесс индоктринации чиновников.

Указанная система идеально отвечает меритократическим и иерархическим принципам, которые традиционно характерны для китайской бюрократии. Более того, она прозрачна и понятна как изнутри, так и снаружи. И хотя сам процесс назначения руководящих кадров по-прежнему в значительной степени находится в зависимости от неформальных договорённостей и различных неформальных связей, само наличие данной системы мотивирует чиновника на движение по карьерной лестнице, залогом чего является соответствие его действий ожиданиям Центра. Причем не столько центральных ведомств, сколько центральных органов партии, поскольку принцип субординации перед вышестоящими партийными органами, заложенный в Уставе КПК, предъявляет к управленцу более строгие требования, чем предписания по административной линии. Соответственно, и наказание – исключение из партии – фактически означает исключение человека из бюрократической системы в целом, практически без возможности возвращения, что несравнимо с просто увольнением или снятием с должности в непартократических системах.

Как мы видим, партократический характер политической системы, влияющей в т.ч. на систему госслужбы, о необходимости преодоления которого много говорили в 1980-е гг., не изменился. Однако, у этого есть не только плюсы, но и неизбежные минусы. Политическая система КНР по-прежнему характеризуется дублированием функций между государственным и партийным аппаратом, взаимоотношения между которыми носят сложный и зачастую противоречивый характер. Сложившаяся кадровая система не лишена и других проблемных моментов, а также побочных эффектов, анализ которых уже осуществлялся авторами статьи в других работах [11; 14]. Сейчас же в контексте поставленных перед статьёй целей и задач важнее тот вывод, что кадровая реформа, направленная на оптимизацию рекрутинга и продвижения чиновников и при этом на сохранение партократического характера всей системы, оказалась действенным фактором стабилизации обстановки в КНР на фоне глобального кризиса социалистического лагеря и краха СССР и КПСС.

Заключение

Таким образом, проведение кадровой реформы в турбулентный период рубежа 1980–1990-х гг., безусловно, сыграло важную роль в обеспечении жизнеспособности и эффективности правящего в КНР режима. Реформа не избавила государственную службу в Китае от таких пороков, как коррупция, тенденция к разбуханию организационно-штатного расписания. Более того, ряд нынешних проблем – прежде всего, ориентированность руководящих кадров на местах на достижение сиюминутного резонансного результата в ожидании карьерного повышения – являются непосредственными побочными эффектами установления новой системы. Однако именно проанализированная реформа позволила создать чётко регламентированную, предсказуемую иерархичную систему, которая мотивировала управленческие кадры, сориентировала их на достижение конкретных результатов в соответствии с повесткой Центра, поставила рекрутинг и продвижение кадров под идеологический контроль партии. Благодаря этим преобразованиям удалось преодолеть риски центробежных тенденций, характерных для КНР середины 1980-х гг., а также департократизации и деидеологизации политической системы, то есть тех процессов, которые в полной мере оказались присущи для российской истории рубежа 1980–90-х гг.

Литература

1. Алексеенко А.П. Регулирование государственной гражданской службы в КНР // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 4. С. 109–117.
2. Губарев С.Н. Основные проблемы кадровой политики руководства КПК (1976–1982 гг.): Автореф. дис. ...канд. ист. наук: 07.00.04. М., 1990. 24 с.
3. Гудошников, Л. М., Копков, А.В. Система государственной службы в Китайской Народной Республике. М.: ИДВ РАН, 2011. 211 с.
4. Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая / пер. с кит. М.: Издательство современной литературы, 1988. 256 с.
5. Егоров, К. А. Государственный аппарат КНР: 1967–1981. М.: Наука, 1982. 190 с.
6. Егоров, К. А. Китайская Народная Республика: политическая система и политическая динамика (80-е годы). М.: Наука, 1993. 207 с.
7. Ершов, А.В. Государственные бюджетные учреждения КНР: структурные и кадровые вопросы реформирования // Китай в эпицентре глобальных проблем АТР. М., 2013. С. 341–344.
8. Ершов, А.В. Модернизация госаппарата в первое десятилетие политики реформ // Общество и государство в Китае: XL научная конференция. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2010. С. 274–281.
9. Ершов, А.В. Реформа кадровой системы КНР в период 1978–2008 гг. // Вековой путь Китая к прогрессу и модернизации: К 100-летию Синьхайской революции: Тезисы. М.: ИДВ РАН, 2011. С. 254–256.
10. Зуенко, И.Ю. Трансформация региональной системы управления в КНР в 1977–1997 годах (на примере провинции Хэйлунцзян): дисс... канд. ист. наук: 07.00.03. Владивосток, 2014. 278 с.
11. Зуенко, И.Ю. Бюрократия в условиях фронта: проблема эффективности региональных властей в российско-китайских отношениях // Журнал фронтальных исследований. 2017. № 1. С. 51–64.
12. Зуенко, И.Ю. Как управляется китайский город: изменения за 35 лет реформ // Вестник Московского государственного университета управления. 2016. № 3. С. 15–22.
13. Зуенко, И.Ю. О статусе городов субпровинциального значения в КНР // Россия и АТР. – 2012. – №2. – С.145–153.
14. Зуенко, И.Ю. Укрепление "вертикали власти" по-китайски: кадровая политика в отношении регионального руководства в современном Китае // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. № 5 С. 30–46.
15. Зуенко, И.Ю. Центр-региональные отношения в КНР: историография и опыт составления источниковой базы // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2020. Т. 29 С. 71–90.
16. Иванов, С. А. Участие властей провинции Хэйлунцзян в российско-китайском экономическом сотрудничестве (1979–2009): дисс... канд. ист. наук: 07.00.03. Владивосток, 2014. 277 с.
17. Иванов, С.А. Деятельность субнациональных правительств в приграничном сотрудничестве России и Китая: системные ограничители и проблема мотивации // Россия и АТР. 2011. № 2. С. 143–153.
18. Кокарев, К. А. Политический режим и модернизация Китая. М.: ИДВ РАН, 2004. 320 с.
19. Малявин, В.В. Китайская цивилизация. М.: АСТ, 2001. 632 с.
20. Мао Цзэдун. Двадцать проявлений бюрократизма / пер. с англ. О. Мартова и О. Торбасова. [Электронный ресурс]. URL: <http://maoism.ru/1325> (дата доступа: 02.01.2021).
21. Мао Цзэдун. Революция и строительство / пер. с кит. М.: Палей-Мишин, 2000. – 478 с.
22. Сельцер, Д.Г. Изучение системы административного рекрутинга и государственного чиновника современного Китая методом глубинного интервью // Вестник Тамбовского университета. Серия "Гуманитарные науки". 2011. № 12. С. 786–788.
23. Сельцер, Д.Г., Жуков, Д.С., Коломина, Е.А. Распад СССР и сохранение КНР через призму анализа кадровой политики: общие подходы // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 4. С. 239–247.
24. Сельцер, Д.Г. Реформы современного Китая в интерпретации китайских руководителей: "случай Суйнина" // Вестник Тамбовского университета. Серия "Гуманитарные науки". 2011. № 12. С. 788–792.
25. Скрипов В.С. Кадровая политика КПК в условиях реформ (1978-1987 гг.): Автореф. дис. ...канд. ист. наук: 07.00.04. М., 1991. 26 с.
26. Трощинский, П. В. Административная реформа в КНР: политико-правовые аспекты // Административное и муниципальное право. 2014. № 12. С. 1246–1270.
27. Chan, H. Cadre Personnel Management in China: The Nomenklatura System, 1990–1998 // The China Quarterly. 2004. № 179. P. 703–734.
28. Hu Xiaohui, Hassink, R. Place Leadership with Chinese characteristics? A Case Study of the Zaozhuang Coal-mining Region in Transition // Regional studies. 2016. № 1. P. 224–234.
29. Liang Qiao. Performance, Preference, Promotion: Political Mobility of Chinese Regional Leaders: Louisiana State University Doctoral Dissertation, 2014. [Electronic Resource]. URL: https://digitalcommons.lsu.edu/gradschool_dissertations/1563/ (дата доступа: 20.02.2020).
30. Manion, M. The Cadre Management System, Post-Mao: the Appointment, Promotion, Transfer and Removal of Party and State Leaders // The China Quarterly. 985. № 102. P. 203–233.
31. 国家公务员暂行条例, 1993.08.14 = Временное положение государственных служащих, 14 августа

1993 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://rhb.reformdata.org/index.html#/article/923E325E16617477E457F6A468A2D6DF> (дата обращения: 10.02.2020).

32. 邓小平. 政治体制改革要有一个蓝图 = Дэн Сяопин. Политическая реформа должна иметь план. [Электронный ресурс]. URL: <http://rhb.reformdata.org/#/article/46F76A4BDA9A9579EAB38A8F6EABCD1> (дата доступа: 10.02.2020).

33. 黑龙江省民政年鉴1994 = Ежегодник гражданской администрации провинции Хэйлунцзян, 1994 год / под ред. Комитета по составлению ежегодников гражданской администрации провинции Хэйлунцзян. – Харбин: Хаэрбинь гуньэ дасюэ чубаньшэ, 1994. 394 с.

34. 中华人民共和国公务员法, 2005.05.30 = Закон КНР о государственной службе, 30 мая 2005 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.npc.gov.cn/wxzl/wxzl/2005-05/30/content_341711.htm (дата доступа: 10.02.2020).

35. 谢庆奎, 佟福玲. 政治改革与政府转型 = Се Цинкуй, Тун Фулин. Политическая реформа и трансформация государственной системы / Се Цинкуй, Тун Фулин. – Пекин: Шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2009. 320 с.

36. 黑龙江省志: 政权志 (第60卷) = Справочник провинции Хэйлунцзян, справочник по политическим органам (60 том) / под ред. Лун Цзянхуна. – Харбин: Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ, 2003. 915 с.

37. 姜明安. 谈《国家公务员暂行条例》的制定与实施 = Цзян Минъань. О принятии и реализации "Временного положения о государственных служащих". [Электронный ресурс]. URL: <http://rhb.reformdata.org/index.html#/article/5A5A2994BBA00E071D152145344B741D> (дата доступа: 20.02.2020).

38. 宋吉水. 迈出实施国家公务员制度的第一步 –访人事部部长赵东宛 = Сун Цишуй. Первый шаг навстречу установлению системы государственной службы. [Электронный ресурс]. URL: <http://rhb.reformdata.org/index.html#/article/5324D3D389537BC820A1E2D02F055DFE> (дата доступа: 20.02.2020).

References

1. Alekseenko A.P. Regulirovanie gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhby v KNR // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2018. № 4. S. 109–117.
2. Gubarev S.N. Osnovnye problemy kadrovoj politiki rukovodstva KPK (1976–1982 gg.): Avtoref. dis. ...kand. ist. nauk: 07.00.04. M., 1990. 24 s.
3. Gudoshnikov, L. M., Kopkov, A.V. Sistema gosudarstvennoj sluzhby v Kitajskoj Narodnoj Respublike. M.: IDV RAN, 2011. 211 s.
4. Dehn Syaopin. Osnovnye voprosy sovremennoho Kitaya / per. s kit. M.: Izdatel'stvo sovremennoj literatury, 1988. 256 s.
5. Egorov, K. A. Gosudarstvennyj apparat KNR: 1967–1981. M.: Nauka, 1982. 190 s.
6. Egorov, K. A. Kitajskaya Narodnaya Respublika: politicheskaya sistema i politicheskaya dinamika (80-e gody). M.: Nauka, 1993. 207 s.
7. Ershov, A.V. Gosudarstvennye byudzhetyne uchrezhdeniya KNR: strukturnye i kadrovye voprosy reformirovaniya // Kitaj v ehpsentre global'nykh problem ATR. M., 2013. S. 341–344.
8. Ershov, A.V. Modernizatsiya gosapparata v pervoe desyatiletie politiki reform // Obshhestvo i gosudarstvo v Kitae: XL nauchnaya konferentsiya. M.: In-t vostokovedeniya RAN, 2010. S. 274–281.
9. Ershov, A.V. Reforma kadrovoj sistemy KNR v period 1978–2008 gg. // Vekovoj put' Kitaya k progressu i modernizatsii: K 100-letiyu Sin'khajskoj revolyutsii: Tezisy. M.: IDV RAN, 2011. S. 254–256.
10. Zuenko, I.YU. Transformatsiya regional'noj sistemy upravleniya v KNR v 1977–1997 godakh (na primere provintsii KHehjluntszyan): diss... kand. ist. nauk: 07.00.03. Vladivostok, 2014. 278 s.
11. Zuenko, I.YU. Byurokriatiya v usloviyakh frontira: problema ehfektivnosti regional'nykh vlastej v rossijsko-kitajskikh otnosheniyakh // Zhurnal frontirnykh issledovanij. 2017. № 1. S. 51–64.
12. Zuenko, I.YU. Kak upravlyaetsya kitajskij gorod: izmeneniya za 35 let reform // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta upravleniya. 2016. № 3. S. 15–22.
13. Zuenko, I.YU. O statuse gorodov subprovintsial'nogo znacheniya v KNR // Rossiya i ATR. – 2012. – №2. – S.145–153.
14. Zuenko, I.YU. Ukreplenie "vertikali vlasti" po-kitajski: kadrovaya politika v otnoshenii regional'nogo rukovodstva v sovremennoho Kitae // Kontury global'nykh transformatsij: politika, ehkonomika, pravo. 2017. № 5. S. 30–46.
15. Zuenko, I.YU. TSentr-regional'nye otnosheniya v KNR: istoriografiya i opyt sostavleniya istochnikovoj bazy // Trudy Instituta istorii, arkhologii i ehntografii DVO RAN. 2020. T. 29. S. 71–90.
16. Ivanov, S. A. Uchastie vlastej provintsii KHehjluntszyan v rossijsko-kitajskom ehkonomicheskom sotrudnichestve (1979–2009): diss... kand. ist. nauk: 07.00.03. Vladivostok, 2014. 277 s.
17. Ivanov, S.A. Deyatel'nost' subnatsional'nykh pravitel'stv v prigranichnom sotrudnichestve Rossii i Kitaya: sistemnye ogranichiteli i problema motivatsii // Rossiya i ATR. 2011. № 2. S. 143–153.
18. Kokarev, K. A. Politicheskij rezhim i modernizatsiya Kitaya. M.: IDV RAN, 2004. 320 s.
19. Malyavin, V.V. Kitajskaya tsivilizatsiya. M.: AST, 2001. 632 s.
20. Mao TSzhdun. Dvadtsat' proyavlenij byurokratizma / per. s angl. O. Martova i O. Torbasova. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://maoism.ru/1325> (дата доступа: 02.01.2021).

21. Mao Tszehdun. *Revolyutsiya i stroitel'stvo* / per. s kit. M.: Paleya-Mishin, 2000. – 478 s.
22. Seltser, D.G. *Izuchenie sistemy administrativnogo rekrutirovaniya i gosudarstvennogo chinovnika sovremennogo Kitaya metodom glubinnogo interv'yu* // *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya "Gumanitarnye nauki"*. 2011. № 12. S. 786–788.
23. Seltser, D.G., Zhukov, D.S., Kolomina, E.A. *Raspad SSSR i sokhranenie KNR cherez prizmu analiza kadrovoy politiki: obshhie podkhody* // *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 2020. № 4. S. 239–247.
24. Seltser, D.G. *Reformy sovremennogo Kitaya v interpretatsii kitajskikh rukovoditelej: "sluchaj Sujnina"* // *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya "Gumanitarnye nauki"*. 2011. № 12. S. 788–792.
25. Skripov V.S. *Kadrovaya politika KPK v usloviyakh reform (1978-1987 gg.)*: Avtoref. dis. ...kand. ist. nauk: 07.00.04. M., 1991. 26 s.
26. Troshhinskij, P. V. *Administrativnaya reforma v KNR: politiko-pravovye aspekty* // *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo*. 2014. № 12. S. 1246–1270.
27. Chan, H. *Cadre Personnel Management in China: The Nomenclatura System, 1990–1998* // *The China Quarterly*. 2004. № 179. R. 703–734.
28. Hu Xiaohui, Hassink, R. *Place Leadership with Chinese characteristics? A Case Study of the Zaozhuang Coal-mining Region in Transition* // *Regional studies*. 2016. № 1. R. 224–234.
29. Liang Qiao. *Performance, Preference, Promotion: Political Mobility of Chinese Regional Leaders: Louisiana State University Doctoral Dissertation, 2014*. [Electronic Resource]. URL: https://digitalcommons.lsu.edu/gradschool_dissertations/1563/ (data dostupa: 20.02.2020).
30. Manion, M. *The Cadre Management System, Post-Mao: the Appointment, Promotion, Transfer and Removal of Party and State Leaders* // *The China Quarterly*. 1985. № 102. R. 203–233.
31. *国家公务员暂行条例*, 1993.08.14 = *Vremennoe polozhenie gosudarstvennykh sluzhashchikh, 14 avgusta 1993 g.* [Elektronnyj resurs]. URL: <http://rhb.reformdata.org/index.html#/article/923E325E16617477E457F6A468A2D6DF> (data obrashheniya: 10.02.2020).
32. *邓小平. 政治体制改革要有一个蓝图* = Dehn Syaopin. *Politicheskaya reforma dolzhna imet' plan.* [Elektronnyj resurs]. URL: <http://rhb.reformdata.org/#/article/46F76A4BDA9A9579EAB38A8F6EABCD1> (data dostupa: 10.02.2020).
33. *黑龙江省民政年鉴1994* = *Ezhegodnik grazhdanskoj administratsii provintsii KHehjluntszyan, 1994 god / pod red. Komiteta po sostavleniyu ezhegodnikov grazhdanskoj administratsii provintsii KHehjluntszyan. – KHarbin: KHaehrbn' gun"e dasyueh chuban'sheh, 1994. 394 s.*
34. *中华人民共和国公务员法, 2005.05.30* = *Zakon KNR o gosudarstvennoj sluzhbe, 30 maya 2005 g.* [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.npc.gov.cn/wxzl/wxzl/2005-05/30/content_341711.htm (data dostupa: 10.02.2020).
35. *谢庆奎, 佟福玲. 政治改革与政府转型* = Se TSinkuj, Tun Fulin. *Politicheskaya reforma i transformatsiya gosudarstvennoj sistemy / Se TSinkuj, Tun Fulin. – Pekin: SHehkhuj kehsyueh vehn'syan' chuban'sheh, 2009. 320 s.*
36. *黑龙江省志: 政权志 (第60卷)* = *Spravochnik provintsii KHehjluntszyan, spravochnik po politicheskim organam (60 tom) / pod red. Lun TSzyankhuna. – KHarbin: KHehjluntszyan zhehn'min' chuban'sheh, 2003. 915 s.*
37. *姜明安. 谈《国家公务员暂行条例》的制定与实施* = TSzyan Min'an'. *O prinyatii i realizatsii "Vremennogo polozheniya o gosudarstvennykh sluzhashchikh"*. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://rhb.reformdata.org/index.html#/article/5A5A2994BBA00E071D152145344B741D> (data dostupa: 20.02.2020).
38. *宋吉水. 迈出实施国家公务员制度的第一步 –访人事部部长赵东宛* = Sun TSzishuj. *Pervyj shag navstrechu ustanovleniyu sistemy gosudarstvennoj sluzhby.* [Elektronnyj resurs]. URL: <http://rhb.reformdata.org/index.html#/article/5324D3D389537BC820A1E2D02F055DFE> (data dostupa: 20.02.2020).

Иван Юрьевич ЗУЕНКО, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия, e-mail: i.zuenko@inno.mgimo.ru

Дмитрий Григорьевич СЕЛЬЦЕР, д-р полит. наук, директор Центра исследования политических трансформаций, профессор кафедры международных отношений и политологии Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, г. Тамбов, Россия, e-mail: seltser@yandex.ru

Ivan Yu. ZUENKO, Candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow, Institute of International Studies, Moscow State University of International Relations (MGIMO), Research Fellow, Institute of History, Archeology and Ethnology, Far Eastern branch of Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: i.zuenko@inno.mgimo.ru

Dmitry G. SELTSE, Doctor of Political Sciences, Director, Center for Political Transformations Studies, Professor at the Department of International Studies and Political Science, Derzhavin Tambov State University, Tambov Russia, e-mail: seltser@yandex.ru

Поступила в редакцию
(Received) 28.01.2022

Одобрена после рецензирования
(Approved) 14.02.2022

Принята к публикации
(Accepted) 25.02.2022

Южнокорейская историческая наука о Северо-Восточном проекте КНР

Леонид Евгеньевич КОЗЛОВ

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, kozlov.le@dvvu.ru

Аннотация. В статье рецензируется ряд актуальных публикаций южнокорейской исторической науки о Северо-Восточном проекте, доказывающем исторические права Китая на Маньчжурию. В Республике Корея этот проект подвергся резкой критике за подгонку современной этнонациональной теории КНР к древним этносам и государствам. Корейско-китайские противоречия по истории Древнего Чосона, Пуё, Когурё и Бохай остаются весьма политизированными, из-за чего комплексное изучение древней истории Северо-Востока КНР, Корейского полуострова и юга Дальнего Востока России еще долго будет встречать затруднения.

Ключевые слова: Северо-Восточный проект, Республика Корея, Китай, историческая политика, Кочосон, Пуё, Когурё, Бохай

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и КАОН в рамках научного проекта № 20-511-93005 "Развитие стратегического партнерства России и Китая в Восточной Азии"

Для цитирования: Козлов Л.Е. Южнокорейская историческая наука о Северо-Восточном проекте КНР // Известия Восточного института. 2022. № 1. С. 70–77. DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/70-77

Original article
DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/70-77

South Korean Historical Science on the Northeast Project of the PRC

Leonid E. KOZLOV

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, kozlov.le@dvvu.ru

Abstract. The article reviews several publications that analyze and criticize the so-called Northeast Project. It was a program of research on the history and modernity of Northeast China in 2002–2007, carried out by the Chinese Academy of Social Sciences with the support of the PRC government. Its purpose was to bolster China's historical rights to Manchuria. In the Republic of Korea, this project was sharply criticized for fitting the modern ethno-national theory of the PRC to ancient ethnic groups and states. Korean-Chinese contradictions over the history of Kojoseon, Puyo, Koguryo, and Bohai remain highly politicized. Therefore a comprehensive study of the ancient history of the Northeast of China, the Korean Peninsula and the South of the Russian Far East will face difficulties for a long time. South Korean researchers consider the ancient states of the PRC's Northeast an integral part of the history of Korea and agree to "share" with China only in order to recognize the presence of other ethnic groups and close ties of these countries with the core of the Chinese civilization.

Keywords: Northeast Project, Republic of Korea, China, politics of history, Kojoseon, Puyo, Koguryo, Bohai

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 20-511-93005 "Development of the strategic partnership between Russia and China in East Asia."

For citation: Kozlov L.E. South Korean Historical Science on the Northeast Project of the PRC // Oriental Institute Journal. 2022. No. 1. P. 70–77. DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/70-77

"Северо-Восточный проект" (СВП) – это пятилетняя программа исследований истории и современности Северо-Восточного Китая, которая была реализована в 2002–2007 гг. Китайской академией общественных наук (КАОН) при поддержке правительства КНР. Его цель состояла в том, чтобы подкрепить авторитетными исследованиями исторические права Китая на Маньчжурию, которые, по мнению китайских властей, несправедливо оспаривались некоторыми иностранными научными и политическими кругами. Среди прочего, СВП должен был помочь зарегистрировать в ЮНЕСКО археологические памятники (в первую очередь, гробницы) государства Когурё, сохранившиеся на территории КНР [2, с. 285].

В некоторых странах этот проект подвергся резкой научной и общественной критике за подгонку современной концепции КНР как единого многоэтнического

государства к древним этносам и государствам. СВП, как и аналогичные проекты в Тибете и Синьцзяне (Юго-Западный и Северо-Западный), доказывал, что в древности китайское государство занимало больше территории, чем традиционно считает мировая историческая наука, и что любой досовременный народ или государство, которые занимали любую часть территории нынешней КНР, является частью китайской истории, в том числе Древний Чосон, Пуё, Когурё и Бохай.

Российская наука в этой дискуссии занимает взвешенную позицию, сравнивая аргументы всех сторон [2, с. 284-293]. Древняя и средневековая Маньчжурия занимает периферийное место в исторической политике России, так что отечественная наука может заниматься ее изучением без лишней политизации. С научной точки зрения объективное и комплексное изучение этого региона нам совершенно необходимо, поскольку в древности он был тесно включен в этнические, культурные и иные процессы, общие с южной частью современного Дальневосточного федерального округа. Соответствующие исследования активно ведут Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН и Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН [1; 3].

О бюджете СВП существуют противоречивые сведения. Комитет экспертов СВП в 2002 г. утверждал, что на проект было выделено 15 млн. юаней (\$2,4 млн.): по 2,5 млн. юаней на год. Финансирование должно было поступать из трех источников: министерство финансов Китая, сама КАОН и провинциальные комитеты КПК в Цилинь, Ляонин и Хэйлуцзян. Южнокорейские авторы сообщали, что проект имел бюджет в 20 млрд. юаней [5].

СВП породил ожесточенные академические и дипломатические споры между Китаем и Кореей (как Южной, так и Северной). Авторы СВП доказывали, что все древние этносы на Северо-Востоке были этническими меньшинствами в рамках древнего Китая, что основная часть Когурё была впоследствии интегрирована в китайскую нацию и что между Когурё и Корё не было должной преемственности. С 2004 г. СВП начал широко освещаться в прессе Южной Кореи и вызвал возмущение местной общественности. Это возмущение в основном касалось Когурё, которое является чрезвычайно важным пунктом корейского национализма. В Южной Корее СВП стал символом исторического ревизионизма и радикальной политической экспансии КНР. Дискуссия о его результатах продолжилась и после того, как СВП был официально завершен (в последнем южнокорейские ученые выражают большие сомнения). В 2006 г. на основании специального закона в Республике Корея был создан государственный Фонд истории Северо-Восточной Азии (동북아역사재단), призванный ответить своими исследованиями на "исторические искажения и претензии на суверенитет Кореи" со стороны соседних стран, в особенности на китайскую трактовку истории Когурё и японскую – истории островов Токто. Региональные власти Северо-Восточного Китая, в свою очередь, с одобрения центрального правительства эксплуатируют наследие проекта, размещая на туристических объектах соответствующие вывески и брошюры [5].

В настоящей статье рецензируется несколько публикаций, находящихся в свободном доступе в базе "Korean Citation Index" (KCI), а также на других научных сайтах, в которых анализируется и критикуется СВП. Эти публикации рассмотрены в порядке их опубликования: от более ранних к более поздним. В KCI за 2013-2022 гг. индексируется 46 статей, содержащих среди ключевых слов "Северо-Восточный проект" (동북공정). Кроме того, по замечанию рецензента, Северо-Восточный проект также фигурирует в южнокорейских монографиях. Для автора статьи данная тема не является основной в исследованиях, и проанализировать весь корпус соответствующей южнокорейской литературы грозило бы чрезвычайными трудозатратами. Поэтому мы субъективно выбрали несколько, на наш взгляд, типичных текстов. Однако этой публикацией мы бы хотели активизировать дискуссию об исторической политике (политике памяти) стран Северо-Восточной Азии, затрагивающей Восток России, на более широком эмпирическом материале Китая, Кореи, Японии, Монголии и на более глубокой теоретической базе, в особенности

же обратить внимание на политизацию древней истории и археологии. Таковая, по нашему впечатлению, в XXI в. нарастает не только в США, но и во многих других макрорегионах мира. Пока эта дискуссия носит достаточно фрагментарный характер, например, в РИНЦ только в одной статье "Северо-Восточный проект" фигурирует в качестве ключевого слова, а древнее государство Пуё не фигурирует нигде.

Когда СВП был в самой активной стадии (2004), одну из типичных для Южной Кореи критических публикаций подготовил для англоязычной аудитории Пак Кёнчунль, сотрудник университета Каннам [6]. В статье "История Когурё и китайский Северо-Восточный проект" он утверждает, что в китайских попытках исказить историю нет ничего нового: еще в XVII в. династия Цин издала книгу, которая утверждала, что история Кореи является частью истории Маньчжурии. Эта книга вызвала ужас среди ученых течения Сирхак, доказывавших независимый характер корейской истории. В начале XX в. империалистическая Япония развивала тезис о том, что история Маньчжурии была отделена от истории Китая, но соединена с историей Кореи, чтобы опровергнуть исторические претензии Китая на господство в этом макрорегионе. При этом японцы утверждали, что Корея всегда зависела от Маньчжурии. В ответ корейские ученые-националисты доказывали независимую природу и корейскую культуру древних королевств Пуё и Когурё. По мнению Пак Кёнчуля, любая попытка понять историю Когурё должна начинаться с признания того факта, что территория Когурё одновременно включала северную часть Корейского полуострова и три северо-восточные провинции современного Китая. Современная же Корея должна реагировать на иностранные "ненаучные, но политически мотивированные" исторические интерпретации комплексными стратегиями (вероятно, своими аналогами СВП), доказывающими корейскую природу Древнего Чосона, Пуё, Когурё и Бохай.

Наиболее взвешенно, на наш взгляд, СВП проанализирован в статье южнокорейской сотрудницы Лейпцигского университета (Германия) Ан Ёнсон "Корейско-китайская война учебников" (2006) [4]. Она отмечает, что среди актуальных споров по поводу учебников истории и территориального суверенитета в Восточной Азии центральное место занимает китайско-корейский, который, прежде всего, касается истории и наследия Когурё, занимавшего обширную территорию от центральной Маньчжурии до юга Сеула на пике своего могущества (V в. н.э.). В так называемых "исторических войнах" как Китай, так и Корея заявляют, что история Когурё принадлежат исключительно им. Они используют древнюю историю и археологию, чтобы обосновать свой суверенитет над оспариваемым прошлым.

Ещё в 1986 г. китайский историк Сунь Цзинцзи предположил, что Когурё отделен от истории бесспорно корейских государств Пэкче и Силла. Он утверждал, что население Пуё и Когурё имело ту же родословную, что и китайцы в Северо-Восточном регионе, в то время как корейцы были частью линии Силла. С 1993 г. в Китае резко увеличилось количество статей, в которых Когурё указывалось как одно из национальных меньшинств древнего Китая и неотъемлемая часть китайской истории. Эта тенденция достигла пика в 1997 г. и постепенно снизилась к 2000 г. На академической конференции 1993 г. в КНР северо-корейский историк Пак Шихён прямо оспорил тезис о том, что Когурё является частью китайской истории. Китайские ученые не были единодушны: некоторые признавали корейскую сущность Когурё, некоторые считали, что история Когурё принадлежит и Китаю, и Корее. Участники СВП доказывали китайскую принадлежность Когурё двумя аргументами: во-первых, Когурё выросло из ханьского военного округа Сюаньту, во-вторых, когурёсцы составляли влиятельную этническую группу в несомненно китайских приграничных районах на Северо-Востоке в период между династиями Западная Хань и Тан (между 24 и 618 гг. н.э.).

Ан Ёнсон делает вывод, что ученые как КНР, так и РК создают идеологически нагруженные интерпретации прошлого, избегая нейтральных научных методов. Их интерпретации противоречивы и нацелены на подкрепление националистических претензий. Эта дискуссия КНР и РК имеет глубокие корни в текущей полити-

ческой повестке. В то время как каждая сторона критикует другую за злоупотребление историей в политических целях, Когурё сохраняет важное символическое значение в исторической политике КНР и РК. Древняя история Когурё используется Китаем и Кореей как идеологический аргумент, чтобы претендовать на авторитет и историческую непрерывность современного государства.

Спор КНР и РК проецирует современное национальное государство на древние времена, реконструируя древнюю историю в рамках национальной истории. Историки двух стран задним числом прилагают к древнему периоду современные концепции национальной территории и национального государства. В центре спора по поводу истории и археологии Когурё находится вопрос о границах национальной истории и наследия, которые Китай и Корея изображают по-разному. История, наследие и культура в Китае определяются с точки зрения его нынешних территорий и границ. Корейская же национальная история определяется территорией, где прежде жили корейские племена. Забота националистов о культурной однородности ведет к исключительной социальной изоляции друг от друга. Обе стороны говорят о воровстве, манипулировании и искажении истории и призывают исправлять, защищать и спасать "нашу" историю. В этом контексте история трактуется как моральная дихотомия: либо правильная, т.е. хорошая история, либо искаженная, т.е. плохая история.

Сотрудник Института истории и культуры Чхунчхон-Намдо Ли Чонсу в 2007 г. подготовил обзор китайских исследований государства Пуё [12]. Исследования археологии Пуё он делит на три периода. В первом (со времени установления японского господства над Маньчжурией Японией в 1930-х гг. и до 1945 г.) японские ученые проводили археологические исследования элементарного уровня, в основном же история и география Пуё изучалась посредством древнекитайских письменных источников. Во втором периоде (1945 - 1970-е гг.) ученые КНР начали фундаментальные исследования археологических памятников Пуё по всей территории провинции Цзилинь, также несколько артефактов было найдено в процессе раскопок на горе Ситуаньшань. В третьем периоде (с 1980-х гг. по настоящее время) были проведены полномасштабные исследования культуры Пуё, основанные на предыдущих находках и новых раскопках. Всего было найдено около 70 памятников культуры Пуё, из них посредством раскопок – только 9, а остальные – с помощью осмотров поверхности. На 2007 г. Ли Чонсу обнаружил около 80 китайских публикаций о Пуё, в основном 1980-х и 1990-х гг. Среди них было 49 научных диссертаций и 32 обзора археологических материалов. Среди этих диссертаций 30 были основаны на письменных источниках и 19 – на археологических.

В 1950-70-х гг. большинство археологических исследований в провинции Цзилинь было сосредоточено на культуре Ситуаньшань, а тематика Пуё оставалась в ее тени. Начиная с 1980-х гг. исследования Пуё стали быстро продвигаться вперед: увеличивалось количество публикаций по археологии, исследования стали систематичными и подробными, письменные и археологические материалы анализировались совместно. Изучение Пуё стало важной частью СВП. Мнения китайских специалистов о Пуё разнятся в зависимости от провинций, к которым они принадлежат: Ляонин, Цзилинь и Хэйлунцзян стараются так или иначе использовать наследие Пуё в своих интересах. Общий вывод китайской науки о политической природе Пуё состоит в том, что это был периферийный феномен, зависимый от ядра китайской цивилизации. На основе этого тезиса проводятся все последующие исследования и выходят публикации в прессе КНР.

Сотрудник университета Корё Чхве Квансик в статье "Китайское видение истории Когурё и Бохая, продемонстрированное в Северо-Восточном проекте" (2008) дает обзор соответствующих китайских теорий и призывает к тому, чтобы Республика Корея продолжала следить за китайскими исследованиями древней истории Северо-Востока, несмотря на завершение СВП. Корейской науке важно знать и понимать результаты СВП, потому что на их основе Китай заявляет, что Когурё и Бохай принадлежат к его истории [10].

Одним из приоритетов СВП было изучение истории Когурё. Китай приложил все усилия, чтобы включить историю Когурё в свою историю, прежде всего, в рамках дискуссии о происхождении Когурё. По данному вопросу китайские историки выдвинули четыре версии, и все они рассматривали Когурё как часть истории Китая. Результаты СВП были включены в монографии с характерными названиями "Всеобъемлющее исследование истории древнекитайского Когурё" и "Постоянное исследование истории древнекитайского Когурё". Большинство бохайских исследований в рамках СВП предполагают мохэскую (т.е. тунгусскую) природу этого государства. Также они настаивают на том, что Бохай был одной из единиц китайской административно-территориальной системы цзими чжоу ("округ сдерживания"). По мнению Чхве Квансика, китайские историки, имея заранее определенную цель, готовы привлекать такие расплывчатые источники, как "И Чжоу Шу" (компендиум древнекитайских документов о периоде Западной Чжоу), выдавать псевдо-дань, фигурировавшую в ходе дипломатических церемоний, за доказательство зависимости Когурё и Бохай от Китая и заниматься прочими натяжками.

В том же номере южнокорейского журнала "Дописьменная и древняя история", где опубликовал свою статью Чхве Квансик, вышла статья японского ученого Синохара Хироката, сотрудника университета Кансай, "Понимание древней корейской истории в Китае на примере Кочосона и Пуё" [7]. Синохара Хироката считает, что СВП не привел к каким-либо кардинальным изменениям в исследованиях истории Древнего Чосона и Пуё, проводимых китайскими академическими кругами. Однако среди разнообразных интерпретаций древней истории региона стали преобладать прикладные работы, утверждающие, что история Древнего Чосона и Пуё была частью китайской истории. По мнению японского автора, тем самым китайская наука стремится ослабить идентичностные связи между этническими корейцами в Китае и южнокорейцами и северокорейцами. Подобные исследования реанимируют традиционное для Китая видение мира, где Китай находится в центре международных процессов. При этом возвращение китаецентризма может быть обусловлено общими тенденциями развития науки КНР, как-то дефицитом возможностей международных обменов и зависимостью от политики правительства, а не недостатками отдельных китайских историков.

В 2016 г. Ли Чонсу, теперь в качестве сотрудника университета Тангук, опубликовал рецензию "Статус и тенденции актуальных исследований Пуё в Китае" на две китайские монографии по истории Пуё под авторством Ян Цзюнь (2012) и Фан Эньши (2013) [9]. Свою рецензию он категорично начинает с того, что Пуё, наряду с Древним Чосоном, играло ключевую роль в формировании корейского народа и относится именно к корейской истории, потому что и Когурё, и Пэкче, и Бохай признавали свою преемственность с Пуё. Несмотря на это, изучение истории Пуё в самой Корее, по мнению Ли Чонсу, остается на зачаточном уровне из-за нехватки письменных источников, археологических раскопок и артефактов.

Вся территория Пуё в настоящее время находится в пределах КНР. Корейские и китайские трактовки истории Пуё заметно различаются между собой. Корея считает Пуё частью своей истории, исходя из теории исторического суверенитета, то есть преемственности исторической легитимности, в то время как китайская наука рассматривает Пуё как одну из историй этнических меньшинств Китая, исходя из теории полиэтничного единства китайского государства, которое всегда ставило во главу угла территориальный суверенитет. Другими словами, все китайские ученые называют Пуё вассальным режимом Древнего Китая, созданным этническим меньшинством на Северо-Востоке.

Поскольку Пуё было первым государством, возникшим среди этнических меньшинств Северо-Востока, китайская наука сегодня считает его наиболее важным предметом изучения истории этого региона на стыке 1 в. до н.э. – 1 в. н.э. По этой причине в последнее десятилетие китайские академические круги значительно усилили изучение Пуё, впрочем, не публикуя принципиально новых данных или взглядов, отличных от существующего в Китае мейнстрима. Рассмотренные Ли Чонсу монографии, в основном, представляют собой сводку результатов преды-

дущих исследований. Сам он согласен с тем, что накопленные прежде данные не позволяют выдвинуть какие-то новые точки зрения. Чтобы продвигаться далее в изучении истории Пуё, наиболее важным Ли Чонсу считает поиск новых археологических данных, которые могут компенсировать дефицит письменных источников. В частности, все исследователи истории Пуё мечтают о том, чтобы китайская сторона опубликовала отчеты о раскопках руин в провинции Цзилинь, относящихся к периоду, который считается расцветом Пуё, в особенности на горах Донтуан (東團山) и Маоэр (帽兒山), которые начались в 1990-е гг. и проводятся с тех пор ежегодно.

Вышеупомянутый Фан Эньши, сотрудник Китайского института пограничных исследований КАОН, в свою очередь, получил возможность представить китайскую позицию в корейском журнале "Дописьменная и древняя история". В статье 2017 г. он систематизировал актуальные результаты исследований Когурё и Бохай в КНР, а также китайские публикации о племенах Емэк, о Пуё и некоторые общие статьи по истории Северо-Востока, которые имели какое-либо отношение к Когурё и Бохай [11].

Фан Эньши признаёт наличие в исследованиях Когурё и Бохай ряда узких мест. Поскольку основные письменные источники по этой теме были выявлены давно и использовались многократно, а базовые трактовки устоялись, необходимо глубоко задуматься о том, в каких направлениях двигаться дальше. Китайские авторы, в частности, предлагают провести ревизию историографии Когурё. Один из авторов видит новые возможности в изучении бохайских крепостей и сопряжении результатов раскопок с письменными источниками. Китайские ученые внимательно относятся к мнению ученых третьих стран, например, японца Кодзима Ёситака и А.Л. Ивлиева из ИИАЭ ДВО РАН. Также китайские историки постепенно осознают, что для эффективного изучения Когурё и Бохай необходимо рассматривать их в общем контексте истории Восточной Азии, в том числе в рамках систем международной торговли и дипломатии. Фан Эньши упоминает, что китайский историк Цзян Вэйгун провел большую работу по систематизации письменной истории Северо-Востока, опубликовав в 2016 г. "Серию хронологической истории древних этносов Северо-Востока", включая Пуё, Когурё, Пэкче, киданей и Бохай. Китайские археологи находят и анализируют новые письменные и археологические источники, прежде всего, эпитафии и фрески гробниц. В 2016 г. в КНР были защищены три докторские диссертации по истории Когурё, все в вузах и научных институтах Северо-Востока (об укреплениях столицы Когурё, о росписях одной из гробниц Когурё, о монархах Когурё).

Наконец, в 2020 г. сотрудник университета Тангук Ли Сынхо выпустил алармистскую статью о тенденциях в исследованиях Пуё, обусловленных наследием СВП [8]. Несмотря на завершение СВП в феврале 2007 г., сформированные в его рамках направления и подходы китайской науки неуклонно сохраняются и сильно влияют на изучение истории Пуё в КНР. Ли Сынхо высказывает серьезные опасения, что подход китайских историков к Пуё как вассалу и в целом подчиненному элементу китайской цивилизации может исказить исследования истории Пуё. Другими словами, исследования Пуё, проводимые китайскими историками, всё ещё находятся в "ловушке влияния СВП". Южнокорейские же историки сегодня считают, что к истории Пуё нельзя подходить как сугубо корейской. Вместо этого они предлагают анализировать Пуё как часть общей истории Восточной Азии.

В заключение отметим, что южнокорейские историки внимательно и ревниво следят за китайскими исследованиями истории Северо-Востока даже спустя много лет по завершении СВП. Древние полиэтничные государства Северо-Востока корейские историки считают неотъемлемой частью истории Кореи и согласны "поделиться" с Китаем лишь в том, чтобы признать наличие других этносов в составе Древнего Чосона, Пуё, Когурё и Бохай и тесных социально-политических связей этих стран с историческим ядром китайской цивилизации. В рассмотренных статьях южнокорейские авторы делают акцент на организационные и идеологиче-

ские моменты, так что собственно общество древнего Северо-Востока отходит на второй план, и его развитие для неспециалиста остается не слишком понятным.

Корейские историки сетуют на то, что не имеют прямого доступа к основным археологическим находкам, которые могли бы пролить свет на историю Северо-Востока. При этом они критикуют китайские исследования, на наш взгляд, в довольно запальчивом тоне и не пытаются как-то заинтересовать китайскую сторону в проведении совместных исследований и разработке компромиссных моделей древней истории Восточной Азии. Вследствие этого комплексное изучение древней истории современного Северо-Востока КНР, Корейского полуострова и южной части Дальнего Востока России, очевидно, еще долго будет встречать затруднения и медленно продвигаться вперед.

Литература

1. Алкин С.В. Российско-корейское сотрудничество в изучении археологии Сибири и Корейского полуострова // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2020. Т. 34. С. 39-49.
2. Дьякова О.В. Государство Бохай: археология, история, политика. М.: Наука; Восточная литература, 2014. 318 с.
3. Ивлиев А.Л. О результатах выполнения темы "Археология и история юга Дальнего Востока России и смежных зон Азии в древности и средневековье" в 2011-2020 гг. // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2021. Т. 31. С. 7-48.
4. Ahn Yonson. Competing Nationalisms: The mobilisation of history and archaeology in the Korea-China wars over Koguryo/Gaogouli // Japan Focus. 2006. Vol. 4, Issue 2. URL: <https://apjif.org/-Yonson-Ahn/1837/article.html> (дата обращения: 01.06.2021).
5. Northeast Project of the Chinese Academy of Social Sciences // Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Northeast_Project_of_the_Chinese_Academy_of_Social_Sciences (дата обращения: 01.06.2021).
6. Park Kyeong-chul. History of Koguryō and China's Northeast Asian Project // International Journal of Korean History. 2004. Vol. 6. P. 1-28.
7. 시노하라 히로카타. 중국 학계의 韓國上古史인식 - 古朝鮮史·夫餘史를 중심으로 // 선사와 고대. 2008. 29호. 61-105페이지. = Синохара Хироката. Понимание китайскими академическими кругами древней истории Кореи – на примере Кочосона и Пүё // Дописьменная и древняя история. 2008. № 29. С. 61-105.
8. 이승호. 2000년대 이후 夫餘史 연구 동향과 'POST 동북공정' 동양학. 2020. 80호. 67-87페이지. = Ли Сынхо. Тенденции исследований Пүё после 2000 года и "Пост-Северо-Восточный проект" // Восточные исследования. 2020. № 80. С. 67-87.
9. 이종수. 중국의 최근 부여사 연구현황과 동향 // 동북아역사논총. 2016. 51호. 239-258페이지. = Ли Чонсу. Статус и тренды актуальных исследований истории Пүё в Китае // Журнал истории Северо-Восточной Азии. 2016. № 51. С. 239-258.
10. 최광식. 동북공정 이후 중국 연구서에 보이는 고구려 발해 인식 // 선사와 고대. 2008. 29호. 107-131페이지. = Чхве Квансик. Понимание Когурё и Бохай в китайских исследованиях после Северо-Восточного проекта // Дописьменная и древняя история. 2008. № 29. С. 107-131.
11. 范恩实. 2016年度中国学界高句丽、渤海史研究综述 // 선사와 고대. 2017. 53호. 113-134페이지. = Фан Эньши. Обзор исследований Когурё и Бохай в Китае в 2016 г. // Дописьменная и древняя история. 2017. № 53. С. 113-134.
12. 李鍾洙. 中國의 夫餘史 認識과 研究現況 檢討 // 고구려발해연구. 2007. 28권. 111-132페이지. = Ли Чонсу. Обзор понимания и актуальных исследований истории Пүё в Китае // Исследования Когурё и Бохай. 2007. Т. 28. С. 111-132.

References

1. Alkin S.V. Rossijsko-korejskoe sotrudnichestvo v izuchenii arkheologii Sibiri i Korejskogo poluostrova // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija. 2020. T. 34. S. 39-49.
2. D'yakova O.V. Gosudarstvo Bokhaj: arkheologiya, istoriya, politika. M.: Nauka; Vostochnaya literatura, 2014. 318 s.
3. Ivliev A.L. O rezul'tatakh vypolneniya temy "Arkheologiya i istoriya yuga Dal'nego Vostoka Rossii i smezhnykh zon Azii v drevnosti i srednevekov'e" v 2011-2020 gg. // Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN. 2021. T. 31. S. 7-48.
4. Ahn Yonson. Competing Nationalisms: The mobilisation of history and archaeology in the Korea-China wars over Koguryo/Gaogouli // Japan Focus. 2006. Vol. 4, Issue 2. URL: <https://apjif.org/-Yonson-Ahn/1837/article.html> (data obrashheniya: 01.06.2021).
5. Northeast Project of the Chinese Academy of Social Sciences // Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Northeast_Project_of_the_Chinese_Academy_of_Social_Sciences (data obrashheniya: 01.06.2021).
6. Park Kyeong-chul. History of Koguryō and China's Northeast Asian Project // International Journal of

Korean History. 2004. Vol. 6. P. 1–28.

7. 시노하라 히로카타. 중국 학계의 韓國上古史인식 - 古朝鮮史 · 夫餘史를 중심으로 // 선사와 고대. 2008. 29호. 61-105페이지. = Sinokhara KHirokata. Ponimanie kitajskimi akademicheskimi krugami drevnej istorii Korei – na primere Kochosona i Puyo // Dopis'mennaya i drevnyaya istoriya. 2008. № 29. S. 61-105.

8. 이승호. 2000년대 이후 夫餘史 연구 동향과 'POST 동북공정 // 동양학. 2020. 80호. 67-87페이지. = Li Synkho. Tendentsii issledovaniy Puyo posle 2000 goda i "Post-Severo-Vostochnyj proekt" // Vostochnye issledovaniya. 2020. № 80. S. 67–87.

9. 이종수. 중국의 최근 부여사 연구현황과 동향 // 동북아역사논총. 2016. 51호. 239-258페이지. = Li CHonsu. Status i trendy aktual'nykh issledovaniy istorii Puyo v Kitae // ZHurnal istorii Severo-Vostochnoj Azii. 2016. № 51. S. 239–258.

10. 최광식. 동북공정 이후 중국 연구서에 보이는 고구려 발해 인식 // 선사와 고대. 2008. 29호. 107-131페이지. = CHkhve Kvansik. Ponimanie Koguryo i Bokhaj v kitajskikh issledovaniyakh posle Severo-Vostochnogo proekta // Dopis'mennaya i drevnyaya istoriya. 2008. № 29. S. 107–131.

11. 范恩实. 2016年度中国学界高句丽、渤海史研究综述 // 선사와 고대. 2017. 53호. 113-134페이지. = Fan EHn'shi. Obzor issledovaniy Koguryo i Bokhaj v Kitae v 2016 g. // Dopis'mennaya i drevnyaya istoriya. 2017. № 53. S. 113–134.

12. 李鍾洙. 中國의 夫餘史 認識과 研究現況 檢討 // 고구려발해연구. 2007. 28권. 111-132페이지. = Li CHonsu. Obzor ponimaniya i aktual'nykh issledovaniy istorii Puyo v Kitae // Issledovaniya Koguryo i Bokhaj. 2007. T. 28. S. 111–132.

Леонид Евгеньевич КОЗЛОВ, канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, kozlov.le@dvvu.ru

Leonid E. KOZLOV, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, International Relations Department, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: kozlov.le@dvvu.ru

Поступила в редакцию
(Received) 29.01.2022

Одобрена после рецензирования
(Approved) 19.02.2022

Принята к публикации
(Accepted) 25.02.2022

Руины на постсоветском Дальнем Востоке: "созидательное разрушение" или "медленное насилие"?

Елена Сергеевна ВОЛКОВА

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия, elenavolkova1@yandex.ru

Юлия Николаевна КОВАЛЕВСКАЯ

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия, tupa67@mail.ru

Аннотация. Авторы исследуют механизмы возникновения руин в дальневосточном регионе в конце XX – начале XXI вв. Если разрушение советских предприятий до определенной степени можно объяснить трансформационным кризисом и "созидательным разрушением", то деградация технической и социальной инфраструктуры находит интерпретацию в рамках теории авторитарной модернизации. Кроме того, в статье анализируются долговременные последствия жизни людей в геттоизированных поселениях, среди руин, с использованием этнографии "медленного насилия".

Ключевые слова: Дальний Восток России, постсоветский период, руины, авторитарная модернизация, медленное насилие, практики выживания

Для цитирования: Волкова Е.С., Ковалевская Ю.Н. Руины на постсоветском Дальнем Востоке: "созидательное разрушение" или "медленное насилие"? // Известия Восточного института. 2022. № 1. С. 78–90. DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/78-90

Original article
DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/78-90

Ruins in the Post-Soviet Far East: "Creative Destruction" or "Slow Violence"?

Elena S. VOLKOVA

Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia, elenavolkova1@yandex.ru

Yulia N. KOVALEVSKAYA

Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia, tupa67@mail.ru

Abstract. The authors investigate the mechanisms of the emergence of ruins in the Russian Far East in the late XX – early XXI centuries. If the destruction of Soviet enterprises can to a certain extent be explained by the transformational crisis and "creative destruction", then the degradation of the technical and social infrastructure is interpreted within the framework of the theory of authoritarian modernization. In addition, the article analyzes the long-term consequences of the lives of people in ghettoized settlements, among the ruins, using the ethnography of "slow violence". The authors are introduced into scientific circulation such historical sources as field research materials and works of art of Far Eastern writers and artists. These sources clearly show how local residents survive among the physical ruins on the ruins of their plans and hopes in the peripheral territories of this region.

Keywords: Russian Far East, post-Soviet period, ruins, authoritarian modernization, slow violence, survival practices

For citation: Volkova E.S., Kovalevskaya Yu.N. Ruins in the Post-Soviet Far East: "Creative Destruction" or "Slow Violence"? // Oriental Institute Journal. 2022. № 1. P. 78–90. DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/78-90

На Дальнем Востоке много руин, в разрушенном состоянии находятся и крупные советские предприятия (в том числе градообразующие), и объекты инфраструктуры (порты, вокзалы, котельные, сети, дороги), и отдельные жилые и общественные здания (больницы, школы, дома культуры), и целые города и поселки. Руины эти в большинстве своём появились в эпоху кризисных 1990-х, часть была возвращена к жизни во время экономического роста в 2000-е, но в основном процесс руинирования продолжился и расширился за счет новых объектов.

Жизнь среди руин имеет свою специфику, которая не только стала предметом обыденной рефлексии (представленной в соцсетях, СМИ, полевых интервью), но

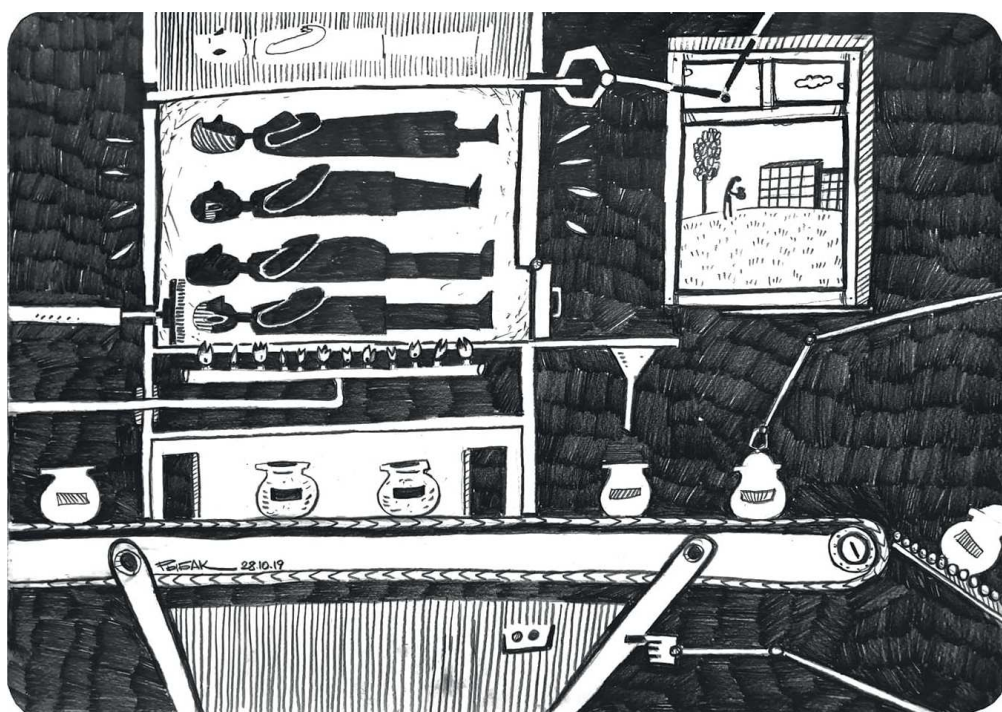

Рис. 1. Рыбак Н.Д. Оптимизация (2019).
 Источник: Facebook (соц. сеть). URL: <https://www.facebook.com/remury>
 Fig. 1. Rybak N.D. Optimization (2019).
 Source: Facebook (social network). URL: <https://www.facebook.com/remury>

и получила отражение в художественном творчестве и академическом дискурсе. Анализ различных схем интерпретации позволяет более широко и глубоко взглянуть на проблему руин советской эпохи и характера того общества, которое их производит в современной России.

В начале 1990-х гг. банкротство советских предприятий и физическое уничтожение их зданий, технической и социальной инфраструктуры оптимистично расценивалось как часть процесса "*созидательного разрушения*", который классик экономической теории Й. Шумпетер считал ключевым для капитализма источником инноваций и экономического роста. Согласно "*облегченной*" версии теории модернизации, получившей название транзитологии, предполагалось, что трансформационный кризис будет кратким, а затем место неэффективных советских предприятий займут новые, вместо "*плохих*" советских рабочих мест на фабриках, заводах, шахтах и совхозах возникнет высокодоходная занятость в рыночной экономике и сформируется российский "*средний класс*".

Однако реальная жизнь не подтвердила этих прогнозов, особенно для Дальнего Востока: кризис продолжался очень долго, в его низшей точке – в 1998 г. ВВП составлял менее 45% от уровня 1990 г., и даже в докризисном 2008 г. – менее 60% [15, с. 90]. Пострадали все региональные отрасли специализации, структура экономики в 1990–2010 гг. изменилась в сторону преобладания сырьевых отраслей, ориентированных на экспорт, – добычи нефти, газа, цветных металлов, рыбы и древесины. Уровень качества жизни на Дальнем Востоке в постсоветский период опустился гораздо ниже среднероссийского [13, с. 479]. На дальневосточной периферии появились города и поселки-гетто – с руинами градообразующих предприятий, множеством полупустых домов с брошенными квартирами, депрессивностью социокультурной среды, высокой безработицей, преступностью и уровнем

Рис. 2. Аксёнов Ю.А. Наши будни и праздники (1996).

Источник: Галерея современного искусства ArtNow (сайт). URL: <https://artnow.ru/kartina-Nashi-budni-i-prazdniki-hudozhnik-Aksenov-Yuriy-812216.html>

Fig. 2. Aksenov Yu.A. Our weekdays and holidays (1996).

Source: ArtNow Gallery of Contemporary Art (website). URL: <https://artnow.ru/kartina-Nashi-budni-i-prazdniki-hudozhnik-Aksenov-Yuriy-812216.html>

суицидов, формированием "культуры бедности", стигматизированной идентичностью, своеобразной эстетикой упадка¹.

В связи с массовым распространением поселений-гетто в российской урбанистике возник даже термин "*паллиативное городское планирование*". Предполагается, что умирающим "населенным пунктам на Севере, на Дальнем Востоке, в Восточной Сибири, которые потеряли значительную часть населения, нужна паллиативная помощь. Надо постепенно уменьшать те районы, которые поддерживаются инфраструктурно, переселять остатки людей в центральные части города" [17].

Как можно заметить, концепция "созидательного разрушения" не даёт инструментария для адекватного описания процессов, которые происходят между "внедрением инновации" в начале и "паллиативной помощью" умирающим поселениям в конце. Методологически более корректно использовать в этих случаях теорию авторитарной модернизации и этнографию медленного насилия.

При анализе причин появления руин и продолжительного существования жителей российской периферии в руинированной и малопригодной для жизни среде следует отметить общую трансформацию модернистской (либеральной) парадигмы. Модернизм (либерализм) индустриальной эпохи исходил из расширения

¹ См., например, ресурс <https://vk.com/yebenya> (367 тыс. подписчиков); проект "Уходящее Приморье": <https://primamedia.ru/projects/392/>

Рис. 3. Манткава Г.М. Зимнее утро Родины (1999).

Источник: Сахалинский областной краеведческий музей (сайт). URL: http://old.sakhalinmuseum.ru/exhb_id_158.php

Fig. 3. Mantkava G.M. Winter Morning of the Motherland (1999).

Source: Sakhalin Regional Museum of Local Lore (website). URL: http://old.sakhalinmuseum.ru/exhb_id_158.php

прав граждан и возможностей их доступа к общему благу, а постмодернистский (неолиберальный) модернизм опирается на приоритет экономического роста и удовлетворения платежеспособного спроса. Соответственно, это предполагает совершенно разное отношение власти к технической и социальной инфраструктуре.

Массовое жилищное строительство с полной технической и социальной инфраструктурой, доступность медицинского обслуживания и всеобщего образования были связаны с парадигмой индустриального модернизма и концепциями социальной гигиены. Инфраструктура рассматривалась в первую очередь не как способ извлечения прибыли, а как общее благо, направленное на борьбу с эпидемиями и массовыми социальными заболеваниями (оспа, холера, брюшной тиф, гепатит, дизентерия, туберкулёз и др.), повышение образовательного и культурного

Рис. 4. Рыбак Н.Д. Я – медработник (2017). Из серии "Город потерянных надежд".
Источник: Facebook (соц. сеть). URL: <https://www.facebook.com/remury>

Fig. 4. Rybak N.D. I am a health worker (2017). From the City of Lost Hopes series.
Source: Facebook (social network). URL: <https://www.facebook.com/remury>

неплатежеспособных граждан от коммунальных услуг. И когда государство "оптимизирует" транспортное сообщение с отдаленными местностями, а "Водоканал" или энергетическая кампания поднимают тарифы и отключают неплательщика от водопровода, канализации или электричества, чиновникам не приходит в голову, что исключённое население может стать очагом смертельно опасной инфекции и массовой эпидемии.

"Оптимизация" социальной инфраструктуры (школ, больниц, учреждений культуры, общественных фондов) усугубляет социальное исключение жителей периферии. Уровень зарплат в некоторых регионах и секторах экономики России настолько низкий, что не покрывает даже простого воспроизводства рабочей силы, и эту проблему усиливает закрытие сельских школ и снижение уровня среднеспециального образования (рис. 1). Пандемия COVID-19 в какой-то степени выявила узкие места неолиберального подхода к медицине, однако для пересмотра социальной политики в целом потребуется более глубокий кризис немедицинского характера.

Еще одной причиной разрушения, особенно объектов инфраструктуры, выступает инволюция сфер "легитимного насилия" и "изъятия" (по Ч. Тилли). СССР не использовал техническую инфраструктуру (дороги, электрические и коммунальные сети) ни как средство изъятия денег у населения, ни как механизм легитимного насилия. Плата за ресурсы была низкой (а иногда и чисто символической), и в арсенал средств экономического или политического давления не входило от-

уровня населения в целом. Расходы на строительство и поддержание инфраструктуры были очень высоки, но элиты того времени понимали, что они избавляют общество от еще более значительных издержек – высокой детской и женской смертности, и как следствие – от потерь рабочей силы, дезорганизации экономики и социальной жизни, политической нестабильности [22, с. 42]. Сходная политика в индустриальный период проводилась во всех развитых странах, в том числе капиталистических. Так, в Японии это была политика "научного управления", в рамках которой осуществлялось изучение, планирование и реализация мероприятий в области социальной гигиены, в том числе в колониях, к которым относились Корея, Тайвань (Формоза) и юг о-ва Сахалин (Карафутто) [16].

Неолиберальная парадигма модернизма не признаёт идеи общего блага и "коммунальной" инфраструктуры: услуги теперь предоставляются индивидуально там, где есть коммерческий спрос. Соответственно, в России в постсоветский период проводится коммерциализация ЖКХ и отключение

ключение от электричества, тепла или водопровода – советская власть прибегала к иным рычагам социального контроля.

Принципиальное отличие постсоветской системы заключается именно в отказе от этой парадигмы: объекты инфраструктуры стали использоваться для извлечения ренты, а также как механизм политического давления и социального исключения. Рост ренты проявляется в постоянном увеличении тарифов на все услуги ЖКХ и расширении номенклатуры платежей (плата за текущий и капитальный ремонт, вывоз мусора, установку и обслуживание счётчиков, содержание общедомового имущества и т.д.).

Даже представители дальневосточной элиты на рубеже веков понимали, что резкий рост ренты в ЖКХ приведёт к столь же резкому обнищанию населения. *"Вопрос в одном – только топливо и еще раз топливо, – говорил приморский губернатор Е.И. Наздратенко в 2000 г. – И стоимость этого топлива, потому что сразу возникает вопрос – какая у нас стоимость жизни? И вот есть эти постановления правительства Немцова, где сказано, что 64 процента коммунальных услуг должен оплачивать потребитель. Это уже на уровне оккупационного режима. В центре посёлка или города еще сохраняется какая-то элитная территория, а все остальные должны уезжать на окраину, рыть себе какие-то норы и отапливать себя то ли тростником, то ли дровами, то ли заборами, то ли разобранными домами"* [9].

Если максимизация ренты невозможна, объекты технической инфраструктуры становятся "бесхозными" и быстро приходят в негодность. Это произошло с инфраструктурой закрытых советских промышленных и сельскохозяйственных предприятий, военных частей: их в лучшем случае передали на баланс нищих муниципалитетов, а в худшем – быстро растащили и продали на металлолом. По воспоминаниям бывшего главы Углегорского района А.И. Фомина, *"бумзавод был [в Углегорске]. В 13 стран мира шла бумага. Мудро было устроено производство – излишками тепла отапливались жилые микрорайоны. Теперь всё закрыто, ничего нет"* (АОСПИ. Инт. А 007. г. Углегорск, Сахалинская обл. Авг. 2012)².

Выгодные объекты инфраструктуры часто были предметом передела собственности, а заложниками этой ситуации становились добросовестные пользователи. Например, в пос. Чигири (пригород Благовещенска) *"42 человека остались без воды. Они построили башиню и водопровод. В 90-е годы, на свой счет. Потом не было бака. Потом его получили, совхоз дал. Потом частник все это присвоил... Непонятно как... Стал продавать воду по дорогой цене... Так еще и тех, кто ему не угодил, начал отключать"* (АОСПИ. Инт. В 010. пос. Чигири, Амурская обл. Июль 2013).

Наиболее известным примером использования коммунальной инфраструктуры в политических целях является отключение жилья и социальных объектов в Приморье от электричества и тепла во время борьбы региональных властей (в частности, губернатора Е.И. Наздратенко) с федеральным центром (в частности, А.Б. Чубайсом). Депутат Думы Кавалеровского района Приморья вспоминает: *"У нас же в то время (2000 г.) был заморожен район, да. В том плане, помните, когда конфронтация пошла [речь идёт о конфликте федеральных, региональных чиновников и муниципальных служб]... Был заморожен район, соответственно трубы везде были лопнутые, во всех практически домах... Когда Шойгу к нам сюда прилетал... Да, с батареями"* (АОСПИ. D 033. пос. Кавалерово, Приморский край. Июль 2013). Ситуация в районе была действительно катастрофическая: *"Даже выдавший виды министр по чрезвычайным ситуациям был просто потрясен тем, что увидел в Кавалеровском районе Приморья. Здесь при 20-градусном морозе без тепла живут почти 10 тысяч человек. Не работают школы, детские сады, в больницах люди спят в палатах в шубах и пальто... Тепло в дома вообще не подается, а ремонтные работы на теплотрассах практически не двигаются из-за отсутствия специалистов"* [6].

В постсоветский период метод инфраструктурного насилия в регионе применялся неоднократно. С другой стороны, и протестующие дальневосточники мог-

² АОСПИ – архив Отдела социально-политических исследований ИИАЭ ДВО РАН

ли заблокировать городскую магистраль, федеральную трассу или движение по железной дороге – для них это был единственный способ достучаться до власти.

Долговременные последствия жизни людей в геттоизированных поселениях, среди старых и новых руин изучает такое научное направление, как этнография "*медленного насилия*". Американский исследователь Р. Никсон поясняет, что в данном случае речь идёт о "насилии, которое проявляется постепенно и вне поля нашего зрения, о насилии с отсроченной разрушительной силой, рассеянной в пространстве и времени, об изматывающем насилии, которое обычно вообще не воспринимается как насилие" [27, с. 2].

А. Форбруг представил возможности этого подхода применительно к российской периферии в постсоветский период. Он отмечает, что рассредоточенные в пространстве и времени страдания и лишения прав привлекают мало внимания или же неверно интерпретируются. Проработка сложных и запутанных темпоральностей, характерных для советских и постсоветских кризисов и объясняющих их, позволяет продемонстрировать, как в полевом исследовании возможно зафиксировать долговременные процессы, выходящие за пределы непосредственно наблюдаемого настоящего [24, с. 35]. Форбруг показывает, как в нарративах о руинах раскрываются общие механизмы "*медленного насилия*": постепенное разрушение мест жизни и её течения.

Кроме полевых источников, парадигма "*медленного насилия*" может опираться на анализ художественных текстов и иных длинных нарративов, а также на визуальные виды искусства (фото, живопись, графику и пр.). Книга Никсона базируется преимущественно на литературных текстах [24, с. 36]. Сложная структура и эмоциональность художественного произведения могут отражать реальность "*медленного насилия*" адекватнее, чем более формальные методы исследования, даже включённое наблюдение.

Дальневосточная художественная литература и изобразительное искусство отражают "*медленное насилие*" как прямо, в форме авторских высказываний, так и опосредованно, через лирических героев, сюжеты, образы и символы своего времени. "*Девяностые годы – страшные времена и для меня, и для всей страны, – говорит владивостокский художник Ю.А. Аксёнов. – Невозможно было оставаться в стороне от этого, закрывать на это глаза*" (АОСПИ. Инт. X 010. г. Владивосток. Сент. 2020). (рис. 2).

После распада СССР и радикальных реформ практически ни одна из групп советского общества не сохранила прежнего статуса, и художественная литература отражает эту понижательную мобильность, связанную с утратой прав. "*Сошли улыбки с лиц, нужда согнула спины*", – констатирует камчатский поэт Ю.Д. Дружинин [12, с. 84]. Квалифицированные специалисты, оставшись не у дел, готовы трудиться где угодно и кем угодно, чтобы прокормить себя и семью. Героиня рассказа приморского автора С.Д. Барабаша, бывший инженер-конструктор, теперь работает уборщицей: "*До начала так называемой перестройки моя зарплата инженера-конструктора и зарплата моего бывшего мужа давали возможность моей семье жить хорошо, во всяком случае, мы ни в чём не нуждались. Я по специальности судостроитель, ... только теперь моя специальность никому не нужна. Я даже работу простой уборщицы нашла по великому благу!*" [4, с. 16-17]. На картине хабаровчанина С.Г. Шаронова мы видим как раз такую уборщицу, на груди у неё приколот значок, удостоверяющий окончание вуза. Уборщица с высшим образованием в 1990-е гг. было достаточно.

Путь утрат и лишений отражен в биографическом эссе историка, журналиста, литератора Т.А. Жариковой. Лирическая героиня, преподавая в вузе, подрабатывает чтением рекламы на телевидении, потом на радио, но однажды после длительной болезни обнаруживает, что в её услугах уже не нуждаются. Тогда она по знакомству устраивается гладильщицей в ресторан (зарплата как в университете плюс бесплатный обед) и вскоре обнаруживает, что она не одна такая: доцент технического университета подрабатывает здесь гардеробщиком, бывшая инженер-строитель моет посуду, а недавняя выпускница химфака университета становит-

ся официанткой и теперь, как и гладильщица, прячется от зашедших в ресторан старых знакомых – стыдно. Сын героини, подросток, после школы периодически торгует газетами, моет машины. Но, несмотря на все подработки, материальное положение семьи вопиющее:

"С протянутой рукой я не хожу. Но покупка даже не очень дорогой вещи, как магнит, тянет за собой голодную полосу..." [10, с. 6].

По каплям убиваю в себе женщину, отказывая во всех женских прихотях и слабостях... [10, с. 19].

Обнищание вползает в дом, бьёт, красноречиво говоря о себе выщербленным временем кафелем (ему сорок лет), рваным линолеумом, тщательно прикрываемым вытертыми половиками, кастрюлями, погнувшимися от долгих лет употребления... [10, с. 59].

Не покупаются нужные лекарства, последние десять дней каждого месяца деньги остаются только на хлеб. Это притом, что постоянно говорится "нет" фруктам, овощам, молочным продуктам, мясу, всяким сладостям... В транспорте не упускается малейшая возможность проехать зайцем... [10, с. 60–61].

Поздравительные открытки родным послать тоже не на что... Из-за молчания все родственные связи с Москвой, Ленинградом, Самарой, Евпаторией практически разорваны... [10, с. 65].

Эти хроники обнищания, безусловно, являются важным историческим источником. Они рисуют сложную социальную ткань, в контексте которой вынуждена действовать героиня, и передают постепенное нарастание лишений в довольно длительной временной перспективе, переход "количества" бедствий в новое экзистенциальное качество жизни – полное отсутствие прав сегодня и перспектив на завтра.

"Вокруг простиралась страна изношенных, вымотанных людей, искусственные голодовки стали естественными", – констатирует владивостокский прозаик Т.Ф. Алёшина [1, с. 69]. Обстоятельства жизни, в которых оказались новоявленные россияне, воспринимались не только как бедственные, но и как недостойные, постыдные. *"И если строим мы капитализм, то почему живём, как африканцы?" – риторически вопрошает приамурский поэт Г.П. Шумейко [23, с. 204].*

Среди проявлений медленного насилия в переходный период, помимо развала экономики и утраты социального и профессионального статуса, следует назвать рост преступности, деградацию системы здравоохранения и прирост социально значимых заболеваний (алкоголизм, наркомания, туберкулёз, сифилис, СПИД), распад СССР и локальные военные конфликты, внутреннюю и внешнюю миграцию. В особой степени эти процессы проявились на дальневосточной периферии, которая в переходный период оказалась более дискомфортной для населения, чем другие регионы России.

Одной из самых уязвимых категорий в переходный период становятся люди пожилого возраста. Вот как пишет о своей героине Т.Ф. Алёшина: *"Давно уже, поняв, что пенсии не хватает ни на что, некий локатор внутри неё выбирал бесплатные места в этом безумно дорогом мире. Бесплатно светило солнце, доедая февральский снег, бесплатно увалине-троллейбус довёз до огромного парка, в котором совершенно бесплатно демонстрировался сногшибательный сюрреализм – несколько старых могил, остатки детских аттракционов, старая и новая церкви, шахматная площадка у подножия большого креста, недавно водружённого на пьедестал вместо Ленина"* [2, с. 29].

В художественных произведениях дальневосточных авторов мы видим множество людей, которые в новой реальности едва сводят концы с концами, но всё же сводят. Однако здесь представлены и люди с самого дна – нищие, попрошайки, бомжи, и это тоже – часть российского общества (в изобразительном искусстве отметим "Житие 1" и "Житие 2" В.И. Серова и А.В. Камалова (1993); "Прошайку" Е.В. Зверева (1998); "Песнь" Ю.А. Аксёнова (1999); "Бездомных" (2010-е) С.Д. Горбачёва; "Не чешется" (2018) Н.Д. Рыбака).

На полотне сахалинского художника Г.М. Манткавы "Зимнее утро родины" (1999) (рис. 3) мы видим человека, роющегося в мусорном баке, в окружении чёрных птиц, явно составляющих ему конкуренцию. Такая картина в первые постсо-

ветские годы ещё шокировала, потом стала обыденной. Лирическая героиня Т.Ф. Алёшиной вспоминает: *"Как я ужаснулась, увидев году в 1994-ом солидного мужчину, подбиравшего окурки на остановке. Потом уже привыкла, что бомжи дежурят у мусорных контейнеров, что солдаты, дети и старухи просят на хлеб, ...что на китайском базаре пусто, толкучкой его уже не назовёшь"* [2, с. 101].

В рассказе хабаровского писателя В.А. Русскова бомж, обитающий в подвале, собрал в своём жилище целую библиотеку из выброшенных на помойку книг, и не для растопки – для чтения [19, с. 121]. Иллюстрацией к этому рассказу может служить графическая работа Н.Д. Рыбака "Я раскрыл секрет интеллигентных нищих" (2014). Литературный герой Е.А. Мамонтова, бывший преподаватель вуза, а теперь пенсионер, увлечённо беседует с нищим, а тот отвечает ему латинской сентенцией, причём, не самой избитой [14, с. 279]. В другом рассказе Мамонтова уволенный с работы крановщик по прозвищу Будда постепенно превращается в бомжа:

"Лифанов питался из мусорного бака за рестораном "Сиам", спал среди картонных ящиков за тем же рестораном, помогал разгружать подходившие к чёрному ходу фуры всего за чекушку, а когда и вовсе за так, и давал жестокий отпор бомжам, желавшим занять его место. Некоторые из прежних приятелей не брезговали, подходили. Разговор заводили деликатно, наученные кто на флоте, кто на Севере признавать право человека на любую судьбу.

– Нормально, – отвечал на их вопрос Александр, почёсывая небритую щёку чёрными ногтями, знаком отказываясь от предложенной сигареты и не выказывая ни малейшего смущения своим нынешним положением.

– Если что, заходи ко мне на тарбазу, – говорил знакомый, прощаясь" [14, с. 346].

Как оказалось, в новой социально-экономической реальности (особенно с началом приватизации квартир) превратиться в бомжа или нищего стало очень просто. Если трансформационные процессы можно рассматривать, как макрофактор маргинализации, то непосредственными причинами чаще всего выступают злоупотребление алкоголем, потеря родственных связей, жилья, работы, отбывание тюремного заключения, констатируют социологи [7, с. 121]. Те же самые причины мы находим и в художественных произведениях. *"Жена умерла, квартиру пропил, а когда опомнился, ловить уже было нечего", – читаем у камчатского прозаика В.В. Зверовщикова [11, с. 341]. "Он в своё время профсоюзным деятелем был и даже народным заседателем... Когда шахты закрылись, спился, забомжевал", – сообщает о своём герое А.В. Быков из Находки [5, с. 164]. "Мать от рака лечил, долго, квартиру пришлось продать, всё равно умерла", – рассказывает Т.Ф. Алёшина [3, с. 114].*

Отсутствие достойно оплачиваемой работы заставило многих дальневосточников трудиться в "серой" и нелегальной сферах экономики: зарабатывать браконьерством, контрабандой, сбором металлолома, производить суррогатный алкоголь на дому и пр. В рассказе сахалинского писателя В.В. Семенчика молодая женщина превращается из школьной учительницы (*"нравилось мне очень, если ещё деньги платили..."*) в наркоторговку, потом отбывает срок в местах лишения свободы, после чего находит своеобразное применение своему педагогическому образованию и опыту, открывая контору по приёму металлолома, не брезгует и стеклотарой. Теперь она живёт в окружении асоциальных элементов, которые называют её "королевой по металлу" [20, с. 281–282].

Практики выживания в сельской местности нашли отражение в произведениях приморских авторов М.С. Деменка и В.М. Пожидаева, который пишет об *"огромной массе полунищих людей, ухивших в грозно молчаливую тайгу ради куска простого хлеба, о котором уже и ночами мечтали их исхудавшие дети"* [18, с. 102]. М.С. Деменок констатирует, что в годы рыночных реформ анучинскую тайгу *"буквально наводнили толпы бомжей из ближайших деревень и городов. ...Ночевали у костра, питались тем, что бог пошлёт... – орехами, грибами, ягодой, папоротником, и иногда – дичью. А в тяжёлое ненастье ютились в заброшенных охотничьих зимовьях, бараках, вагончиках лесорубов, в домиках пчеловодов, землянках. <...> Поделив на сферы влияния таежные уголья – "клондайки", богатые заманихой, элеутерококком, аралией, лесные бродяги пу-*

скали в ход железные кайлы, ломы, специальные "корчеватели"... И прямо тут же, на делянках, измельчали, ...просушивали на ласковом горном солнышке, доводя "кок", "арал" и заманиху до нужной кондиции и товарного вида. Затем "горбачи", то бишь носильщики, добирались потаёнными тропами до ближайшего заготпункта, обменивая ценный груз на пойло – вино, водку, одеколон, брагу" [8, с. 234–235].

Подробно описывая жизнь "лесных братьев", автор подчёркивает, что среди них есть "вполне нормальные и даже талантливые люди", многие стали жертвами обстоятельств, и возможно, в других условиях их "жизнь сложилась бы совсем иначе" [8, с. 241].

Руинирование постсоветского пространства не закончилось с концом "долгих 90-х", оно продолжилось и во время экономического бума и "возвращения государства" в новом столетии. К 2010-м годам относится серия графических работ благовещенского художника Н.Д. Рыбака "Город потерянных надежд": перед нами люди, которые, получив профессию юриста/ бухгалтера/ дизайнера / медработника/ учителя/ художника, не могут найти достойно оплачиваемую работу по специальности, и потому все они вынуждены работать в сфере торговли (рис. 4).

В период экономического роста усилилось неравенство регионов по модели развивающийся центр ("дворцы") / вымирающая периферия ("руины"), что находит объяснение в теории *авторитарной модернизации*. Ещё Дж. Скотт обозначил дилемму авторитарной модернизации (для которой он использовал термин "высокий модернизм") как "модернистский проект" / "теневой двойник" [21, с. 195]. Как "мегапроект" приводит к появлению новых руин, хорошо иллюстрирует исследование социолога Мии Беннетт (Университет Гонконга), проведенное в посёлке Подножье на острове Русский (г. Владивосток) [26]. Подножье – пример новых, свежих руин, которые возникли в результате строительства моста, небольшого отрезка асфальтированной дороги, университетского кампуса и сопутствующей инфраструктуры на о-ве Русский – всё это стало частью имиджевого проекта федерального центра в преддверии Саммита АТЭС 2012 г.

Такое "развитие инфраструктуры" привело к тому, что жители Подножья лишились возможности пользоваться паромной переправой, благодаря которой они за полчаса добирались до центра города. Поселок внезапно оказался на периферии – теперь до центра Владивостока нужно ехать 12 км по грунтовой дороге, затем 16 км по шоссе до Русского моста, еще 13 км мимо микрорайона Чуркин до Золотого моста и еще ок. 5 км до основных остановок транспорта в центре города. Это ощутимо затруднило для жителей Подножья поездки на работу (в самом поселке рабочих мест недостаточно или они менее привлекательны). Люди стали искать возможность переселиться в город, "на материк", однако жильё в Подножье и так имело более низкую стоимость, а в новых условиях подешевело еще больше. Причал и набережная в посёлке начали руинироваться. В перспективе можно ожидать сокращения числа жителей посёлка и увеличения числа руин за счет части жилых домов, социальных объектов (школа, больница, детский сад и др.).

Пример Подножья показывает, что руины могут возникать не только в результате смены устаревшего технологического уклада и трансформационного кризиса от "шоковых реформ", но и в результате авторитарной модернизации и связанных с ней экстрактивных институтов (дискриминационных практик изъятия ресурсов и/или лишения гражданских прав).

В качестве поэтического резюме настоящего исследования позволим себе привести отрывок из стихотворения приморского поэта И.И. Шепеты (2018):

*По всей стране разбитые общежития
без окон, унитазов и половой доски
стоят, улыбаются, как достигнувшие дожития
работяги – беззубые старики.
А в Краснореченске взорвали фабрику,
где отец мой вкалывал во имя лучших времён,
и теперь на "Форексе" встречаю я публику,
которую ненавидел он.*

*Социальные паразиты и мародёры...
Душа бунтует, хочется ломать и крушить:
на смену генсекам-маньякам
явились воры,
попилили страну. А нам в ней жить.
Работать, как верблюды двугорбые
на тех, кто скупится платить за труд.
Ватники... Ватники мы и есть! Законопослушные, покорные.
Доверчивые, как овцы. Потому и стригут.
Потому-то бывшие комсомольцы и коммунисты,
отрекаясь, легко переходят черту
и в жажде наживы так мелочны и г...внисты,
обрекая сограждан на вымирание и нищету³ [25, с. 99-100].*

Подводя итог, отметим, что в полевых источниках и художественных произведениях дальневосточных авторов находят отражение практики "медленного насилия" в отношении широких слоёв населения региона и практики выживания в новой реальности. Деятели культуры не обходят вниманием и "человеческие руины" – тех, кто уже опустился на самое дно. В дальневосточной литературе и изобразительном искусстве постсоветского периода нищие и бомжи – не редкость, не диковинка, а неотъемлемая часть картины мира, социального пейзажа новой России. Мир униженных и оскорбленных, безработных, бездомных, бесправных, людей, в период рыночных реформ оказавшихся в трудной жизненной ситуации, стремительно скатывающихся в пропасть, открывается читателю и зрителю во всём своём безобразии и величии. В этом отношении дальневосточные авторы, безусловно, наследуют классикам русской литературы, Достоевскому и Горькому, и художникам-передвижникам.

Переходя от "человеческого" измерения рыночных реформ к инфраструктурному, можно утверждать, что авторитарная модернизация производит руины не только в период трансформационного кризиса и "шоковых реформ" 1990-х годов, но и в относительно благополучные 2000-е, и в 2010-е годы. Когда государственные мегапроекты не учитывают интересы местного социума, то рядом с "карманом эффективности" возникает "теневой двойник" – локация, где местные жители выживают среди физических руин на развалинах своих планов и надежд.

Литература

1. Алёшина Т. Друг наш Колька // Изба-читальня. 2010. № 19. С. 63–71.
2. Алёшина Т. Жизнь удалась! Рассказы. Владивосток, 2001. 128 с.
3. Алёшина Т.Ф. Несекаретная жизнь. Рассказы. Владивосток: Роза ветров, 2004. 120 с.
4. Барабаш С. Всё предельно ясно // Литературный Владивосток: литературно-художественный альманах. 2008. С. 9–18.
5. Быков А.В. Двойная дуэль. Рассказы. Находка: Институт технологии и бизнеса, 2008. 200 с.
6. Группа сотрудников МЧС взяла на себя часть управленческих функций в Кавалеровском районе Приморья // Первый канал (сайт). URL: https://www.1tv.ru/news/2000-12-07/284229-gruppa_sotrudnikov_mchs_vzuala_na_sebya_chast_upravlencheskih_funktsiy_v_kavalerovskom_rayone_primorya (дата обращения: 30.10.2021).
7. Дадаева Т.М., Спиридонова К.М. На обочине жизни: феномен маргинала в городской среде // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 118–123.
8. Деменок М. Злой рок Алтайки. Владивосток: Приморский полиграфический комбинат, 2007. 280 с.
9. Е. Наздратенко: Нужна работа, а не поиск стрелочников // Vladnews: электронная версия газеты "Владивосток" (сайт). URL: https://vladnews.ru/ev/vl/903/58583/nazdratenko_nuzhna (дата обращения: 30.10.2021).
10. Жарикова Т. В проёме... Владивосток: Приморское общество книголюбов, 1996. 68 с.
11. Земля над океаном. Антология современной камчатской литературы. Том I / Сост. Е.В. Гропянов,

³ Отметим, что самого И.И. Шепету нельзя причислить к социальным низам: в постсоветский период он освоил торговый бизнес, затем горнорудный, затем деревообрабатывающий и неоднократно спонсировал издание книг менее обеспеченных собратьев по перу.

- A.A. Смышляев. – Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2012. 560 с.
12. Камчатка: лит.-худож. сб. Петропавловск-Камчатский: Дальиздат, Камч. отд-ние, 1993. 134 с.
 13. Кузнецова О.В. Структура экономики российских регионов и уровень их социально-экономического развития // Научные труды: Институт народохозяйственного прогнозирования РАН. 2018. Т. 16. С. 473–493.
 14. Мамонтов Е.А. Музыка в аэропорту: повести и рассказы. – Владивосток: Издательство Ивана Шепеты, 2021. 360 с.
 15. Минакир П.А., Прокапало О.М. Региональная экономическая динамика. Дальний Восток. Хабаровск: ДВО РАН, 2010. 304 с.
 16. Молодяков В.Э. Колониальная политика и моделирование образа Японии: Тайвань, 1900-е - 1930-е годы // Ежегодник Японии. 2016. № 45. С. 156–172.
 17. Перцев А. Сергей Шойгу хочет построить новые города в Сибири и перенести туда столицу // "Медуза" (сайт). URL: <https://meduza.io/feature/2021/09/06/sergey-shoygu-hochet-postroit-novye-goroda-v-sibiri-i-perenesti-tuda-stolitsu> (дата обращения: 30.10.2021).
 18. Пожидаев В. У черепахи жизнь простая // Литературный Владивосток: литературно-художественный альманах. 2016. С. 87–116.
 19. Руссков В. Святое дело // Дальний Восток. 1997. № 8-9. С. 119–129.
 20. Семенчик В.В. Консультант по любым вопросам: Избранная проза. – Владивосток: Рубеж, 2016. 528 с.
 21. Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни: Пер. с англ. Э.Н. Гусинского, Ю.И. Турчаниновой. М.: Университетская книга, 2005. 576 с.
 22. Социология медицины: наука и практика / Под ред. А. В. Решетникова. М.: Изд-во Первого МГМУ им. И.М. Сеченова, 2012. 220 с.
 23. Страницы: К 40-летию Амурской областной общественной писательской организации (1977–2017). Благовещенск: РИО, 2017. 399 с.
 24. Форбруг А. Этнографии медленного насилия: исследование последствий разрушения сельской инфраструктуры / пер. И.В. Троцук // Крестьяноведение. 2020. Т. 5. № 1. С. 31–52. DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-1-31-52.
 25. Шепета И. Возраст дожития // Литературный Владивосток: литературно-художественный альманах. 2018, осень. С. 99–100.
 26. Mia M. Bennett. The Making of Post-Post-Soviet Ruins: Infrastructure Development and Disintegration in Contemporary Russia // International Journal of Urban and Regional Research. 11 May 2020. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/1468-2427.12908> (дата обращения: 30.10.2021).
 27. Nixon R. Slow Violence and the Environmentalism of the Poor. – Cambridge: Harvard University Press, 2011. 354 p.

References

1. Alyoshina T. Drug nash Kol'ka // Izba-chital'nya. 2010. № 19. S. 63–71.
2. Alyoshina T. ZHizn' udalas! Rasskazy. Vladivostok, 2001. 128 s.
3. Alyoshina T.F. Nesekretnaya zhizn'. Rasskazy. Vladivostok: Roza vetrov, 2004. 120 s.
4. Barabash S. Vsyo predel'no yasno // Literaturnyj Vladivostok: literaturno-khudozhestvennyj al'manakh. 2008. S. 9–18.
5. Bykov A.V. Dvojnaya duehl'. Rasskazy. Nakhodka: Institut tekhnologii i biznesa, 2008. 200 s.
6. Gruppya sotrudnikov MCHS vzyala na sebya chast' upravlencheskikh funktsij v Kavalerovskom rajone Primor'ya // Pervyj kanal (sajt). URL: https://www.1tv.ru/news/2000-12-07/284229-gruppa_sotrudnikov_mchs_vzyala_na_sebya_chast'upravlencheskikh_funktsiy_v_kavalerovskom_rayone_primorya (data obrashheniya: 30.10.2021).
7. Dadaeva T.M., Spiridonova K.M. Na obochine zhizni: fenomen marginala v gorodskoj srede // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2017. № 8. S. 118–123.
8. Demenok M. Zloj rok Altajki. Vladivostok: Primorskij poligraficheskij kombinat, 2007. 280 s.
9. E. Nazdratenko: Nuzhna rabota, a ne poisk strelochnikov // Vladnews: ehlektronnaya versiya gazety "Vladivostok" (sajt). URL: https://vladnews.ru/ev/vl/903/58583/nazdratenko_nuzhna (data obrashheniya: 30.10.2021).
10. ZHarikova T. V proyome... Vladivostok: Primorskoe obshhestvo knigolyubov, 1996. 68 s.
11. Zemlya nad okeanom. Antologiya sovremennoj kamchatskoj literatury. Tom I / Sost. E.V. Gropyanov, A.A. Smyshlyayev. – Petropavlovsk-Kamchatskij: Novaya kniga, 2012. 560 s.
12. Kamchatka: lit.-khudozh. sb. Petropavlovsk-Kamchatskij: Dal'izdat, Kamch. otd-nie, 1993. 134 s.
13. Kuznetsova O.V. Struktura ehkonomiki rossijskikh regionov i uroven' ikh sotsial'no-ehkonomicheskogo razvitiya // Nauchnye trudy: Institut narodokhozyajstvennogo prognozirovaniya RAN. 2018. Т. 16. S. 473–493.
14. Mamontov E.A. Muzyka v aehroportu: povesti i rasskazy. – Vladivostok: Izdatel'stvo Ivana SHepety, 2021. 360 s.

15. Minakir P.A., Prokapalo O.M. Regional'naya ehkonomicheskaya dinamika. Dal'nij Vostok. Khabarovsk: DVO RAN, 2010. 304 s.
16. Molodyakov V.E.H. Kolonial'naya politika i modelirovanie obraza YАponii: Tajvan', 1900-e - 1930-e gody // Ezhegodnik YАponiya. 2016. № 45. S. 156–172.
17. Pertsev A. Sergej SHOjgu khochet postroit' novye goroda v Sibiri i perenesti tuda stolitsu // "Meduza" (sajt). URL: <https://meduza.io/feature/2021/09/06/sergey-shoygu-hochet-postroit-novye-goroda-v-sibiri-i-perenesti-tuda-stolitsu> (data obrashheniya: 30.10.2021).
18. Pozhidaev V. U cherepakhi zhizn' prostaya // Literurnyj Vladivostok: literurno-khudozhestvennyj al'manakh. 2016. S. 87–116.
19. Russkov V. Svyatoe delo // Dal'nij Vostok. 1997. № 8-9. S. 119–129.
20. Semenchik V.V. Konsul'tant po lyubym voprosam: Izbrannaya proza. – Vladivostok: Rubezh, 2016. 528 s.
21. Skott Dzh. Blagimi namereniyami gosudarstva. Pochemu i kak provalivalis' proekty uluchsheniya uslovij chelovecheskoj zhizni: Per. s angl. E.H.N. Gusinskogo, YU.I. Turchaninovej. M.: Universitetskaya kniga, 2005. 576 s.
22. Sotsiologiya meditsiny: nauka i praktika / Pod red. A. V. Reshetnikova. M.: Izd-vo Pervogo MGUMU im. I.M. Sechenova, 2012. 220 s.
23. Stranitsy: K 40-letiyu Amurskoj oblastnoj obshhestvennoj pisatel'skoj organizatsii (1977–2017). Blagoveshensk: RIO, 2017. 399 s.
24. Forbrug A. Ehtnografii medlennogo nasiliya: issledovanie posledstvij razrusheniya sel'skoj infrastruktury / per. I.V. Trotsuk // Krest'yanovedenie. 2020. T. 5. № 1. S. 31–52. DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-1-31-52.
25. SHepeta I. Vozrast dozhitiya // Literurnyj Vladivostok: literurno-khudozhestvennyj al'manakh. 2018, osen'. S. 99–100.
26. Mia M. Bennett. The Making of Post-Post-Soviet Ruins: Infrastructure Development and Disintegration in Contemporary Russia // International Journal of Urban and Regional Research. 11 May 2020. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/1468-2427.12908> (data obrashheniya: 30.10.2021).
27. Nixon R. Slow Violence and the Environmentalism of the Poor. – Cambridge: Harvard University Press, 2011. 354 p.

Елена Сергеевна ВОЛКОВА, канд. ист. наук, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия, e-mail: elenavolkova1@yandex.ru

Юлия Николаевна КОВАЛЕВСКАЯ, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия, e-mail: tupa67@mail.ru

Elena S. VOLKOVA, Candidate of Historical Sciences, Research Fellow, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia, e-mail: elenavolkova1@yandex.ru

Yulia N. KOVALEVSKAYA, Candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia, e-mail: tupa67@mail.ru

Поступила в редакцию

(Received) 08.11.2021

Одобрена после рецензирования

(Approved) 15.02.2022

Принята к публикации

(Accepted) 25.02.2022

Научная статья
УДК 81'26, 811.581
DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/91-98

Приёмы текстуализации акустического в китайской поэзии 1950–1970-х годов

Юлия Александровна ДРЕЙЗИС

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия, xiaoyouliya@gmail.com

Аннотация. Статья представляет собой попытку описать различные приёмы "вписывания" звучания в китайский поэтический текст на современном языке, которые широко использовались в поэзии 1950–1970-х годов – на пике популярности массовой декламации в период активного регулирования декламационной практики. Анализ текстов 1950–1970-х годов даёт возможность увидеть общие тенденции в эволюции "новой поэзии" в сторону возрождения отдельных техник и приёмов, характерных для различных форм традиционного стихосложения, а также оценить соотношение "устного" и "письменного" в китайской поэзии XX в.

Ключевые слова: китайская поэзия, современная поэзия, поэтическая декламация, поэтический дискурс, "письменное" vs. "устное", фоническая реализация, организация стихотворного текста

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00429) в Институте языкознания РАН.

Для цитирования: Дрейзис Ю.А. Приёмы текстуализации акустического в китайской поэзии 1950–1970-х годов // Известия Восточного института. 2022. № 1. С. 91–98. DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/91-98

Original article
DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/91-98

Acoustic Dimension Textualization Techniques in Chinese Poetry of the 1950s through 1970s

Yulia A. DREYZIS

Moscow State University, Moscow, Russia, xiaoyouliya@gmail.com

Abstract. The paper presents an attempt to describe various methods of inscribing the aural into contemporary Chinese poetic text, which were widely used in poetry of the 1950s–1970s, at the peak of popular declamation during the period of its active regulation. An analysis of these texts makes it possible to see some general trends in the evolution of "New Poetry" (xin shi) towards a revival of certain techniques and characteristics of various forms of traditional verse, and to assess the relations of the oral and the written in a Chinese poetic text composed and articulated using contemporary diction. The author addresses such properties as the abundant use of interrogative sentences, including rhetorical questions; the employment of a large number of emphatic constructions that function as markers of the auditory orientation of the text; the frequent application of formulaic expressions, clichés and all sorts of quotes and the tendency to exploit a "nomination strategy" based upon rhetoric ascending series.

Keywords: Chinese poetry, contemporary poetry, poetic recitation, poetic discourse, "written" vs. "oral", phonic realization, organization of poetic text

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project no. 19-18-00429) at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Dreyzis Y.A. Acoustic Dimension Textualization Techniques in Chinese Poetry of the 1950s through 1970s // Oriental Institute Journal. 2022. № 1. P. 91–98. DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/91-98

Публичная декламация современной поэзии в период между началом осуществления масштабных государственных кампаний в сфере культуры непосредственно после образования КНР и завершением "культурной революции" функционировала как способ эмоциональной мобилизации населения [10, с. 73] и принимала формы, связанные с использованием определённого типа озвучиваемых текстов. Как отмечал Ю. Н. Тынянов, "в ходе поэзии, по-видимому, существует определённая смена ... периодов: периоды, когда в стихе подчеркивается акустический момент, сменяются периодами, когда эта акустическая характеристика стиха видимо сла-

беет и выдвигаются за её счет другие стороны стиха" [6, с. 41]. Период 1950–1970-х годов стал для поэзии на современном китайском языке временем повышенного внимания к её акустическому измерению и максимизации проявления "устного" начала в стихотворном тексте. Безусловно, эти явления стали органичным продолжением развития поэзии на более раннем этапе, в период "литературной революции" 1920-х годов, а также в рамках экспериментов Лиги левых писателей (*Чжунго цзои цзоцзя лянъмэн* 中国左翼作家联盟) в 1930-е годы и позднее, в годы Японо-китайской войны (1937–1945), когда продвижение декламационных "стихов для улицы" (*цзетюу ши* 街头诗) приобрело заметный характер [4, с. 34–35, 89].

После победы коммунистов в гражданской войне общественный дискурс изменился. Декламационная практика эпохи Мао Цзэдуна призвана была преодолеть многочисленные препятствия для завершения мобилизации "масс" через реорганизацию авторства, самих стихотворных текстов, их устной реализации, контекста исполнения и исполнительской аудитории. Новая модель бытования поэзии, в рамках которой поэт, чтец и слушатель сливались в единую фигуру, разрушала неявный иерархический порядок, характеризующийся ассиметричным отношением между "устным" и "письменным" (ибо "письменное" всегда занимало особое, престижное положение в китайской традиции [8, с. 17–18]). Одной из главных тем поэтических дискуссий тех лет стали способы обеспечения аудиального контакта слушателей и исполнителей [18, с. 65]. Текст стихотворения всё сильнее "открывался" для аудитории, а его "устная" структура становилась всё более очевидной.

Наблюдения над эволюцией современной поэзии проводились в отечественной китаистике в трудах С. Д. Марковой, Л. Е. Черкасского, В. Т. Сухорукова [2] [3] [4] [5]. Однако большинство работ концентрируются на поэзии в период до образования КНР и лишь в малой степени нацелены на описание структурных особенностей самих текстов (за исключением "Новой китайской поэзии" Л. Е. Черкасского).

Именно поэтому мы обратимся к исчислению тех языковых приёмов вписывания звучания в текст китайского стихотворения для усиления его "устной" компоненты, которые можно выделить в поэтической практике 1950–1970-х годов и которые ранее не попадали в поле зрения исследователей современной поэзии КНР. "Когда семантическая информация сама по себе не может обеспечить чёткий порядок повествования, акустическая акцентуация, создаваемая звуковым ритмом, способна создавать для слушателей цельный сенсорный порядок" [17, с. 56]. Материалом для выявления этого аудиального порядка будут служить тексты двух сборников – "Избранных поэтических произведений для радио" (*Гуанбо шисюань* 广播诗选) 1958 года и "Сборника поэзии для декламации" (*Лансун шисюань* 朗诵诗选) 1965 года¹.

Первое, что бросается в глаза в поэтических текстах сборников, – это обильное использование вопросительных предложений, в т. ч. риторических вопросов к самому субъекту. Приведём характерный пример из стихотворения "Да сияет юность" (*Жан цинчунь шаньгуан* 让青春闪光, 1963) Ли Гуаньдина 李观鼎 (1939–), Ян Куанманя 杨匡满 (1942–) и Ван И 王毅 (1944–): "Спроси-ка себя: / что есть величайшее счастье? / что есть истинная юность? / решишь ли ты обернуться каплей воды / взбурлить навеки в великой реке революции?" (*яо бу яо вэнь цзыцзи: / шэньма ши цзуй да дэ синфу? / шэньма ши чжэньчжэн дэ чинчунь? / юань бу юань хуацзо и ди шуй а / цзай гэмин дэ чанхэ нэй юньюань бэньтэн?* 要不要问自己: /什么是最大的幸福? /什么是真正的青春? /愿不愿化作一滴水啊/在革命的长河内永远奔腾?) [20, с. 77].

Чаще всего вопросительные предложения встречаются в стихотворениях, так или иначе связанных с темой "продолжателей дела революции", например, "Пес-

¹ Как объясняется в предисловии к сборнику, "данная антология составлена на основе обширной деятельности по декламации стихов в последние годы. Большинство избранных произведений были прочитаны много раз и произвели определённое влияние на массы. В последние несколько лет многие товарищи и энтузиасты-любители, занятые пропагандистской работой на низовом уровне, постоянно запрашивали тексты стихов для декламации в нашей редакции и призывали нас составить и напечатать эту антологию" [20, с. 1].

не продолжателей" (*Цзэбаньжэнь чжи гэ* 接班人之歌) Сюй Жунцзе 徐荣街 (1941–) и Цянь Цзучэна 钱祖承 (?–). Именно такого типа тексты характеризуются пресуппозицией существования адресата ("ты"). Порой адресат обозначен напрямую: "Я хочу спросить: / приготовились ли вы как следует?" (*во яо вэньивэнь / нимэнь цзохаолэ чжуньбэймэйю?* 我要问一问/你们做好了准备没有?) ("Наступление на трудности – ещё одно стихотворение молодым гражданам" *Сян куньнань цзиньцзюнь – цзай чжи циннянь гунминь* 向困难进军 – 再致青年公民 Ма Тедина 马铁丁²).

Вторая особенность – употребление большого количества эмфаз, функционирующих как маркеры аудиальной ориентированности текста. Через употребление эмфатиков и разного рода выделительных конструкций устанавливается постоянный контакт с аудиторией, воспринимающей эмотивный текст. И. В. Быдина, говоря о поэтическом тексте как эмотивном, объясняет это тем, что "большую значимость для адекватного смысла стихотворения имеет эмотивный уровень, а не информативно-смысловой" [1, с. 7]. Эмотивный текст – "своеобразное "здание", в котором представлены все "этажи" эмотивности языка и все каналы (особенно если он является звуковым) её языкового выражения" [7, с. 187–188]. Имплицитная эмотивность проявляется в т. ч. через прямое постоянное обращение к аудитории: "слушайте" *тин ба* 听吧, "поглядите" *кань* 看, "гляньте" *цяо* 瞧 и т. п. (ср. стихотворение Чжан Чжиминя 张志民 (1926–1998) "Арена" *Лэйтай* 擂台, 1963). Отметим, что в традиционных прозопоэтических формах китайской простонародной литературы, также ориентированных на исполнение перед вовлечёнными слушателями, например, в *пинхуа* 平话 и песнях-сказах *цыхуа* 词话, обращения к аудитории (*чжувэй* 诸位 "милостивые государи", *ни кань* 你看 "поглядите-ка" и т. п.) маркировали важные моменты наррации или начало стихотворной вставки [9].

Разновидностью эмфатических конструкций служат разные виды инверсий, ср. "Высок! / ты, чьи корни пронзают озёрное дно, / [а] ветви цепляют верхушки облаков, / Стар! / ты, чьи длинные волосы волочатся по земле, / [а] морщины бегут по всему лицу!" (*гао а! / ни гэнь цзай ху ди чжа, / чжи цзай юнь шаор гуа, / лао а! / ни чанфа ди шан то, / чжоувэнь маньянь па!* 高啊! /你根在湖底扎, /枝在云梢儿挂, /老啊! /你长发地上拖, /皱纹满脸爬!) ("Арена", 1963) [16, с. 172–173]. Вынос вперёд характеристики объекта (в данном случае – старого баньяна, *жуншу* 榕树) нарушает принцип линейной передачи, но поддерживает закономерности функционирования слуховой памяти: "на самом деле ухо слушает короткими отрезками, и то, что оно воспринимает и запоминает, уже состоит в кратковременном синтезе двух или трёх секунд звука по мере его разворачивания" [11, с. 12]. В течение этих двух или трёх секунд, "воспринимаемых как гештальт, ухо или, скорее, система ухо-мозг тщательно и скрупулезно проводит исследование, так что его общий отчёт о событии, предоставляемый с некоторой периодичностью, наполнен точными и конкретными данными, которые были собраны" [11, с. 12]. Выделение за счёт манипуляций с порядком слов не только не сбивает слушателя с толку, но, напротив, помогает ему опереться на яркий визуальный образ "высокого" и "старого" дерева.

Третья особенность поэтических текстов 1950–1970-х годов – это частое использование формульных выражений, клише и разного рода цитат. Ещё в 1942 году вышла статья с критикой "декламационной поэзии" (*лансунши* 朗诵诗) Гао Ланя 高兰 (1909–1987); автор статьи критиковал тексты Гао именно за обилие формульности, чрезмерное использование фразеологических оборотов (*чэньюй* 成语), скудость словарного запаса. Он приводил примеры, иллюстрирующие и архаизацию, и клишированность языка: "Земли – без различия между востоком, западом, югом и севером, люди – равно и стар, и млад, и мужчины, и женщины" *ди уфэнь дун си нань бэй, жэнь булунь лао ю нань нуй* 地无分东西南北, 人不论老幼男女; "Лучше

² Коллективный псевдоним писателя Чэнь Сяоюя 陈笑雨 (1917–1966), журналиста Чжан Тефу 张铁夫 (1922–2006) и поэта Го Сяочуаня 郭小川 (1919–1976), под которым они публиковались в "Чанцзян жибао", "Чжунго циннянь" и других изданиях в период с 1950 по 1957 годы. В 1957 году Го и Чжан покинули группу и Чэнь Сяоюй стал использовать псевдоним самостоятельно. Вероятнее всего автором стихотворения был Го Сяочуань.

быть разбитой яшмой, чем целой черепицей!"³ *нин вэй юйсуй, бу вэй вацюань* 宁为玉碎, 不为瓦全! ; "Уважать своих стариков, дабы распространить это [отношение] на чужих стариков, относиться ласково к своим детям, дабы распространить это [отношение] на чужих детей *лао у лао, и цзи жэнь чжи лао, ю у ю, и цзи жэнь чжи ю* 老吾老, 以及人之老, 幼吾幼, 以及人之幼"⁴ [23]. Слепое пятно этой критики состоит в игнорировании разницы между слушающей и читающей аудиториями. Читатель имеет возможность перечитать непонятные места, но для слушателей предпосылкой понимания является общность набора устойчивых дискурсивных элементов.

В процессе разворачивания звучания формульность представляет собой эффективный способ обращения к памяти слушателя. Именно поэтому в декламационной поэзии 1950–1970-х годов часто встречающиеся устойчивые словесные конструкции, "крылатые слова" несут смысл не только на уровне формальной организации текста, но и напрямую влияют на все уровни его структуры: "Не для того, чтоб / подражать барчукам – / вовеки / пьяными лежащим в теремах / грезящим в безрассудстве / и разврате" *бу ши вэй / сюэ шаоэмэнь няян – / цунцы / цзуйво гаолоу / цзо хуатяньцзюди дэ / хуантан мэнь* 不是为 / 学少爷们那样 – – / 从此 / 醉卧高楼 / 做花天酒地的 / 荒唐梦 ("Песнь о Лэй Фэне" [20, с. 45]) – здесь оборот *хуатяньцзюди* (букв. "красотки – небо, вино – земля" и обр. в значении "предаваться безудержному разгулу и пьянству") создаёт ритмическую переключку со строкой "подражать барчукам" (*сюэ шаоэмэнь няян*), семантически соотносится с предыдущей строкой "пьяными лежащим в теремах" (*цзуйво гаолоу*) и одновременно отсылает к двум обличительно-реалистическим текстам традиции – роману Ли Баоцзя 李宝嘉 (1867–1906) "Наше чиновничество" (*Гуаньчан сяньсинци* 官场现形记, 1902–1905) и Цзэн Пу 曾朴 (1872–1935) "Цветы в море зла" (*Не хай хуа* 孽海花, 1905), где данный оборот фигурирует в похожем контексте.

Для иноязычного наблюдателя, особенно носителя одного из европейских языков, китайский текст вообще зачастую предстаёт злоупотребляющим повторами. Это отмечал ещё Б. Карлгрен в одной из ранних работ 1918 года [12, с. 452]. Существует большой массив литературы, описывающей данную проблему. Пань Вэньго 潘文国, в частности, предлагает рассматривать такую особенность языковой структуры в прямой связи с озвучиванием текста: он объясняет её "потребностями переработки" информации [19, с. 177]. Идея Паня состоит в том, что информация, передаваемая односложными, короткими единицами, оказывается слишком насыщенной для слушателя, который не может достаточно быстро обработать услышанное. Чтобы помочь слушателю, говорящий замедляется, используя повторяющиеся (или, отметим, в достаточной мере типовые) слова. Дуаньму Сань 端木三 предлагает другую концепцию китайской амплификации, также связанную со звучанием – это "просодическая теория" [12, с. 459]. Сущность этой концепции заключается в том, что в речи одни позиции выступают как выделенные (словесным или фразовым ударением), а другие – нет, и что маркированные, "ударные", позиции требуют их заполнения как минимум двусложной единицей из-за фонологической привязки к двучастной стопе (foot binarity) [14]. Это порождает, в числе прочего, обращение к синтаксически и ритмически сверхустойчивым элементам, дробимым на двучастные единицы. Отметим, что более 90% китайских идиом состоят из четырёх слогов, которые можно разбить на группы по два слога при произнесении их с нормальной скоростью [13, с. 64]. Обычно значение идиом больше, чем сумма составных частей. Китайские идиомы делают письменный текст или звучащую речь более "плотными" и яркими, усиливая производимое на читателей и слушателей впечатление.

Говорящие на китайском языке не находят их избыточными, потому что зачастую игнорируют внутреннюю структуру двусложных единиц, рассматривая каждую двусложную единицу как одно слово [12, с. 465]. Наличие большого репертуара устойчивых, просодически выверенных единиц позволяет с лёгкостью

³ Обр. в знач. "почётная смерть лучше позорной жизни".

⁴ Известная цитата из трактата "Мэн-цзы" 孟子 ("Лянский ван Хуэй. Часть первая" 梁惠王上).

поддерживать стихотворный ритм. Несмотря на то, что китайские идиомы выступают, как правило, маркером письменной речи, их широкое использование в стихотворных текстах, предназначенных для декламации, показывает, что опора на идиоматику связана одновременно и с облегчением восприятия письменного текста на слух.

Отдельную категорию среди легко узнаваемых слушателями 1950–1970-х формул составляют цитаты из директивных документов и выступлений руководителей. Такая цитата порой бывает косвенной, например, "[Когда] тигр в комнате, / все люди лишены покоя, / хочешь зажить хорошей жизнью – / остаётся только выгнать его!" *лаоху цзай у ли, / жэньжэнь бу дэ ань, / сян го хао жицзы, / чжю ба та гань!* 老虎在屋里, / 人人不得安, / 想过好日子, / 只有把它赶! ("Пять писем" У фэн синь 五封信 (1960) Юань Ина 袁鹰 (1924–); здесь содержится явная отсылка к известным словам Мао Цзэдуна "Все реакционеры – бумажные тигры" *ице фаньдун-пай доу ши чжи лаоху* 一切反动派都是纸老虎) [20, с. 256]. Иногда, напротив, цитата включается в текст напрямую: "Председатель Мао сказал: / "Учиться у товарища Лэй Фэна"" *Мао чжуси шо: / сян Лэй Фэн тунчжи сюэси* 毛主席说: / 向雷锋同志学习 ("Да сияет юность") [20, с. 76].

Порой длинная цитата разбивается на короткие отрезки, графически организованные "лесенкой", как в стихах В. Маяковского, для оформления ритма стиха в печатном тексте: "Послушайте / слова товарища Мао Цзэдуна: / "Эпоха, когда китайцы считались / нецивилизованными / уже прошла. / Мы вскоре / выйдем на мировую арену / как нация высокой культуры"" *цин тинтин / Мао Цзэдун тунчжи дэ хуа / "Чжунгожэнь бэй жэнь жэньвэй / бу взньмин дэ шидай / ицзин гоцуйлэ / вомэнь цзян и игэ / цзюю гаоду взньхуа дэ миньцзу / чусянь юй шицзе* 请听听/毛泽东同志的话/ '中国人被人认为/不文明的时代/已经过去了/我们将以一个/具有高度文化的民族/出现于世界' ("Шанхай, город героев!" *Шанхай, инсюн дэ чэн!* 上海, 英雄的城! (1958) Сяо Гана 肖岗 (1923–2021)) [21, с. 10]. Хотя такая вставка объёмной цитаты иногда разрушает изначальный стиховой ритм, она конструирует альтернативный ритмический рисунок, тем самым делая звучание более диверсифицированным.

Четвёртая особенность поэзии 1950–1970-х годов – это "стратегия номинации" (термин Чжао Пэна 赵芑). "Стратегия номинации относится к конструированию социальных акторов и объектов / событий пользователями дискурса через определённые языковые формы" [24, с. 30]. Она реализуется, когда чтец часто использует патетическую амплификацию в виде повтора связочных предложений типа "А – это Б" для усиления корреляции между субъектом и объектом. Кроме того, она прослеживается в выстраивании цепочек наименований, расположенных в порядке нарастания определённой семантической компоненты.

Рассмотрим известный текст "Песни о Лэй Фэне" (*Лэй Фэн чжи гэ* 雷锋之歌, 1963) Хэ Цзинчжи 贺敬之 (1924–), "лирической поэмы" (*шуцин чанши* 抒情长诗), в которой превозносится неумолимое самопожертвование самого известного из идеализированных героев государственной пропаганды 1960-х. Это стихотворение неоднократно исполнялось публично начиная с 1963 года: его можно было услышать на массовых собраниях, посвящённых прославлению Лэй Фэна, на выступлениях профессиональных чтецов в сельской местности, на заводах и в радиоэфире, где, как указывают, это было одно из наиболее востребованных произведений [16, с. 65–66; 22, с. 39; 25, с. 73]. Отрывок из "Песни о Лэй Фэне" также вошёл в сборник 1965 года, изданный "Поэтическим журналом" (*Ши кань* 诗刊) [20, с. 34–55]. В тексте последовательно сменяют друг друга разные именованья Лэй Фэна: "мой дорогой" (*во циньай дэ* 我亲爱的), "товарищ" (*тунчжи* 同志), "брат" (*дисюн* 弟兄). По мере нарастания эмоционального накала Лэй Фэн становится "нами" (*вомэнь* 我们), и партия даёт ему другое имя – "новый коммунистический боец" (*гунчаньчжуси синь чжаньши* 共产主义新战士). В самом конце автор обращается к цитате из дневника самого Лэй Фэна для новой номинации, которая становится климаксом всего нанизывания наименований, относящихся к одному объекту: "Ты / обычный, но тем не менее / великий – / нержавеющий / винт!" (*ни ши игэ / пинфань дэ, дань цюэ*

/ *вэйда дэ* – / *юн бу шэнсю дэ* / *лосыдин!* 你是一个/平凡的, 但却/伟大的 – – /永不生锈的/螺丝钉!). "Стратегия номинации" выделяет "ты", как бы удаляя его из ситуации и помещая в центр внимания слушающей аудитории.

Таким образом, самыми явными приёмами текстуализации акустического измерения служит в поэзии 1950–1970-х годов использование вопросительных предложений, прежде всего риторических вопросов к аудитории, эмфатических конструкций, повторов и формульных выражений, а также патетических амплификаций. Подводя итог, отметим, что современная китайская поэзия с самого момента зарождения утверждает собственное существование в полемике с традицией классического стиха, отягощённой системой норм и подчас обязательных к использованию языковых техник [15, с. 13], однако довольно быстро (в т. ч. под влиянием обращения к не менее регулятивному по своей сути простонародному устно-поэтическому канону) она начинает дрейфовать в сторону использования всё более регулярных форм.

В XX в. в поэзии появилась большая свобода, но инерция традиции оказалась такова, что регулярные или стилистически стереотипные формы (в т. ч. риторические конструкции) частично вернулись в поэтический репертуар автора, пишущего на современном языке. Их существование "в серой зоне" между поэтической классикой и "передовыми" верлибрами фиксируют декламационные руководства 1960-х годов. Сами же поэтические тексты 1950–1970-х годов и живая практика их исполнения показывают связь стереотипизирования, формульности, повторяемости с желанием максимально текстуализировать акустическое измерение, "вписать" в текст звучание, на которое этот текст и был прежде всего ориентирован в период массового исполнения, когда он представлял собой санкционированную государством культурную форму, нацеленную на демонстрацию революционного энтузиазма китайского населения..

Литература

1. Быдина И. В. Движение эмотивной семантики поэтического слова (на материале поэзии А. Вознесенского, Е. Евтушенко, Н. Матеевой): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1994.
2. Черкасский Л. Е. Новая китайская поэзия: (20-30-е годы). М.: Наука, 1972. 496 с.
3. Черкасский Л. Е. Китайская поэзия военных лет. 1937–1949. М.: Наука, 1980. 268 с.
4. Маркова С. Д. Китайская поэзия в период национально-освободительной войны 1937–1945 гг. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1958. 138 с.
5. Сухоруков В. Т. Вэнь Идо. Жизнь и творчество. М.: Наука, 1968. 147 с.
6. Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка. М.: Аграф, 2002. 138 с.
7. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.
8. Allen J. R. In the Voice of Others: Chinese Music Bureau Poetry. Minneapolis: University of Michigan, Center for Chinese Studies, 1992. 293 p.
9. Børdahl V. Storytelling, Stock Phrases and Genre Conventions: The Case of 'Wu Song Fights the Tiger' // The Interplay of the Oral and the Written in Chinese Popular Literature. Copenhagen: NIAS Press, 2010. P. 83–157.
10. Crespi J. A. Calculated Passions: The Lyric and the Theatric in Mao-era Poetry Recitation // Modern Chinese Literature and Culture. 2001. Vol. 13. No. 2. P. 72–110.
11. Chion M. Audio-Vision: Sound on Screen. New York: Columbia University Press, 1994. 270 p.
12. Duanmu S., Dong Y. Elastic Words in Chinese // The Routledge Encyclopedia of the Chinese Language / Sin-wai Chan. New York: Taylor and Francis, 2016. P. 452–468.
13. Jiao Liwei. Chinese Idioms // The Routledge Encyclopedia of the Chinese Language / Sin-wai Chan. New York: Taylor and Francis, 2016. P. 64–89.
14. Prince A. A Metrical Theory for Estonian Quantity // Linguistic Inquiry. 1980. No. 11. P. 511–62.
15. Yeh M. "There Are no Camels in the Koran": What is Modern about Modern Chinese Poetry? // New Perspectives on Contemporary Chinese Poetry. New York: Palgrave Macmillan, 2008. P. 9–29.
16. 闻山. 诗朗诵下乡小记 // 诗刊. 1963. 63期. 64–67页. Вэнь Шань. Краткие записки о декламации поэзии в сельской местности // Ши кань. 1963. № 63. С. 64–67.
17. 康凌. "诗的Montage" –论左翼朗诵诗的音响与意义 // 文艺研究. 2019. 2期. 55–65页. Кан Лин. "Стихотворный монтаж": о звучании и ценности декламационной поэзии левых авторов // Вэньи яньцзю. 2019. № 2. С. 55–65.
18. 牛菡. 听觉传达的模式与结构 –论十七年时期的诗朗诵和朗诵诗 // 当代文坛. 2020. 4期. 65–71页. Ню Хань. Модели и структуры акустической передачи: о поэтической декламации и декламационной поэзии

в период 1949–1966 годов // Дандай вэньтань. 2020. № 4. С. 65–71.

19. 潘文国. 汉英语对比纲要. 北京: 北京语言文化大学出版社, 1997. 436页. Пань Вэньго. Очерк сопоставления китайского и английского языков. Пекин: Бэйцзин юйянь вэньхуа дасюэ чубаньшэ, 1997. 436 с.

20. 朗诵诗选. 北京: 作家出版社, 1965. 330页. Сборник поэзии для декламации. Пекин: Цзоцзя чубаньшэ, 1965. 330 с.

21. 广播诗选. 上海: 上海文化出版社, 1958. 56页. Избранные поэтические произведения для радио. Шанхай: Шанхай вэньхуа чубаньшэ, 1958. 56 с.

22. 江天. 克拉玛依油田职工举行诗歌朗诵晚会 // 诗刊. 1964. 73期. 39页. Цзянь Тянь. Рабочие Карамайских нефтепромыслов проводят вечер поэтической декламации // Ши кань. 1964. № 73. С. 39.

23. 赵乃心. 诗与朗诵 // 文艺新哨. 1942. 6期. 20–21页. Чжао Найсинь. Поэзия и декламация // Вэньи синь шао. 1942. №6. С. 20–21.

24. 赵芃. "学雷锋活动"历史变迁的话语研究. 天津: 南开大学出版社, 2017. 325页. Чжао Пэн. Дискурсивные исследования исторических сдвигов в кампании "учиться у Лэй Фэна". Тяньцзинь: Нанькай дасюэ чубаньшэ, 2017. 325 с.

25. 于惠罗. 让广播把诗送到农村 // 诗刊. 1963. 64期. 73–74页. Юй Хуэйло. Пусть радио принесёт поэзию в деревни // Ши кань. 1963. № 64. С. 73–74.

References

1. Bydina I. V. Dvizhenie ehmotivnoj semantiki poehticheskogo slova (na materiale poehzii A. Voznesenskogo, E. Evtushenko, N. Mateevoj): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 1994.

2. CHerkasskij L. E. Novaya kitajskaya poehziya: (20-30-e gody). M.: Nauka, 1972. 496 s.

3. CHerkasskij L. E. Kitajskaya poehziya voennykh let. 1937–1949. M.: Nauka, 1980. 268 s.

4. Markova S. D. Kitajskaya poehziya v period natsional'no-osvoboditel'noj vojny 1937–1945 gg. M.: Izd-vo vostochnoj lit-ry, 1958. 138 s.

5. Sukhorukov V. T. Vehn' Ido. ZHizn' i tvorcestvo. M.: Nauka, 1968. 147 s.

6. Tnyanov YU. N. Problema stikhotvornogo yazyka. M.: Agraf, 2002. 138 с.

7. SHakhovskij V. I. Lingvisticheskaya teoriya ehmtosij. M.: Gnoziz, 2008. 416 s.

8. Allen J. R. In the Voice of Others: Chinese Music Bureau Poetry. Minneapolis: University of Michigan, Center for Chinese Studies, 1992. 293 p.

9. Børdahl V. Storytelling, Stock Phrases and Genre Conventions: The Case of 'Wu Song Fights the Tiger' // The Interplay of the Oral and the Written in Chinese Popular Literature. Copenhagen: NIAS Press, 2010. P. 83–157.

10. Crespi J. A. Calculated Passions: The Lyric and the Theatric in Mao-era Poetry Recitation // Modern Chinese Literature and Culture. 2001. Vol. 13. No. 2. P. 72–110.

11. Chion M. Audio-Vision: Sound on Screen. New York: Columbia University Press, 1994. 270 p.

12. Duanmu S., Dong Y. Elastic Words in Chinese // The Routledge Encyclopedia of the Chinese Language / Sin-wai Chan. New York: Taylor and Francis, 2016. P. 452–468.

13. Jiao Liwei. Chinese Idioms // The Routledge Encyclopedia of the Chinese Language / Sin-wai Chan. New York: Taylor and Francis, 2016. P. 64–89.

14. Prince A. A Metrical Theory for Estonian Quantity // Linguistic Inquiry. 1980. No. 11. P. 511–62.

15. Yeh M. "There Are no Camels in the Koran": What is Modern about Modern Chinese Poetry? // New Perspectives on Contemporary Chinese Poetry. New York: Palgrave Macmillan, 2008. P. 9–29.

16. 闻山. 诗朗诵下乡小记 // 诗刊. 1963. 63期. 64–67页. Vehn' SHan'. Kratkje zapiski o deklamatsii poehzii v sel'skoj mestnosti // SHi kan'. 1963. № 63. С. 64–67.

17. 康凌. "诗的Montage" –论左翼朗诵诗的音响与意义 // 文艺研究. 2019. 2期. 55–65页. Kan Lin. "Stikhotvornyj montazh": o zvuchanii i tsennosti deklamatsionnoj poehzii levykh avtorov // Vehn'i yan'tszyu. 2019. № 2. S. 55–65.

18. 牛蓓. 听觉传达的模式与结构 –论十七年时期的诗朗诵和朗诵诗 // 当代文坛. 2020. 4期. 65–71页. Nyu KHan'. Modeli i struktury akusticheskoj peredachi: o poehticheskoy deklamatsii i deklamatsionnoj poehzii v period 1949–1966 godov // Dandaj vehn'tan'. 2020. № 4. S. 65–71.

19. 潘文国. 汉英语对比纲要. 北京: 北京语言文化大学出版社, 1997. 436页. Pan' Vehn'go. Ocherk sopostavleniya kitajskogo i anglijskogo yazykov. Pekin: Behjtszin yujyan' vehn'khua dasyueh chuban'sheh, 1997. 436 с.

20. 朗诵诗选. 北京: 作家出版社, 1965. 330页. Sbornik poehzii dlya deklamatsii. Pekin: TSzotszya chuban'sheh, 1965. 330 с.

21. 广播诗选. 上海: 上海文化出版社, 1958. 56页. Izbrannye poehticheskie proizvedeniya dlya radio. SHankhaj: SHankhaj vehn'khua chuban'sheh, 1958. 56 с.

22. 江天. 克拉玛依油田职工举行诗歌朗诵晚会 // 诗刊. 1964. 73期. 39页. TSzyan Tyan'. Rabochie Karamajskikh neftepromyslov provodyat vecher poehticheskoy deklamatsii // SHi kan'. 1964. № 73. С. 39.

23. 赵乃心. 诗与朗诵 // 文艺新哨. 1942. 6期. 20–21页. CHzhao Najsjin'. Poehziya i deklamatsiya // Vehn'i sin' shao. 1942. №6. S. 20–21.

24. 赵芃. "学雷锋活动"历史变迁的话语研究. 天津: 南开大学出版社, 2017. 325页. CHzhao Pehn.

Diskursivnye issledovaniya istoricheskikh sdvigov v kampanii "uchit'sya u Lehj Fehna". Tyan'tszin': Nan'kaj dasyueh chuban'sheh, 2017. 325 s.

25. 于惠罗. 让广播把诗送到农村 // 诗刊. 1963. 64期. 73–74页. YUj KHuehjo. Pust' radio prinesyot poehziyu v derevni // SHi kan'. 1963. № 64. С. 73–74.

Юлия Александровна ДРЕЙЗИС, канд. филол. наук, доцент кафедры китайской филологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, e-mail: xiaoyouliya@gmail.com

Yulia A. DREYZIS, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Chinese Philology Department, Moscow State University, Moscow, Russia, e-mail: xiaoyouliya@gmail.com

Поступила в редакцию

(Received) 10.11.2021

Одобрена после рецензирования

(Approved) 02.02.2022

Принята к публикации

(Accepted) 25.02.2022

Научная статья
УДК 327
DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/99-111

Участие китайских ТНК в реализации инициативы "Цифровой шелковый путь" на примере стран Центральной Азии

Уланбек Болотбекович КУДАЯРОВ

Московский государственный институт международных отношений, Москва, Россия, u.kudayarov@eescommission.org

Аннотация. Оценки движущих сил "Пояса и Пути" (ОПОП, ПП) часто сосредоточены на формирующихся политических и экономических связях между Китаем и остальным миром, укреплении интеграции страны в международные институты или строительстве традиционной "жесткой" инфраструктуры (железных дорог и портов). Однако события, касающиеся цифровых или "мягких" аспектов ОПОП, как правило, оставались без внимания. Поэтому в данной работе подчеркивается роль "Цифрового шелкового пути" (ЦШП) в анализе того, как Китай использует экономическое государственное управление в своих инициативах для достижения статуса технологической сверхдержавы. Утверждается, что ЦШП представляет собой отличную модель взаимодействия государства и бизнеса, в которой китайские компании участвуют в реализации идейных установок страны происхождения. Одним из проявлений этого является присутствие китайских компаний в странах Центральной Азии. Автор считает, что причины капиталовложений в данный регион являются скорее политическими, нежели экономическими.

Ключевые слова: внешняя политика, Китай в Центральной Азии, "Цифровой шелковый путь", государственно-частное партнерство, транснациональные корпорации с государственным участием

Для цитирования: Кудаяров У.Б. Участие китайских ТНК в реализации инициативы "Цифровой шелковый путь" на примере стран Центральной Азии // Известия Восточного института. 2022. № 1. С. 99–111. DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/99-111

Original article
DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/99-111

Chinese transnational corporations participation in the implementation of the Digital Silk Road initiative on the example of Central Asian countries

Ulanbek B. KUDAYAROV

Московский государственный институт международных отношений, Москва, Россия, u.kudayarov@eescommission.org

Abstract. Assessments of the drivers of the Belt and Road (BRT) have often focused on the emerging political, economic ties between China and the rest of the world, strengthening the country's integration into international institutions, or building traditional "hard" infrastructure (railroads and ports). However, developments concerning the digital or "soft" aspects of BRT have tended to be overlooked. Therefore, this paper emphasizes the role of the Digital Silk Road (DSR) in analyzing how China uses economic state management in its initiatives to achieve technological superpower status. It is argued that the DSR demonstrates a distinctive model of state-business interaction in which Chinese companies participate in the realization of the country's ideals. One manifestation of this appears to be the presence of Chinese companies in Central Asia. The author believes that the reasons for investing in the region are political rather than economic.

Keywords: Foreign policy, China in Central Asia, Digital Silk Road, public-private partnership, state-owned transnational corporations

For citation: Kudayarov U.B. Chinese transnational corporations participation in the implementation of the Digital Silk Road initiative on the example of Central Asian countries // Oriental Institute Journal. 2022. № 1. P. 99–111. DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/99-111

Введение

Смотря на стремительный и последовательный подъем Китая в последние тридцать лет, можно утверждать, что он стал действительно глобальным игроком, обладающим не только политическими амбициями, но и широким арсеналом

© Кудаяров У.Б., 2022

экономических, военно-политических, культурных и идеологических инструментов для их воплощения.

Осознавая свою возросшую мощь, Китай приступил к определению своей международной повестки как совокупности многовекторных усилий. Как следствие, были инициированы два проекта: строительство "Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП)" и "Морской Шелковый путь XXI века (МШП)", – которые затем просто обозначили как "Пояс и Путь". Инициатива, запущенная в 2013 году, включает в себя различные аспекты сотрудничества со странами всего мира.

За последние годы амбициозные планы по развитию двух новых торговых маршрутов, соединяющих Китай с остальным миром, претерпели немалые изменения. География инициативы выходит далеко за пределы Евразии. К тому же на фоне вступления мирового сообщества в новую фазу технологических инноваций и цифровых связей сфера применения китайского капитала теперь затрагивает и цифровизацию жизнедеятельности государств. С помощью продвигаемого Китаем проекта "Цифрового шелкового пути" (ЦШП) китайское руководство вкладывается в строительство оптоволоконных кабелей, антенн и центров обработки данных, а в последнее время и в цифровую экономику, искусственный интеллект, нанотехнологии и "умные города" [38].

Такой акцент на цифровизацию со стороны китайского руководства не случаен. Очевидно, контроль потока данных становится всё более важным для изменения баланса геополитических сил и необходимым для установления собственного мирового порядка. Результат проделанной работы в этом направлении определит, как будут управляться мировые процессы в целом и само киберпространство в частности. По мнению политического теоретика Л. Виннера, выбор конкретной технологии имеет политические последствия и часто определяется политическими мотивами [41]. Вместе с тем зависимость цифрового мира от физических систем не снижается. Почти каждое устройство и каждый сетевой узел по-прежнему находятся в физических или юридических границах суверенного государства. По мере того как всё больше повседневной жизни зависит от цифровой инфраструктуры и всё больше физических объектов подключается к сети, возникают не просто разные версии Интернета, а разные миры. У коммуникаций есть основа, и сейчас идет борьба за контроль над ними. Соответственно, ЦШП для Китая – это решение, которое порождает менее ориентированный на США и более ориентированный на Китай глобальный цифровой порядок. Китай преследует эту цель, открывая новые рынки для китайских технологических гигантов, таких как Alibaba, Tencent, Huawei, ZTE, и укрепляя свое влияние на мировую цифровую систему.

Страны Центральной Азии (ЦА) в контексте вышесказанного представляют неоспоримый интерес. Они наряду с другими являются покупателями готовых цифровых решений, предоставляемых китайской стороной [27]. Однако на фоне других регионов с большим рынком потребителей, ЦА по объективным причинам выглядит непримечательной. С точки зрения политического риска (присутствие ярко выраженной синофобии) и возврата капиталовложений страны ЦА сильно уступают государствам Африки, Южной Азии.

Ввиду того, что цифровая инфраструктура в развивающихся странах часто находится фактически в зачаточном состоянии, влияние деятельности китайских компаний на этих рынках может быть более существенным, чем их присутствие в западных постиндустриальных обществах. В связи с этим научной целью данной работы является исследование роли ЦШП в разрезе того, как Китай использует экономическое государственное управление в достижении своих целей в ЦА. Соответственно, для этого необходимо выполнить следующие задачи:

- 1) Изучить и проанализировать инициативу "Цифровой шелковый путь" в контексте внешнеполитических устремлений Пекина;
- 2) Определить систему выстраивания взаимоотношений государства с бизнесом;
- 3) Проанализировать присутствие и роль китайских ТНК в странах ЦА в рамках ЦШП.

В данной работе утверждается, что ЦШП является отличной схемой, в которой государственно-частное партнерство приносит плоды: для участвующих китайских компаний – коммерческую выгоду, в то время как китайскому руководству – возможность установить своё присутствие в том или ином регионе. И центральноазиатский регион тому не исключение. В ЦА Китай укрепляет своё присутствие благодаря своим ТНК, и их участие видится нам больше политически мотивированным.

Методологическая основа исследования строится на междисциплинарном, многоуровневом, системном подходах. К тому же были задействованы общенаучные методы ретроспективного анализа, компаративного анализа, индукции и дедукции, экспертной оценки и экономические методы статистической сводки, группировки информации.

"Цифровой шелковый путь" как возможность стать технологической сверхдержавой

Идея включения цифрового компонента в программу "Пояса и пути" не нова [1]. В 2015 году, когда стратегия еще называлась "Один пояс – один путь", в опубликованной Национальной комиссией по развитию и реформам Белой книге предлагалось включить достижения в области телекоммуникаций, цифровой торговли и Интернета-вещей под общим названием "информационный Шелковый путь" в евразийские интеграционные схемы [11].

Инициатива позиционируется как инструмент трансформации Китая в настоящую глобальную технологическую супердержаву. Китаю еще много предстоит сделать, тем не менее зачатки к этому уже есть. ЦШП призвана помочь стране в достижении вышеуказанного желаяния.

В рамках ЦШП Пекин стремится стать мировым лидером *в обеспечении физической инфраструктуры* в цифровой сфере. Основные меры включают в себя установку сотовых сетей нового поколения 5G, прокладку оптоволоконных кабелей, развитие сети центров обработки данных [37]. Под эгидой ЦШП китайские государственные предприятия (ГП) и частные корпорации уже инвестируют значительные средства в эти три магистральных направления. Непрозрачный характер китайских иностранных инвестиций затрудняет точное определение их масштабов, однако, по подсчетам Международного института стратегических исследований, Китай участвует в проектах цифровой инфраструктуры примерно в 80 странах, а по данным RWR Advisory Group Китай инвестировал 79 миллиардов долларов США в проекты цифровой инициативы по всему миру [8]. Столь массивный объем вложенных средств лишний раз свидетельствует о значимости инфраструктуры, обеспечивающей функционирование сложных цифровых систем.

Кроме этого, Пекин сосредоточил свое внимание и на *развитии передовых технологий*, имеющие важное экономическое и стратегическое применение. На сегодняшний день область исследования ключевых передовых технологий концентрируется на трех направлениях: спутниковые навигационные системы, искусственный интеллект и квантовые вычисления. Принято считать, что вышеуказанные передовые технологии будут использоваться в гражданских и военных целях и послужат укреплению мощи Китая как с экономической, так и с военной точек зрения. Как отмечает Эльза Каня, "амбиции Си на лидерство Китая в инновационных технологиях являются неотъемлемой частью его китайской мечты о "национальном омоложении" – [передовые технологии], таким образом, по своей сути бросают вызов международному порядку, в котором долгое время доминировали США" [21].

В настоящее время Соединенные Штаты занимают доминирующее положение в мире в области спутниковых навигационных систем с их глобальной системой позиционирования (GPS). Однако Китай инвестирует значительные средства в собственную спутниковую навигационную систему BeiDou с целью сопряжения нескольких десятков спутников, обеспечивающих глобальное покрытие [22]. На сегодняшний день Beidou уже обеспечивает точное покрытие Азиатско-Тихоокеанского региона. К тому же, согласно исследованиям Nikkei Asia, порядка 165

столичных городов мира уже имеют возможность подключиться к китайской навигационной системе [39].

Еще одна область передовых технологий, которую руководство страны продвигает как важную для своего подъема, – это *развитие искусственного интеллекта (ИИ)* в широком смысле. Китай признает экономическую, военную и геополитическую важность, которую ИИ сыграет в формировании будущей международной среды. Это видно из недавно опубликованного Китаем Плана развития искусственного интеллекта следующего поколения, согласно которому эта страна к 2030 году планирует стать мировым лидером в области технологий ИИ. [29] Создание национальной рабочей группы высокого уровня по ИИ, в которую вошли известные китайские технологические компании, включая Baidu, Tencent, Alibaba и iFlytek, также служит подтверждением серьезных намерений Китая в этой области.

Цифровая торговля – следующий компонент ЦШП, которому также уделяется немалое внимание со стороны китайского руководства. Китай и его крупнейшие технологические корпорации признают важность цифровой коммерции и ее роль в поступательном движении Китая к статусу экономической сверхдержавы [18]. В этой связи усилия китайских корпораций и правительства Китая по созданию зон свободной торговли цифровой или электронной коммерции и распространению приложения мобильных платежей на зарубежные рынки следует рассматривать под эгидой ЦШП. Цифровые зоны свободной торговли создаются для снижения затрат, связанных с международными перевозками и трансграничной торговлей, на чем Китай стремится заработать. Через свои крупные корпорации Китай участвует в экономическом государственном строительстве, которое усиливает его влияние и способность проецировать силу на региональной и глобальной арене.

Международные нормы в киберпространстве и в области передовых технологий – четвертый компонент ЦШП, который представляется невозможным для развития инициативы и собственного цифрового порядка. Киберпространство и передовые технологии, о которых шла речь выше, в значительной степени являются неуправляемыми сферами и не имеют установленных норм с международной точки зрения. Соответственно, Пекин активизировал свои усилия по реализации национальных интересов на международной арене. Эти усилия включают в себя участие в многосторонних форумах и международных организациях, задачей которых является продвижение правил, которые приемлемы и удобны в формировании собственного порядка, основанного на видении Китая.

Практическая реализация этих усилий проявилась в дипломатических попытках Пекина по формированию международных кибернорм через Группу правительственных экспертов ООН (ГПЭ). Также с 2014 года принимает у себя Всемирный интернет-форум для обсуждения интернет-политики. Более того, в 2019 году Китай представил в Международный союз электросвязи 830 технических документов со спецификациями проводной связи, что является самым большим показателем среди всех стран [35]. Китай также является инициатором 16 из 65 предложений о создании новых технических комитетов в Международной организации по стандартизации и Международной электротехнической комиссии с 2014 года. К тому же китайские компании, такие как Huawei, играют важную роль в разработке стандартов для внедрения 5G. Huawei обладает более чем 13 400 патентами, связанными со следующим поколением телефонной связи [16]. Только у Qualcomm их всего 12 700.

Соответственно, посредством таких усилий Китай стремится создать международные нормы, отвечающие интересам китайской концепции будущего цифрового мира. Китай продвигает институт киберсуверенитета как организующего международного принципа по управлению Интернетом.

Таким образом, Цифровой шелковый путь играет важную роль в усилиях Китая по экспорту своей концепции управления Интернетом. Помимо финансирования физической инфраструктуры в цифровой сфере, ЦШП также включает распространение китайской модели ограниченного Интернета. В этом смысле Цифровой

шелковый путь выходит за рамки физической инфраструктуры и включает в себя экспорт идеологических принципов управления и авторитарных программ для реализации этой идеологической точки зрения [8]. Подобно тому, как предыдущие периоды глобального великодержавного соперничества характеризовались конкурирующими политическими идеологиями, "борьба между либеральной демократией и цифровым авторитаризмом будет определять XXI век" [42].

Управляемая взаимозависимость как система выстраивания взаимоотношений между государством и бизнесом в рамках ЦШП

Как и ОПОП, цифровое направление инициативы не является монолитным и включает множество субъектов на всех уровнях государственного и частного секторов, которые выполняют ту или иную задачу. Государственные институты власти предоставляют финансовую и дипломатическую поддержку в продвижении интересов крупного бизнеса. В свою очередь бизнес обеспечивает реализацию цифровой инициативы. Такое подобие государственно-частного партнерства позволяет использовать сильные стороны китайских гигантов для дальнейшей интеграции китайских технологий и стандартов в цифровые экосистемы как наименее развитых, развивающихся, так и развитых стран.

На сегодняшний день уже известно, что Китай укрепил свои позиции в странах Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока, Восточной Европы и Африки. В Юго-Восточной Азии китайские корпорации уже завершили более десятка проектов подводных оптоволоконных кабелей и еще около 20 находятся в процессе строительства [14]. По одной из оценок участие этих компаний в проектах по строительству физической инфраструктуры ЦШП выросло с 6 процентов от доли всех проектов в 2012-2015 гг. до 20 процентов в 2016-2019 гг. [10]. На данный регион приходится еще порядка 45 проектов различной категории [15]. В африканском континенте насчитываются более 55 запланированных и завершенных проектов, из них 10 – на Ближнем Востоке.

Предварительный анализ показывает, что в ЦШП задействованы по крайней мере 12 крупных компаний: Alibaba, Baidu, BGI, China Electronics Technology Group, China Mobile, China Telecom, China Unicom, Hikvision, Huawei, Tencent, Wuxi, ZTE [24]. Все они полностью или частично являются государственными, что уже определяет сущность экономического государственного управления КНР. Оно заключается в "сознательной" попытке государства регулировать действия коммерческих субъектов таким образом, чтобы их деятельность способствовала реализации стратегических интересов государства. Соответственно, принятие решений руководством компаний об участии в зарубежных проектах не в меньшей степени продиктовано системой отношений, установленной государством.

В академической среде такую систему взаимодействия принято называть "управляемой взаимозависимостью", которая определяется следующим образом: "согласованные отношения, в которых государственные и частные участники сохраняют свою автономию, но деятельность последних регулируются более широкими целями, установленными и контролируемые государством" [39]. В этих отношениях доминирующим актором выступает либо непосредственно государство, либо частный сектор, которому делегировали эти полномочия. В Китае же роль такого актора играет государство, которое не лишает коммерческих структур своей автономности. Бизнес продолжает вести свою деятельность самостоятельно, при этом оставляя Коммунистической партии Китая (КПК) возможность влиять на коммерческие структуры посредством нормативно-правовых актов и присутствия партийных комитетов. Создание и расширение последних кажется одним из способов, с помощью которых Пекин пытается снизить финансовые риски и осуществлять контроль над экономикой [19].

Присутствие партийных отделений при коммерческих структурах обеспечивается уже на протяжении двух десятков лет. На 2006 год их число при частных предприятиях достигало 178 тыс. К 2016 году это число увеличилось в семь раз и составило примерно 1,3 миллиона [25]. На сегодняшний день все компании, задействованные в ЦШП, имеют партийные комитеты, партийные отделения и партийных секретарей. Например, у Alibaba около 200 партийных отделений [3]; в

2017 году сообщалось, что у Tencent было 89 партийных отделений; а у Huawei – более 300. К тому же, проводя обзор раскрытия корпоративной информации в 2017 году, Nikkei Asian Review выявил 288 компаний, зарегистрированных в Китае, которые "изменили свой устав, чтобы обеспечить политику управления, отражающую волю руководства страны" [28]. В 2018 году 26 публичных китайских банков пересмотрели свои уставы, чтобы поддержать создание партийных комитетов. Сообщается, что многие из пересмотренных статей содержат формулировки, требующие проведения консультаций с членами КПК перед принятием важных решений [26].

Принимая во внимание вышесказанное, участие компаний в реализации ЦШП нам представляется необходимым описать, как "игра на двух досках". С одной стороны, ЦШП является возможностью для роста компании и выхода на другие рынки [44]. ТНК получают преференции в виде политической поддержки и крупных кредитных линий через CDB, China EXIM и государственные коммерческие банки. Это позволяет им продавать свою продукцию на 30-40% дешевле, чем у их потенциальных конкурентов.

С другой, в условиях жесткого контроля и высокой степени влияния государства на рынок отказ от участия в каких-либо инициативах, в том числе в ЦШП, представляется практически невозможным и нежелательным. Даже если тот или иной проект, страна инвестирования не отвечают экономическим интересам компании. Отход от идейных программ государства может стоить для компании многого, как в последствии и случилось с Alibaba Group [43].

В прошлом году Ant Group, дочерняя компания Alibaba, была в шаге от крупнейшего IPO в мире. Оценка компании могла бы вырасти до 315 млрд долларов. Однако первичного публичного размещения акций Ant Group не случилось – китайские власти приостановили ее листинг на биржах Шанхая и Гонконга. Причиной такого решения стало выступление основателя компании Джека Ма, открыто раскритиковавшего китайское правительство в чрезмерном регулировании финансового сектора. Джек Ма обвинил кредиторов, регуляторов, "не понимающих интернет", и "стариков" банковского сообщества в "ментальности ломбардов" [20]. Речь главы компании получилась резонансной, и среди руководителей высших эшелонов власти была оценена как недопустимая. В отношении Ant Group последовали строгие меры, вплоть до реструктуризации компании с последующим переходом на государственное управление [23].

Таким образом, вышеупомянутые меры регулирования деятельности компаний подтверждают идею о сохранении господствующей роли государства в вопросе взаимоотношений с ТНК. Государство оставляет за собой право вмешиваться и вносить необходимые изменения в деятельность компаний. При этом обставляется все так, чтобы само госрегулирование не носило совсем жесткий характер. Всем транснациональным корпорациям предоставляется автономность, но до тех пор, пока она отвечает идейным программам страны. Поскольку ЦШП является одной из таких инициатив, то высока вероятность и того, что в рамках нее решения по выбору страны инвестирования принимаются с учетом партийных установок. Следовательно, центральноазиатский регион как объект инвестирования можно рассматривать в контексте внешнеполитических интересов руководства страны.

Китайские компании в странах Центральной Азии в рамках ЦШП

Свою заинтересованность в участии ЦШП страны ЦА обозначили 17 июля 2020 года [7]. В совместном коммюнике министры иностранных дел всех пяти государств подтвердили свое желание в проведении цифровизации и свою надежду во многом на поддержку китайской стороны. Отсутствие кадров, готовых решений, бюджетных денег не позволяет странам развивать цифровизацию собственными силами. Финансовая поддержка Пекина, широкий спектр услуг и дополнительных предложений со стороны китайских компаний во многом должны нивелировать данный пробел.

На сегодняшний день известно, что страны совместно с Китаем делают упор на развитие сетей 5G, "умных городов" (городов с интеллектуальной инфраструк-

турой и цифровыми методами управления всем мегаполисом), интернета вещей, оптоволоконных кабелей связи, мобильных платежных систем, систем телефонной связи, ИТ-платформ для обработки грузоперевозок и др. [36]. В то же время страны обращают внимание на расширение транснациональной электронной коммерции, которая, по мнению китайских экспертов, уже стала драйвером ЦШП в Центральной Азии.

По страновому разрезу реализация ЦШП выглядит следующим образом. На ЦА приходится порядка 84 завершенных и планируемых к реализации проектов, из которых 30 реализуются или реализованы в Казахстане, 26 в Узбекистане, по 10 проектов в Кыргызстане и Таджикистане, 8 в Туркменистане [24]. Соответственно, Казахстан и Узбекистан представляются основными бенефициарами ЦШП, судя по количеству совместных проектов в различных областях ИТ-сектора. В Кыргызстане и Таджикистане китайские инвестиции в основном направлены на создание "умных городов" и развитие телекоммуникационных сетей нового поколения. В Туркменистане основное внимание уделяется строительству оптоволоконного кабеля связи по дну Каспийского моря. Что касается компаний, задействованных в реализации в ЦА инициативы, можно отметить присутствие Huawei, Hikvision, China Mobile, China Telecom, ZTE, BeiDou, Dahua, Meiyai Pico, Nuctech, Alibaba, Uniview.

Предварительный анализ пребывания китайских ТНК в ЦА демонстрирует заметный перекоп в сторону Казахстана и Узбекистана относительно остальных стран региона. Объясняется такой выбор экономическими причинами, в частности человеческим капиталом, которыми обладают вышеуказанные страны. Население этих двух государств в совокупности составляет порядка 52 млн человек, что говорит о высоком потребительском потенциале этих стран. Однако говорить о возможности покупки услуг компаний именно населением преждевременно. В силу того, что официальными заказчиками являются государственные органы стран ЦА, "интерес" компаний определяется спросом на их продукцию, а также массивом данных, которые могут генерировать граждане этих стран.

В контексте нашего исследования использование китайскими компаниями пользовательских данных граждан стран ЦА можно оценивать в качестве еще одной возможности обеспечения безопасности и контроля над Синьцзян-Уйгурским автономным округом [34]. Очевидна историческая и этническая близость жителей данного округа с гражданами стран современной ЦА. Соответственно, постоянный мониторинг, обеспечивающий за счет проектов "Безопасный город" в странах ЦА, и данные, хранящиеся в облачных серверах китайских провайдеров и дата центрах, должны обеспечить Пекину и руководителям стран ЦА возможности превентивного реагирования на потенциальные угрозы. К тому же по мере развития ИИ эти технологии можно использовать для создания системы контроля над гражданами. В связи с этим в помощи со стороны Китая можно уследить политическую мотивацию.

В целом, широкое применение данных и отсутствие доверия к китайским властям вызывают беспокойство со стороны гражданского общества и экспертных групп. Как показывает мировая практика, социальные сети и мессенджеры не раз использовались для формирования определенного общественного мнения, подготовки массовых беспорядков. Не имея достаточных технических инновационных средств, возможности государств региона обеспечивать контроль за информационными потоками в Интернете сильно ограничены. Поскольку штаб-квартиры иностранных компаний, владеющих этими социальными сервисами, находятся за пределами региона, маловероятно, что они согласятся сотрудничать, не говоря уже о добровольном предоставлении какой-либо пользовательской информации. В данном контексте определенную опасность представляет сбор этими компаниями информации о гражданах стран ЦА, поскольку она может быть использована в дальнейшем в различных целях.

Соответственно, нынешний статус пользовательских данных приводит к необходимости четко обозначить границы между коммерческим использованием и государственным. Вероятность того, что иностранные компании будут занимать

ся шпионажем или передачей данных китайским властям не исключена. Руководству стран-участниц ЦШП крайне важно владеть сведениями о том, что устанавливают привлеченные к реализации проектов компании, как они это делают, и в ответ формировать свои механизмы защиты цифрового суверенитета. Поскольку страны ЦА не относятся к высокотехнологичным государствам, они минимально вовлечены в создание новых цифровых технологий, как на уровне программного обеспечения, так и инновационного оборудования. Китайские компании, продвигающие технологии "умного города" в регионе, как правило, активно и систематически предлагают использовать собственное оборудование (например, камеры наблюдения и сопутствующую технику). Это ставит их в зависимое положение от глобальных производителей и вендоров такой продукции (то есть Китая).

В целом, присутствие китайских компаний в ЦА демонстрирует нам тот факт, что они выполняют задачу по реализации идейной инициативы руководства страны. По крайней мере на сегодняшний момент мы не видим никаких существенных экономических причин, почему компании действительно могли бы вкладываться в тот или иной проект ЦШП в ЦА. Все привлеченные к этому региону компании обеспечивают цифровую надстройку ОПОП, реализуют планы по продвижению, в том числе легитимацию на глобальном уровне китайских подходов по управлению Интернетом и удовлетворяют спрос государственных структур стран ЦА.

Свидетельством сильного интереса к рынку могли быть слияния и поглощения местных компаний рынка со стороны китайских гигантов и самостоятельный выход на рынки стран. Однако таких случаев, за исключением Узбекистана, крайне мало, или нет вовсе. Активизация присутствия ТНК Китая обеспечивалась за счет встреч на самом высоком уровне, и была результатом работ рабочих групп. Об этом свидетельствуют интенсивность визитов на высоком уровне президентов Казахстана и Узбекистана в Китай. Президенты обоих государств посещали штаб-квартиры ТНК с целью ознакомления с их деятельностью, и обеспечения дальнейшего углубления сотрудничества с ними.

Заключение

Подводя итоги, мы фактически видим стремление Китая стать технологически развитой сверхдержавой настоящего времени. Желание такого характера обусловлено тем, что с развитием технологий очевидной становится необходимость обозначить свое присутствие в данной сфере. Особенно в условиях конкуренции великих держав на мировой арене. Соперничество приобретает все новые формы, осваивая почти все сферы жизнедеятельности. Следовательно, технологическое развитие будет иметь важное значение для обеспечения необходимого результата такой конкуренции, что требует максимальной подготовки от каждой из держав.

Китай, в свою очередь, свою подготовку видит в инициативе "Цифровой шелковый путь". Объявленный в Белой книге правительства Китая 2015 года [1], ЦШП преследует цели как внешней, так и внутренней политики, включая создание ориентированной на Китай цифровой инфраструктуры, экспорт избыточных промышленных мощностей, содействие расширению китайских технологических корпораций, доступ к большому массиву данных. Выполнение такого спектра задач без помощи своих технологических компаний было бы невозможным. Соответственно, обеспечение цифрового присутствия видится в расширении возможностей таких компаний для создания новых рынков в местах, где отсутствует цифровая инфраструктура. По мере того, как Китай будет добиваться успехов в предоставлении собственных технологических решений слаборазвитым в цифровом отношении государствам, он будет продвигать свои нормы и технические стандарты на международной арене.

Как сказано выше, для реализации своего желания Пекин задействовал все государственные и коммерческие структуры. Благодаря существующей системе "управляемой взаимозависимости" руководству удается мобилизовать компании в случае крайней необходимости. В случае государственной важности власти страны сохраняют за собой право вмешиваться и вносить корректировки в деятельность компаний. Поскольку ЦШП является одной из таких инициатив, то компа-

нии с любой формой собственности вынуждены принимать участие в реализации поставленных перед ними задач.

Одним из таких указаний нам видится и обеспечение присутствия Китая в центральном-азиатском регионе. Как известно, страны ЦА связывают с Китаем долгая история взаимоотношений, которая во многом строится на вопросах безопасности, политики и экономики. С переходом в активную фазу реализации ЦШП отношения с данным регионом теперь затрагивают и вопросы цифровизации.

Начатое в 2020 году сотрудничество охватывает все возможные аспекты цифровой перестройки экономики. При этом реальных результатов стороны добились в секторе телекоммуникационных услуг и в реализации "Безопасного города". Установка сотовых сетей 5G и внедрение систем цифрового наблюдения является результатом политических желаний, которые были изначально зафиксированы по итогу встреч на высшем уровне. Следовательно, страны ЦА как объекты инвестирования были выбраны только в результате государственно-объектного партнерства, зародившегося в рамках ЦШП. Коммерческие структуры получают коммерческую прибыль через реализацию своей продукции, а государство свои политические дивиденды, в том числе их полную зависимость. Поскольку вся цифровая инфраструктура содержит большой китайский компонент как в инвестициях, так и в технологиях.

Литература

1. Белая книга. "Один пояс - Один путь" // Официальный сайт правительства Китая. URL: http://english.www.gov.cn/archive/publications/2015/03/30/content_281475080249035.htm (дата обращения: 10.12.2021).
2. Захаров А. Н. Внешняя торговля Китая со странами Африки / А. Н. Захаров, Н. А. Русак // Российский внешнеэкономический вестник. 2018. № 4. С. 68–75. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnyaya-torgovlya-kitaya-so-stranami-afriki> (дата обращения 11.12.2021).
3. Информация о компании "Alibaba" // Australian Strategic Policy Institute. URL: <https://chinatmap.aspi.org.au/#/company/alibaba> (дата обращения: 16.12.2021).
4. Калашников Д.Б. ТНК в обеспечении национальных экономических интересов: опыт Китая // Горизонты экономики. 2019. № 2. С. 69–73.
5. Михеев В. В. К вопросу о перспективах Китая как глобального лидера / В. В. Михеев, С. А. Луконин, С. В. Игнатъев // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика право. 2017. № 10. С. 152–161. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-152-161
6. Сабельников Л.В. Интересы бизнеса во внешней и внешнеэкономической политике зарубежных стран. Окончание // Российский внешнеэкономический вестник. 2017. № 7. С. 79–94 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/interesy-biznesa-vo-vneshney-i-vneshneeko-nomicheskoy-politike-zarubezhnyh-stran> (дата обращения: 13.12.2021).
7. Совместное заявление встречи министров иностранных дел "Центральная Азия - Китай" в формате видеоконференции // Официальный сайт Посольства Китайской Народной Республики в Туркменистане. 17.07.2020. URL: <https://www.mfa.gov.cn/ce/cetm/rus/ztgx/t1799089.htm> (дата обращения: 19.12.2021).
8. Adey S. The Global Internet is Disintegrating – What Comes Next? May 15, 2019 // BBC (сайт). URL: <http://www.bbc.com/future/story/20190514-the-global-internet-is-disintegrating-what-comes-next> (дата обращения: 12.12.2021).
9. Albert, E. The Shanghai Cooperation Organization // Council on Foreign Relations (сайт) // October 14, 2015. URL: <https://www.cfr.org/backgrounder/shanghai-cooperation-organization> (дата обращения: 18.12.2021).
10. Benner, T., et al. Authoritarian Advance: Responding to China's Growing Political Influence in Europe // Global Public Policy Institute and Merics // February 18, 2018. URL: https://merics.org/sites/default/files/2020-04/GPPI_MERICs_Authoritarian_Advance_2018_1.pdf (дата обращения: 14.12.2021).
11. ChinaDaily.com.cn: сайт. Пекин, 1995–2022. URL: https://www.chinadaily.com.cn/world/2015-07/07/content_21202745.htm (дата обращения: 12.12.2021).
12. European Bank for Reconstruction and Development: сайт. – Лондон. Overview. Belt and Road Initiative. URL: <https://www.ebrd.com/what-we-do/belt-and-road/overview.html> (дата обращения: 11.12.2021).
13. Farooki M. China's Mineral Sector and the Belt & Road Initiative [Электронный документ] // Strategic Dialogue on Sustainable Raw Materials for Europe // March 2018. URL: https://www.stradeproject.eu/fileadmin/user_upload/pdf/STRADE_PB_02-2018_One_Belt_One_Road.pdf (дата обращения: 19.12.2021).
14. Harding B. China's Digital Silk Road and Southeast Asia // Center for Strategic & International Studies (сайт) // February 15, 2019. URL: <https://www.csis.org/analysis/chinas-digital-silk-road-and-southeast-asia> (дата обращения: 15.12.2021).
15. Hillman J. E. Mapping China's Digital Silk Road // Center for Strategic & International Studies (сайт).

- URL: <https://reconasia.csis.org/mapping-chinas-digital-silk-road/> (дата обращения: 15.12.2021).
16. Huawei Holds Maximum Number of 5G Patents // GreyB (сайт). URL: <https://insights.greyb.com/company-with-most-5g-patents/> (дата обращения: 13.12.2021).
17. International Strategy of Cooperation on Cyberspace [Электронный документ] // ChinaDaily.com.cn (сайт). URL: https://www.chinadaily.com.cn/kindle/2017-03/02/content_28409210.htm (дата обращения: 14.12.2021).
18. International Strategy of Cooperation on Cyberspace [Электронный документ] // XINHUANET (сайт). URL: http://www.xinhuanet.com/english/china/2017-03/01/c_136094371.htm (дата обращения: 14.12.2021).
19. Joske A. The Party Speaks For You // Australian Strategic Policy Institute (сайт). URL: <https://www.aspi.org.au/report/party-speaks-you> (дата обращения: 15.12.2021).
20. Jurberg A. The Speech That Cost Jack Ma 37 Billion Dollars // Entrepreneur's Handbook (сайт). URL: <https://entrepreneurshandbook.co/the-speech-that-cost-jack-ma-37-billion-dollars-5ad42393c9ba> (дата обращения: 17.12.2021).
21. Kania E. China's Quantum Future – Xi's Quest to Build a High-Tech Superpower // September 26, 2018 // Foreign Affairs (сайт). URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-09-26/chinas-quantum-future?cid=nlc-fa_twofa-20180928 (дата обращения: 13.12.2021).
22. Kelkar K. From Silk Threads to Fiber Optics: The Rise of China's Digital Silk Road // August 8, 2018 // Observer Research Foundation (сайт). URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/43102-from-silk-threads-to-fiber-optics-the-rise-of-chinas-digital-silk-road/> (дата обращения: 13.12.2021).
23. Liu C., Chen L.Y. How China Lost Patience With Jack Ma, Its Loudest Billionaire // Bloomberg (сайт). URL: <https://www.bloomberg.com/news/features/2020-12-22/jack-ma-s-empire-in-crisis-after-china-halts-ant-group-ipo> (дата обращения: 16.12.2021).
24. Mapping China's Tech Giants // Australian Strategic Policy Institute (сайт, интерактивный портал). URL: <https://chinatmap.aspi.org.au/#/homepage> (дата обращения: 13.12.2021).
25. Martina M. Exclusive: In China, the Party's push for influence inside foreign firms stirs fears // Reuters (сайт). URL: <https://www.reuters.com/article/us-china-congress-companies/exclusive-in-china-the-partys-push-for-influence-inside-foreign-firms-stirs-fears-idUSKCN1B40JU> (дата обращения: 15.12.2021).
26. Miller M. China's banks embrace Communist Party committees in risk crackdown. // June 27, 2018 // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/article/us-china-banks-party/chinas-banks-embrace-communist-party-committees-in-risk-crackdown-idUSKBN1JN0XN> (дата обращения: 16.12.2021).
27. Muhamedov R., et al. (2021). Digital Silk Road in Central Asia: Present and Future. (n.p.): Davis Center for Russian & Eurasian Studies, Harvard University. URL: https://daviscenter.fas.harvard.edu/sites/default/files/files/2021-06/Digital_Silk_Road_Report.pdf (дата обращения: 09.12.2021).
28. Nakamura Y. More companies are writing China's Communist Party into their charters // Nikkei Asia (сайт). URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/More-companies-are-writing-China-s-Communist-Party-into-their-charters> (Режим доступа: зарегистрированные пользователи) (дата обращения: 16.12.2021).
29. Next Generation Artificial Intelligence Development Plan [Электронный документ] // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China Official Website. URL: <https://www.mfa.gov.cn/ce/cefi/eng/kxjs/P020171025789108009001.pdf> (дата обращения: 14.12.2021).
30. Norris W. J. (2016). Chinese Economic Statecraft: Commercial Actors, Grand Strategy, and State Control. Ithaca: Cornell University Press. URL: <https://muse.jhu.edu/book/45347> (Режим доступа: зарегистрированные пользователи) (дата обращения: 09.12.2021).
31. OECD Guidelines on Corporate Governance of State-Owned Enterprises [Электронный документ] (2015) // OECD (сайт) DOI: 10.1787/9789264244160-en (дата обращения: 11.12.2021).
32. Otmakhova K. The Belt and Road for All [Электронный документ] // TUDelft, January 2017. URL: <https://repository.tudelft.nl/islandora/object/uuid:16152a04-581c-4f8d-9fa3-3629a1d52506/datastream/OBJ2/download> (дата обращения: 19.12.2021).
33. Praso S. China's Digital Silk Road is Looking More Like an Iron Curtain // January 10, 2019 // Bloomberg (сайт). URL: <https://www.bloomberg.com/news/features/2019-01-10/china-s-digital-silk-road-is-looking-more-like-an-iron-curtain> (дата обращения: 13.12.2021).
34. Rozanov A. The Shanghai Cooperation Organisation and Central Asia's Security Challenges // Geneva: The Geneva Centre for the Democratic Control of Armed Forces // 2013. 160 P. URL: https://www.dcaf.ch/sites/default/files/publications/documents/DCAF_RP16_SCO.pdf (дата обращения: 18.12.2021).
35. Ryugen H., Akiyama, H. China leads the way on global standards for 5G and beyond // Nikkei Asia (сайт). URL: <https://www.ft.com/content/858d81bd-c42c-404d-b30d-0be32a097f1c> (дата обращения: 12.12.2021).
36. Siddiqui S. BRI, BeiDou and the Digital Silk Road // April 9, 2019 // Asia Times (сайт). URL: <https://www.asiatimes.com/2019/04/opinion/bri-beidou-and-the-digital-silk-road/> (дата обращения: 12.12.2021).
37. The Digital Silk Road: Opportunities and Challenges for Central Asia // Rosa-Luxemburg-Stiftung (сайт). URL: <https://www.rosalux.de/en/news/id/45540/die-digitale-seidenstrasse-herausforderungen-und-chancen-fuer-zentralasien> (дата обращения: 19.12.2021).
38. Triolo P., et al. The Digital Silk Road: Expanding China's Digital Footprint // Eurasia Group. URL: <https://www.eurasiagroup.net/files/upload/Digital-Silk-Road-Expanding-China-Digital-Footprint.pdf> (дата обращения:

11.12.2021).

39. Tsunashima T. In 165 countries, China's Beidou eclipses American GPS // *Nikkei Asia* (сайт). URL: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Century-of-Data/In-165-countries-China-s-Beidou-eclipses-American-GPS> (дата обращения: 13.12.2021).

40. Weiss L. (1998). *The Myth of the Powerless State*. Ithaca, NY: Cornell University Press. DOI: 10.7591/9781501711732. URL: https://www.researchgate.net/publication/338274652_Myth_of_the_Powerless_State (дата обращения: 12.12.2021).

41. Winner L. (1980). Do Artifacts Have Politics? *Daedalus*, 109(1), 121–136. URL: <http://www.jstor.org/stable/20024652> (дата обращения: 11.12.2021).

42. Wright N. How Artificial Intelligence Will Reshape the Global Order // July 10, 2018 // *Foreign Affairs* (сайт). URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2018-07-10/how-artificial-intelligence-will-reshape-global-order?cid=nlc-fa_twofa-20180802 (дата обращения: 14.12.2021).

43. Zhai K., Zhu J., Leng Ch. How billionaire Jack Ma fell to earth and took Ant's mega IPO with him // November 5, 2020 // *Reuters*. URL: <https://www.reuters.com/article/ant-group-ipo-suspension-regulators-idUSKBN27L2GX> (дата обращения: 17.12.2021).

44. Zhao H. Web companies asked to support 'digital Silk Road' // July 27, 2015 // *The Telegraph*. URL: <https://www.telegraph.co.uk/sponsored/china-watch/technology/11764541/tech-companies-to-build-digital-silk-road.html> (дата обращения: 12.12.2021).

References

1. Belaya kniga. "Odin po yas - Odin put'" // *Ofitsial'nyj sayt pravitel'stva Kitaya*. URL: http://english.www.gov.cn/archive/publications/2015/03/30/content_281475080249035.htm (дата обращения: 10.12.2021).

2. Zakharov A. N. Vneshnyaya torgovlya Kitaya so stranami Afriki / A. N. Zakharov, N. A. Rusak // *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik*. 2018. № 4. S. 68–75. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnyaya-torgovlya-kitaya-so-stranami-afriki> (дата обращения: 11.12.2021).

3. Informatsiya o kompanii "Alibaba" // *Australian Strategic Policy Institute*. URL: <https://chinatmap.aspi.org.au/#/company/alibaba> (дата обращения: 16.12.2021).

4. Kalashnikov D.B. TNK v obespechenii natsional'nykh ehkonomicheskikh interesov: opyt Kitaya // *Horizonty ehkonomiki*. 2019. № 2. S. 69–73.

5. Mikheev V. V. K voprosu o perspektivakh Kitaya kak global'nogo lidera / V. V. Mikheev, S. A. Lukonin, S. V. Ignat'ev // *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ehkonomika pravo*. 2017. № 10. S. 152–161. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-152-161

6. Sabel'nikov L.V. Interesy biznesa vo vneshney i vneshneekonomicheskoy politike zarubezhnykh stran. Okonchanie // *Rossiiskij vneshneekonomicheskij vestnik*. 2017. № 7. S. 79–94 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/interesy-biznesa-vo-vneshney-i-vneshneekonomicheskoy-politike-zarubezhnykh-stran> (дата обращения: 13.12.2021).

7. Sovmestnoe zayavlenie vstrechi ministrov inostrannykh del "TSentral'naya Aziya - Kitaj" v formate videokonferentsii // *Ofitsial'nyj sayt Posol'stva Kitajskoj Narodnoj Respubliki v Turkmenistane*. 17.07.2020. URL: <https://www.mfa.gov.cn/ce/cetm/rus/ztgx/t1799089.htm> (дата обращения: 19.12.2021).

8. Adey S. The Global Internet is Disintegrating – What Comes Next? May 15, 2019 // *BBC* (сайт). URL: <http://www.bbc.com/future/story/20190514-the-global-internet-is-disintegrating-what-comes-next> (дата обращения: 12.12.2021).

9. Albert, E. The Shanghai Cooperation Organization // *Council on Foreign Relations* (сайт) // October 14, 2015. URL: <https://www.cfr.org/backgrounder/shanghai-cooperation-organization> (дата обращения: 18.12.2021).

10. Benner, T., et al. Authoritarian Advance: Responding to China's Growing Political Influence in Europe // *Global Public Policy Institute and Merics* // February 18, 2018. URL: https://merics.org/sites/default/files/2020-04/GPPi_MERICs_Authoritarian_Advance_2018_1.pdf (дата обращения: 14.12.2021).

11. *ChinaDaily.com.cn*: сайт. Pekin, 1995–2022. URL: https://www.chinadaily.com.cn/world/2015-07/07/content_21202745.htm (дата обращения: 12.12.2021).

12. *European Bank for Reconstruction and Development*: сайт. – London. Overview. Belt and Road Initiative. URL: <https://www.ebrd.com/what-we-do/belt-and-road/overview.html> (дата обращения: 11.12.2021).

13. Farooki M. China's Mineral Sector and the Belt & Road Initiative [EHlektronnyj dokument] // *Strategic Dialogue on Sustainable Raw Materials for Europe* // March 2018. URL: https://www.stradeproject.eu/fileadmin/user_upload/pdf/STRADE_PB_02-2018_One_Belt_One_Road.pdf (дата обращения: 19.12.2021).

14. Harding B. China's Digital Silk Road and Southeast Asia // *Center for Strategic & International Studies* (сайт) // February 15, 2019. URL: <https://www.csis.org/analysis/chinas-digital-silk-road-and-southeast-asia> (дата обращения: 15.12.2021).

15. Hillman J. E. Mapping China's Digital Silk Road // *Center for Strategic & International Studies* (сайт). URL: <https://reconasia.csis.org/mapping-chinas-digital-silk-road/> (дата обращения: 15.12.2021).

16. Huawei Holds Maximum Number of 5G Patents // *GreyB* (сайт). URL: <https://insights.greyb.com/company-with-most-5g-patents/> (дата обращения: 13.12.2021).

17. International Strategy of Cooperation on Cyberspace [EHlektronnyj dokument] // ChinaDaily.com.cn (sait). URL: https://www.chinadaily.com.cn/kindle/2017-03/02/content_28409210.htm (data obrashheniya: 14.12.2021).
18. International Strategy of Cooperation on Cyberspace [EHlektronnyj dokument] // XINHUANET (sait). URL: http://www.xinhuanet.com/english/china/2017-03/01/c_136094371.htm (data obrashheniya: 14.12.2021).
19. Joske A. The Party Speaks For You // Australian Strategic Policy Institute (sait). URL: <https://www.aspi.org.au/report/party-speaks-you> (data obrashheniya: 15.12.2021).
20. Jurberg A. The Speech That Cost Jack Ma 37 Billion Dollars // Entrepreneur's Handbook (sait). URL: <https://entrepreneurshandbook.co/the-speech-that-cost-jack-ma-37-billion-dollars-5ad42393c9ba> (data obrashheniya: 17.12.2021).
21. Kania E. China's Quantum Future – Xi's Quest to Build a High-Tech Superpower // September 26, 2018 // Foreign Affairs (sait). URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-09-26/chinas-quantum-future?cid=nlc-fa_twofa-20180928 (data obrashheniya: 13.12.2021).
22. Kelkar K. From Silk Threads to Fiber Optics: The Rise of China's Digital Silk Road // August 8, 2018 // Observer Research Foundation (sait). URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/43102-from-silk-threads-to-fiber-optics-the-rise-of-chinas-digital-silk-road/> (data obrashheniya: 13.12.2021).
23. Liu C., Chen L.Y. How China Lost Patience With Jack Ma, Its Loudest Billionaire // Bloomberg (sait). URL: <https://www.bloomberg.com/news/features/2020-12-22/jack-ma-s-empire-in-crisis-after-china-halts-ant-group-ipo> (data obrashheniya: 16.12.2021).
24. Mapping China's Tech Giants // Australian Strategic Policy Institute (sait, interaktivnyj portal). URL: <https://chinatmap.aspi.org.au/#/homepage> (data obrashheniya: 13.12.2021).
25. Martina M. Exclusive: In China, the Party's push for influence inside foreign firms stirs fears // Reuters (sait). URL: <https://www.reuters.com/article/us-china-congress-companies/exclusive-in-china-the-partys-push-for-influence-inside-foreign-firms-stirs-fears-idUSKCN1B40JU> (data obrashheniya: 15.12.2021).
26. Miller M. China's banks embrace Communist Party committees in risk crackdown. // June 27, 2018 // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/article/us-china-banks-party/chinas-banks-embrace-communist-party-committees-in-risk-crackdown-idUSKBN1JN0XN> (data obrashheniya: 16.12.2021).
27. Muhamedov R., et al. (2021). Digital Silk Road in Central Asia: Present and Future. (n.p.): Davis Center for Russian & Eurasian Studies, Harvard University. URL: https://daviscenter.fas.harvard.edu/sites/default/files/files/2021-06/Digital_Silk_Road_Report.pdf (data obrashheniya: 09.12.2021).
28. Nakamura Y. More companies are writing China's Communist Party into their charters // Nikkei Asia (sait). URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/More-companies-are-writing-China-s-Communist-Party-into-their-charters> (Rezhim dostupa: zaregistrirovannye pol'zovately) (data obrashheniya: 16.12.2021).
29. Next Generation Artificial Intelligence Development Plan [EHlektronnyj dokument] // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China Official Website. URL: <https://www.mfa.gov.cn/ce/cefi/eng/kxjs/P020171025789108009001.pdf> (data obrashheniya: 14.12.2021).
30. Norris W. J. (2016). Chinese Economic Statecraft: Commercial Actors, Grand Strategy, and State Control. Ithaca: Cornell University Press. URL: <https://muse.jhu.edu/book/45347> (Rezhim dostupa: zaregistrirovannye pol'zovately) (data obrashheniya: 09.12.2021).
31. OECD Guidelines on Corporate Governance of State-Owned Enterprises [EHlektronnyj dokument] (2015) // OECD (sait) DOI: 10.1787/9789264244160-en (data obrashheniya: 11.12.2021).
32. Otmakhova K. The Belt and Road for All [EHlektronnyj dokument] // TUDelft, January 2017. URL: <https://repository.tudelft.nl/islandora/object/uid:16152a04-581c-4f8d-9fa3-3629a1d52506/datastream/OBJ2/download> (data obrashheniya: 19.12.2021).
33. Prasso S. China's Digital Silk Road is Looking More Like an Iron Curtain // January 10, 2019 // Bloomberg (sait). URL: <https://www.bloomberg.com/news/features/2019-01-10/china-s-digital-silk-road-is-looking-more-like-an-iron-curtain> (data obrashheniya: 13.12.2021).
34. Rozanov A. The Shanghai Cooperation Organisation and Central Asia's Security Challenges // Geneva: The Geneva Centre for the Democratic Control of Armed Forces // 2013. 160 P. URL: https://www.dcaf.ch/sites/default/files/publications/documents/DCAF_RP16_SCO.pdf (data obrashheniya: 18.12.2021).
35. Ryugen H., Akiyama, H. China leads the way on global standards for 5G and beyond // Nikkei Asia (sait). URL: <https://www.ft.com/content/858d81bd-c42c-404d-b30d-0be32a097f1c> (data obrashheniya: 12.12.2021).
36. Siddiqui S. BRI, BeiDou and the Digital Silk Road // April 9, 2019 // Asia Times (sait). URL: <https://www.asiatimes.com/2019/04/opinion/bri-beidou-and-the-digital-silk-road/> (data obrashheniya: 12.12.2021).
37. The Digital Silk Road: Opportunities and Challenges for Central Asia // Rosa-Luxemburg-Stiftung (sait). URL: <https://www.rosalux.de/en/news/id/45540/die-digitale-seidenstrasse-herausforderungen-und-chancen-fuer-zentralasien> (data obrashheniya: 19.12.2021).
38. Triolo P., et al. The Digital Silk Road: Expanding China's Digital Footprint // Eurasia Group. URL: <https://www.eurasiagroup.net/files/upload/Digital-Silk-Road-Expanding-China-Digital-Footprint.pdf> (data obrashheniya: 11.12.2021).
39. Tsunashima T. In 165 countries, China's Beidou eclipses American GPS // Nikkei Asia (sait). URL: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Century-of-Data/In-165-countries-China-s-Beidou-eclipses-American-GPS>

(data obrashheniya: 13.12.2021).

40. Weiss L. (1998). *The Myth of the Powerless State*. Ithaca, NY: Cornell University Press. DOI: 10.7591/9781501711732. URL: https://www.researchgate.net/publication/338274652_Myth_of_the_Powerless_State (data obrashheniya: 12.12.2021).

41. Winner L. (1980). Do Artifacts Have Politics? *Daedalus*, 109(1), 121–136. URL: <http://www.jstor.org/stable/20024652> (data obrashheniya: 11.12.2021).

42. Wright N. How Artificial Intelligence Will Reshape the Global Order // July 10, 2018 // *Foreign Affairs* (sajt). URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2018-07-10/how-artificial-intelligence-will-reshape-global-order?cid=nlc-fa_twofa-20180802 (data obrashheniya: 14.12.2021).

43. Zhai K., Zhu J., Leng Ch. How billionaire Jack Ma fell to earth and took Ant's mega IPO with him // November 5, 2020 // *Reuters*. URL: <https://www.reuters.com/article/ant-group-ipo-suspension-regulators-idUSKBN27L2GX> (data obrashheniya: 17.12.2021).

44. Zhao H. Web companies asked to support 'digital Silk Road' // July 27, 2015 // *The Telegraph*. URL: <https://www.telegraph.co.uk/sponsored/china-watch/technology/11764541/tech-companies-to-build-digital-silk-road.html> (data obrashheniya: 12.12.2021).

Кудаяров Уланбек БОЛОТБЕКОВИЧ, главный специалист-эксперт отдела пресс-службы ДПОО Евразийской экономической комиссии, аспирант Московского государственного института международных отношений, Москва, Россия, e-mail: u.kudayarov@eecommission.org

Ulanbek B. KUDAYAROV, Postgraduate Student, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO), Chief Specialist-expert, Press Service Department of the DPOO of the Eurasian Economic Commission, Moscow, Russia, e-mail: u.kudayarov@eecommission.org

Поступила в редакцию

(Received) 24.11.2021

Одобрена после рецензирования

(Approved) 17.02.2022

Принята к публикации

(Accepted) 25.02.2022

Кризис в Казахстане: предварительные итоги, анализ причин, реакции зарубежных партнеров

Марина Олеговна ДМИТРИЕВА

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, dmitrieva.mo@dvfu.ru

Захар Владимирович ДАВЫДОВ

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия, davydov.zv@dvfu.ru

Аннотация. Авторы, изучив оценки предпосылок, причин и природы политического кризиса начала 2022 г. в Казахстане, пришли к выводу, что к промежуточным итогам можно отнести усиление позиций действующего президента и выбранный им курс на полное завершение транзита власти. Кроме того, события в Казахстане по своему значению выходят далеко за рамки национальных границ, и устойчивость действующего политического режима в республике зависит не только от способности власти решить экономические и социальные проблемы, но и от готовности своими дальнейшими действиями ответить вопросы, вызывающие обеспокоенность со стороны международных партнеров.

Ключевые слова: Казахстан, политический кризис, Центральная Азия, ОДКБ, Токаев

Для цитирования: Дмитриева М.О., Давыдов З.В. Кризис в Казахстане: предварительные итоги, анализ причин, реакции зарубежных партнеров // Известия Восточного института. 2022. № 1. С. 112–122. DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/112-122

Original article
DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/112-122

Crisis in Kazakhstan: preliminary results, analysis of causes, reactions of foreign partners

Marina O. DMITRIEVA

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, dmitrieva.mo@dvfu.ru

Zakhar V. DAVYDOV

Assistant Professor, International Relations Department, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, E-mail: davydov.zv@dvfu.ru

Abstract. The authors, having studied the assessment of the prerequisites, causes and nature of the political crisis of the beginning of 2022 in Kazakhstan, came to the conclusion that the interim results include the strengthening of the position of the incumbent president and his chosen course for the complete completion of the transit of power. The analysis of the events, the degree of organization and coordination of the forces involved indicates that if the protest was not artificially created by "groups from outside", then certain political forces attempted to use the current situation in order to unbalance the existing political system in the country. In addition, the events in Kazakhstan in their significance go far beyond national borders and the stability of the current political regime in the republic depends not only on the ability of the authorities to solve economic and social problems, but also on the willingness to answer questions of concern from international partners with their further actions.

Keywords: Kazakhstan, political crisis, Central Asia, CSTO, Tokayev

For citation: Dmitrieva M.O., Davydov Z.V. Crisis in Kazakhstan: preliminary results, analysis of causes, reactions of foreign partners // Oriental Institute Journal. 2022. No. 1. P. 112–122. DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/112-122

Произошедшие в начале января в Республике Казахстан (РК) протесты стали, пожалуй, самым ярким политическим событием начала года. На фоне относительно спокойного информационного фона, обусловленного в первую очередь периодом новогодних каникул и отпусков, казахстанский кризис стал центральной темой новостных выпусков и вывал озабоченность как в соседних республиках, так и странах, рассматривающих Центральную Азию в качестве региона, входящего в сферу политических и экономических интересов.

В данной статье авторы обращались к официальным источникам информации – пресс релизам министерств иностранных дел государств Центральной Азии, обращениям глав государств и международных структур. К моменту подготовки работы еще не было накоплено объемного массива информации по изучаемой

проблеме, поэтому внимание было уделено материалам аналитических центров "Валдай", "Московский Центр Карнеги", "Российского совета по международным делам". Кроме того, были изучены сайты новостных агентств Центральной Азии и России, что дало возможность увидеть весь спектр мнений относительно произошедших событий в Казахстане.

Политики, эксперты, само казахстанское общество, а также мировое сообщество разошлись в оценках предпосылок, причин и природы произошедших событий. По заявлению президента Косым-Жомарта Кемелевича Токаева, протесты явились результатом накопленных республикой в течение последних десятилетий социальных и экономических проблем. "Расслоение в доходах сыграло роль зажженной спички и пороховой бочки, чем воспользовались боевики-террористы и стоящие за ними заговорщики", – отметил президент [20].

С высокой долей вероятности можно говорить о том, что массовые акции, начавшиеся 2 января в г. Жанаозен Мангистуанской области, несмотря на заявления официальных властей РК об инспирировании протестов "силами извне", первоначально носили стихийный характер и были обусловлены непростой социально-экономической ситуацией в западных регионах республики. Резкое повышение цен на сжиженный газ на заправочных станциях фактически выступило катализатором роста социального недовольства, вылившегося в публичные выступления. Фактор праздничных дней при этом способствовал быстрому росту агрессии и маргинализации протестов.

Однако анализ событий, степени организованности и скоординированности участвующих сил указывает, что если протест и не был создан искусственно "группами извне", то определенными политическими силами была предпринята попытка использовать складывающуюся обстановку с целью разбалансировки существующей в стране политической системы.

Однозначный ответ на вопрос, что представляют из себя силы, решившие инспирировать/возглавить протесты, со стороны как государственной власти, так и со стороны экспертного сообщества отсутствует. Во многом это связано с тем, что политическая элита Казахстана, представляющаяся на первый взгляд достаточно однородной, таковой не является. Одна из главных особенностей современного политического режима РК – отмечаемое многими аналитиками (и российскими, и центральноазиатскими) существование многолетнего раскола казахских элит [4]. Более того, в последнее время всё чаще отмечалось усиление внутривышних противоречий между так называемой "Семьей" (включает в себя родственников и приближенных бывшего президента Назарбаева Н.А., в том числе председателя КНБ Максимова К.К. и председателя правительства Мамина А.У.) и группой, формирующейся вокруг действующего президента Токаева К. К. По всей видимости, данное усиление раскола в республиканской элите во многом обусловлено ухудшением общего состояния здоровья бывшего президента РК Назарбаева Н.А., приведшее фактически к утрате возможности влиять на процесс принятия политических решений действующим руководством страны.

Стремление не допустить отстранения от власти после смерти лидера политической группы в лице Назарбаева подтолкнуло представителей "Семьи" к решению использовать начавшиеся протесты для дискредитации действующего руководителя государства с последующей его заменой на своего представителя. При этом, судя по достаточно быстрому появлению в структуре протеста элементов скоординированности, силовой сценарий смещения Токаева по причине его "несостоятельности в качестве лидера государства" в последнее время прорабатывался "Семьей". Но организационно не был доведен до конца: подготовленные отряды, способные действовать под видом протестующих, имелись только в Алма-Ате и в незначительном количестве в других крупных городах, но не в Нур-Султане. Также не было достигнуто полной договоренности с территориальными органами безопасности и правопорядка относительно их отказа от принятия мер по противодействию протестующим. Помимо того, отсутствовал выработанный список требований, а имеющийся включал абстрактные пункты.

В результате несогласованности и нескоординированности действий, на фоне масштабного участия в протестах внутренних трудовых мигрантов с низким социальным уровнем, зачастую находящихся по причине празднования новогодних праздников в состоянии алкогольного опьянения, а также "завезенных извне неграждан Казахстана" массовые акции быстро вышли из-под контроля и начали приобретать деструктивный и мародерский характер.

Данный фактор лишил протест поддержки со стороны гражданского населения, что позволило использовать в информационном пространстве термин "боевики" в отношении протестующих и начать применять силовые меры по жесткому подавлению без существенного ущерба для репутации государственной власти.

Складывающаяся обстановка была использована президентом Токаевым для отстранения "Семьи" и наиболее влиятельных ее представителей в лице председателя КНБ Максимова К.К. и председателя правительства Мамина А.У. от власти. В целях нейтрализации угрозы со стороны возможно лояльно настроенных по отношению к "Семье" представителей военных кругов действующими властями была запрошена помощь Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Данные меры позволили достаточно быстро подавить основные очаги протеста и взять ситуацию под контроль.

В настоящее время сложно говорить о завершении кризиса и разрешении системных проблем, приведших к эскалации внутривнутриполитического конфликта. Во многом Казахстан вступает в новый этап своей политической истории, и его руководству только еще предстоит ответить на вопросы, поставленные произошедшими протестами. Пока в качестве промежуточных итогов можно отметить, что существующее положение дел указывает на усиление позиций действующего президента и выбранный им курс на полное завершение транзита власти путем отстранения представителей старой элиты от всех ключевых постов в республике на всех уровнях. Данные шаги в большинстве своем поддерживаются населением страны. Действия Токаева оцениваются в целом положительно, в том числе и касательно обращения за помощью в ОДКБ.

Несмотря на то, что к 2022 году мировая история и политическая наука имеет накопленный опыт изучения как успешных, так и безуспешных попыток смены действующего политического режима (мирным, военным и гибридным способами) события в Казахстане имеют ряд уникальных особенностей, представляющих интерес с точки зрения их анализа и понимания.

Во-первых, с момента приобретения независимости руководство РК стремилось (достаточно успешно) создать образ "самого стабильного и устойчивого режима в регионе". Такой политический имидж, однако, во многом выстраивался вокруг личности лидера государства. За годы существования независимого Казахстана президентская власть Н. Назарбаева стала настолько сильна, что все рычаги контроля политикой и экономикой были сосредоточены в руках главы государства. Но 19 марта 2019 г. президент Казахстана Нурсултан Назарбаев в личном обращении к народу заявил о сложении полномочий и сразу подписал соответствующий указ [13]. Такое решение опытного и влиятельного политика, 30 лет возглавлявшего Республику, повлекло за собой активные обсуждения не только среди дипломатов, политиков, журналистов и специалистов в области международных отношений, но и среди простых жителей Казахстана.

При этом в своем обращении к нации Н. Назарбаев подчеркнул, что не уходит с политической арены и оставляет за собой основные элементы контроля над политическими и экономическими процессами в Республике. Он остается лидером нации (Елбасы) и главой Совета безопасности Республики Казахстан, а также лидером крупнейшей политической партии страны – "Нур Отан" [9].

С указанного периода Казахстан стал реализовывать свой собственный "транзит власти", нацеленный на постепенную мирную передачу власти от Н. Назарбаева действующему избранному президенту. Такой сценарий по-разному оценивался как экспертным сообществом, так и политическими кругами и в самом Казахстане, и за его пределами. Вместе с тем "транзит", являясь по своей сути по-

литическим экспериментом, вызывал повышенное внимание со стороны стран с "лидерами-долгжителями", являющихся соседями по региону. Большинство мнений сходилось на том, что серьезным испытанием политической системы Казахстана на прочность станут выборы 2025 г., когда срок полномочий преемника Н. Назарбаева истечет, а запас физических сил и политического авторитета первого президента страны, возраст которого к тому времени приблизится к 85-ти годам, уже будет не таким, как в 2020 году [9].

Январские события не просто подтвердили опасения экспертов, указывающие на невозможность подобной постепенной мирной передачи высшей политической власти, но произошли значительно раньше прогнозируемого периода, что говорит о высокой степени накопленных противоречий внутри политической верхушки.

Во-вторых, традиционно после успешной или не успешной попытки революции/переворота или иной формы недемократической смены руководства страны сохранившая или получившая власть элита стремится к персонификации противоположающейся стороны и обвинении ее в большинстве существующих социальных и экономических национальных проблем. В Казахстане после завершения активной части январского кризиса, руководство страны, начав процедуру поэтапного отстранения представителей "Семьи" от процессов политического и экономического управления государством, отказалось от публичной критики и обвинений в адрес данной политической группы и ее лидера первого президента республики. Такое решение может быть во многом обусловлено тем фактом, что легитимность президента Токаева во многом основана на статусе "приемника" Н. Назарбаева.

В-третьих, впервые за время существования Организации договора коллективной безопасности одна из стран-участниц запросила помощь для урегулирования внутривнутриполитической ситуации. Операция была заявлена как миротворческая миссия по охране наиболее важных государственных и стратегических объектов Казахстана и оказанию помощи казахстанской стороне в поддержании правопорядка [8]. Несмотря на такой статус и на тот факт, что силы ОДКБ не использовались для разгона демонстрантов к такому варианту задействования сил международной организации с большим вниманием отнеслись как страны-участники и соседи по региону, так и мировые державы и международные институты. Несмотря на самые полярные оценки роли операции ОДКБ, участие в январских событиях миротворцев организации является прецедентом, на который будут в будущем опираться при принятии решений в аналогичных ситуациях.

Рассматриваемый кризис в Казахстане – событие, способное значительно изменить существующий политический, экономический и социальный уклад не только в самой республике, но и в регионе в целом. В этой связи представляется целесообразным рассмотреть официальные позиции и фактические действия стран-соседей по региону, а также государств, проводящих в Центральной Азии активный политический курс.

Киргизия за годы независимого существования пережила три государственных переворота. Бишкек называют городом трех революций. Киргизский народ, имеющий обширный опыт существования в условиях кризисных времен, оказал содействие казахстанцам, которые не могли попасть домой из-за рубежа. Авиа сообщение было остановлено, но была открыта сухопутная граница между странами. Киргизия не только не закрыла границу (как это делал Казахстан во время волнений в соседней стране), но и разрешила проходить ее без предъявления ПЦР-тестов. Волонтеры и неравнодушные граждане предоставляли казахстанцам жилье, обеспечивали едой и довозили до границы. Был создан Telegram чат "Домой через Бишкек", где можно было найти помощь в городе по любым вопросам.

Стоит отметить, что отношения Нур-Султана и Бишкека нельзя назвать безоблачными. В одно время Казахстан ввел усиленный пограничный контроль на границе с Киргизией, фактически парализовав грузопоток между этими странами. При этом Киргизия очень зависит от Казахстана в плане транзита. Это было сде-

лано в ответ на обвинение Киргизии в адрес Казахстана в подготовке "массовых беспорядков в день выборов".

Тем не менее эта зависимость заставила МИД сделать заявление, что Кыргызстан "готов оказать любую посильную поддержку и помощь, как это всегда было в истории взаимоотношений наших народов" [10].

Однако заявления Казахстана о причастности граждан Киргизии в беспорядках (особенно случай с джазовым музыкантом, которого заставили оговорить себя) и указание на бегство наемников в Киргизию не будут способствовать налаживанию двусторонних отношений, несмотря на то что Бишкек выполнил свои обязательства в рамках ОДКБ.

Таджикистан поддержал действия казахских властей. Э. Рахмон и К.-Ж. Токаев несколько раз за время волнений созванивались. В рамках операции ОДКБ в Казахстане Таджикистан отправил 200 военнослужащих. В начале января 2022 г. волнения произошли в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана – регионе, который уже на протяжении долгого времени оказывает сопротивление центральной власти, отстаивая свою автономию. Здесь периодически проходят митинги и протесты, которые сразу жестко подавляются. Так, во время последних событий в ноябре 2021 г. по протестующим был открыт огонь на поражение, в результате чего 17 человек было ранено. Участники протестных акций задерживаются, глава группы привлечен к уголовной ответственности.

Можно утверждать, что события в Казахстане будут использованы властями Таджикистана для решения своих задач. Прецедент привлечения ОДКБ для борьбы с террористами создан. А именно так в глазах власти выглядят протестующие Памира. Под прикрытием борьбы можно окончательно покончить со стремлением Бадахшана к автономии и нейтрализовать лидеров движения. Э. Рахмон на саммите ОДКБ заявил, что "у границ ОДКБ функционируют свыше 40 лагерей по подготовке террористов, в их составе более 6 тысяч боевиков" [6].

Известны и натянутые отношения между Душанбе и Кабулом. Таджикистан отказывается признавать правительство Талибана* и хоть как-то с ним сотрудничать. К обвинениям в поддержке сопротивления в Панджшере добавилось требование вернуть вертолеты и самолеты, которые были угнаны в Таджикистан во время прихода талибов к власти. Поэтому призыв Рахмона создать пояс безопасности вокруг Афганистана понятен. Кроме того, республике в скором времени предстоит транзит власти: Э. Рахмон готовит в преемники своего сына Рустама, который не отличается харизмой своего отца. Весьма вероятно, что население поддержит династический транзит, но нельзя быть абсолютно уверенным, что не возникнут волнения и беспорядки, которые захотят поддержать внешние силы.

Узбекистан. До недавнего времени считалось, что самыми стабильными и успешными странами Центральной Азии являются Узбекистан и Казахстан. Однако события начала января и напряженная политическая ситуация в Казахстане выводит Узбекистан в лидеры региона. При этом страны сильно связаны между собой. Как отмечает Р. Назаров, "в Узбекистане проживает свыше 800 000 этнических казахов, в Казахстане - свыше 600 000 этнических узбеков (и еще от 100 до 200 000 граждан Узбекистана находятся в Казахстане в качестве трудовых мигрантов), много смешанных семей, много родных и близких живут по обе стороны границы (а ее протяженность - 2 351 км)" [3].

Ташкент в своей истории тоже сталкивался с волнениями. В 2005 г. случились беспорядки в Андижане, которые были жестко подавлены. Тогда власти расценили их как акции, спонсируемые и финансируемые из-за рубежа. Одним из итогов стало восстановление членства в ОДКБ. Однако с 2012 г. оно было вновь приостановлено. Несмотря на это, на данном этапе Ташкент активно сотрудничает со странами-членами организации в сфере обеспечения безопасности в регионе, принимает участие в учениях (что стало особенно актуально в связи с афганским фактором). Однако в настоящее время с новой силой стали звучать голоса о скором вступлении Узбекистана в ОДКБ. Слова президента Белоруссии А. Лукашенко о том, что "Уроки из ситуации в Казахстане должны быть извлечены, в первую оче-

редь в Узбекистане" [5] были расценены в Ташкенте как давление [23]. Ш. Мерзиев на заседании Совета безопасности расценил это высказывание как "необоснованные" и подчеркнул, что Узбекистан обладает "всеми необходимым потенциалом и мощью для адекватного реагирования на любую угрозу" [25].

Но полностью исключить возможность восстановления членства в организации нельзя. ОДКБ показала себя как эффективный механизм налаживания ситуации в период кризиса. Обладать этим инструментом в своем арсенале может быть привлекательной перспективой для элит Узбекистана.

Туркменистан является самой закрытой страной региона, и отследить реакцию власти и общества на любые события довольно проблематично. Государственные СМИ Туркменистана не освещали протестные выступления, случившиеся в Казахстане. МИД республики в пресс-релизе сообщило, что "туркменская сторона искренне заинтересована в скорейшей нормализации обстановки в Казахстане, в дальнейшем стабильном общественно-политическом и социально-экономическом развитии соседней страны" [17].

Однако отсутствие информации не означает, что Ашхабад не следил за ходом событий у соседа. Во-первых, Туркменистан имеет общую границу с Казахстаном, протяженностью более 450 километров от Каспийского моря до трипункта с Узбекистаном. И заявления о том, что наемники (якобы) участвующие в погромах, прибыли из соседних стран и пытаются там же скрыться, должны были насторожить. Во-вторых, что более важно, события в Казахстане пришлось на время, когда президент Г. Бердымухамедов планировал передать власть своему сыну Сердару, при этом получить пост, который бы позволил ему оставить контроль за собой. Однако для руководителей, планирующих транзит, пример Казахстана не внушает уверенности в выбранном механизме. Тем более что у приемника есть конкуренты из числа многочисленных родственников.

Кроме того, из поступающей информации видно, что ситуация в стране критическая: долгое время продолжается продовольственный кризис. С нового года произошел резкий рост цен на продукты питания, что уже вылилось в протест населения – на востоке республики около 200 человек вышли на стихийный митинг к зданию районной администрации. Он был подавлен, но очевидно, что не последний.

Обращает на себя внимание тот факт, что в чрезвычайной ситуации не была проведена встреча глав государств региона. Этот формат, предложенный президентом Узбекистана в 2018 г., внушил много надежд. И среди политиков, и в экспертной среде звучали мнения, что наконец регион приобретает то единство, о котором говорили со времени обретения независимости республиками. На последней Консультативной встрече, прошедшей в г. Туркментбаши (Туркменистан) в августе 2021 г., было принято совместное заявление, в котором указывалось, что "Стороны высказались за проработку вопроса о создании диалога по безопасности и сотрудничеству в Центральной Азии в качестве постоянно действующей консультативной платформы для рассмотрения актуальных вопросов развития региона на системной и регулярной основе" [18]. События в Казахстане помимо прочего продемонстрировали, что единства региона в реальности не существует. Таким образом, при возникновении кризисных ситуаций в первую очередь страны Центральной Азии обращаются не к соседям по региону, а к внерегиональным акторам.

В конце 2021 г. основным направлением внешнеполитического внимания **России** была проблема Украины и связанные с ней переговоры с Соединенными Штатами и НАТО. Судя по всему, события в Казахстане стали неожиданностью как для экспертов, так и для дипломатов. Первая реакция Кремля была озвучена 5 января. Тогда Д. Песков заявил, что "Власти Казахстана способны самостоятельно справиться с ситуацией в стране, главное – избежать вмешательства внешних сил" [14]. Затем, когда ситуация стала выходить из-под контроля казахских властей, и Россия отправила 3 тыс. военнослужащих в составе миротворческих сил ОДКБ, официальная оценка произошедшего свелась к следующему: РФ рассматривает

события как инспирированную извне попытку насильственным путем подорвать безопасность и целостность государства [11].

Высказывались предположения, что Москва воспользуется ситуацией и оставит свой контингент в Казахстане, вынудив Нур-Султан действовать исключительно в ее фарватере [4]. Но по первой просьбе Токаева миротворцы отбыли в места постоянной дислокации.

Для России сейчас необходимо сделать правильные выводы из сложившейся ситуации. И это касается не только Казахстана, а всего постсоветского пространства. Необходимо "найти оптимальные формы влияния в условиях сужения спектра интересов" [12]. Очевидно, что не все республики, получившие независимость в результате распада Советского Союза, состоялись как государства. Кризис, произошедший в Казахстане, который считали самым стабильным государством Центральной Азии, вполне вероятно может повториться и в других странах региона. Это вынуждает Москву определять необходимые в каждом случае варианты взаимодействия с соседними республиками. Главное для России – "сохранить независимость окружающих её государств и направлять все свои усилия на то, чтобы они стали активными и стремящимися к выживанию державами" [1]. В идеале Россия должна поддерживать те элементы государственности, которые сложились за 30 лет независимости. В противном случае ей придется брать на себя ответственность за сохранение этих государств, на что в настоящее время нет ни ресурсов, ни поддержки населения.

Китай высказался не сразу. Существует несколько предположений, почему так произошло: Пекин ожидал окончательной позиции Москвы, поскольку понимает, что влияние России в Казахстане велико; Пекин смотрел, какая из противоборствующих сторон возьмет верх, поскольку Китай не вмешивается во внутренние дела других государств, для него главное – безопасность своих проектов и вложений, в данном случае бесперебойность поставок энергоресурсов и транзита, безопасность в автономном районе Синьцзян, который имеет общую границу с Казахстаном протяженностью более 1,7 тысяч километров. Для решения последнего вопроса было решено отправить дополнительные силы для охраны границы.

После стабилизации ситуации на заседании в мажилисе (нижней палате) парламента Токаев поручил Генеральной прокуратуре совместно с министерством финансов, Агентству по финансовому мониторингу и другим заинтересованным органами провести комплексную проверку и обеспечить порядок на границе с КНР. Проблема разночтений в официальных цифрах товарооборота между странами стоит давно. Но именно сейчас президент отметил ее, упомянув, что "Страна теряет десятки миллиардов тенге в виде налогов" [7].

На саммите глав государств "Центральная Азия – Китай", который состоялся 25 января 2022 г. в онлайн режиме, К.-Ж. Токаев отметил, что "казахско-китайское сотрудничество отличается беспрецедентным динамизмом, высоким доверием и подлинным добрососедством" [16]. В своей речи президент отметил задачи, которые стоят перед сторонами: наращивание торгово-экономического сотрудничества, активизация совместной работы по дальнейшему строительству "Пояса и Пути", диверсификация транзитно-транспортных маршрутов и внедрение интегрированных логистических решений, внедрение новых моделей устойчивого развития, обеспечения безопасности в регионе.

Китай в некотором смысле можно рассматривать как одного из бенефициаров событий в Казахстане. Его активы в республике защищены, Пекин не потратился на проведение миротворческих операций, и на него не обрушится волна критики о вмешательстве во внутренние дела. Кроме того, Китай выразил готовность помогать в восстановлении Казахстана после погромов, что может привести к росту влияния в стране [2].

Официальная позиция КНР по событиям в Казахстане выглядит так: это внутреннее дело страны, в котором замешаны актеры извне. Как сказано в телеграмме Си Токаеву: Китай "выступает против внешних сил, умышленно создающих хаос и провоцирующих "цветную революцию" в Казахстане. Решительно против

любых попыток подорвать казахстанско-китайскую дружбу и воспрепятствовать двустороннему сотрудничеству" [19]. Участие миротворческих сил ОДКБ расценивается Пекином как оправданное. Несмотря на то, что сейчас влияние России в республике возрастет, высказываются опасения, что РФ может получить доступ к участку сухопутного маршрута "Пояса и пути", ситуация в целом сложилась комплиментарно для Китая. Кроме того, он в очередной раз смог сделать выпад в сторону Соединенных Штатов и их союзников по поводу разжигания цветных революций в регионе и стремления противодействовать политике КНР.

Турция, стремящаяся стать центром тюркского мира, также выдержала паузу в выражении своей реакции по происходящим в Казахстане событиям. Первое официальное заявление МИД страны сделал только на третий день протестов, и в нем довольно сложно найти конкретные оценки Турции к ним. Было отмечено, что придается "большое значение стабильности дружественного Казахстана, желаем мира и спокойствия братскому народу, а также твердо верим, что руководство Казахстана преодолет этот кризис. Доверяем здравому смыслу народа Казахстана и желаем, чтобы все утихло как можно скорее" [21]. Местные эксперты, аналитики и политики негативно отнеслись к введению миротворческих сил ОДКБ. Звучали претензии в адрес Эрдогана в том, что реакция Турции была слишком медленной, в результате чего Токаев обратился за помощью к ОДКБ (то есть к России), а не к Организации тюркских государств (то есть Турции) [15].

Однако власти Турции постарались извлечь выгоду из произошедших в Казахстане событий. Во-первых, на заседании министров иностранных дел ОТГ они были расценены как "террористический акт". Стороны выразили поддержку казахстанскому руководству в проведении контртеррористических операций против террористов, радикалов, экстремистов и преступников, нацеленных на нарушение конституционного строя в стране [24]. Этим Эрдоган пытается решить внутренние проблемы страны: на протяжении последних лет он ведет борьбу с Ф. Гюленом – оппозиционным исламским проповедником, чью организацию называют ФЕТО (террористическая организация фетхуллахистов) и обвиняют в причастности к попытке госпереворота в июле 2016 года. Турецкие политики призывают расследовать участие Гюлена в событиях в Казахстане [22].

Во-вторых, Турция может продолжить сплочение ОТГ. Уже слышны призывы создать под ее эгидой военный блок. В ближайшее время это вряд ли произойдет, но сама риторика играет на руку Анкаре. Кроме того, возможно, в скором времени Токаеву будет необходимо уравновесить возросшее влияние Москвы. Активное участие в развитии тюркской организации может успокоить недовольных этим националистов. Назначение на должность министра информации и общественного развития А. Умарова, прибегавшего к антироссийской риторике, может быть подтверждением этого предположения.

Таким образом, политический кризис в Казахстане по своему значению выходит далеко за рамки национальных границ. Несмотря на то, что в его основе лежат ухудшающаяся экономическая обстановка, рост социальной напряженности, а также внутриэлитные разногласия - причины исключительно внутреннего порядка, соседние республики, а также государства стремящиеся к расширению сотрудничества с регионом пристально следят за текущей ситуацией в РК. Вне зависимости от того, что на международном уровне реальная реакция на события, их причины, а также действия казахстанской властей различна, представляется возможным определить те аспекты кризиса, к которым с повышенным вниманием относятся все заинтересованные стороны.

Во-первых, с учетом того, что Республика Казахстан является крупнейшей страной в регионе, а также неотъемлемым звеном в выстраивании торговых отношений со всеми странами Центральной Азии, Россией и КНР, внутривосточная нестабильность напрямую сказывается как на региональной безопасности, так и на глобальных экономических цепочках.

Во-вторых, в условиях наличия в Центральной Азии лидеров-долгожителей казахстанский опыт "мирного транзита" и произошедшие события являются тем опытом, который будут использовать (возможно, в недалеком будущем) политические режимы ряда республик региона при осуществлении передачи власти "приемникам".

В-третьих, применение сил ОДКБ является тем прецедентом, который фактически открывает окно возможностей применить функционал международной организации в разрешении внутривосточных проблем.

Подводя итог, можно говорить о том, что устойчивость действующего политического режима в Республике Казахстан зависит не только от способности власти решить экономические и социальные проблемы, но и от готовности своими дальнейшими действиями ответить на указанные выше вопросы, вызывающие обеспокоенность со стороны международных партнеров республики.

Литература

1. Бордачев Т. Соседи и кризисы: новые вызовы для России // Международный дискуссионный клуб "Валдай". URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/sosedi-i-krizisy-novye-vyzovy-dlya-rossii/> (дата обращения: 02.02.2022).
2. В МИД Китая выразили готовность помочь Казахстану // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20220107/kazakhstan-1766838303.html> (дата обращения: 26.01.2022).
3. Возможно ли в Узбекистане повторение казахстанских событий? // Media.az. URL: <https://media.az/politics/1067843476/vozmozhno-li-v-uzbekistane-povtorenie-kazahstanskih-sobytiy-kommentariy-iz-tashkenta/> (дата обращения: 01.02.2022).
4. Волошин: под видом миротворцев Россия первым запускает спецназ ГРУ и ВДВ // Обозреватель. URL: <https://news.obozrevatel.com/abroad/voloshin-pod-vidom-mirotvortsev-pervym-zapuskayet-spechnaz-gru-i-vdv> (дата обращения: 01.02.2022).
5. Выступление Президента Республики Беларусь Александра Лукашенко на внеочередная сессия Совета коллективной безопасности ОДКБ // сайт ОДКБ. URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/10-yanvary-a-v-formate-videokonferentsii-sostoitsya-zasedanie-soveta-kollektivnoy-bezopasnosti-odkb-p/?clear_cache=Y#loaded (дата обращения: 26.01.2022).
6. Выступление Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона на внеочередная сессия Совета коллективной безопасности ОДКБ // сайт ОДКБ. URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/10-yanvary-a-v-formate-videokonferentsii-sostoitsya-zasedanie-soveta-kollektivnoy-bezopasnosti-odkb-p/?clear_cache=Y#loaded (дата обращения: 26.01.2022).
7. Выступление Токаева в парламенте: основные тезисы // РИА Новости. URL: <https://crimea.ria.ru/20220111/vystuplenie-tokaeva-v-parlamente-osnovnye-tezisy-1121996539.html> (дата обращения: 20.01.2022).
8. Генеральный секретарь ОДКБ Станислав Зась в интервью агентству МИА "Россия-Сегодня" рассказал о численности, задачах и правовых основаниях направления Коллективных миротворческих сил ОДКБ в Республику Казахстан // сайт ОДКБ. URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/generalnyy-sekretar-odkb-stanislav-zas-v-intervyu-agentstvu-mia-rossiya-segodnya-rasskazal-o-chisleni/#loaded (дата обращения: 05.02.2022).
9. Данков А. Казахстанский транзит: в поисках новой конфигурации власти // сайт РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kazahstanskiy-tranzit-v-poiskakh-novoy-konfiguratsii-vlasti/> (дата обращения: 04.02.2022).
10. Заявление Министерства иностранных дел Кыргызской Республики от 05.01.2022 // сайт Министерства иностранных дел Кыргызской республики. URL: <https://mfa.gov.kg/ru/osnovnoe-menyu/press-sluzhba/novosti/zayavlenie-ministerstva-inostrannyh-del-kyrgyzskoy-respubliki-61d5cf4cb5e1a> (дата обращения: 19.01.2022).
11. Заявление МИД России в связи с решением Совета коллективной безопасности ОДКБ о направлении Коллективных миротворческих сил ОДКБ в Республику Казахстан // сайт МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/1793215/ (дата обращения: 18.01.2022).
12. Лукьянов Ф. Коллективизация безопасности // Россия в глобальной политике. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/kollektivizatsiya-bezopasnosti/> (дата обращения: 22.01.2022).
13. Нурсултан Назарбаев уходит в отставку. Он был главой Казахстана с 1990 года // ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6234286> (дата обращения: 20.02.2022).
14. Песков ответил на вопрос о помощи Казахстану из-за массовых протестов // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20220105/pomosch-1766630620.html> (дата обращения: 19.01.2022).
15. Поезд ушел: как протесты в Казахстане показали слабость "тюркского мира" // Федеральное агентство новостей. URL: <https://riafan.ru/1584827-poezd-ushel-kak-protesty-v-kazahstane-pokazali-slabost-tjurkskogo-mira> (дата обращения: 28.01.2022).

16. Президент Касым-Жомарт Токаев принял участие в саммите глав государств "Центральная Азия – Китай" // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. URL: <https://www.akorda.kz/ru/prezident-kasym-zhomart-tokaev-prinyal-uchastie-v-sammite-glav-gosudarstv-centralnaya-aziya-kitay-2505054> (дата обращения: 04.02.2022).
17. Пресс-релиз Министерства иностранных дел Туркменистана // сайт Министерства иностранных дел Туркменистана. URL: <https://www.mfa.gov.tm/ru/articles?type=press> (дата обращения: 03.02.2022).
18. Совместное заявление по итогам консультативной встречи глав государств Центральной Азии (г. Туркменбаши, 6 августа 2021 года) // сайт Министерства иностранных дел Туркменистана. URL: <https://www.mfa.gov.tm/ru/articles/536> (дата обращения: 19.01.2022).
19. Телеграммы соболезнования на имя Президента Казахстана в связи с трагическими событиями в стране // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. URL: <https://www.akorda.kz/ru/telegrammy-soboleznovaniya-na-imyа-prezidenta-kazahstana-v-svyazi-s-tragicheskimi-sobytiyami-v-strane-1203928> (дата обращения: 04.02.2022).
20. Токаев рассказал, что послужило спичкой и пороховой бочкой для протестов // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/01/2022/61ea588a9a79475ea9b141a0> (дата обращения: 03.02.2022).
21. Турция внимательно следит за развитием ситуации в Казахстане // ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13356401> (дата обращения: 30.01.2022).
22. Турецкий политик призвал расследовать участие Гюлена в событиях в Казахстане // Агентство Anadolu. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/politika/turetskiy-politik-prizval-rassledovat-uchastie-gulena-v-sobytyakh-v-kazahstane/2470936> (дата обращения: 30.01.2022).
23. Фраза Лукашенко не обоснована – эксперт ответила на заявление президента Беларуси об Узбекистане // Подробно.uz. URL: <https://www.podrobno.uz/cat/politic/fraza-lukashenko-ne-obosnovana-ekspert-otvetila-na-zayavlenie-prezidenta-belarusi-ob-uzbekistane/> (дата обращения: 04.02.2022).
24. Statement of the Council of Foreign Ministers of the Organization of Turkic States on the situation in Kazakhstan // МИД Узбекистана. URL: <https://mfa.uz/en/press/news/2022/statement-of-the-council-of-foreign-ministers-of-the-organization-of-turkic-states-on-the-situation-in-kazakhstan---30955> (дата обращения: 03.02.2022).
25. Telegram-канал пресс-секретаря Мирзиеева Шерзода Асадова. URL: https://t.me/Press_Secretary_Uz/1146 (дата обращения: 03.02.2022).

References

1. Bordachev T. Sosed i krizisy: novye vyzovy dlya Rossii // Mezhdunarodnyj diskussionnyj klub "Valdaj". URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/sosed-i-krizisy-novye-vyzovy-dlya-rossii/> (дата обращения: 02.02.2022).
2. V MID Kitaya vyrazili gotovnost' pomoch' Kazakhstanu // RIA Novosti. URL: <https://ria.ru/20220107/kazakhstan-1766838303.html> (дата обращения: 26.01.2022).
3. Vozmozhno li v Uzbekistane povtorenie kazakhstanskikh sobytij? // Media.az. URL: <https://media.az/politics/1067843476/vozmozhno-li-v-uzbekistane-povtorenie-kazakhstanskikh-sobytiy-kommentariy-iz-tashkenta/> (дата обращения: 01.02.2022).
4. Voloshin: pod vidom mirotvortsev Rossiya pervym zapuskaet spetsnaz GRU i VDV // Obozrevatel'. URL: <https://news.obozrevatel.com/abroad/voloshin-pod-vidom-mirotvortsev-pervym-zahodit-rossijskij-spetsnaz-gru-i-vdv.htm> (дата обращения: 01.02.2022).
5. Vystuplenie Prezidenta Respubliki Belarus' Aleksandra Lukashenko na vnocherednaya sessiya Soveta kolektivnoj bezopasnosti ODKB // sayt ODKB. URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/10-yanvarya-v-formate-videokonferentsii-sostoitsya-zasedanie-soveta-kollektivnoj-bezopasnosti-odkb-p/?clear_cache=Y#loaded (дата обращения: 26.01.2022).
6. Vystuplenie Prezidenta Respubliki Tadjikistan Ehmomali Rakhmona na vnocherednaya sessiya Soveta kolektivnoj bezopasnosti ODKB // sayt ODKB. URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/10-yanvarya-v-formate-videokonferentsii-sostoitsya-zasedanie-soveta-kollektivnoj-bezopasnosti-odkb-p/?clear_cache=Y#loaded (дата обращения: 26.01.2022).
7. Vystuplenie Tokaeva v parlamente: osnovnye tezisy // RIA Novosti. URL: <https://crimea.ria.ru/20220111/vystuplenie-tokaeva-v-parlamente-osnovnye-tezisy-1121996539.html> (дата обращения: 20.01.2022).
8. General'nyj sekretar' ODKB Stanislav Zas' v interv'yuu agentstvu MIA "Rossiya-Segodnya" rasskazal o chislenosti, zadachakh i pravovykh osnovaniyakh napravleniya Kollektivnykh mirotvorcheskikh sil ODKB v Respubliku Kazakhstan // sayt ODKB. URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/generalnyy-sekretar-odkb-stanislav-zas-v-intervyyu-agentstvu-mia-rossiya-segodnya-rasskazal-o-chislen/#loaded (дата обращения: 05.02.2022).
9. Dankov A. Kazakhstanskij tranzit: v poiskakh novoj konfiguratsii vlasti // sayt RSMD. URL: <https://russiancouncil.ru/analytiks-and-comments/analytiks/kazakhstanskij-tranzit-v-poiskakh-novoy-konfiguratsii-vlasti/> (дата обращения: 04.02.2022).
10. Zayavlenie Ministerstva inostrannykh del Kyrgyzskoj Respubliki ot 05.01.2022 // sayt Ministerstva inostrannykh del Kyrgyzskoj respubliki. URL: <https://mfa.gov.kg/ru/osnovnoe-menyu/press-sluzhba/>

novosti/zayavlenie-ministerstva-inostrannyh-del-kyrgyzskoy-respubliki-61d5cf4cb5e1a (data obrashheniya: 19.01.2022).

11. Zayavlenie MID Rossii v svyazi s resheniem Soveta kollektivnoj bezopasnosti ODKB o napravlenii Kollektivnykh mirotvorcheskikh sil ODKB v Respubliku Kazakhstan // sayt MID RF. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/1793215/ (data obrashheniya: 18.01.2022).

12. Luk'yanov F. Kollektivizatsiya bezopasnosti // Rossiya v global'noj politike. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/kollektivizatsiya-bezopasnosti/> (data obrashheniya: 22.01.2022).

13. Nursultan Nazarbaev ukhodit v otstavku. On byl glavoy Kazakhstana s 1990 goda // TASS. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6234286> (data obrashheniya: 20.02.2022).

14. Peskov otvetil na vopros o pomoshhi Kazakhstanu iz-za massovykh protestov // RIA Novosti. URL: <https://ria.ru/20220105/pomosch-1766630620.html> (data obrashheniya: 19.01.2022).

15. Poezd ushel: kak protesty v Kazakhstane pokazali slabost "tyurkskogo mira" // Federal'noe agenzstvo novostej. URL: <https://riafan.ru/1584827-poezd-ushel-kak-protesty-v-kazakhstane-pokazali-slabost-tyurkskogo-mira> (data obrashheniya: 28.01.2022).

16. Prezident Kasyim-Zhomart Tokaev prinyal uchastie v sammite glav gosudarstv "TSentral'naya Aziya – Kitaj" // Ofitsial'nyj sayt Prezidenta Respubliki Kazakhstan. URL: <https://www.akorda.kz/ru/prezident-kasyim-zhomart-tokaev-prinyal-uchastie-v-sammite-glav-gosudarstv-centralnaya-aziya-kitay-2505054> (data obrashheniya: 04.02.2022).

17. Press-reliz Ministerstva inostrannykh del Turkmenistana // sayt Ministerstva inostrannykh del Turkmenistana. URL: <https://www.mfa.gov.tm/ru/articles?type=press> (data obrashheniya: 03.02.2022).

18. Sovmestnoe zayavlenie po itogam konsul'tativnoj vstrechi glav gosudarstv TSentral'noj Azii (g. Turkmenbashi, 6 avgusta 2021 goda) // sayt Ministerstva inostrannykh del Turkmenistana. URL: <https://www.mfa.gov.tm/ru/articles/536> (data obrashheniya: 19.01.2022).

19. Telegrammy soboleznovaniya na imya Prezidenta Kazakhstana v svyazi s tragicheskimi sobytiyami v strane // Ofitsial'nyj sayt Prezidenta Respubliki Kazakhstan. URL: <https://www.akorda.kz/ru/telegrammy-soboleznovaniya-na-imya-prezidenta-kazahstana-v-svyazi-s-tragicheskimi-sobytyami-v-strane-1203928> (data obrashheniya: 04.02.2022).

20. Tokaev rasskazal, chto posluzhilo spichkoy i porokhovoju bochkoy dlya protestov // RBK. URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/01/2022/61ea588a9a79475ea9b141a0> (data obrashheniya: 03.02.2022).

21. Turtsiya vnimatel'no sledit za razvitiem situatsii v Kazakhstane // TASS. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13356401> (data obrashheniya: 30.01.2022).

22. Turetskij politik prizval rassledovat' uchastie Gyulena v sobytiyakh v Kazakhstane // Agenstvo Anadolu. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/politika/turetskij-politik-prizval-rassledovat'-uchastie-gyulena-v-sobytyakh-v-kazakhstane/2470936> (data obrashheniya: 30.01.2022).

23. Fraza Lukashenko ne obosnovana – ehkspert otvetila na zayavlenie prezidenta Belarusi ob Uzbekistane // Podrobno.uz. URL: <https://www.podrobno.uz/cat/politic/fraza-lukashenko-ne-obosnovana-ehkspert-otvetila-na-zayavlenie-prezidenta-belarusi-ob-uzbekistane/> (data obrashheniya: 04.02.2022).

24. Statement of the Council of Foreign Ministers of the Organization of Turkic States on the situation in Kazakhstan // MID Uzbekistana. URL: <https://mfa.uz/en/press/news/2022/statement-of-the-council-of-foreign-ministers-of-the-organization-of-turkic-states-on-the-situation-in-kazakhstan---30955> (data obrashheniya: 03.02.2022).

25. Telegram-kanal press-sekretarya Mirzieeva SHERzoda Asadova. URL: https://t.me/Press_Secretary_Uz/1146 (data obrashheniya: 03.02.2022).

Марина Олеговна ДМИТРИЕВА, канд. полит. наук, старший преподаватель кафедры международных отношений ДВФУ, г. Владивосток, Россия, e-mail: dmitrieva.mo@dvfu.ru

Захар Владимирович ДАВЫДОВ, старший преподаватель кафедры международных отношений ДВФУ, г. Владивосток, Россия, e-mail: davydov.zv@dvfu.ru

Marina O. DMITRIEVA, Candidate of Political Sciences, Assistant Professor, International Relations Department, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: dmitrieva.mo@dvfu.ru

Zakhar V. DAVYDOV, Assistant Professor, International Relations Department, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, E-mail: davydov.zv@dvfu.ru

Поступила в редакцию
(Received) 07.02.2022

Одобрена после рецензирования
(Approved) 16.02.2022

Принята к публикации
(Accepted) 25.02.2022

Научная статья
УДК 327
DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/123-131

Россия и Китай в Арктике: состояние и перспективы двустороннего сотрудничества

Артем Леонидович ЛУКИН

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, artlugin@mail.ru

Ли Юнхуэй

Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук, Пекин, КНР, liyonghui6768@163.com

Ирина Борисовна КЕЙДУН

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, keidun.ib@dvvu.ru

Аннотация. Авторы рассматривают арктические доктрины России и Китая и анализируют состояние и перспективы взаимодействия РФ и КНР в Арктике. С середины 2010-х годов Россия и Китай существенно нарастили взаимовыгодное партнерство в Арктике. Одним из факторов, подталкивающих Россию и Китай к более тесному сотрудничеству в Арктике, стало продолжающееся ухудшение отношений Москвы и Пекина с Западом. Можно прогнозировать, что сотрудничество РФ и КНР в Арктике будет развиваться, отражая общую тенденцию укрепления российско-китайских стратегических связей. Не исключено, что взаимодействие России и Китая в Арктическом регионе со временем приобретет и военно-политические аспекты.

Ключевые слова: международные отношения в Арктике, российско-китайские отношения, Арктика, Северный морской путь, Ледовый шелковый путь

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-511-93005 "Развитие стратегического партнерства России и Китая в Восточной Азии".

Для цитирования: Лукин А.Л., Ли Юнхуэй, Кейдун И.Б. Россия и Китай в Арктике: состояние и перспективы двустороннего сотрудничества // Известия Восточного института. 2022. № 1. С. 123–131. DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/123-131

Original article
DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/123-131

The current state and prospects of the Russia-China bilateral cooperation in the Arctic

Artyom L. LUKIN

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, artlugin@mail.ru

Li Yonghui

Institute of Russian East European and Central Asian Studies under the Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China, liyonghui6768@163.com

Irina B. KEIDUN

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, keidun.ib@dvvu.ru

Abstract. The authors examine Russia's and China's Arctic policies and analyze the current state and the prospects of the Russia-China interaction in the Arctic region. Beginning from around the mid-2010s, Russia and China have substantially stepped up their mutually beneficial interaction in the Arctic, with the Yamal LNG and Arctic LNG-2 projects being the main material results of this partnership. One of the factors pushing Russia for closer Arctic cooperation with China has been continued deterioration of Moscow's relations with the West. That China has shown willingness to respect Russia's special rights and interests in the Arctic also plays a role in Moscow's readiness for closer Arctic cooperation with Beijing. It can be confidently predicted that in the foreseeable future Russo-Chinese collaboration in the Arctic will continue to expand and deepen, reflecting the general trend of the strengthening of Sino-Russian strategic ties. It cannot be ruled out that the Russia-China partnership in the Arctic region will over time acquire some military-political aspects. It is also quite possible that in the next editions of their respective national Arctic doctrines Russia and China will mutually declare each other as privileged partners in the Arctic.

Keywords: international relations in the Arctic, Russia-China relations, the Arctic, the Northern Sea Route, the Polar Silk Road

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 20-511-93005 "Development of the strategic partnership between Russia and China in East Asia."

For citation: Lukin A.L., Li Yonghui, Keidun I.B. The current state and prospects of the Russia-China bilateral cooperation in the Arctic // Oriental Institute Journal. 2022. № 1. P. 123–131. DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/123-131

© Лукин А.Л., Ли Юнхуэй, Кейдун И.Б., 2022

Политика России в Арктике

Крайний Север и Арктика всегда имели большое значение для России как страны, значительная часть которой расположена в высоких широтах. В современных условиях геополитическая и экономическая значимость Арктического региона для России заметно возрастает. Достаточно упомянуть, что на Арктическую зону приходится около 10% российского ВВП и 20% совокупного экспорта страны. [1, с. 8]

Арктика – единственный российский регион, напрямую упомянутый в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной указом президента в июле 2021 г. [14] В этом документе Арктика особо обозначена и в части концептуализации угроз, и в части приоритетных задач российской внешней политики. [7]

Основные принципы, направления и цели российской политики в Арктике изложены в утвержденных указами президента РФ в 2020 году "Основах государственной политики в Арктике" [8] и "Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года" (далее – "Стратегия-2035"). [15] Оба руководящих документа относятся к категории стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, что подчеркивает приоритетность вопросов безопасности для государственной политики России в Арктическом регионе.

Стратегия-2035 акцентирует особенности Арктической зоны, которые обуславливают необходимость специальных подходов к ее развитию и обеспечению национальной безопасности в этом регионе. Среди главных особенностей: экстремальные природно-климатические условия, крайне низкая плотность населения и уровень развития транспортной и социальной инфраструктуры; высокая чувствительность экологических систем к внешним воздействиям; климатические изменения (интенсивное потепление климата в Арктике, происходящее в 2 - 2,5 раза быстрее, чем в целом на планете); устойчивая географическая, историческая и экономическая связь с Северным морским путем; высокая ресурсоемкость хозяйственной деятельности и жизнеобеспечения населения. [15] Особо отмечен рост конфликтного потенциала в регионе, требующий "постоянного повышения боевых возможностей... Вооруженных Сил Российской Федерации... в Арктической зоне." [15]

В Стратегии-2035 довольно откровенно говорится об инфраструктурных ограничениях, с которыми сталкивается Россия при освоении Арктики. В частности, констатируются "отставание сроков развития инфраструктуры Северного морского пути, строительства судов ледокольного, аварийно-спасательного и вспомогательного флотов от сроков реализации экономических проектов в Арктической зоне", "низкий уровень инвестиций в основной капитал, осуществляемых в целях охраны и рационального использования природных ресурсов". Эти и другие перечисляемые в Стратегии-2035 проблемы дают представление о колоссальных масштабах капиталовложений, которые необходимы для полноценного освоения и развития Арктики.

Из сорока пунктов Стратегии-2035 лишь один посвящен международному сотрудничеству. В нем говорится, что Россия осуществляет в Арктике "многовекторную внешнеполитическую деятельность", направленную на сохранение региона "как территории мира, стабильности и взаимовыгодного сотрудничества". В качестве приоритета указано "сохранение взаимодействия с арктическими государствами в целях защиты национальных интересов и реализации предусмотренных международными актами прав прибрежного государства в Арктике". [15] Упоминается задача "привлечения иностранных инвесторов к участию в реализации в Арктической зоне экономических (инвестиционных) проектов". Единственное иностранное государство, которое конкретно упоминается в пункте о международном сотрудничестве, равно как и во всем тексте Стратегии-2035, – это Норвегия (в контексте обеспечения российских интересов в рамках Договора о Шпицбергене).

Россия придает большое значение деятельности Арктического совета – основного межправительственного форума по арктической проблематике. Россия является его членом и основателем наряду с семью другими арктическими государствами (Канадой, США, Данией, Норвегией, Швецией, Финляндией и Исландией). В 2021-2023 гг. Россия председательствует в Арктическом совете. В качестве темы своего председательства Россия избрала "Ответственное управление для устойчивой Арктики" [10], что отражает специфику Арктического совета как форума, посвященного прежде всего экологическим и гуманитарным аспектам международного взаимодействия в Арктике.

В качестве одной из ключевых международных задач, стоящих перед Россией в Арктике, авторы недавнего доклада "Высшей школы экономики" выделяют сохранение международно-правового режима, предусмотренного статьей 234 Конвенции ООН по морскому праву. [1, с. 6] Эта статья дает право прибрежным государствам осуществлять контроль за судоходством в покрытых льдом районах в пределах исключительной экономической зоны в целях защиты окружающей среды. Таяние льдов в Арктике в силу глобального потепления может поставить под сомнение данное положение Конвенции ООН, лишив Россию важнейшего правового инструмента, который позволяет ей контролировать акваторию Северного морского пути. Еще одной важнейшей задачей является привлечение зарубежных технологий и получение доступа к финансовым ресурсам, в первую очередь со стороны незападных стран, заинтересованных в арктических проектах. [1, с. 9]

Арктическая политика Китая

В 1996 году Китай стал членом Международного арктического научного комитета и начал участвовать в научно-исследовательской деятельности в Арктике. В июне 2017 года на первой Конференции ООН по устойчивому развитию океанов Китай предложил инициативу "Голубое партнерство", в которой затрагивались и арктические аспекты. В январе 2018 года правительство Китая обнародовало "Арктическую политику Китая" – первый и пока единственный официальный публичный документ, в котором излагаются основные принципы и подходы КНР в отношении Арктики и международного сотрудничества в этом регионе. В документе Китай характеризуется как "страна, близкая к Арктике" ("около-арктическое государство"). [18]

Арктическая политика Пекина исходит из того, что как ответственная держава Китай готов воспользоваться исторической возможностью развития Арктики в соответствии с основными принципами "уважение, сотрудничество, взаимовыручка и устойчивость", активно решать проблемы, вызванные климатическими изменениями в Арктике, совместно исследовать Арктику, защищать ее, использовать ее ресурсы и участвовать в управлении ею. Китай также заявляет о готовности активно продвигать сотрудничество в Арктике в контексте инициативы "Один пояс, один путь", вносить вклад в мир и стабильность и устойчивое развитие Арктики. В "Арктической политике" КНР формулируется концепция "Ледового Шелкового пути" как составной части китайской инициативы "Один пояс, один путь".

Официальная позиция Китая в арктических делах характеризуется тем, что он настаивает на приоритете научных исследований, делает акцент на защите окружающей среды, выступает за рациональное использование, правовое управление и международное сотрудничество, а также за поддержание мирного, безопасного и стабильного арктического порядка. В частности, Китай выступает за рациональное освоение и использование арктических нефтяных, газовых, геотермальных и ветровых ресурсов для достижения низкоуглеродного развития. В некотором смысле принципы, провозглашенные в китайской инициативе "Пояс и путь", являются полезным ориентиром для сотрудничества стран в Арктике на уровне политического мышления. Политическая идея "обсуждать, строить и делиться" открывает новую перспективу для стран, вовлеченных в арктическую конкуренцию, ориентируясь на двустороннее или многостороннее политическое сотрудничество и взаимодополняемость для поиска наилучшего соответствия интересов. Таким образом, по мнению китайской стороны, можно избежать игры с нулевой

суммой. Подчёркивается, что Китай уважает права арктических стран в соответствии с международными нормами. При этом КНР выступает за то, чтобы управлять арктическими водными путями в рамках Конвенции ООН по морскому праву и другими международными договорами. [16, с. 159]

В последние годы Арктика занимает все более важное место в структуре импорта энергоносителей в Китае. Китай выступает за инклюзивное и рациональное использование арктических энергоресурсов и эффективное сотрудничество в рамках многосторонних переговоров, а не одностороннего механизма. Такая политическая ориентация на открытое сотрудничество и рациональное развитие, а не конфронтацию и разграбление природных ресурсов, имеет естественное преимущество, а также позволит достичь максимального согласия среди заинтересованных в Арктике стран. Однако в отсутствие в регионе действенного многостороннего механизма координации интересов и регулирования поведения арктической политике Китая еще предстоит пройти долгий путь от видения к реальности.

Примечательно, что в китайской "Арктической политике" 2018 года Россия не выделяется в качестве привилегированного партнера. Она лишь упоминается наряду с другими арктическими государствами. При этом из документа следует, что Китай и Россия начали диалог по арктическим вопросам в 2013 году, в то время как с США подобный диалоговый механизм был учрежден в 2010 году, а в 2012 году Китай и Исландия подписали межправительственное рамочное соглашение о сотрудничестве в Арктике. [18]

Взаимодействие России и Китая в Арктике

Сотрудничество России и КНР в Арктическом регионе имеет сравнительно недолгую историю. Еще десять лет назад Москва настороженно относилась к присутствию Китая в Арктике. В частности, российская сторона испытывала сомнения в целесообразности предоставления Китаю статуса наблюдателя в Арктическом совете, а в 2012 году Россия препятствовала плаванию китайских исследовательских судов в Северном Ледовитом океане. [13] Однако затем отношение России к участию Китая в арктических делах существенно изменилось. Россия стала активно приглашать Китай к реализации проектов в российской Арктике. В 2017 году лидеры России и Китая Владимир Путин и Си Цзиньпин выдвинули идею связать российский Северный морской путь с китайской инициативой "Одного пояса, одного пути." В этом же году Си Цзиньпин, встречаясь в Пекине с председателем правительства России Дмитрием Медведевым, отметил, что необходимо продвигать сопряжение строительства "Одного пояса, одного пути" и Евразийского экономического союза, в том числе сотрудничая в создании "Ледового шелкового пути".

Интенсификации российско-китайского взаимодействия в Арктике способствовали три обстоятельства. Во-первых, в результате Украинского кризиса 2014 года резко ухудшились отношения России с Западом. Москва стала уделять значительно больше вниманию партнерству с Китаем как альтернативе сотрудничеству с США и Европейским союзом, в том числе и в арктических проектах. Во-вторых, Китай превратился в крупнейшего импортера углеводородов, что побудило Москву рассматривать китайский рынок как приоритетное направление для российских энергетических проектов в Арктике. В-третьих, стала очевидной преувеличенность существовавших в начале 2010-х годов опасений о том, что Китай будет вести себя в Арктике чрезмерно активно и напористо. Так, расходы КНР на финансирование арктических исследований несопоставимы с объемами вложенных им средств в исследовательскую деятельность в Антарктике. [13]

Сближение Москвы с Пекином сыграло решающую роль в том, что несмотря на западные санкции России удалось успешно реализовать крупнейшие на сегодняшний день арктические бизнес-проекты: принадлежащие компании НОВАТЭК комплексы по производству сжиженного природного газа (СПГ) – Ямал СПГ и Арктик СПГ-2. Китай стал крупнейшим миноритарным акционером обоих проектов, предоставил финансовые средства, а также выступил главным поставщиком оборудования для этих капиталоемких и технологически сложных производств. Именно Китай станет крупнейшим потребителем продукции Ямала СПГ и Арктик СПГ-2.

Кроме того, "Китайская компания коммуникаций и строительства" (СССС) в качестве подрядчика выполнит работы по строительству подходного канала длиной более 6 км и объектов, обеспечивающих безопасность мореплавания, для перегрузочного комплекса НОВАТЭКа в Камчатском крае. Перегрузочный комплекс в бухте Бечевинской предназначен для перевалки СПГ с газовозов ледового класса, следующих по Северному морскому пути из района Обской губы, на газовозы без ледового усиления, которые будут доставлять газ потребителям в Азии. [9]

Как отмечают российские аналитики, Россия и Китай сумели найти баланс в осуществлении газовых арктических проектов: "Китай получил новый источник газа и первые крупные продажи своих арктических технологий, Россия – долю на огромном рынке СПГ своего восточного соседа и деньги, без которых проекты не запустились бы". [12] Эти же аналитики высказывают предположение, что сложившаяся в проектах НОВАТЭКа модель, скорее всего, станет образцом для дальнейшей привлечения Китая в освоение ресурсов российской Арктики. [12]

Кроме реализуемых сейчас СПГ-проектов НОВАТЭКа пока неясно, в каких ещё крупных проектах в российской Арктике Китай готов принять участие. Россия, безусловно, хотела бы привлекать китайские капиталы для создания необходимой, но в то же время крайне дорогостоящей инфраструктуры для освоения Арктики. Несколько лет назад, в 2017 году, власти Архангельской области заявляли о перспективе китайских инвестиций в строительство железнодорожной магистрали "Белкомур" (Белое море - Коми - Урал) и глубоководного района морского порта "Архангельск," [2] но китайские деньги в Архангельск так и не пришли.

Обращает на себя внимание тот факт, что не только в Арктике, но в России в целом нет крупных инфраструктурных проектов, которые бы финансировались китайскими инвесторами. Пожалуй, единственное исключение составляют два трансграничных моста (автомобильный и железнодорожный) через реку Амур, которые были построены в значительной степени на китайские деньги. Одной из причин сдержанности Китая в финансировании инфраструктуры на территории России является то, что китайские компании хотели бы в обмен на свои деньги участвовать в управлении этими проектами, предпочтительно на правах мажоритарных владельцев. В России же до сих пор господствует точка зрения, что ключевые объекты инфраструктуры, такие как порты или дороги, не могут управляться иностранцами. Это соображение в ещё большей степени относится к такому стратегически важному району, как Арктика.

В ближнесрочной перспективе самым многообещающим направлением сотрудничества России и Китая в Арктике, помимо углеводородных проектов, может стать судостроение. Для развития Северного морского пути необходим специализированный современный флот. Речь идет не только о новых ледоколах, программа строительства которых уже принята и осуществляется, но и о судах способных действовать в условиях Арктики. По словам министра по развитию Дальнего Востока и Арктики Алексея Чекункова, потребность исчисляется в сотнях судов ледового класса. При этом министр признает, что российские верфи не в состоянии изготовить такое количество судов. [4] Учитывая, что Китай превратился в ведущую судостроительную державу, программа расширения и модернизации российского арктического флота, вероятно, могла бы быть осуществлена в тесном сотрудничестве с КНР. В идеале это должно быть технологическое партнерство, в котором российские и китайские инженеры и судостроители дополняют компетенции друг друга. К сожалению, пока глубокому сотрудничеству российских и китайских предприятий в высокотехнологичной сфере арктического судостроения мешает определенный дефицит доверия. Так, по информации российских СМИ, Минпромторг РФ выступил с предложением строительства в Китае одного из заказанных государством ледоколов: передача китайской стороне российской проектной документации на ледокол была сочтена "неприемлемой", так как "Россия соперничает с партнером в арктических разработках". [3]

Для эффективного сотрудничества в Арктике Россия и Китай должны максимально гармонизировать свои подходы к режиму управления морскими аркти-

ческими пространствами. В части российского экспертного сообщества существуют опасения, что Китай стремится к "максимальной интернационализации" Арктики [5, с. 80], что противоречит интересам России как самого крупного обладателя арктических территорий и акваторий. В этой связи большое значение имеет "Совместное заявление РФ и КНР к двадцатилетию подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой", которое было принято Владимиром Путиным и Си Цзиньпином в ходе их видеосаммита в июне 2021 года. Впервые в российско-китайском документе такого высокого уровня содержалась формулировка, что Россия и Китай будут "укреплять взаимодействие по использованию Северного морского пути на основе взаимной выгоды и уважения интересов прибрежного государства". [11] Ключевой здесь представляется часть об "уважении интересов прибрежного государства", что можно интерпретировать как признание Китаем особых прав и интересов России в акватории Северного морского пути.

Возможно ли военно-политическое сотрудничество России и Китая в Арктике?

В рамках своего углубляющегося стратегического партнерства Россия и Китай наращивают сотрудничество в военной сфере, в том числе на море. Морское измерение военно-политического взаимодействия Москвы и Пекина сосредоточено в основном на Тихом океане, где две страны уже неоднократно проводили совместные военно-морские учения, а также патрулирования в воздухе и на море.

Совместные военные мероприятия России и Китая ещё никогда не проводились в арктических или приарктических широтах. Заход военных кораблей Китая непосредственно в Северный Ледовитый океан либо для самостоятельных миссий, либо для проведения совместных акций с российскими партнерами пока представляется маловероятным. Тем не менее очевидна тенденция всё более тесной взаимосвязи тихоокеанского и арктического стратегических пространств, чему в значительной степени способствует таяние арктических льдов. Примечательно, что китайские военные корабли начали появляться в северных районах Тихого океана рядом с берегами Аляски и Алеутских островов [19], что, с одной стороны, отражает рост потенциала военно-морских сил КНР, а с другой стороны, является недвусмысленным сигналом в адрес США.

В Китае на уровне экспертов уже появляются предложения установить "стратегическое морское партнерство" между КНР и Россией, которое могло бы распространяться и на Арктику и включать в себя в том числе военный компонент. Профессор Фуданьского университета Чжао Хуашэн полагает, что основными регионами сотрудничества в рамках такого партнерства будут Тихий, Индийский и Северный Ледовитый океаны. [17] Усилия США по организации направленных против Китая и отчасти против России коалиций в рамках концепции "Индо-Тихоокеанского региона", особенно формирование таких квази-альянсов, как Quad и AUKUS, несомненно, способствуют повышению заинтересованности Пекина и Москвы в укреплении двустороннего военно-политического сотрудничества в морской сфере. [20] Этому же способствует и восприятие Москвой США как растущей военной угрозы в Арктике. По словам заместителя секретаря Совета Безопасности РФ Михаила Попова, США в Арктике "стремятся оспорить законные права России, получить беспрепятственный доступ к ресурсам региона и Северному морскому пути", для чего наращивают свои военные мускулы регионе. [6]

Общее восприятие Пекином и Москвой США в качестве главной угрозы в Тихом океане и Арктике дает основание предположить, что военно-морское сотрудничество РФ и КНР будет подниматься во все более высокие географические широты. Не исключено, например, что в недалеком будущем мы увидим совместные миссии российских и китайских военных в Беринговом море.

Заключение

Начиная примерно с середины 2010-х годов Россия и Китай существенно нарастили взаимовыгодное взаимодействие в Арктике, главными материальными

плодами чего стали проекты Ямал СПГ и Арктик СПГ-2. Одним из факторов, подталкивающих Россию к более тесному сотрудничеству с Китаем в Арктике, стало продолжающееся ухудшение отношений Москвы с Западом. Примечательно, что кроме России все остальные арктические государства, члены Арктического совета – это западные государства, находящиеся во враждебных или полувраждебных отношениях с Москвой. Это обстоятельство крайне затрудняет экономическое сотрудничество России с ними, а также ведет к росту геополитической напряженности в Арктике. Эта же логика применима и к арктической политике Пекина: в условиях ухудшения американо-китайских отношений Китаю будет всё сложнее сотрудничать с западными арктическими государствами, что ещё больше закрепит роль России как приоритетного партнера в Арктике для КНР. Важную роль в готовности Москвы развивать сотрудничество с Пекином в Арктике играет то, что Китай демонстрирует уважение к интересам и правам России как крупнейшего арктического государства.

Можно с уверенностью прогнозировать, что в обозримой перспективе сотрудничество РФ и КНР в Арктике будет расширяться и углубляться, отражая общую тенденцию укрепления российско-китайских стратегических связей. Не исключено, что взаимодействие России и Китая в Арктическом регионе со временем приобретет и военно-политические аспекты. Вполне возможно, что тезис о взаимном признании России и Китая друг друга в качестве приоритетных партнеров в Арктике найдет отражение в следующих редакциях их официальных арктических доктрин.

Литература

1. Арктическая политика России: международные аспекты / С. А. Караганов (рук. авт. кол.), А.Б. Лихачева, И.А. Степанов, Д.В. Суслов и др.; Нац. исслед. ун-т "Высшая школа экономики". М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 56 с.
2. Архангельский губернатор назвал Китай одним из ключевых партнеров по проектам в Арктике // ТАСС. 14.12.2017. URL: <https://tass.ru/ekonomika/4814063> (дата обращения: 20.01.2022).
3. Афанасьева М., Войцеховская Я. Нет стапелю в чужом отечестве // Коммерсант. 30.08.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4965338> (дата обращения: 20.01.2022).
4. Березина Е. Министр по развитию Дальнего Востока и Арктики - о туризме и Северном морском пути // Российская газета. 13.01.2022. URL: <https://rg.ru/2022/01/13/reg-dfo/ministr-po-razvitiuu-dalnego-vostoka-i-arktiki-o-turizme-i-severnom-morskom-puti.html> (дата обращения: 20.01.2022).
5. Гудев П.А. Новые риски и возможности межгосударственного сотрудничества в Арктике // Арктика и Север. 2019. № 36 С. 57–83. URL: http://www.arcticandnorth.ru/article_index_years.php?ELEMENT_ID=338193 (дата обращения: 20.01.2022).
6. Егоров, И. Совбез РФ: Западные лидеры должны осознать, что Россия никому не угрожает // Российская газета. 16.02.2022. URL: <https://rg.ru/2022/02/16/sovbez-rf-zapadnye-lidery-dolzny-osoznat-chtorossia-nikomu-ne-ugrozhaet.html> (дата обращения: 20.02.2022).
7. Лихачёва А. Горячо-холодно: арктические итоги 2021 года // Россия в глобальной политике. 03.01.2022. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/goryacho-holodno/> (дата обращения: 20.01.2022).
8. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года (утверждены Указом Президента РФ от 05.03.2020) // Официальный сайт Президента РФ. 2020. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/f8ZpjhAaQ0WB1zjywN04OgKil1mAvaM.pdf> (дата обращения: 20.01.2022).
9. Подписан контракт по дноуглублению для СПГ-терминала на Камчатке с китайской компанией // SeaNews. 20.08.2021. URL: <https://seanews.ru/2021/08/20/ru-podpisan-kontrakt-po-dnougublenu-dlja-spg-terminala-na-kamchatke-s-kitajskoj-kompaniej/> (дата обращения: 20.01.2022).
10. Председательство России в Арктическом совете в 2021-2023 годах // Официальный сайт Секретариата Арктического совета. URL: <https://arctic-council.org/ru/about/russian-chairmanship-2/> (дата обращения: 20.01.2022).
11. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики к двадцатилетию подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой // Официальный сайт Президента РФ. 2021. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/hkwONx0FSpUGgXPpRU3xUHRmkRneSXIR.pdf> (дата обращения: 20.01.2022).
12. Спивак В., Габуев А. Ледниковый период: энергетическое сотрудничество России и Китая в Арктике // Московский центр Карнеги. 27.12.2021. URL: <https://carnegie.ru/2021/12/27/ru-pub-86088> (дата обращения: 20.01.2022).
13. Степанов И. Неравнобедренный треугольник: США, Россия и Китай в Арктике // Россия в гло-

бальной политике. 30.06.2020. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/treugolnik-v-arktike/> (дата обращения: 20.01.2022).

14. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ от 02.07.2021 г.) // Официальный сайт Президента РФ. 2021. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/1> (дата обращения: 20.01.2022).

15. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года (утверждена Указом Президента РФ от 26.10.2020 г.) // Официальный сайт Президента РФ. 2020. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45972> (дата обращения: 20.01.2022).

16. Цинь Дун, Лукин А.П. Перспективы сотрудничества России и Китая в Арктике и российский Дальний Восток // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. №4. С. 158-167.

17. Чжао Хуашэн. Российско-китайское стратегическое партнерство: от континентального к морскому // Российский совет по международным делам. 19.08.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiysko-kitayskoe-strategicheskoe-partnerstvo-ot-kontinentalnogo-k-morskomu/> (дата обращения: 20.01.2022).

18. China's Arctic Policy // The State Council Information Office of the People's Republic of China. January 2018. URL: <https://www.chinadailyasia.com/articles/188/159/234/1516941033919.html> (дата обращения: 20.01.2022).

19. Knodell, K. Analysis: why Russia has its eye on Hawaii // Star Advertiser. 13.02.2022. URL: <https://www.staradvertiser.com/2022/02/13/hawaii-news/analysis-why-russia-has-its-eye-on-hawaii/> (дата обращения: 20.02.2022).

20. '印太战略'背景下的中俄战略协作"线上国际研讨会举行 [Международный онлайн-семинар по китайско-российскому стратегическому сотрудничеству в контексте Индо-Тихоокеанской стратегии США] // People's Daily Online. 29.10.2021. URL: <http://world.people.com.cn/n1/2021/1029/c1002-32268873.html> (дата обращения: 20.01.2022).

References

1. Arkticheskaya politika Rossii: mezhdunarodnye aspekty / S. A. Karaganov (ruk. avt. kol.), A.B. Likhacheva, I.A. Stepanov, D.V. Suslov i dr.; Nats. issled. un-t "Vysshaya shkola ekonomiki". M.: Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2021. 56 s.

2. Arkhangel'skij gubernator nazval Kitaj odnim iz klyuchevykh partnerov po proektam v Arktike // TACC. 14.12.2017. URL: <https://tass.ru/ekonomika/4814063> (дата обращения: 20.01.2022).

3. Afanas'eva M., Vojtsekhovskaya YA. Net stapelyu v chuzhom otechestve // Kommersant. 30.08.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4965338> (дата обращения: 20.01.2022).

4. Berezina E. Ministr po razvitiyu Dal'nego Vostoka i Arktiki - o turizme i Severnom morskome puti // Rossijskaya gazeta. 13.01.2022. URL: <https://rg.ru/2022/01/13/reg-dfo/ministr-po-razvitiyu-dalnego-vostoka-i-arktiki-o-turizme-i-severnom-morskome-puti.html> (дата обращения: 20.01.2022).

5. Gudev P.A. Novye riski i vozmozhnosti mezhdunarodnogo sotrudnichestva v Arktike // Arktika i Sever. 2019. № 36 S. 57–83. URL: http://www.arcticandnorth.ru/article_index_years.php?ELEMENT_ID=338193 (дата обращения: 20.01.2022).

6. Egorov, I. Sovbez RF: Zapadnye lidery dolzhny osoznat', chto Rossiya nikomu ne ugrozhaet // Rossijskaya gazeta. 16.02.2022. URL: <https://rg.ru/2022/02/16/sovbez-rf-zapadnye-lidery-dolzhny-osoznat-chto-rossiya-nikomu-ne-ugrozhaet.html> (дата обращения: 20.02.2022).

7. Likhachyova A. Goryacho-kholodno: arkticheskie itogi 2021 goda // Rossiya v global'noj politike. 03.01.2022. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/goryacho-kholodno/> (дата обращения: 20.01.2022).

8. Osnovy gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federatsii v Arktike na period do 2035 goda (utverzheny Uказом Президента РФ от 05.03.2020) // Ofitsial'nyj sayt Prezidenta RF. 2020. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/f8ZpjhpAaQ0WB1zjywN04OgKil1mAvaM.pdf> (дата обращения: 20.01.2022).

9. Podpisan kontrakt po dnouglubleniyu dlya SPG-terminala na Kamchatke s kitajskoj kompaniej // SeaNews. 20.08.2021. URL: <https://seanews.ru/2021/08/20/ru-podpisan-kontrakt-po-dnouglubleniju-dlja-spg-terminala-na-kamchatke-s-kitajskoj-kompaniej/> (дата обращения: 20.01.2022).

10. Predsedatel'stvo Rossii v Arkticheskom sovete v 2021-2023 godakh // Ofitsial'nyj sayt Sekretariata Arkticheskogo soveta. URL: <https://arctic-council.org/ru/about/russian-chairmanship-2/> (дата обращения: 20.01.2022).

11. Sovmestnoe zayavlenie Rossijskoj Federatsii i Kitajskoj Narodnoj Respubliki k dvadtsatiletiju podpisaniya Dogovora o dobrososedstve, družbe i sotrudnichestve mezhdru Rossijskoj Federatsiej i Kitajskoj Narodnoj Respublikoj // Ofitsial'nyj sayt Prezidenta RF. 2021. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/hkwONx0FSpUGGXPpARU3xUHRmkRneSXIR.pdf> (дата обращения: 20.01.2022).

12. Spivak V., Gabuev A. Lednikovyj period: ehnergeticheskoe sotrudnichestvo Rossii i Kitaya v Arktike // Moskovskij tsentr Karnegi. 27.12.2021. URL: <https://carnegie.ru/2021/12/27/ru-pub-86088> (дата обращения: 20.01.2022).

13. Stepanov I. Neravnobedrennyj treugol'nik: SSHA, Rossiya i Kitaj v Arktike // Rossiya v global'noj politike. 30.06.2020. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/treugolnik-v-arktike/> (дата обращения: 20.01.2022).

14. Strategiya natsional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federatsii (utverzhdena Ukazom Prezidenta RF ot 02.07.2021 g.) // Ofitsial'nyj sajt Prezidenta RF. 2021. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/1> (data obrashheniya: 20.01.2022).

15. Strategiya razvitiya Arkticheskoy zony Rossijskoj Federatsii i obespecheniya natsional'noj bezopasnosti na period do 2035 goda (utverzhdena Ukazom Prezidenta RF ot 26.10.2020 g.) // Ofitsial'nyj sajt Prezidenta RF. 2020. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45972> (data obrashheniya: 20.01.2022).

16. TSin' Dun, Lukin A.L. Perspektivy sotrudnichestva Rossii i Kitaya v Arktike i rossijskij Dal'nij Vostok // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2018. №4. S. 158-167.

17. CHzhao KHuashehn. Rossijsko-kitajskoe strategicheskoe partnerstvo: ot kontinental'nogo k morskomu // Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam. 19.08.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossijsko-kitajskoe-strategicheskoe-partnerstvo-ot-kontinentalnogo-k-morskomu/> (data obrashheniya: 20.01.2022).

18. China's Arctic Policy // The State Council Information Office of the People's Republic of China. January 2018. URL: <https://www.chinadailyasia.com/articles/188/159/234/1516941033919.html> (data obrashheniya: 20.01.2022).

19. Knodell, K. Analysis: why Russia has its eye on Hawaii // Star Advertiser. 13.02.2022. URL: <https://www.staradvertiser.com/2022/02/13/hawaii-news/analysis-why-russia-has-its-eye-on-hawaii/> (data obrashheniya: 20.02.2022).

20. '印太战略'背景下的中俄战略协作"线上国际研讨会举行 [Mezhdunarodnyj onlajn-seminar po kitajsko-rossijskomu strategicheskomu sotrudnichestvu v kontekste Indo-Tikhookeanskoj strategii SSHA] // People's Daily Online. 29.10.2021. URL: <http://world.people.com.cn/n1/2021/1029/c1002-32268873.html> (data obrashheniya: 20.01.2022).

Артем Леонидович ЛУКИН, канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: artlukin@mail.ru

Ли ЮНХУЭЙ, главный научный сотрудник, заместитель заведующего отделом внешней политики России Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук (КАОН), член Совета по делам стратегического взаимодействия Китая и России КАОН, профессор университета КАОН, г. Пекин, КНР, e-mail: liyonghui6768@163.com

Ирина Борисовна КЕЙДУН, д-р филос. наук, профессор кафедры китаеведения Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: keidun.ib@dvf.u

Artyom L. LUKIN, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: artlukin@mail.ru

Li Yonghui, Senior Researcher, Deputy Head of the Foreign Policy Department of Russia at the Institute of Russian, East European and Central Asian Studies under the Chinese Academy of Social Sciences (CASS), Member of the Council for Strategic Cooperation between China and Russia under CASS, Professor, CASS University, Beijing, China, e-mail: liyonghui6768@163.com

Irina B. KEIDUN, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Chinese Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: keidun.ib@dvf.u

Поступила в редакцию
(Received) 27.11.2021

Одобрена после рецензирования
(Approved) 18.02.2022

Принята к публикации
(Accepted) 25.02.2022

Россия и Китай: взаимодействие в сфере электроэнергетики

Виктория Анатольевна ДЕНИСЕНКО

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, Denisenko.va@dvfu.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу современного состояния российско-китайского сотрудничества в сфере электроэнергетики и перспективам его развития на территории Дальнего Востока РФ. Рассмотрен опыт взаимодействия двух стран в этой области; приведены данные, характеризующие производство и потребление электроэнергии в Китае и дальневосточных регионах РФ. Сделан вывод о необходимости расширения российско-китайского сотрудничества с акцентом на обновление и строительство новых объектов инфраструктуры, а также модернизации оборудования электростанций Дальневосточного федерального округа.

Ключевые слова: Российско-китайские отношения; Китай; Дальний Восток России; экспорт электроэнергии; потребление электроэнергии; производство электроэнергии; возобновляемые источники энергии

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-511-93005 "Развитие стратегического партнерства России и Китая в Восточной Азии".

Для цитирования: Денисенко В.А. Россия и Китай: взаимодействие в сфере электроэнергетики // Известия Восточного института. 2022. № 1. С. 132–143. DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/132-143

Original article
DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/132-143

Russia and China: cooperation in the electric power sector

Viktoriya A. DENISENKO

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, Denisenko.va@dvfu.ru

Abstract. The article is dedicated to the analysis of modern status of Sino-Russian cooperation in electric power supply industry, and the prospects of its development in the Russian Far East. The experience of the two-country interaction in this sphere has been dealt with; data characterizing energy generation and consumption in China and Far Eastern districts of the Russian Federation, have been quoted. The necessity to extend Sino – Russian partnership has been deduced, with emphasis on renovation and construction of new infrastructural facilities, as well as upgrading of power equipment of the Far Eastern Federal district.

Keywords: Sino-Russian relations; China; Russian Far East; electricity export; energy consumption, power generation; renewable energy sources

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 20-511-93005 "Development of the strategic partnership between Russia and China in East Asia."

For citation: Denisenko V.A. Russia and China: cooperation in the electric power sector // Oriental Institute Journal. 2022. № 1. P. 132–143. DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/132-143

Введение

Кризис, разразившийся в Китае осенью 2021 года, в очередной раз показал не только необходимость взвешенного подхода к формированию и реализации энергетической политики государства, но и значимость международного сотрудничества в сфере энергетики. Попытки ускорить достижение углеродной нейтральности, климатические реалии, проблемы в угольной промышленности, - эти и другие факторы в итоге привели к масштабному энергодефициту в КНР. Пекин вынужден был предпринять определенные, подчас достаточно жесткие, действия по стабилизации ситуации. Кроме того, Государственная электросетевая корпорация Китая запросила у российского оператора экспорта электроэнергии возможность увеличения поставок. При этом следует учитывать, что ПАО "Интер РАО" – единственная компания в РФ по экспорту-импорту электроэнергии – поставляемую

в КНР энергию приобретает у электростанций Дальневосточного федерального округа. Но насколько "китайское направление" российской электроэнергетики значимо для Дальнего Востока РФ и стоит ли сосредоточиваться на переброске генерированных мощностей на территорию Китая?

Методология

Данная работа посвящена анализу современного состояния российско-китайского сотрудничества в сфере электроэнергетики и перспективам его развития на территории Дальнего Востока РФ. Особенности исследования обусловили необходимость применения системно-аналитических и статистических методов. При подготовке работы автор отталкивался от официальных документов и отчетов, а также статистических материалов. Кроме того, учитывалось мнение экспертов в этой области, т.к. энергетическая стратегия Китая и особенности российско-китайского энергетического взаимодействия закономерно привлекают внимание как российских, так и зарубежных исследователей. В то же время сотрудничество РФ и КНР в области электроэнергетики, несмотря на широкое освещение в СМИ, является предметом исследования сравнительно немногих научных работ, среди которых особо следует выделить [1,4,13].

Проблемы развития электроэнергетики и энергопотребление в КНР

Стремительное социально-экономическое развитие Китая вызвало рост потребления энергоресурсов и, соответственно, актуализировало проблему обеспечения увеличивающегося спроса [18]. Очевидно, что помимо собственных источников, страна нуждалась в бесперебойных внешних поставках сырья. В результате сложившегося со временем российско-китайского энергетического альянса за РФ прочно укрепился статус поставщика ресурсов [8]. Значительному укреплению двустороннего сотрудничества в этой области способствовала деятельность Межправительственной российско-китайской комиссии по энергетическому сотрудничеству (до 2012 г. энергодиалог "Россия – Китай"). Выход на новый "беспрецедентно высокий" уровень сотрудничества РФ и КНР инициировал ряд совместных проектов в сфере энергетики. В рамках стратегического партнерства РФ и КНР активно выстраиваются различные форматы взаимодействия, ярким примером которого является Российско-китайский энергетический бизнес-форум.

Тем не менее, несмотря на постоянное увеличение темпов российско-китайского товарооборота, существенную часть которого составляют энергоресурсы, проблема реформирования энергетического комплекса Китая остается достаточно значимой. Растущие запросы развивающихся отраслей экономики страны, урбанизация и повышение уровня жизни населения – для всего этого требуются большие объемы энергии. Если в 1990 г. потребление электроэнергии наблюдалось на уровне 603,5 млрд кВт·ч, то в 2019 г. значение показателя поднялось до 7201,8 млрд кВт·ч [21]. В 2021 г. потребление электроэнергии в Китае по предварительным оценкам превысило показатель 2020 г. на 5,2% [28]; при этом население потребило энергии на 7,5% больше, чем в 2020 г., промышленность – на 10,2% [29]. В Северо-Восточном Китае рост составил 0,8% [20].

Кроме того, необходимость модернизации энергетической системы Китая диктовалась также требованием учета глобальных трендов [10] - "зеленого" развития и перехода к "чистой" энергии, основанной на неископаемых источниках. Заявка КНР на "энергетический переход" и усиливающийся спрос на электроэнергию привели к расширению использования возобновляемых источников энергии [25]. Если в 2000 г. неископаемая энергия составляла 6,2% от общего потребления, то к 2018 г. ее доля выросла до 14,3% [19]. По данным Национального энергетического управления КНР, в целом мощность выработки электроэнергии в январе-ноябре 2021 г. составила 2,32 млрд киловатт; в том числе, установленная мощность ветряных электростанций - около 300 млн киловатт, увеличившись в годовом исчислении на 29%; мощность солнечной энергетики - около 290 млн киловатт, что выше значения 2020 г. на 24,1%. [29]. Атомная энергетика показала рост на 11,3%

Год	Производство электроэнергии по источнику "уголь", млн кВт·ч	Доля угля в производстве электроэнергии, %	Выбросы CO ₂ в результате производства электроэнергии, индекс (2000 = 100)
1990	469762	73,5	47,9
1995	770500	77,0	76,7
2000	1079310	79,6	100,0
2005	2007302	81,9	173,6
2010	3263494	78,2	256,3
2015	4133839	72,6	311,0
2019	4869524	68,6	377,6

Таб. 1. Основные показатели использования угля в КНР (1990-2019 гг.)

Источник: [21].

Table. 1. Main indicators of coal use in the PRC (1990-2019)

Source: [21].

[28]. Планируется, что в 2030 г. четверть национальной системы энергообеспечения Китая будет организована на неископаемых источниках энергии.

Вместе с тем наблюдается определенный парадокс. Наличие в КНР достаточно богатых месторождений каменного угля послужило причиной превращения его в доминирующий источник энергии (таблица 1), используемый в том числе для нужд промышленности. Подобные действия привели к серьезному ухудшению экологической ситуации. На данный момент доля угля в производстве электроэнергии остается весьма высокой; соответственно, не снижаются выбросы CO₂ при ее выработке. Китай по-прежнему является мировым лидером по выбросам углекислого газа, что не укрепляет позиции КНР на международной арене.

В дальнейшем, в том числе в связи с подписанием Парижских соглашений по климату, объем добычи угля в КНР значительно сократился, экспертами отмечалось, что "в Китае энергетическая политика страны ограничивает рост угольной генерации" [22]. В этой связи весьма показательным является заявление председателя КНР Си Цзиньпина о достижении Китаем к 2060 г. углеродной нейтральности (чистых нулевых выбросов парниковых газов). Строительство новых "зеленых" электростанций (объем вырабатываемой мощности которых выше, чем в США), обязательство КНР по "экологизации" проекта Пояса и пути, – всё это свидетельствует о серьезной нацеленности на энергетический переход. К тому же новый пятилетний план социально-экономического развития КНР "сконцентрирован на экологической повестке" [14, с. 22].

В то же время восстановление экономики от последствий пандемии COVID-19 и, соответственно, увеличение потребления энергии, вызвали необходимость ввода в строй новых угольных электростанций, повышения объемов добычи угля сверх разрешенных (в 2021 г. на 4,7% больше, чем в 2020 г. [28]), роста импорта (на 6,6% больше, чем в предыдущем году [28]) - и с января по ноябрь 2021 г. уровень потребления угля в Китае в целях энергоснабжения был немногим меньше, чем в аналогичный период 2020 г. [29].

Тем не менее очевидно, что Пекин не ставит более целью экономический рост "любой ценой", в том числе за счет окружающей среды. Безусловно, подобные действия Китая как второй экономики мира и лидера по выходу из кризиса COVID-19 имеют долгосрочные последствия в глобальном плане [27]. Пристальное внимание Китая к возобновляемым источникам энергии может стать "дополнительным фактором неопределенности развития всей мировой энергетики" [9, с. 66]. Бесспорно, это будет обозначать новые вызовы для России. Но пока недавний энергетический кризис лишь доказал несомненное отсутствие ясных альтернатив нефти и природному газу, открыв возможности еще большего укрепления энерге-

тического альянса России и Китая. Серьезную роль в этом процессе может сыграть дальнейшее развитие сотрудничества РФ и КНР в электроэнергетике.

Российско-китайское электроэнергетическое сотрудничество

Следует отметить, что российско-китайское взаимодействие в данной сфере имеет сравнительно недавнюю историю. Экспорт российской электроэнергии в приграничные районы Северо-Востока Китая начался в последнем десятилетии прошлого века. Он был обусловлен дефицитом энергии в северо-восточных провинциях КНР при некотором избытке мощностей на территории российского Дальнего Востока. В 1992 г. была введена в эксплуатацию первая межгосударственная линия электропередачи, в 1997 г. – вторая, обозначив тем самым соединение энергосистем России и Китая. Однако объемы поставок по линии электропередачи "Благовещенск – Хэйхе" и ЛЭП "Сиваки – Шипачжань" были невелики, не более 200 млн кВт·ч в год [13]. При этом данные линии характеризовались классом напряжений 110 кВ и 220 кВ.

В начале этого столетия ситуация несколько изменилась. В 2005 г. было подписано соглашение между ОАО РАО "ЕЭС России" и ГЭК Китая, определяющее порядок долгосрочного сотрудничества и объемы поставляемой российской электроэнергии. Согласно договоренностям, планировался экспорт до 50 млрд кВт·ч. Значимость развития двустороннего сотрудничества в области электроэнергетики была подчеркнута подписанием 21 марта 2006 г. в присутствии президента России Владимира Путина и председателя КНР Ху Цзиньтао "Соглашения между ОАО РАО "ЕЭС России" и ГЭК КНР о всесторонней разработке ТЭО проекта поставки электроэнергии из Российской Федерации в КНР". Проект предполагал возможность увеличения экспорта до 60 млрд кВт·ч в год. Однако затем китайская и российская стороны не достигли консенсуса по вопросу изменения стоимости товара, вследствие чего срыв договоренностей привел к прекращению в 2007-2008 гг. экспорта электроэнергии в КНР. В целом объем экспортируемой энергии не превысил 1,5 млрд кВт·ч.

В марте 2007 г. лидерами России и КНР была подписана совместная декларация, предполагающая в том числе реализацию крупных проектов в энергетической области. В 2009 г. с заключением нового контракта, поставки энергии в Китай были возобновлены и составили 854 млн кВт·ч, в последующие годы все более увеличиваясь. Северо-Восток Китая по-прежнему нуждался в достаточно дешевой электроэнергии, поскольку запуск собственных энергоблоков и последующие значительные расходы топлива сопровождаются существенными затратами. Новое экспортное соглашение предусматривало увеличение объема поставляемой энергии, осуществляемое в три этапа. Помимо поставок, проект предполагал возведение генерирующих объектов и связующей инфраструктуры, в том числе линии электропередачи с напряжением 500 кВ от подстанции "Амурская" до государственной границы РФ с КНР. Строительство перехода данной ЛЭП через реку Амур (2345 м) было закончено в конце 2011 г.

В июне 2012 г. делегациями "Интер РАО" и Государственной электросетевой корпорации Китая был подписан меморандум о расширении электроэнергетического сотрудничества. В настоящее время поставки осуществляются по ЛЭП "Амурская - Хэйхэ" (500 кВ), "Благовещенская – Хэйхэ" (110 кВ), "Благовещенская – Айгунь" (220 кВ) согласно контракту 2012 г., который предусматривает российский экспорт электроэнергии в объеме до 100 млрд кВт·ч в течение 25 лет. При этом на данный момент ЛЭП Россия-Китай обладают пропускной способностью 6-7 млрд кВт·ч в год.

В качестве экспортера электроэнергии в КНР выступает дочернее предприятие ПАО "Интер РАО" - акционерное общество "Восточная энергетическая компания", образованное в 2007 г. Покупка электроэнергии осуществляется на оптовом рынке электрической энергии и мощности, на котором представлен специфический товар электростанций ДФО; передача электроэнергии оплачивается дополнительно. Важно подчеркнуть, что в целях поддержки дальневосточных генерирую-

	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Объём экспорта, всего, млн кВт·ч	3299	3320	3319	3109	3099	3060
Доля Китая в приграничной торговле ПАО "Интер РАО", %	18,9	19,5	19,9	18,6	16,0	26,2

Табл. 2. Экспорт электроэнергии Группой "Интер РАО" в КНР (2015-2020 гг.)
Источник: [5].

Table 2. Export of electricity by Inter RAO Group to China (2015-2020)
Source: [5].

щих компаний рентабельность поставок ограничена 5%, что позволяет в какой-то мере сдерживать высокий рост энерготарифов на Дальнем Востоке России.

Таким образом ПАО "Интер РАО" в лице АО "ВЭК" выступает монопольным экспортером электроэнергии из РФ в Китай. Данные, характеризующие экспорт электроэнергии в КНР российским оператором, представлены в таблице 2. Несмотря на небольшие спады и подъемы, в целом для последних лет присуща определенная стабильность объемов поставки – на уровне примерно 3 млрд кВт·ч в год.

Однако в 2021 г., как уже было отмечено ранее, на фоне энергодефицита в КНР ГЭК Китая обратилась к российской стороне с просьбой о наращивании экспорта. Учитывая возможности электростанций российского Дальнего Востока и пропускную способность межгосударственных ЛЭП, повышение уровня поставок избыточных мощностей теоретически было вполне допустимо. В результате, как сообщает ТАСС, с 1 октября 2021 г. российский экспортер практически удвоил поставляемые объемы энергии, и итоги 2021 г., по мнению специалистов, скорее всего, покажут 30% роста по сравнению с предыдущим периодом; кроме того, в декабре 2021 г., по данным компании "Интер РАО", было достигнуто соглашение об увеличении экспорта электроэнергии из России в Китай в 2022 г. до 4,4 млрд кВт·ч [16].

Электроэнергетика Дальнего Востока

В настоящее время достаточно широко распространено мнение, что повышение объемов поставок в КНР невыгодно для Дальнего Востока РФ, поскольку предполагаемая цена экспорта в Китай ниже среднего тарифа на электроэнергию в субъектах ДФО. Не затрагивая вопрос корректности сравнения оптовых и розничных цен, всё же следует отметить, что итоговая розничная цена для потребителей в Китае выше, чем в ДФО (в 2021 г. - в среднем 0,542 юаня за кВт·ч для домохозяйств, 0,635 – для промышленных потребителей [23]). В 2021 г. согласно Распоряжению правительства РФ от 30.12.2020 г. № 3657-р базовый уровень тарифа для дальневосточных субъектов РФ составлял 5,49 рублей без НДС [12].

Но, безусловно, рост цен на энергию для дальневосточников, несмотря на действующие инструменты снижения тарифов до среднероссийской величины, не свидетельствует о благополучной ситуации в ДФО. В условиях пандемийной экономики в целом для электроэнергетики российского Дальнего Востока характерно весьма неоднозначное состояние. В отраслевой структуре валовой добавленной стоимости ДФО сектор "Обеспечение электрической энергией, газом и паром" занимает 3,5% [15]. Среднегодовая численность занятых по этому виду экономической деятельности составляет более 167 тысяч человек, примерно 2% от численности населения федерального округа [15]. Помимо существенной коммунально-бытовой нагрузки отрасль имеет высокую социальную значимость еще и по данной причине.

При этом главной особенностью Дальневосточного федерального округа является то, что не все регионы ДФО связаны в единую энергосистему. Объединенная энергетическая система Востока включает в себя территорию Амурской области, Еврейской автономной области, Приморского и Хабаровского краев, а также южных районов Республики Саха (Якутия) и является частью Единой энергетической системы России. Децентрализованное энергоснабжение характерно для

	2015	2016	2017	2018	2019	2020
ЕЭС России	1008250,8	1026720,2	1039731,4	1055488,0	1059286,5	1033656,0
ОЭС Востока	32222,5	33177,3	33236,3	34197,4	40308,7	40694,6
Амурская область	8069,4	8370,6	8305,8	8430,2	8863,0	9123,9
Приморский край	12777,8	13108,6	13124,0	13393,5	13345,5	13535,9
Республика Саха (Якутия)	1721,7	1913,4	1907,9	2193,4	7613,1	7493,8
Хабаровский край и Еврейская АО	9653,6	9787,8	9898,5	10180,3	10487,1	10541,1

Табл. 3. Потребление электрической энергии в регионах Дальнего Востока (ОЭС Востока), млн кВт·ч. Источник: [6].

Table 3. Consumption of electric energy in the regions of the Far East (UES of the East), million kWh. Source: [6].

региональных систем Чукотского автономного округа, Камчатского края, севера Республики Саха (Якутия), Сахалинской и Магаданской областей. Николаевский энергорайон Хабаровского края также технологически изолирован от ЕЭС России. В итоге локальные генерирующие мощности, сложность и высокая цена доставки топлива крайне отрицательно влияет на себестоимость электроэнергии.

Поскольку совместные российско-китайские проекты в сфере электроэнергетики ориентированы прежде всего на приграничные регионы Дальнего Востока РФ, основное внимание следует уделить Объединенной энергетической системе Востока. В составе ОЭС Востока функционируют 39 электростанций (в том числе 11 дизельных), суммарная установленная мощность которых составляет 11116 МВт, а также 649 ЛЭП протяженностью 33727 км. [6]. Причем большинство электростанций относится к тепловым.

Что касается потребления электрической энергии в регионах Дальнего Востока (таблица 3), то его динамика наглядно отражает социально-экономическое положение субъектов ДФО. В 2021 г. (с января по ноябрь) потребление энергии составило 38102,8 млн кВт·ч. Невысокие темпы повышения уровня потребления (кроме Республики Саха (Якутия) в 2019 г.) демонстрируют соответствующие темпы социально-экономического развития. Спад в Республике Саха (Якутия) в 2020 г., скорее всего, связан с негативными последствиями пандемии COVID-19. Особо необходимо отметить существенный уровень потребления электроэнергии в дальневосточном регионе России на коммунально-бытовые нужды. Именно поэтому одной из причин наибольшего значения данного показателя в Приморском крае является лидерство этого региона по численности населения среди субъек-

	2015	2016	2017	2018	2019	2020
ЕЭС России	1026877,2	1048346,8	1053741,7	1070875,9	1080496,8	1046990,5
ОЭС Востока	35764,2	36801,3	36854,0	37644,7	43819,2	43899,1
Амурская область	12081,2	15498,9	14604,3	14511,5	15607,2	16405,0
Приморский край	11505,2	9949,9	10621,9	10923,4	11323,2	10816,6
Республика Саха (Якутия)	3231,1	3279,5	3 200,9	3305,1	8541,5	8368,4
Хабаровский край и Еврейская АО	8946,7	8072,9	8 427,0	8904,7	8347,4	8309,1

Табл. 4. Выработка электрической энергии ОЭС Востока, млн кВт·ч. Источник: [6].

Table 4. Electricity generation by the UES of the East, million kWh. Source: [6].

	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Дальневосточный федеральный округ	12516	15904	14484	14066	15757	16693
Бурейская ГЭС	5830	7053	6283	6534	7341	6756
Зейская ГЭС	4280	6408	5675	4720	4988	5565
Колымская ГЭС	1672	1663	1748	1933	2022	1942
Геотермальные электростанции	451	443	436	427	429	0
Усть-Среднеканская ГЭС	280	337	342	452	614	747
Нижне-Бурейская ГЭС	-	-	-	-	363	1682

Табл. 5. Выработка электроэнергии гидроэлектростанциями Группы РусГидро, млн кВт·ч (2015-2020 гг.)

Источник: [3].

Table 5. Electricity generation by hydroelectric power plants of the RusHydro Group, million kWh (2015-2020) Source: [3].

тов российского Дальнего Востока. Вместе с тем, как отмечают эксперты, зимний период 2021-2022 гг. отличается максимумом потребления по сравнению с предыдущим периодом ввиду суровых климатических особенностей региона и увеличения нагрузки промышленных предприятий ДФО.

Показатели выработки электроэнергии представлены в таблице 4. Производство электроэнергии ОЭС Востока за период с января по ноябрь 2021 г. достигло уровня 41769,9 млн кВт·ч. В целом при анализе обращает на себя внимание значительная разница между объемами потребления в РФ и КНР. В то же время баланс между производством электроэнергии ОЭС Востока и потреблением составил от 3541,7 в 2015 г. до 3204,5 млн кВт·ч в 2020 г.

Лидером по производству энергии среди дальневосточных регионов, входящих в ОЭС Востока, является Амурская область, на долю электростанций которой приходится 37% общей выработки. При этом покупка электроэнергии для экспорта в КНР в основном осуществляется у электростанций Группы "Русгидро", расположенных на территории данного субъекта ДФО: Бурейской, Нижне-Бурейской и Зейской ГЭС (таблица 5). Нижне-Бурейская ГЭС является одной из крупнейших российских гидроэлектростанций, построенных в постсоветское время: ГЭС вышла на полную проектную выработку в 2019 г.

В 2015 г., по данным Федеральной таможенной службы РФ, область экспортировала в Китай электроэнергию на сумму 169613,79 тыс. долл. США, в 2018 г. - 163963,8 тыс. долл., в 2020 г. - 136841,2 тыс. долл. [2]. В целом стоимость экспортированной ДФО в КНР электроэнергии представлена в таблице 6. При этом сумма поставленной в Китай в течение 9 месяцев 2021 г. электроэнергии составила 117274,8 тыс. долл. [2].

Таким образом, можно констатировать наличие некоторых избыточных мощностей, вследствие чего определенное увеличение поставок в КНР не приведет к дефициту электроэнергии в дальневосточных регионах России (ОЭС Востока), - избыточные мощности характерны для российской электроэнергетики в целом.

	2017	2018	2019	2020
Стоимость, тыс. долл. США	142753,7	138347,0	135911,8	136841,2

Табл. 6. Экспорт электроэнергии в КНР Дальневосточным федеральным округом, тыс. долл. США (2017-2020 гг.)

Источник: [2].

Table 6. Export of electricity to China by the Far Eastern Federal District, thousand US dollars (2017-2020) Source: [2].

Очевидно, что подобная ситуация, учитывая жесткий прагматизм китайской стороны и возможности для наращивания собственных мощностей в КНР, может серьезно повлиять на стоимость такого специфического товара, как электроэнергия. В этой связи можно вспомнить периоды прекращения поставок российской энергии в 2007-2008 гг., проблемную ситуацию 2010 г., а также заявления ПАО "Интер РАО" 2020 г. о возможных снижениях объемов экспорта вследствие недостаточной рентабельности. К тому же проекты, предполагающие увеличение экспорта электроэнергии из РФ в КНР, так и не вышли на запланированные показатели. Соответственно, только увеличение переброски генерированных мощностей вряд ли может стать стимулом для эффективного развития отрасли на территории Дальневосточного федерального округа.

Потенциал российско-китайского сотрудничества в сфере электроэнергетики значительно более широк. Прежде всего следует отметить возможности, связанные с обновлением и строительством новых объектов инфраструктуры. В настоящее время для электросетевого комплекса Дальнего Востока России характерны серьезные проблемы. Зачастую, учитывая площадь регионов ДФО, весьма серьезное удаление основных генерирующих мощностей от объектов энергопотребления делает необходимым строительство протяженных электрических сетей. Так, электрические сети крупнейшего в ДФО поставщика энергии АО "РАО ЭС Востока" имеют протяженность более 100 тысяч км. Кроме того, значительная протяженность сетей приводит к ситуации, когда в одних регионах наблюдается избыток, а в других – недостаток электроэнергии, что негативно влияет на работу всей энергосистемы в целом. Именно поэтому электросетевой комплекс является наиболее уязвимым элементом электроэнергетики российского Дальнего Востока.

Другими направлениями сотрудничества могут выступать модернизация изношенного оборудования, в том числе в электросетевом комплексе, и инвестирование в строительство новых генерирующих мощностей.

Безусловно, было бы неправильно сказать, что взаимодействие двух стран по всем данным направлениям не ведется. Так, строительство транграничных линий электропередачи выполнялось при участии китайской стороны. В 2010 г. был подписан меморандум о взаимопонимании между министерством энергетики РФ и Государственным энергетическим управлением Китая в области развития электросетевого хозяйства. Соглашения между ГЭК Китая и российскими компаниями привели к поступлению китайских инвестиций в проекты модернизации электросетевого хозяйства РФ, ведется активный обмен опытом, укрепляются связи: 2013 г. ознаменовался подписанием рамочного соглашения о сотрудничестве между Группой Синтез (РФ) и ГЭК Китая; в 2018 г. ПАО "Россети" и China Energy Engineering Corporation заключили договоренность о совместной деятельности в течение трех лет, в том числе в сфере цифровой трансформации электрических сетей России, КНР и третьих стран; большой интерес вызвало соглашение компании "Россети" с ГЭК Китая о цифровизации сетей; 17 декабря 2021 г. состоялось подписание меморандума о взаимопонимании между АО "СО ЕЭС" и ГЭК Китая. И таких примеров достаточно, поскольку электроэнергетика в целом потенциально является привлекательным объектом для сотрудничества. Кроме того, правительство РФ предпринимает серьезные усилия для привлечения инвесторов в отрасль. В частности, в 2019 г. в РФ была принята программа модернизации теплоэлектростанций (около 40 ГВт, в том числе 2 ГВт в ДФО), согласно которой в электроэнергетику планируется в течение 10 лет привлечь 1,9 трлн рублей. В 2021 г., по данным агентства INFOline, в 86 новых проектов в сфере электроэнергетики, в том числе, компаний "РусГидро", "Интер РАО-Электрогенерация", "Россети ФСК ЕЭС", было вложено 2 трлн рублей.

Однако можно отметить, что строительство генерирующих мощностей на территории России сопровождалось определенными трудностями (Хуадянь-Тенинская ТЭЦ). К тому же субъекты ДФО не всегда являются ведущими регионами-получателями инвестиций Китая в российскую электроэнергетику, поскольку интерес для инвесторов традиционно представляют наиболее динамично раз-

вивающиеся регионы с наименьшим количеством административных барьеров. Вследствие этого необходимо понимание, что сотрудничество с КНР может привлечь в эту отрасль дальневосточной экономики дополнительные ресурсы, но основная нагрузка для обеспечения эффективного функционирования электроэнергетики ДФО должна идти за счет российских источников.

Выводы

Таким образом, увеличение поставок российской энергии в КНР и, соответственно, снижение избыточных мощностей в определенной мере способствует дальнейшему развитию дальневосточной электроэнергетики. Вместе с тем потенциал российско-китайского взаимодействия в данной области не должен ограничиваться только экспортом. Однако наличие проектов, не вышедших на запланированные показатели деятельности, свидетельствует о барьерах, осложняющих российско-китайское экономическое сотрудничество. При этом КНР имеет возможности для диверсификации поставок и ввода в строй собственных мощностей. Стоит также учитывать, что Китай, как вторая экономика мира, достаточно прагматичен при реализации инвестиционной политики и экономическое сотрудничество не всегда идет в одном темпе с политическим, зачастую развиваясь чрезвычайно медленно. Возможно, при определении приоритетов двустороннего сотрудничества на территории Дальнего Востока России необходим акцент на более точечном взаимодействии в области электроэнергетики, и, прежде всего, в целях улучшения электросетевых связей между регионами ДФО.

Кроме того, несмотря на кризис 2021 г., резкий отход КНР от провозглашенных принципов энергетического перехода маловероятен, что актуализирует российско-китайское сотрудничество в сфере возобновляемых источников энергии. Климатические особенности Дальнего Востока РФ благоприятны для строительства ветро- и солнечных электростанций; развитие генерации, основанной на "чистой" энергии крайне затратно, но в сложившихся условиях у энергорасточительной экономики весьма туманное будущее.

Литература

1. Ахмадова М.А. Российско-китайское инвестиционное сотрудничество в сфере электроэнергетики: правовой аспект // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 2. С. 172–177.
2. Внешняя торговля субъектов РФ ДФО // Дальневосточное таможенное управление. (сайт). URL: <https://dvtu.customs.gov.ru/folder/147017> (дата обращения: 20.01.2022).
3. Выработка электроэнергии // Группа РусГидро. (сайт). URL: <https://rushydro.ru> (дата обращения: 20.01.2022).
4. Губенко А.В., Татценко К.В. Перспективы экономического взаимодействия Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая в области электроэнергетики // Экономика и управление. 2009. № 8 (46). С. 13–17.
5. Деятельность // Группа "Интер РАО" (сайт). URL: <https://www.interra.ru/activity/> (дата обращения: 20.01.2022).
6. Деятельность // Системный оператор Единой энергетической системы (сайт). URL: <https://www.so-ups.ru/functioning/ees/oes-east/> (дата обращения: 20.01.2022).
7. Информационные обзоры // Системный оператор Единой энергетической системы. (сайт). URL: <https://www.so-ups.ru/functioning/ees/ups-review/ups-review21/> (дата обращения: 20.01.2022).
8. Ларин В.Л. Реалии нового мира и российско-китайские отношения // Россия и Китай: опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия. Владивосток: Дальнаука, 2014. С. 9–19.
9. Мастепанов А.М. Перспективы развития возобновляемых источников энергии в Китае // Энергетическая политика. 2020. №4. С. 52–67.
10. Мастепанов А. Китай диктует энергетическую политику XXI века / А. Мастепанов, И. Томберг // Международные процессы. 2018. № 3. С. 6–38.
11. Минакир П.А. Экономика пандемии: дальневосточный аспект // Пространственная экономика. 2020. Т. 16. № 4. С. 7–22.
12. Об установлении на 2021 год базового уровня цен (тарифов) на электрическую энергию (мощность) для субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа: Распоряжение правительства РФ от 30.12.2020 г. № 3657-р // Консультант Плюс. (сайт). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_373132/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (дата обращения: 20.01.2022).

13. Огнев А. Ю. Сотрудничество России и Китая в области электроэнергетики // Регионалистика. 2015. № 3. С. 51–58.
14. Развитие энергетики КНР в период 14-ой пятилетки: аналитическая записка / В.Б. Кашин, А.С. Пятачкова, В.А. Смирнова, [и др.]. М.: Центр комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ, 2021. 24 с.
15. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: стат. сб. / Росстат. М., 2020. 1242 с.
16. Россия увеличит экспорт электроэнергии в Китай в 2022 году до рекордных 4,4 млрд кВт·ч // ТАСС. (сайт). URL: <https://tass.ru/ekonomika/13315263/> (дата обращения: 20.01.2022).
17. Санеев Б.Г., Лагереv А.В., Ханаева В.Н., Смирнов К.С. Электроэнергетика России в первой половине XXI века: роль восточных регионов // Энергетическая политика. 2017. № 6. С. 35–44.
18. Титаренко М.Л. Энергетическое сотрудничество России и Китая и его влияние на решение проблем модернизации и безопасности России // Моя вторая родина Китай. М., 2018. С. 530–536.
19. China Renewable Energy Outlook 2020 // Lawrence Berkeley National Laboratory's China Energy Group (сайт). URL: <https://china.lbl.gov/china-energy-outlook-2020>. (дата обращения: 20.01.2022).
20. Data/Statistics // China Electricity Council. (сайт). URL: <https://english.cec.org.cn/detail/index.html?3-1340> (дата обращения: 20.01.2022).
21. Data and statistics // International Energy Agency. (сайт). URL: <https://www.iea.org/fuels-and-technologies/electricity> (дата обращения: 20.01.2022).
22. Effects of Changes in Natural Gas Prices and Renewable Capital Costs on the Electric Sector in Asia // U.S. Energy Information Administration. (сайт). URL: https://www.eia.gov/outlooks/ieo/pdf/IEO2020_IIF_Asia.pdf (дата обращения: 20.01.2022).
23. Explainer: China signals likely rise in household electricity prices // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/world/china/china-signals-likely-rise-household-electricity-prices-2021-07-01/> (дата обращения: 20.01.2022).
24. Gosens J. China's post-COVID-19 stimulus: No Green New Deal in sight / J. Gosens, F. Jotzo // Environmental Innovation and Societal Transitions. 2020. №36. P. 250–254. <https://doi.org/10.1016/j.eist.2020.07.004>
25. The COVID-19 crisis deepens the gulf between leaders and laggards in the global energy transition / R. Quitzow, G. Bersalli, L. Eicke et al. // Energy Research & Social Science. 2021. №74. <https://doi.org/10.1016/j.erss.2021.101981>
26. Russian-Chinese Cooperation Prospects in the Electric Power Industry / O. Zhdanova, T. Bondarenko, M. Pashkovskaya, S. Plyasova // Amazonia Investiga. 2020. №9(27). P. 570–577. <https://doi.org/10.34069/AI/2020.27.03.61>
27. Towards carbon neutrality and China's 14th Five-Year Plan: Clean energy transition, sustainable urban development, and investment priorities / C. Hepburn, Ye Qi, N. Stern et al. // Environmental Science and Ecotechnology. 2021. №8. <https://doi.org/10.1016/j.ese.2021.100130>
28. 胡汉舟：能源保供成效显著 能源结构持续优化 // 国家统计局网站 URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/sjjd/202201/t20220118_1826513.html. 徐 汉ьчжоу: Заметный эффект гарантированного энергоснабжения, постоянная оптимизация структуры энергетики // Национальное бюро статистики. (сайт). URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/sjjd/202201/t20220118_1826513.html (дата обращения: 20.01.2022).
29. 国家能源局发布1-11月份全国电力工业统计数据 // 国家能源局网站 URL: http://www.nea.gov.cn/2021-12/17/c_1310378945.htm. Национальное управление энергетики публикует национальную статистику по электроэнергетике с января по ноябрь // Национальное управление энергетики (сайт). URL: http://www.nea.gov.cn/2021-12/17/c_1310378945.htm (дата обращения: 20.01.2022).

References

1. Akhmadova M.A. Rossijsko-kitajskoe investitsionnoe sotrudnichestvo v sfere ehlektroehnergetiki: pravovoj aspekt // Problemy ehkonomiki i yuridicheskoy praktiki. 2018. № 2. S. 172–177.
2. Vneshnyaya trgovlya sub'ektov RF DFO // Dal'nevostochnoe tamozhennoe upravlenie. (сайт). URL: <https://dvtu.customs.gov.ru/folder/147017> (дата обращения: 20.01.2022).
3. Vyrabotka ehlektroehnergii // Gruppy RusGidro. (сайт). URL: <https://rushydro.ru> (дата обращения: 20.01.2022).
4. Gubenko A.V., Tattsenko K.V. Perspektivy ehkonomicheskogo vzaimodejstviya Dal'nego Vostoka Rossii i Severo-Vostoka Kitaya v oblasti ehlektroehnergetiki // EHkonomika i upravlenie. 2009. № 8 (46). S. 13–17.
5. Deyatel'nost' // Gruppy "Inter RAO" (сайт). URL: <https://www.interrao.ru/activity/> (дата обращения: 20.01.2022).
6. Deyatel'nost' // Sistemnyj operator Edinoj ehnergeticheskoy sistemy (сайт). URL: <https://www.so-ups.ru/functioning/ees/oes-east/> (дата обращения: 20.01.2022).
7. Informatsionnye obzory // Sistemnyj operator Edinoj ehnergeticheskoy sistemy. (сайт). URL: <https://www.so-ups.ru/functioning/ees/ups-review/ups-review21/> (дата обращения: 20.01.2022).
8. Larin V.L. Realii novogo mira i rossijsko-kitajskie otnosheniya // Rossiya i Kitaj: opyt i potentsial regional'nogo i prigranichnogo vzaimodejstviya. Vladivostok: Dal'nauka, 2014. S. 9–19.

9. Mastepanov A.M. Perspektivy razvitiya vozobnovlyaemykh istochnikov ehnergii v Kitae // *EHnergeticheskaya politika*. 2020. №4. S. 52–67.
10. Mastepanov A. Kitaj diktuet ehnergeticheskuyu politiku XXI veka / A. Mastepanov, I. Tomberg // *Mezhdunarodnye protsessy*. 2018. № 3. S. 6–38.
11. Minakir P.A. EHkonomika pandemii: dal'nevostochnyj aspekt // *Prostranstvennaya ehkonomika*. 2020. T. 16. № 4. S. 7–22.
12. Ob ustanovlenii na 2021 god bazovogo urovnya tsen (tarifov) na ehlektricheskuyu ehnergiyu (moshhnost') dlya sub'ektov Rossijskoj Federatsii, vkhodyashhikh v sostav Dal'nevostochnogo federal'nogo okruga: Rasporyazhenie pravitel'stva RF ot 30.12.2020 g. № 3657-r // Konsul'tant Plyus. (sajt). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_373132/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (data obrashheniya: 20.01.2022).
13. Ognev A. YU. Sotrudnichestvo Rossii i Kitaya v oblasti ehlektroehnergetiki // *Regionalistika*. 2015. № 3. S.51–58.
14. Razvitie ehnergetiki KNR v period 14-oj pyatiletki: analiticheskaya zapiska / V.B. Kashin, A.S. Pyatachkova, V.A. Smirnova, [i dr.]. M.: TSentr kompleksnykh evropejskikh i mezhdunarodnykh issledovanij NIU VSHEH, 2021. 24 s.
15. Regiony Rossii. Sotsial'no-ehkonomicheskie pokazateli. 2020: stat. sb. / Rosstat. M., 2020. 1242 s.
16. Rossiya uvelichit ehksport ehlektroehnergii v Kitaj v 2022 godu do rekordnykh 4,4 mlrd kVt·ch // TASS. (sajt). URL: <https://tass.ru/ekonomika/13315263/> (data obrashheniya: 20.01.2022).
17. Saneev B.G., Lagerev A.V., KHanaeva V.N., Smirnov K.S. EHlektroehnergetika Rossii v pervoj polovine XXI veka: rol' vostochnykh regionov // *EHnergeticheskaya politika*. 2017. № 6. S. 35–44.
18. Titarenko M.L. EHnergeticheskoe sotrudnichestvo Rossii i Kitaya i ego vliyanie na reshenie problem modernizatsii i bezopasnosti Rossii // *Moya vtoraya rodina Kitaj*. M., 2018. S. 530–536.
19. China Renewable Energy Outlook 2020 // Lawrence Berkeley National Laboratory's China Energy Group (sajt). URL: <https://china.lbl.gov/china-energy-outlook-2020>. (data obrashheniya: 20.01.2022).
20. Data/Statistics // China Electricity Council. (sajt). URL: <https://english.cec.org.cn/detail/index.html?3-1340> (data obrashheniya: 20.01.2022).
21. Data and statistics // International Energy Agency. (sajt). URL: <https://www.iea.org/fuels-and-technologies/electricity> (data obrashheniya: 20.01.2022).
22. Effects of Changes in Natural Gas Prices and Renewable Capital Costs on the Electric Sector in Asia // U.S. Energy Information Administration. (sajt). URL: https://www.eia.gov/outlooks/ieo/pdf/IEO2020_IIF_Asia.pdf (data obrashheniya: 20.01.2022).
23. Explainer: China signals likely rise in household electricity prices // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/world/china/china-signals-likely-rise-household-electricity-prices-2021-07-01/> (data obrashheniya: 20.01.2022).
24. Gosens J. China's post-COVID-19 stimulus: No Green New Deal in sight / J. Gosens, F. Jotzo // *Environmental Innovation and Societal Transitions*. 2020. №36. R. 250–254. <https://doi.org/10.1016/j.eist.2020.07.004>
25. The COVID-19 crisis deepens the gulf between leaders and laggards in the global energy transition / R. Quitzow, G. Bersalli, L. Eicke et al. // *Energy Research & Social Science*. 2021. №74. <https://doi.org/10.1016/j.erss.2021.101981>
26. Russian-Chinese Cooperation Prospects in the Electric Power Industry / O. Zhdanova, T. Bondarenko, M. Pashkovskaya, S. Plyasova // *Amazonia Investiga*. 2020. №9(27). R. 570–577. <https://doi.org/10.34069/AI/2020.27.03.61>
27. Towards carbon neutrality and China's 14th Five-Year Plan: Clean energy transition, sustainable urban development, and investment priorities / C. Hepburn, Ye Qi, N. Stern et al. // *Environmental Science and Ecotechnology*. 2021. №8. <https://doi.org/10.1016/j.ese.2021.100130>
28. 胡汉舟：能源保供成效显著 能源结构持续优化 // 国家统计局网站 URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/sj/d/202201/t20220118_1826513.html. KHu KHan'chzhou: Zametnyj ehffekt garantirovannogo ehnergosnabzheniya, postoyannaya optimizatsiya struktury ehnergetiki // Natsional'noe byuro statistiki. (sajt). URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/sj/d/202201/t20220118_1826513.html (data obrashheniya: 20.01.2022).
29. 国家能源局发布1-11月份全国电力工业统计数据 // 国家能源局网站 URL: http://www.nea.gov.cn/2021-12/17/c_1310378945.htm. Natsional'noe upravlenie ehnergetiki publikuet natsional'nuyu statistiku po ehlektroehnergetike s yanvarya po noyabr' // Natsional'noe upravlenie ehnergetiki (sajt). URL: http://www.nea.gov.cn/2021-12/17/c_1310378945.htm (data obrashheniya: 20.01.2022).

Виктория Анатольевна ДЕНИСЕНКО, канд. экон. наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: Denisenko.va@dvfu.ru,

Viktoriya A. DENISENKO, Candidate of Economics, Associate Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: Denisenko.va@dvfu.ru

Поступила в редакцию
(Received) 29.11.2021

Одобрена после рецензирования
(Approved) 15.02.2022

Принята к публикации
(Accepted) 25.02.2022

Функционирование политической коммуникации в КНР и США в условиях пандемии COVID-19

Никита Антонович АРГЫЛОВ

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, argylov.na@dvfu.ru

Петр Витальевич МЕНЬШИКОВ

Московский государственный институт международных отношений (Университет), Москва, Россия, p.menshikov@odin.mgimo.ru

Анастасия Владимировна ШОБОТЕНКО

Московский государственный институт международных отношений (Университет), Москва, Россия, a.shobotenko@odin.mgimo.ru

Аннотация. В статье рассматривается функционирование модели политической коммуникации в Китайской Народной Республике и Соединенных Штатах Америки на примере ситуации, вызванной стремительным распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19), когда власти обоих государств были вынуждены ввести режим карантина в наиболее эпидемиологически неблагополучных точках – в городах Ухань и Нью-Йорк соответственно. Также рассмотрены действия в кризисных условиях трех основных элементов политической коммуникации: властных структур, средств массовой информации и гражданского общества. Временные рамки задаются в зависимости от того, когда в конкретном государстве были введены ограничительные меры в 2020 г. Таким образом, для ситуации в Китайской Народной Республике был взят период в один месяц – январь, а для ситуации в Соединенных Штатах Америки – март.

Ключевые слова: политическая коммуникация, цифровизация, гражданское общество, средства массовой информации, политические институты

Для цитирования: Аргылов Н.А., Меньшиков П.В., Шоботенко А.В. Функционирование политической коммуникации в КНР и США в условиях пандемии COVID-19 // Известия Восточного института. 2022. № 1. С. 144–155. DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/144-155

Original article
DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/144-155

The functioning of political communication in the PRC and the United States in the context of the COVID-19 pandemic

Nikita A. ARGYLOV

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, argylov.na@dvfu.ru

Petr V. MENSHIKOV

Moscow State Institute of International Relations (University), Moscow, Russia, p.menshikov@odin.mgimo.ru

Anastasia V. SHOBOTENKO

Moscow State Institute of International Relations (University), Moscow, Russia, a.shobotenko@odin.mgimo.ru

Abstract. This article examines the functioning of the model of political communication in the People's Republic of China and the United States of America using the example of a situation caused by the rapid spread of coronavirus infection, when the authorities of both states were forced to introduce a quarantine regime in the most epidemiologically disadvantaged areas – in Wuhan and New York respectively. Also considered are the actions in crisis conditions of the three main elements of political communication – power structures, the media and civil society. The time frame is set depending on when the restrictive measures were introduced in a particular state. Thus, for the situation in the People's Republic of China, January was taken as a period of one month, and March was taken for the situation in the United States of America.

Keywords: political communication, digitalization, civil society, media, political institutions

For citation: Argylov N.A., Men'shikov P.V., SHobotenko A.V. The functioning of political communication in the PRC and the United States in the context of the COVID-19 pandemic // Oriental Institute Journal. 2022. № 1. P. 144–155. DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/144-155

Введение

В XXI в. человечество стало свидетелем интенсивного цифрового развития, новых тенденций в мировом политическом процессе, что обусловило трансформа-

ции в сфере коммуникаций. Речь идет о быстрых темпах распространения сети интернет, в том числе в недемократических государствах, на фоне ускоряющихся процессов глобализации, что дало повод исследователям говорить о феномене повсеместной цифровизации общества. Перечисленные мировые тренды способствуют изменению структуры модели политических коммуникаций.

Проблема построения модели коммуникации, в том числе и ее разновидности – политической коммуникации, волновала многих исследователей, таких как Д. Маккуэйл, Э. Бернейс, А.А. Порецкова, М.Н. Грачёв, П. Бьюси и Р. Холберт, Д. Райф и другие. В своих исследованиях акцент на мета-анализ делали Д. Д'Алесслио и М. Аллен, контент-анализу и дискурс-анализу отдавали предпочтение М. Грейб и П. Бьюси, а также Л. Айви и О. Джинер. Наконец, изучением особенностей политической коммуникации в различных режимах занимались Дж. Лиллекер, Ф.И. Шарков, М.А. Чекунова и другие.

Несмотря на существующие противоречия в области коммуникационных исследований, очевидным остается тот факт, что модели политических коммуникаций в государствах с различными политическими режимами неодинаковы, а выявление и сравнение данных особенностей представляет для науки особый интерес. Это касается и изучения особенностей моделей политической коммуникации на современном этапе таких крупных игроков международной арены, как КНР и США. Имея совершенно различные показатели уровня демократического развития, согласно, к примеру, рейтингу Дома Свободы (Freedom House), данные государства конкурируют во многих сферах международного взаимодействия. Так, в отчете 2020 г. Соединенные Штаты Америки получили 33 из 40 баллов рейтинга политических прав, а гражданские права были оценены в 53 балла из 60 [23]. При этом уровень свободы политического режима в КНР был оценен в 10 баллов из 100, по шкале гражданских прав это государство получило 11 баллов, а политические права были оценены в -1 балл [40]. Итого общий рейтинг свободы Соединенных Штатов составил 86 баллов из 100 (где 100 – максимальный уровень свободы) против 11 баллов Китая.

Таким образом, основной целью данной статьи является анализ компонентов моделей политической коммуникации в КНР и США в условиях пандемии COVID-19, а также выявление степени влияния разных коммуникационных моделей на способность осуществления Китайской Народной Республикой и Соединенными Штатами Америки эффективной политической коммуникации.

Политическая коммуникация в КНР на примере введения режима карантина в городе Ухань

Политические институты как акторы политической коммуникации. С начала развития эпидемии COVID-19 в январе 2020 г. пристальное внимание китайской общественности и мирового сообщества было направлено на меры, предпринимаемые властями КНР. Повышенный интерес был обусловлен в основном двумя главными причинами: во-первых, именно китайский город Ухань стал источником распространения нового штамма вируса, а во-вторых, на территории КНР похожая ситуация уже складывалась в 2002-2003 гг., когда была зафиксирована вспышка тяжёлого острого респираторного синдрома SARS. Тогда в адрес китайского правительства были слышны обвинения в недостаточно своевременном информировании общества об эпидемиологическом кризисе и сокрытии достоверных статистических данных [13].

22 января, когда количество заболевших коронавирусной инфекцией в Китае превысило отметку в 40 человек, а 17 заразившихся погибло [11], власти КНР приняли решение о введении карантинного режима в эпицентре эпидемии. Так, 22 января транспортное сообщение с городом Ухань было ограничено, а гражданам запретили выходить из жилищ без веских причин. Начиная с этого момента генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпинь и другие государственные служащие информировали общественность о развитии ситуации вокруг коронавируса и принимаемых властями мерах по сдерживанию распространения вируса.

Уже 24 января Министерством финансов КНР был выделен 1 миллиард юаней провинции Хубэй для борьбы с коронавирусом, а Генеральная администрация по таможне КНР опубликовала заявление на собственном сайте о том, что все пожертвованные средства на борьбу с эпидемией освобождены от налогообложения. На следующий день, 25 января, глава КНР провел экстренное заседание Политбюро ЦК по ситуации, связанной с эпидемией коронавируса, и подчеркнул "необходимость информирования населения с целью поддержания социальной стабильности общества" [9]. 26 января выступил глава Государственного комитета по делам здравоохранения КНР Ма Сяовэй на пресс-конференции, где рассказал об эпидемиологической ситуации в стране [2]. Все перечисленные выступления политиков разных ведомств транслировались по различным каналам СМИ и были доступны позже в записи.

Помимо традиционных СМИ власти КНР активно задействовали новые медиа. К примеру, на странице официального аккаунта КПК в китайской социальной сети WeChat было опубликовано следующее заявление: "Тот, кто намеренно, руководствуясь личными интересами, скрывает или несвоевременно докладывает информацию о ситуации, связанной с эпидемией, будет навеки пригвожден к столбу позора истории" [17]. Также на следующий день после того, как Всемирная организация здравоохранения причислила распространение вируса к чрезвычайным ситуациям мирового масштаба, 31 января, с онлайн-заявлением выступила представитель МИД КНР Хуа Чуньин. Политик заверила граждан в том, что КНР будет активно сотрудничать с ВОЗ и другими государствами для обеспечения безопасности населения не только Китая, но и всего мира. Она также добавила, что меры, предпринимаемые правительством КНР, исчерпывающие и выходят далеко за рамки рекомендаций ВОЗ [47].

Кроме того, с целью предотвратить зарождение недовольства среди населения местные власти города Ухань ввели штрафы за неоправданно высокие цены на предметы первой необходимости, а для налаживания связи с жителями Уханя власти открыли "горячую линию" по вопросам коронавируса. Эти действия политиков провинции Хубэй были созвучны с мерами, которые принимались в Китае на общенациональном уровне. Тем не менее, мэру города Ухань не удалось избежать жесткой критики со стороны интернет-пользователей в свой адрес в связи с двумя непопулярными решениями. Во-первых, в интервью государственному телеканалу CCTV Чжоу Сяньван заявил о том, что "информация об эпидемии распространялась не своевременно", буквально тем самым переложив ответственность на центральное правительство. Во-вторых, в разгар эпидемии, даже после введения режима ЧС в Ухане, мэр не отменил празднование китайского Нового года [46]. Находясь под сильным давлением со стороны общества, мэру города Ухань Чжоу Сяньван пришлось даже заявить о своей возможной отставке в будущем [7].

Таким образом, в случае с эпидемией COVID-19 власти КНР разных уровней предприняли шаги по налаживанию коммуникации как с другими государствами и международными организациями, так и с гражданским обществом. Участие властей на самом высоком уровне в ситуации можно объяснить не только масштабностью и серьезностью возникшего кризиса, но и опасностью, которая кроется в централизованной политической системе Китая, то есть недовольство населения местными властями может впоследствии экстраполироваться на национальный уровень. Ведь успешная политика, проводимая в условиях пандемии, может стать в последствии оправданием существующему в КНР режиму с явным доминированием одной партии, а непопулярные меры властей могут стать угрозой стабильности власти КПК.

Средства массовой информации как каналы политической коммуникации. Что касается китайских медиа, то по мере усложнения ситуации в КНР вокруг коронавируса можно было наблюдать некоторое ослабление цензуры средств массовой информации. Так, к примеру, после введения карантинного режима в Ухане, в городе специально осталась группа репортеров и журналистов медиа-холдинга Saixin, публикуемые заметки и отчеты которой о жизни города в условиях жестких огра-

ничений отличались критическим подходом [44]. Тем не менее нельзя говорить и о значительных переменах, касающихся уровня свободы в области массмедиа. Известен случай, когда китайскому журналисту издания Hubei Daily пришлось принести извинения местной ячейке КПК за свой пост в личном аккаунте, сделанном 24 января, в котором содержался призыв сменить главу провинции Хубэй [43] в связи с неспособностью последнего взять под контроль эпидемиологическую ситуацию в регионе. Кроме того, с критикой в адрес государственной политики в области СМИ во время эпидемии также выступил бывший репортер китайского издания Southern Metropolis Daily Ю Пинг. Он подчеркнул, что "со стороны властей идет сигнал о том, что только государственные медиа могут говорить об эпидемии" [45].

Говоря о социальных медиа, стоит отметить, что изоляция города Ухань спровоцировала повышение активности интернет-пользователей: некоторые высказывали свое мнение по поводу сложившейся ситуации, некоторые делились советами по профилактике заражения коронавирусной инфекцией. В частности, пользователи микроблога Sina Weibo выражали недовольство тем, что со дня введения режима ЧС в Ухане, государственные СМИ информировали население исключительно об эпидемиологической ситуации в провинции Хубэй, игнорируя освещение новостей других регионов КНР [16]. Что касается цензуры в интернет-пространстве, то многие граждане КНР отмечали, что информационные посты, содержащую критику действий правительства и информации об эпидемии, отличающуюся от транслируемой государственными источниками, удалялись модераторами социальных сетей. Среди удаленной информации были, например, комментарии известного китайского врача Цзян Яньюн в социальной сети WeChat [16]. Помимо этого, был удален комментарий одного из пользователя Weibo, который усомнился в том, что правительство КНР находится на передовой борьбы с эпидемией [18].

Отдельная проблема, с которой столкнулось информационное пространство Китая в период начала карантина в городе Ухань – большое количество фейковых новостей, в том числе даже в официальных авторитетных источниках. Например, 27 января представитель китайского МИД и государственные СМИ, такие как Global Times и People's Daily, через аккаунты в социальных сетях начали распространять ложное изображение строящейся больницы в Ухане для зараженных коронавирусом [29].

Стоит подчеркнуть, что в период введения режима карантина в городе Ухань как политические институты, так и граждане КНР активно использовали различные каналы коммуникации. Однако заметных изменений в государственной политике в отношении СМИ не произошло – информация, которая не соответствовала генеральной позиции властей, подвергалась цензуре. Среди положительных моментов отмечается тот факт, что посредством различных медиа представители государственной власти стабильно информировали общество о складывающейся эпидемиологической обстановке в КНР. Например, был запущен отдельный ресурс, благодаря которому граждане КНР могли следить за процессом строительства двух больниц в изолированном городе Ухань [12].

Гражданское общество как актор политической коммуникации. Для китайских властей кризис, связанный со вспышкой эпидемии коронавируса, стал своеобразным маркером наличия поддержки со стороны населения. Некоторые специалисты в области истории КНР замечали, что "коронавирус – это проблема для Коммунистической партии Китая, поскольку на протяжении своего существования КПК не удавалось эффективно справляться с эпидемиями и другими широкомасштабными бедствиями" [17]. И действительно, фидбэк со стороны гражданского общества в рамках политической коммуникации в данный период носил скорее негативный характер. В интервью зарубежным газетам китайские граждане замечали, что "народ обвиняет власти Уханя в медленном принятии мер" [17]. Многие также полагали, что власти на протяжении долгого времени намеренно скрывали

существование нового опасного штамма вируса, пока ситуация не стала критичной и потребовались серьезные шаги.

Для выражения своего мнения граждане КНР пользовались различными интернет-платформами и социальными сетями. Некоторые среди пользователей замечали, что власти сделали много ошибок, которые в будущем отразятся на жизни простого населения, а один из самых популярных комментариев, оставленных под трансляцией государственного телеканала во время ежегодного весеннего фестиваля, призывал "прислать в провинцию Хубэй ответственного политика" [17]. А в Weibo один из пользователей прокомментировал посещение властями провинции Хубэй фестиваля, посвященному празднику весны, следующим образом: "Политические лидеры в этой стране отвратительны" [17].

Помимо прочего, после введения жестких ограничительных мер в провинции Хубэй получила свое развитие популярная в КНР "гражданская журналистика". После закрытия Уханя за жизнью города стало следить множество пользователей по всему миру, а для местных жителей это было дополнительным стимулом делиться мультимедийной информацией из закрытого города в своих аккаунтах. Например, большую популярность получило видео, где женщина, назвавшая себя медсестрой больницы в Ухане, рассказывала об угрозе, которую несёт в себе вирус, и просила о помощи [39]. Другие видео демонстрировали людей, падающих на улицах Уханя, как заявляли авторы видео, из-за негативного действия коронавируса, а также переполненные больницы и поликлиники города.

Введение режима карантина в Ухане также спровоцировало появление различного рода флешмобов среди населения, самый запоминающийся из которых – скандирование жителями Уханя 27 января из окон своих домов "Ухань, держись!". Вакцинация была скоординирована в приложении WeChat.

В условиях сложной ситуации, связанной с распространением COVID-19 и вынужденным закрытием крупного города на карантин, акторы политической коммуникации предпринимали попытки активного взаимодействия. Конечно, рано говорить о том, что была осуществлена модель двусторонней политической коммуникации, поскольку сигнал, который шел от китайского гражданского общества, подвергался цензуре и не оказывал влияние на действия государства в сложившейся ситуации. С другой стороны, нельзя отметить и активной гражданской инициативы, поскольку почти единственная форма выражения своей позиции китайцев заключалась в написании постов в различных интернет-ресурсах.

Политическая коммуникация в США на примере введения режима карантина в городе Нью-Йорк

Политические институты как акторы политической коммуникации. В условиях эпидемии проявила себя одна из главных особенностей модели политической коммуникации Соединенных Штатов Америки – наличие конкуренции между различными ветвями власти, а также между представителями государственных органов разных уровней, которая в мирное время призвана быть сдерживающим фактором, предотвращающим произвол властей. В кризисной ситуации, связанной с эпидемией COVID-19, американские политические элиты продемонстрировали отсутствие системного подхода к решению проблемы распространения вируса, в особенности это касается истории попытки введения полномасштабного карантина в Нью-Йорке, который стал лидером по количеству заболевших COVID-19 в США. В данном случае не только нельзя отметить высокую эффективность политической коммуникации в кризисный период, но можно говорить о полноценном конфликте представителей государственной власти разных уровней.

С начала марта 2020 г. в различных источниках появлялась информация о том, что Нью-Йорк в скором времени может быть закрыт на карантин, однако 13 марта управление полиции города в своем аккаунте в Twitter опровергло эту информацию, опубликовав следующее заявление: "В социальных сетях появляется много дезинформации ... у управления полиции Нью-Йорка нет планов останавливать движение по автодорогам и в метро" [8]. При этом накануне, 12 марта, мэр Билла де Блазио в выступлении перед журналистами сообщил о введении в городе

режима чрезвычайной ситуации. Далее, 17 марта, глава города Нью-Йорк выступил в программе Meet the Press с заявлением о двухдневной готовности местных властей ввести более жесткие ограничения в городе для сдерживания распространения новой коронавирусной инфекции [31], однако буквально через несколько часов последовало заявление губернатора штата Нью-Йорк Эндрю Куомо о том, что пока не может быть и речи о закрытии Нью-Йорка на карантин [24]. Спустя несколько дней губернатор Куомо объявил о том, что город должен закрыться на карантин 22 марта, подчеркнув, что открытыми должны остаться только жизненно необходимые магазины и службы, а некоторые маршруты общественного транспорта должны быть временно отменены. На момент введения новых ограничений количество жителей мегаполиса, заразившихся опасным вирусом, превысило уже 7 тысяч человек [42].

Однако, в таком режиме город прожил всего несколько дней, уже 28 марта президент Дональд Трамп в своем аккаунте в Twitter написал о том, что Нью-Йорк не нуждается в режиме карантина, а также отметил, что Центру по контролю и профилактике заболеваний необходимо разработать меры по ограничению передвижения населения [37]. После данного заявления отношения между федеральными и местными властями обострились, Де Блазио обвинил правительство в том, что ньюйоркцы "остались один на один с проблемой", а "от федеральных властей нет никакой поддержки" [41].

Разногласия на фоне эпидемии возникли и между представителями главных конкурирующих партий США: демократами и республиканцами. Например, в Сенате демократы заблокировали законопроект республиканцев, который предполагал экстренную помощь экономике Америки в размере 1,3 триллионов долларов США. Демократы посчитали, что такие меры ставят интересы предпринимателей выше нужд учреждений здравоохранения [41].

Риторика представителей американских властей в адрес КНР носила достаточно жесткий характер и подверглась критике со стороны многих политических деятелей. Президент Трамп обвинил Китай в несвоевременном обнародовании информации о существовании и распространении нового вируса [15], а "госсекретарь США Майкл Помпео заявил, что намерен употреблять термин "уханьский вирус" при описании коронавируса, ставшего причиной пандемии, и заявил об "особой ответственности" КНР за прозрачность в вопросах, касающихся пандемии" [5]. Такую коммуникационную политику властей США официальный представитель МИД России Мария Захарова расценила как "информационную войну" [5].

Таким образом, в экстренной ситуации политические институты США не смогли действовать по общей выработанной тактике. Информация, которая передавалась представителями политической элиты по каналам коммуникации, была противоречивой и не способствовала в целом выработке у жителей Нью-Йорка представления о мерах, которые будут предприняты властями по борьбе с распространением вируса.

Средства массовой информации как каналы политической коммуникации. Как и во многих государствах, столкнувшихся с эпидемией COVID-19, многие средства массовой информации Америки стали выполнять просветительскую функцию, информируя жителей США и Нью-Йорка о симптомах COVID-19, основных мерах предосторожности и мерах, которые предпринимают власти для защиты населения.

Однако, в отличие от китайских, многие американские массмедиа открыто критиковали недостаточно активные действия властей по борьбе с эпидемией. К примеру, "по мнению ведущего Fox News, либеральное руководство города поставило жизни граждан под угрозу, сочтя беспокойство по поводу COVID-19 расизмом" [21]. Многие авторитетные издания также писали о неспособности властей, а в частности президента Дональда Трампа, взять ситуацию под контроль. Так, издание Vanity Fair раскритиковало американского политика за попытку перенести ответственность на китайское правительство, а также за неспособность принять какое-либо важное решение [37]. Такое заявление было обосновано тем фактом, что Трамп не неоднократно называл COVID-19 "китайским вирусом", подчеркивая

происхождение данного штамма. Более того, The Atlantic [20] обвинил демократов во главе с Трампом в принятии несоответствующих ситуации мер, а издание Vox предположило, что кризис, связанный с коронавирусом, может даже стать в конечном счете причиной краха федерализма в США.

Отдельной обсуждаемой темой, поддерживаемой СМИ, стала персона главного инфекциониста США Энтони Фаучи, который вошел в состав группы Белого дома по борьбе пандемией коронавируса. Он входил в число тех, кто выступал за жесткие санитарные ограничения с целью предотвратить развитие эпидемии. Однако такая позиция врача также не стала поводом для поддержки его деятельности общественностью и СМИ, напротив, как сообщил позднее американский канал CNN, из-за своей жесткой позиции по вопросу ограничительных мер Фаучи даже столкнулся с угрозами в свой адрес [3].

Таким образом, средства массовой информации в США после попыток властей ввести ограничительные меры в городе Нью-Йорк для сдерживания эпидемии, скорее поддерживали тревожные настроения, связанные с неопределенностью, царившей в политических кругах. Более того, многие издания активно осуждали представителей власти за несогласованность действий или даже их отсутствие.

Гражданское общество как актор политической коммуникации. С одной стороны, как и в КНР, ограничительные меры способствовали повышению уровня сплоченности населения, которая выражалась в запуске различных флешмобов. Одним из самых популярных в Нью-Йорке, США, да и во всем мире, стал #StayHome – призыв граждан по возможности оставаться дома. Так же, как и в Китае, многие люди выходили на балконы, чтобы поддержать своих соплеменников. Некоторые это делали посредством своих хобби – кто-то пел, кто-то играл на музыкальных инструментах [38]. Такие гражданские инициативы, безусловно, способствуют более успешной имплементации властями ограничительных мер.

Однако, в отличие от Уханя, где гражданская инициатива носила скорее позитивный характер, в Нью-Йорке в условиях нестабильной ситуации вокруг вопроса о введении ограничений и осложнения эпидемиологической обстановки, прошло несколько акций протеста. Так, 30 марта работники крупнейших компаний, основной деятельностью которых является доставка товаров, Instacart и Amazon выразили недовольство недостаточными мерами, предпринимаемыми властями по борьбе с эпидемией, и недостаточным материальным покрытием рисков, которые несут работники в опасных условиях [34]. В этот день протестующие компании Instacart не вышли на работу, а сотрудники склада Amazon в Статен-Айленд (Нью-Йорк) покинули свои рабочие места в знак протеста. Два дня ранее, 28 марта, около 30 медицинских работников больницы в Бронксе (Нью-Йорк) выступили с акцией протеста, требуя, чтобы власти снабдили медицинские учреждения средствами индивидуальной защиты. Протестующие соблюдали социальную дистанцию и держали плакаты с надписями "здравоохранение важнее выгоды", "уважайте медицинских работников государственных учреждений" [27].

Заключение

Подводя итоги под общим анализом моделей коммуникации в КНР и США, стоит отметить, что все три основных элемента политической коммуникации КНР и США различаются, как по своему функционалу, так и по своему способу взаимодействия с другими элементами. Политические институты в Америке активно коммуницируют между собой, тем самым создавая отдельный дискурс, который встраивается в рамках американской политической коммуникации. При этом модель подобной коммуникации является двусторонней, что подразумевает наличие некоторой конкуренции между различными ветвями власти, а также между государственными органами различных уровней.

Иная ситуация сложилась в Китайской Народной Республике, в которой политическая система имеет достаточно четкую иерархию, где господствующую позицию занимает ЦК КПК, а местные партийные ячейки призваны исполнять директивы высшего руководства. Кроме того, в условиях отсутствия явных сильных оппонентов у китайских властей отсутствует мотивация в завоевании доверия ки-

тайского гражданского общества, поэтому в данном случае целью политических элит скорее является создание условий для стабильности политической системы КНР.

Особенности политических систем двух государства, а также их становления, предопределили и различия в функционировании каналов политической коммуникации. В Китае средства массовой информации, как традиционные, так и новые, находятся под достаточно жестким контролем китайских политических институтов, что обеспечивает вполне высокий уровень их политической ангажированности и, напротив, понижает уровень их независимости. В то время как в Соединенных Штатах средства массовой информации порой выступают как отдельный полноценный актор политической коммуникации, иногда даже диктуя "условия игры" политическим институтам, поскольку видят их заинтересованность в налаживании активного диалога со своими потенциальными избирателями.

Таким образом, в условиях стремительного распространения коронавирусной инфекции, коммуникация китайских политических институтов была более слажена и подчинялась единой логике, а средства массовой информации являлись инструментом, который помогал донести до гражданского общества смысл принимаемых государством мер по сдерживанию эпидемии, а китайское гражданское общество, в связи с отсутствием практики выражения активного протеста действиям властей, показало более высокий уровень сплоченности, нежели чем американское.

Литература

1. Бернейс Э. Инженерия согласия / Эдвард Бернейс. – Текст : непосредственный // Полис. Политические исследования. 213. № 4. С. 122–131.
2. Власти КНР заявили об ускорении распространения коронавируса: сайт. Известия. 2020. 26 января. Текст: [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/968607/2020-01-26/vlasti-kr-zaiavili-ob-uskoreni-rasprostraneniia-koronavirusa>
3. Главный инфекционист США Фаучи получил угрозы в свой адрес: сайт. Интерфакс. 2020. 2 апреля. Текст: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/world/702076>
4. Грачев М.Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития / М.Н.Грачев. Текст: непосредственный // М.: Прометей, 2004. 328 с.
5. Захарова обвинила Помпео в ведении информационной войны против Китая: сайт. РИА Новости. 2020. 26 марта. Текст: [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20200326/1569206444.html>
6. Меньшиков П.В. Политический PR в медийной политике / П.В.Меньшиков. – Текст : электронный // Международные коммуникации. 2017. № 4. <http://intcom-mgimo.ru/2017-04/political-pr>
7. Мэр охваченного коронавирусом Уханя готов уйти в отставку: сайт. Regnum. 2020. 27 января. Текст: [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/2840797.html>
8. Полиция назвала дезинформацией данные о планах закрыть автодороги и метро в Нью-Йорке: сайт. ТАСС. 2020. 13 марта. Текст: [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7966273>
9. Си Цзиньпин призвал усилить контроль за распространением в Китае эпидемии пневмонии: сайт. ТАСС. 2020. 25 января. Текст: [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7606325>
10. Чекунова М.А. Специфика отечественных концептов в области политической коммуникации / М.А. Чекунова. Текст : непосредственный // Коммуникология. 2015. № 5. С. 74–86.
11. Число скончавшихся от коронавируса в Китае достигло 17: сайт. Известия. 2020. 22 января. Текст: [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/967313/2020-01-22/chislo-skonchavshixsia-ot-koronavirusa-v-kitae-dostiglo-17>
12. Ярошенко А. Россиянка в Ухане: "Люди верят, что всё будет хорошо" / Александр Ярошенко. Текст : электронный // Российская газета. 2020. 29 января. Текст: [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2020/01/29/reg-dfo/rossiianka-v-uhane-liudi-veriat-cto-vse-budet-horosho.html>
13. Becky L. SARS Pandemic: How the Virus Spread Around the World in 2003 / L.Becky // History. 2020. 17 March. Текст: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.history.com/news/sars-outbreak-china-lessons>
14. Bucy P.E. The Sourcebook for Political Communication Research. Methods, Measures and Analytical Techniques / by Erik P. Bucy, R. Lance Holbert. Routledge, 2013. 608 P. ISBN 9780415884976. Текст : непосредственный.
15. Cohen Z. Blame game escalates between US and China over coronavirus disinformation / Zachary Cohen, Alex Marquardt, Kylie Atwood // CNN. 2020. March 25. Текст: [Электронный ресурс]. URL: <https://edition.cnn.com/2020/03/24/politics/us-china-coronavirus-disinformation-campaign/index.html>
16. Coleman A. Chinese social media users worry over virus / Alistair Coleman, Kerry Allen // BBC. 2020. January 22. Текст: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-china-51205074>

17. Coronavirus shakes citizens' faith in Chinese government: сайт. The Guardian. 2020. January 24. Текст: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/science/2020/jan/24/coronavirus-shakes-citizens-faith-in-chinese-government>
18. Coronavirus Spurs China to Suspend Tours Abroad and Xi to Warn of a 'Grave Situation' // The New York Times. 2020. January 25. Текст: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2020/01/25/world/asia/china-coronavirus.html>
19. D'Alessio D., Allen M. Media Bias in Presidential Elections: A Meta-Analysis / D.D'Alessio, M.Allen. Текст : непосредственный // Journal of Communication. 2000. Vol. 50. № 4. P. 133–156.
20. Davidson J.D. The Coronavirus Is Making (State) Borders Great Again / John Daniel Davidson // The Federalist. 2020. March 31 Текст: [Электронный ресурс]. URL: <https://thefederalist.com/2020/03/31/the-coronavirus-is-making-state-borders-great-again/>
21. Fox News: в начале пандемии власти Нью-Йорка игнорировали COVID-19 как "расистский миф": сайт. Russia Today. ИноТВ. 2020. 28 марта. Текст: [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2020-03-28/Fox-News-v-nachale-pandemii>
22. Freedom House. Reports. Freedom in the World 2020. China : сайт. Washington. Текст: [Электронный ресурс]. URL: <https://freedomhouse.org/country/china/freedom-world/2020>
23. Freedom House. Reports. Freedom in the World 2020. United States : сайт. Washington. Текст: [Электронный ресурс]. URL: <https://freedomhouse.org/country/united-states/freedom-world/2020#PR>
24. Gov. Cuomo says New York City will not be quarantined: 'It cannot happen': сайт. CNBC. 2020. March 17. Текст: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cnbc.com/2020/03/17/gov-cuomo-says-new-york-city-will-not-be-quarantined-it-cannot-happen.html>
25. Grabe M.E. Image Bite Politics: News and the Visual Framing of Elections (Series in Political Psychology) / by Maria E. Grabe, Erik P. Bucy. Oxford University Press, 2009. 344 p.
26. Ivie R. L. Genealogy of myth in presidential rhetoric / by Robert L. Ivie, Oscar Giner. Taylor and Francis, 2011. P. 300-320. ISBN 9780203938669. Текст: непосредственный.
27. Kennedy D. Nurses protest coronavirus mask and glove shortage in the Bronx / Dana Kennedy, Khristina Narizhnaya // New York Post. 2020. March 28. Текст: [Электронный ресурс]. URL: <https://nypost.com/2020/03/28/nurses-protest-coronavirus-mask-and-glove-shortage-in-the-bronx/>
28. Lilleker D. G. Key Concepts in Political Communication / Darren G. Lilleker. SAGE Publications Ltd, London, 2006. 224 P. – ISBN 1-4129-1830-8. Текст : непосредственный.
29. Lytvynenko J. Chinese State Media Spread A False Image Of A Hospital For Coronavirus Patients In Wuhan / Jane Lytvynenko // BuzzFeed.News. 2020. January 27. Текст: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.buzzfeednews.com/article/janelytvynenko/china-state-media-false-coronavirus-hospital-image>
30. McQuail D. Mass Communication Theory / Denis McQuail // SAGE Publications Ltd, London, 2010. 623 P. – ISBN 978-1-84920-291-6. Текст : непосредственный.
31. Pascus B. Mayor and governor send contradicting messages on city quarantine / Brian Pascus // Crain's New York Business. 2020. March 17. Текст: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.crainsnewyork.com/coronavirus/mayor-and-governor-send-contradicting-messages-city-quarantine>
32. Poretskova A. Evolution of Methodological Approaches in Studies of the Political Communication System / Anastasia Poretskova. Текст : непосредственный // Politbook. 2017. №3. P. 121–137.
33. Ryfe D.M. History and Political Communication: An Introduction / D.M.Ryfe. Текст: непосредственный // Political Communication. 2010. № 8 (4). P. 407-420.
34. Scheiber N. Strikes at Instacart and Amazon Over Coronavirus Health Concerns / Noam Scheiber, Kate Conger // New York Times. 2020. March 30. Текст: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2020/03/30/business/economy/coronavirus-instacart-amazon.html>
35. Shammass B. Trump says quarantine for New York area 'will not be necessary'; U.S. coronavirus-related deaths double in two days / Brittany Shammass, Emily Rauhala, Kim Bellware, Lateshia Beachum, Steven Goff, Jesse Dougherty, Hannah Knowles. // The Washington Post. 2020. March 29. Текст: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2020/03/28/coronavirus-latest-news/>
36. Sharkov F.I. Political Communication in Modern Information Society / F.I.Sharkov. Текст : непосредственный // Politbook. 2012. №2. P. 121–130.
37. Sherman G. "He Can't Make Any Big Decisions": As the Crisis Escalates, Trump Experiments With a Pivot / German Sherman // Vanity Fair. 2020. March 23. Текст: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vanityfair.com/news/2020/03/as-the-crisis-escalates-trump-experiments-with-a-pivot>
38. Taylor A. Music and Encouragement From Balconies Around the World / Alan Taylor // The Atlantic. 2020. March 24. Текст: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theatlantic.com/photo/2020/03/music-and-encouragement-from-balconies-around-world/608668/>
39. Thomson B. Chinese 'nurse' claims corpses of coronavirus victims are left lying in a Wuhan hospital crammed with patients as she warns 'everyone will end up being infected' in desperate plea for help / Billie Thomson // Mail Online. 2020. January 24. Текст: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-7924805/Chinese-nurse-claims-dead-bodies-left-unattended-Wuhan-hospital.html>
40. Tkacheva O. Internet Freedom and Political Space / Olesya Tkacheva, Lowell H. Schwartz, Martin C.

Libicki, Julie E. Taylor, Jeffrey Martini, Caroline Baxter. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2013. 286 P. ISBN 978-0-8330-8063-9. Текст : непосредственный.

41. Trump tries to blunt criticism of Covid-19 response as US cases pass 33,000: сайт. The Guardian. 2020. March 23. Текст: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/mar/22/trump-coronavirus-response-criticism-us-cases>

42. Whitcomb D. New York, California order tens of millions inside to slow coronavirus spread / Dan Whitcomb, Gabriella Borter // Nasdaq. 2020. March 20. Текст: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nasdaq.com/articles/new-york-california-order-tens-of-millions-inside-to-slow-coronavirus-spread-2020-03-20>

43. Wuhan Journalist: Fire Incompetent Wuhan Leader: сайт. David Cowhig's Translation Blog. 2020. January 24. Текст: [Электронный ресурс]. URL: <https://gaodawei.wordpress.com/2020/01/24/wuhan-journalist-fire-incompetent-wuhan-party-secretary-wuhan-daily-sends-apology-to-wuhan-city-communist-party-committee/>

44. Yu Gao Reporter's Notebook: We Stayed in Wuhan as the Last Trains Pulled Out / Gao Yu // Caixin. 2020. January 23. Текст: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.caixinglobal.com/2020-01-23/reporters-note-we-stayed-in-wuhan-as-the-last-trains-pulled-out-101507578.html> (дата обращения: 17.04.2020).

45. Yuan Li China Silences Critics Over Deadly Virus Outbreak / Li Yuan // The New York Times. 2020. January 22. Текст: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2020/01/22/health/virus-corona.html>

46. Zheng S. Wuhan mayor under pressure to resign over response to coronavirus outbreak / Sarah Zheng // South China Morning Post. 2020. January 23. Текст: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scmp.com/news/china/politics/article/3047230/wuhan-mayor-under-pressure-resign-over-response-coronavirus>

47. Zhou Jin China to continue work with WHO, countries to safeguard health / Jin Zhou. Текст: [Электронный ресурс]. URL: // China Daily. 2020. January 31. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202001/31/WS5e335f1aa310128217273c22.html>.

References

1. Bernejs EH. Inzheneriya soglasiya / Ehdvard Bernejs. – Текст : neposredstvennyj // Polis. Politicheskie issledovaniya. 213. № 4. S. 122–131.

2. Vlasti KNR zayavili ob uskorenii rasprostraneniya koronavirusa: sayt. Izvestiya. 2020. 26 yanvarya. Tekst: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://iz.ru/968607/2020-01-26/vlasti-knr-zaiavili-ob-uskorenii-rasprostraneniia-koronavirusa>

3. Glavnyj infeksionist SSHA Fauchi poluchil ugrozy v svoj adrec: sayt. Interfaks. 2020. 2 aprelya. Tekst: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.interfax.ru/world/702076>

4. Grachev M.N. Politicheskaya kommunikatsiya: teoreticheskie kontseptsii, modeli, vektory razvitiya / M.N.Grachev. Tekst: neposredstvennyj // M.: Prometej, 2004. 328 s.

5. Zakharova obvinila Pompeo v vedenii informatsionnoj vojny protiv Kitaya: sayt. RIA Novosti. 2020. 26 marta. Tekst: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://ria.ru/20200326/1569206444.html>

6. Men'shikov P.V. Politicheskij PR v medijnoj politike / P.V.Men'shikov. – Текст : ehlektronnyj // Mezhdunarodnye kommunikatsii. 2017. № 4. <http://intcom-mgimo.ru/2017-04/political-pr>

7. Mehr okhvachennogo koronavirusom Ukhanya gotov ujti v otstavku: sayt. Regnum. 2020. 27 yanvarya. Tekst: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://regnum.ru/news/2840797.html>

8. Politsiya nazvala dezinformatsiej dannye o planakh zakryt' avtodorogi i metro v N'yu-Jorke: sayt. TASS. 2020. 13 marta. Tekst: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7966273>

9. Si TSzin'pin prizval usiliti kontrol' za rasprostraneniem v Kitae ehpidemii pnevmonii: sayt. TASS. 2020. 25 yanvarya. Tekst: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7606325>

10. CHekunova M.A. Spetsifika otechestvennykh kontseptov v oblasti politicheskoy kommunikatsii / M.A. CHekunova. Tekst : neposredstvennyj // Kommunikologiya. 2015. № 5. S. 74–86.

11. CHislo skonchavshikhся ot koronavirusa v Kitae dostiglo 17: sayt. Izvestiya. 2020. 22 yanvarya. Tekst: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://iz.ru/967313/2020-01-22/chislo-skonchavshikhsia-ot-koronavirusa-v-kitae-dostiglo-17>

12. Yaroshenko A. Rossiyanka v Ukhane: "Lyudi veryat, chto vsyo budet khorosho" / Aleksandr Yaroshenko. Tekst : ehlektronnyj // Rossijskaya gazeta. 2020. 29 yanvarya. Tekst: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://rg.ru/2020/01/29/reg-dfo/rossianka-v-uhane-liudi-veriat-cto-vse-budet-horosho.html>

13. Becky L. SARS Pandemic: How the Virus Spread Around the World in 2003 / L.Becky // History. 2020. 17 March. Tekst: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.history.com/news/sars-outbreak-china-lessons>

14. Bucy P.E. The Sourcebook for Political Communication Research. Methods, Measures and Analytical Techniques / by Erik P. Bucy, R. Lance Holbert. Routledge, 2013. 608 P. ISBN 9780415884976. Tekst : neposredstvennyj.

15. Cohen Z. Blame game escalates between US and China over coronavirus disinformation / Zachary Cohen, Alex Marquardt, Kylie Atwood // CNN. 2020. March 25. Tekst: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://edition.cnn.com/2020/03/24/politics/us-china-coronavirus-disinformation-campaign/index.html>

16. Coleman A. Chinese social media users worry over virus / Alistair Coleman, Kerry Allen // BBC. 2020. January 22. Tekst: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-china-51205074>

17. Coronavirus shakes citizens' faith in Chinese government: sayt. The Guardian. 2020. January 24. Tekst:

- [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.theguardian.com/science/2020/jan/24/coronavirus-shakes-citizens-faith-in-chinese-government>
18. Coronavirus Spurs China to Suspend Tours Abroad and Xi to Warn of a 'Grave Situation' // The New York Times. 2020. January 25. Tekst: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.nytimes.com/2020/01/25/world/asia/china-coronavirus.html>
 19. D'Alessio D., Allen M. Media Bias in Presidential Elections: A Meta-Analysis / D.D'Alessio, M.Allen. Tekst : neposredstvennyj // Journal of Communication. 2000. Vol. 50. № 4. P. 133–156.
 20. Davidson J.D. The Coronavirus Is Making (State) Borders Great Again / John Daniel Davidson // The Federalist. 2020. March 31 Tekst: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://thefederalist.com/2020/03/31/the-coronavirus-is-making-state-borders-great-again/>
 21. Fox News: v nachale pandemii vlasti N'yu-Jorka ignorirovali COVID-19 kak "rasistskij mif": sajt. Russia Today. InoTV. 2020. 28 marta. Tekst: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2020-03-28/Fox-News-v-nachale-pandemii>
 22. Freedom House. Reports. Freedom in the World 2020. China : sajt. Washington. Tekst: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://freedomhouse.org/country/china/freedom-world/2020>
 23. Freedom House. Reports. Freedom in the World 2020. United States : sajt. Washington. Tekst: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://freedomhouse.org/country/united-states/freedom-world/2020#PR>
 24. Gov. Cuomo says New York City will not be quarantined: 'It cannot happen': sajt. CNBC. 2020. March 17. Tekst: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.cnbc.com/2020/03/17/gov-cuomo-says-new-york-city-will-not-be-quarantined-it-cannot-happen.html>
 25. Grabe M.E. Image Bite Politics: News and the Visual Framing of Elections (Series in Political Psychology) / by Maria E. Grabe, Erik P. Bucy. Oxford University Press, 2009. 344 p.
 26. Ivie R. L. Genealogy of myth in presidential rhetoric / by Robert L. Ivie, Oscar Giner. Taylor and Francis, 2011. P. 300-320. ISBN 9780203938669. Tekst: neposredstvennyj.
 27. Kennedy D. Nurses protest coronavirus mask and glove shortage in the Bronx / Dana Kennedy, Khristina Narizhnaya // New York Post. 2020. March 28. Tekst: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://nypost.com/2020/03/28/nurses-protest-coronavirus-mask-and-glove-shortage-in-the-bronx/>
 28. Lilleker D. G. Key Concepts in Political Communication / Darren G. Lilleker. SAGE Publications Ltd, London, 2006. 224 P. – ISBN 1-4129-1830-8. Tekst : neposredstvennyj.
 29. Lytvynenko J. Chinese State Media Spread A False Image Of A Hospital For Coronavirus Patients In Wuhan / Jane Lytvynenko // BuzzFeed.News. 2020. January 27. Tekst: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.buzzfeednews.com/article/janelytvynenko/china-state-media-false-coronavirus-hospital-image>
 30. McQuail D. Mass Communication Theory / Denis McQuail // SAGE Publications Ltd, London, 2010. 623 P. – ISBN 978-1-84920-291-6. Tekst : neposredstvennyj.
 31. Pascus B. Mayor and governor send contradicting messages on city quarantine / Brian Pascus // Crain's New York Business. 2020. March 17. Tekst: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.craigslist.com/coronavirus/mayor-and-governor-send-contradicting-messages-city-quarantine>
 32. Poretskova A. Evolution of Methodological Approaches in Studies of the Political Communication System / Anastasia Poretskova. Tekst : neposredstvennyj // Politbook. 2017. №3. P. 121–137.
 33. Ryfe D.M. History and Political Communication: An Introduction / D.M.Ryfe. Tekst: neposredstvennyj // Political Communication. 2010. № 8 (4). P. 407-420.
 34. Scheiber N. Strikes at Instacart and Amazon Over Coronavirus Health Concerns / Noam Scheiber, Kate Conger // New York Times. 2020. March 30. Tekst: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.nytimes.com/2020/03/30/business/economy/coronavirus-instacart-amazon.html>
 35. Shammass B. Trump says quarantine for New York area 'will not be necessary'; U.S. coronavirus-related deaths double in two days / Brittany Shammass, Emily Rauhala, Kim Bellware, Lateshia Beachum, Steven Goff, Jesse Dougherty, Hannah Knowles. // The Washington Post. 2020. March 29. Tekst: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2020/03/28/coronavirus-latest-news/>
 36. Sharkov F.I. Political Communication in Modern Information Society / F.I.Sharkov. Tekst : neposredstvennyj // Politbook. 2012. №2. P. 121–130.
 37. Sherman G. "He Can't Make Any Big Decisions": As the Crisis Escalates, Trump Experiments With a Pivot / German Sherman // Vanity Fair. 2020. March 23. Tekst: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.vanityfair.com/news/2020/03/as-the-crisis-escalates-trump-experiments-with-a-pivot>
 38. Taylor A. Music and Encouragement From Balconies Around the World / Alan Taylor // The Atlantic. 2020. March 24. Tekst: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.theatlantic.com/photo/2020/03/music-and-encouragement-from-balconies-around-world/608668/>
 39. Thomson B. Chinese 'nurse' claims corpses of coronavirus victims are left lying in a Wuhan hospital crammed with patients as she warns 'everyone will end up being infected' in desperate plea for help / Billie Thomson // Mail Online. 2020. January 24. Tekst: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-7924805/Chinese-nurse-claims-dead-bodies-left-unattended-Wuhan-hospital.html>
 40. Tkacheva O. Internet Freedom and Political Space / Olesya Tkacheva, Lowell H. Schwartz, Martin C. Libicki, Julie E. Taylor, Jeffrey Martini, Caroline Baxter. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2013. 286 P.

ISBN 978-0-8330-8063-9. Tekst : neposredstvennyj.

41. Trump tries to blunt criticism of Covid-19 response as US cases pass 33,000: sajt. The Guardian. 2020. March 23. Tekst: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/mar/22/trump-coronavirus-response-criticism-us-cases>

42. Whitcomb D. New York, California order tens of millions inside to slow coronavirus spread / Dan Whitcomb, Gabriella Borter // Nasdaq. 2020. March 20. Tekst: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.nasdaq.com/articles/new-york-california-order-tens-of-millions-inside-to-slow-coronavirus-spread-2020-03-20>

43. Wuhan Journalist: Fire Incompetent Wuhan Leader: sajt. David Cowhig's Translation Blog. 2020. January 24. Tekst: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://gaodawei.wordpress.com/2020/01/24/wuhan-journalist-fire-incompetent-wuhan-party-secretary-wuhan-daily-sends-apology-to-wuhan-city-communist-party-committee/>

44. Yu Gao Reporter's Notebook: We Stayed in Wuhan as the Last Trains Pulled Out / Gao Yu // Caixin. 2020. January 23. Tekst: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.caixinglobal.com/2020-01-23/reporters-note-we-stayed-in-wuhan-as-the-last-trains-pulled-out-101507578.html> (data obrashheniya: 17.04.2020).

45. Yuan Li China Silences Critics Over Deadly Virus Outbreak / Li Yuan // The New York Times. 2020. January 22. Tekst: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.nytimes.com/2020/01/22/health/virus-corona.html>

46. Zheng S. Wuhan mayor under pressure to resign over response to coronavirus outbreak / Sarah Zheng // South China Morning Post. 2020. January 23. Tekst: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.scmp.com/news/china/politics/article/3047230/wuhan-mayor-under-pressure-resign-over-response-coronavirus>

47. Zhou Jin China to continue work with WHO, countries to safeguard health / Jin Zhou. Tekst: [EHlektronnyj resurs]. URL: // China Daily. 2020. January 31. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202001/31/WS5e335f1aa310128217273c22.html>

Никита Антонович АРГЫЛОВ, канд. полит. наук, научный сотрудник департамента коммуникаций и медиа Школы искусств и гуманитарных наук ДВФУ, г. Владивосток, Россия, e-mail: argylov.na@dvfu.ru

Петр Витальевич МЕНЬШИКОВ, канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой медийной политики и связей с общественностью МГИМО МИД России, г. Москва, Россия, e-mail: p.menshikov@odin.mgimo.ru

Анастасия Владимировна ШОБОТЕНКО, соискатель кафедры медийной политики и связей с общественностью МГИМО МИД России, г. Москва, Россия, e-mail: a.shobotenko@odin.mgimo.ru

Nikita A. ARGYLOV, Candidate of Political Sciences, Research Fellow, Department of Communications and Media, School of Arts and Humanities, FEPU, Vladivostok, Russia, e-mail: argylov.na@dvfu.ru

Petr V. MENSHIKOV, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Media Policy and Public Relations Department, MGIMO, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia, e-mail: p.menshikov@odin.mgimo.ru

Anastasia V. SHOBOTENKO, PhD Candidate, Department of Media Policy and Public Relations, MGIMO, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia, e-mail: a.shobotenko@odin.mgimo.ru

Поступила в редакцию

(Received) 20.10.2021

Одобрена после рецензирования

(Approved) 15.02.2022

Принята к публикации

(Accepted) 25.02.2022

Пограничные пункты пропуска как инструмент Китая по укреплению экономического и политического сотрудничества с Северной Кореей. Часть 2

Роман Викторович ТАРАНТУЛ

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, tarantil@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается деятельность Китая по развитию пунктов пропуска на границе с КНДР в 2001–2020 годах, которая соотносена с постепенным ростом товарооборота между странами в изучаемый временной период и увеличением доли Китая во внешней торговле Северной Кореей. Преимущественно на основе китайских источников в статье дан обзор пограничных переходов между КНР и КНДР. В ходе исследования установлено, что на фоне ослабления экономических и политических связей КНДР с Россией, Южной Кореей и Японией, Китай интенсивно модернизировал свои погранпереходы с Северной Кореей на всём протяжении границы. Данные мероприятия сыграли важную роль в становлении Китая в качестве ключевого внешнеторгового партнёра КНДР.

Ключевые слова: Китай, Северная Корея, пункт пропуска, грузооборот, экспорт, импорт

Для цитирования: Тарантул Р.В. Пограничные пункты пропуска как инструмент Китая по укреплению экономического и политического сотрудничества с Северной Кореей. Часть 2 // Известия Восточного института. 2022. № 1. С. 156–171. DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/156-171

Original article
DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/156-171

Border checkpoints as a Chinese instrument for strengthening economic and political cooperation with North Korea. Part 2

Roman V. TARANTUL

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, tarantil@rambler.ru

Abstract. The article examines China's activity in the development of checkpoints with the DPRK in 2001–2020 years, which correlated with gradual growth of the volume of freight traffic between countries in studied period and increase in China's share in North Korea's foreign trade. Mainly based on Chinese sources, the article provides an overview of the checkpoints between the PRC and the DPRK. The result of the work is the conclusion that intensive and advanced development of Chinese-North Korean checkpoints has become an important element of PRC's border policy, which ensured the dominant role of Beijing in the foreign economic of DPRK. It was found that during the deterioration of economic and political relations of the DPRK with Russia, South Korea and Japan, China intensively modernized checkpoints with North Korea along the whole border line. This activity played important role in the formation of China as a key foreign trade partner of the DPRK. This thesis is proved by considering the progress of modernization in 2001–2020 for each Chinese-North Korean checkpoint, and an assessment of the development of border crossing systems between countries.

Keywords: China, North Korea, checkpoint, freight turnover, export, import

For citation: Tarantul R.V. Border checkpoints as a Chinese instrument for strengthening economic and political cooperation with North Korea. Part 2 // Oriental Institute Journal. 2022. No. 1. P. 156–171. DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/156-171

Двусторонний грузопассажирский автомобильный пункт пропуска Чанбай-Хэсан с китайской стороны расположен в Чанбай-Корейском автономном уезде (ЧКАУ), городского округа Байшань, провинции Цзилинь; с корейской стороны - в городе Хэсан, провинции Янгандо. Хотя погранпереход играет важную роль в торговом сотрудничестве Китая с КНДР, на момент подписания Соглашения он являлся пунктом пропуска местного уровня. Основное преимущество погранпункта состоит в относительной близости к пяти северо-корейским портам: Раджин (196 км), Чхонджин (140 км), Кимчхек (116 км), Синпхо (145 км), Хамгён (175 км), а также важнейшей железнодорожной ветки Хэсан-Пхеньян.

Импульсом для развития грузового и пассажирского сообщения в данном пункте пропуска стало открытие в 2008 году центра приграничной торговли "Торговый город Иу пункта пропуска Чанбай" площадью 35 тысяч квадратных метров,

где продают самые различные товары широкого потребления: одежду, косметику, электронику, бытовые принадлежности. В центре имеется собственный таможенный пост, что существенно облегчает экспортно-импортные процедуры между Китаем и КНДР на данном направлении. В 2008 году здесь прошла "Ярмарка приграничной торговли Китай-Чанбайшань", в которой приняло участие 56 предприятий из Китая, Северной и Южной Кореи [25].

Вслед за открытием торгового центра началась и реконструкция погранперехода. В 2009 году было построено новое здание пункта пропуска Чанбай, в котором въездные и выездные транспортные потоки разделили на грузовые и пассажирские. Данная мера сократила время контрольных процедур и кратно увеличила пропускную способность погранперехода. К 2014 году грузооборот пункта пропуска Чанбай составил 170 тысяч тонн, что в 5 раз выше показателей 2007 года. Как следствие, по данным китайских информагентств, к 2015 году в ЧКАУ насчитывался 41 китайско-северокорейский проект в области деревообработки, химической промышленности, производства стройматериалов и пр. с общей суммой инвестиций 740 миллионов юаней [19].

С 1992 года пункт пропуска одним из первых стал использоваться для организованных китайских туров в КНДР. В 2019 году пассажирский поток здесь впервые превысил цифру в 100 тысяч человек [14], что стало рекордом за всё время работы погранперехода. Благодаря резко выросшим объёмам грузового и пассажирского оборота в 2018 году пункт пропуска Чанбай был утверждён Госсоветом КНР как пункт пропуска национального уровня [10].

Двусторонний грузопассажирский автомобильный пункт пропуска Линьцзян-Чунган с китайской стороны расположен в городе Линьцзян, городского округа Байшань, провинции Цзилинь; с корейской стороны - в уезде Чунган, провинции Чагандо. Особенностью отнесённого к национальному уровню погранперехода является его нахождение вблизи северокорейского медного рудника Чунган [29], именуемого в КНДР как "35-й Молодёжный медный рудник". Предприятие добывает медную, молибденовую и вольфрамовую руду, отправляя её в Китай, а связанный с рудником китайский бизнес завозит в КНДР различное горное оборудование и технику [29].

"35-й Молодёжный медный рудник" и расположенный поблизости пункт пропуска Линьцзян-Чунган являются показательным примером установления и активного развития экономических связей КНР с КНДР в 2000-х годах. В 2003 году китайские инвесторы зашли на рудник, придав мощный импульс его развитию. В 2004-2005 годах объём добываемой предприятием продукции рос на 1 тысячу тонн в год [19], а импорт минеральных ресурсов через погранпереход Линьцзян-Чунган ежегодно увеличивался на 20%, к 2005 году достигнув цифры в 6,5 тысяч тонн [19].

В 2007 году рудник перешёл под управление совместного китайско-северокорейского предприятия China Mining, которое в дальнейшем построило здесь несколько обогатительных заводов и кратно увеличило объём поставляемых в Китай металлических концентратов. На этом фоне власти провинции Цзилинь в 2010-2019 годах активно реконструировали пункт пропуска. В 2018 году, с оглядкой на положительный опыт погранперехода Чанбай-Хэсан, здесь была создана китайско-северокорейская зона приграничного сотрудничества Линьцзян-Чунган [44], а в 2019 году построено новое здание пункта пропуска [44].

Двусторонний грузопассажирский железнодорожный пункт пропуска Цзиань-Манпхо с китайской стороны расположен в городе Цзиань, провинции Цзилинь; с корейской - в городе Манпхо, провинции Чагандо. Погранпереход учреждён в 1954 году как грузовой. Пассажирское сообщение здесь было открыто в 1964 году. Отнесён к погранпереходам национального уровня.

Главное особенностью пункта пропуска является некоторое видоизменение сложившейся торговой модели между КНР и КНДР, обусловленное выгодным расположением пункта пропуска по отношению к крупным промышленным предприятиям Северной Кореи, потребляющим китайское сырьё и производящим продук-

цию для внутреннего рынка. По различным оценкам, от 30 до 50% грузооборота погранперехода Цзиань связано с поставками китайского сырья в КНДР, в то время как на других погранпереходах сырьё преимущественно завозится из Северной Кореи в Китай.

К примеру, город Канге является одним из центров северокорейского машиностроения. Поскольку собственные технологии не позволяют КНДР получать качественный металлический концентрат, сталь для местных заводов завозится из Китая. В городе Манпхо находится завод по производству автомобильных шин, закупающий в Китае синтетический каучук, технический углерод и кордную ткань, а также крупная птицефабрика, корма для которой также поставляются из КНР [41].

Китайский сырьевой импорт на данном направлении формируется за счёт совместных китайско-северокорейских деревообрабатывающих и горнорудных предприятий, создаваемых в прилегающих районах КНДР с 2001 года.

На момент подписания Соглашения пункт пропуска являлся железнодорожным, однако в 2018 году здесь был открыт отдельный автомобильный погранпереход Цзиань-Манпхо с пропускной способностью 500 000 тонн грузов и 200 000 пассажиров в год [26]. Территория погранперехода составила 10,3 га, что равняется примерно 14 футбольным полям, а стоимость работ превысила 280 миллионов юаней. В силу своих размеров и стратегической значимости пункт пропуска был отнесён к национальному уровню.

Двусторонний грузопассажирский речной пункт пропуска Лаохушао-Вивон с китайской стороны расположен в посёлке Лаохушао, городского округа Цзиань, провинции Цзилинь; с корейской – в уезде Вивон, провинции Чагандо. Особенность погранперехода состоит в его нахождении вблизи совместно эксплуатируемой Китаем и КНДР гидроэлектростанции Лаохушао (корейское название – Вивон). Как следствие, основной его функцией является пропуск грузов и лиц для работы ГЭС. По внутрикитайской классификации отнесён к пунктам пропуска местного уровня.

Погранпереход был открыт в 1978 году вместе с гидроэлектростанцией и изначально функционировал как пассажирский. Грузовые перевозки здесь начали осуществляться с 1990 года на временной основе.

Несмотря узкую специализацию погранперехода, китайские власти не оставляют без внимания его модернизацию. В 2006 году руководство провинции Цзилинь взяло курс на повышение статуса погранперехода Лаохушао до пункта пропуска национального уровня [4, с. 236]. В этих целях в 2014–2016 годах на китайском берегу была построена новая пристань площадью 2500 кв. м., а в 2019–2020 годах реконструированы платформа для осмотра погрузчиков и служебные помещения контрольных служб [5].

С начала 2000-х годов китайская сторона развивает данный погранпункт и в качестве специализированного перехода для туристических обменов. В 2002 году Министерство водных ресурсов КНР включило водохранилище ГЭС Лаохушао площадью 39 кв. км. в список "приграничных туристических зон реки Ялу" [36], а на период Праздника весны в пункте пропуска Лаохушао вводится "зелёный канал" упрощённого пропуска лиц через границу.

Однако эффективность китайских усилий по модернизации погранперехода сильно снижается из-за пассивности КНДР в развитии смежного северокорейского погранпункта Вивон. В отличие от железнодорожных или автомобильных пунктов пропуска, где проблема решается путём возведения или реконструкции трансграничного моста, в случае с речным переходом китайский и северокорейский причалы существуют независимо друг от друга. В то время как китайский пункт пропуска представляет собой современную капитальную пристань, северокорейский причал продолжает существовать в виде временной песчаной насыпи, регулярно страдающей от дождей и наводнений, вплоть до полной невозможности швартовки паромов. К примеру, в 2005 и 2007 годах северокорейская пристань полностью выходила из строя, в связи с чем работа пункта пропуска осуществля-

лась при помощи маломерных лодок-джонок. Уже на протяжении двадцати лет китайская сторона предлагает КНДР отстроить капитальную пристань за свой счёт, однако корейцы не идут на компромисс, ежегодно восстанавливая песчаную насыпь [36].

Двусторонний грузопассажирский речной пункт пропуска Тайпинвай-Шуочжоу расположен на реке Ялуцзян, в заливе Тайпин. Китайская пристань находится в Куаньдянь-Манчжурском автономном уезде, городского округа Даньдун, провинции Ляонин; корейская - в округе Сакчу, провинции Пхённан-Пукто. Расположенный на водохранилище гидроэлектростанции Тайпин погранпереход по внутрикитайской классификации является пунктом пропуска местного уровня.

Основу китайского экспорта здесь составляют строительные материалы, товары повседневного спроса, продукты питания, инструменты и оборудование, автомобили, спецтехника, нефтяной кокс, уголь. Импорт преимущественно состоит из полезных ископаемых: железорудный, золоторудный, алюминиевый и цинковый порошкя, технический кремний, карбид кремния, уголь, ферросилиций и др. Пропускная способность погранперехода составляет до 1000 тонн товаров в день, однако его реальная загрузка остаётся крайне низкой – не более 20 тысяч тонн в год [45].

Примечательно, что темпы модернизации погранперехода Тайпинвай значительно ниже чем на других китайско-северокорейских пунктах пропуска. Возможно, это связано с его нахождением не в Цзилине, а в провинции Ляонин, внимание властей которой сфокусировано на автомобильном и железнодорожном пунктах пропуска Даньдун, через которые проходит до 70% китайско-северокорейского грузооборота. Как следствие, несмотря на заявления чиновников, развитие речного пункта пропуска Тайпинвай осуществляется по остаточному принципу. Так, в 2009 году Народное правительство Даньдуна провело симпозиум по развитию городских пунктов пропуска, где было принято решение о модернизации погранпереходов Даньдун и Тайпинвай. Однако, если в Даньдуне к этому времени уже активно шла реконструкция пропускной инфраструктуры, то для Тайпинвай не было выработано даже конкретной "дорожной карты" развития [45].

В 2016 году представитель города Даньдун в ВСНП КНР Инь Цин подготовил "Предложения по дальнейшему совершенствованию политики поддержки китайских граждан, путешествующих в Северную Корею", где основное внимание уделил пункту пропуска Даньдун, лишь вкратце упомянув и необходимости повышения статуса Тайпинвай до национального уровня [27]. Однако чиновник не привёл каких-либо экономических обоснований относительно необходимости модернизации речного погранпункта, как и не выработал конкретных шагов по достижению поставленной цели.

В мае 2018 года представители партийного и административного руководства провинции Ляонин проинспектировали погранпереход Тайпинвай. По итогам мероприятия вновь прозвучали заявления о необходимости повышения его статуса до пункта пропуска "национального уровня" [31]. В 2019 году специалисты Даляньского технологического университета по запросу правительства города Даньдун подготовили технико-экономическое обоснование модернизации данного пункта пропуска [48], которое по настоящее время не нашло какого-либо воплощения в жизнь.

Вероятно, пассивность властей провинции Ляонин на данном направлении вызвана второстепенным значением погранперехода Тайпинвай в экономическом и, тем более, политическом взаимодействии Китая и Северной Кореи. В 2010-2013 годах здесь перемещалось всего по 10 тысяч тонн грузов в год, и, хотя в 2014 году грузооборот на данном направлении вырос до 20 тысяч тонн, данная цифра по-прежнему остаётся крайне низкой на фоне других китайско-северокорейских пунктов пропуска, тем более не встаёт в сравнение с главной китайско-корейской транспортной артерией Даньдун-Синьдзю.

Стоит отметить, что при упоминании пары городов Даньдун-Синьдзю на ум приходят широко освещаемые в прессе одноимённые железнодорожный и ав-

томобильный пункты пропуска, оба из которых имеют статус международных грузопассажирских погранпереходов. Но кроме них в городе Дандун имеется и двусторонний речной грузовой погранпереход порт Дандун – порт Синьчжу, причал которого расположен на грузовом терминале бумажной фабрики Дандуна. Информации о развитии и модернизации данного малоизвестного погранпункта практически нет, однако в 2016 году члены ВСНП говорили о необходимости открытия здесь отдельного речного терминала для китайских туристов, совершающих однодневные поездки в Северную Корею.

Ключевыми же погранпереходами в экономическом и политическом взаимодействии Китая и Северной Кореи безусловно являются железнодорожный и автомобильный погранпункты Дандун-Синьчжу, отнесённые к погранпереходам национального уровня.

Международный грузопассажирский железнодорожный пункт пропуска Дандун-Синьчжу расположен на железнодорожном вокзале Дандуна и является одним из крупнейших железнодорожных погранпереходов Китая. Пункт пропуска функционирует с 1954 года, когда КНР и КНДР подписали соглашение о железнодорожных трансграничных перевозках. В 2006-2008 годах здания железнодорожного вокзала и пункта пропуска Дандун были реконструированы [34], а в 2016 году была отдельно модернизирована та часть вокзала, где формируются грузовые поезда в Северную Корею. Число путей прибытия/отправления было увеличено с 4 до 6, отремонтировано 7 манёвровых линий.

Международный грузопассажирский автомобильный пункт пропуска Дандун-Синьчжу был открыт в 1955 году, однако с 1966 по 1981 года он не функционировал. Регулярное пассажирское сообщение здесь осуществляется при помощи автобуса, курсирующего из Китая в КНДР и обратно дважды в сутки [33]. Однако основной функцией данного погранперехода остаётся пропуск грузов, поскольку около 70% всего китайско-корейского товарооборота осуществляется через автомобильно-железнодорожный "Мост дружбы", который за свою исключительную для КНДР роль получил среди южнокорейских журналистов неофициальное название "дороги жизни".

Именно автомобильное направление Дандун-Синьчжу в период становления Китая в качестве главного экономического партнёра КНДР получило наибольшее развитие. В 2004–2005 годах погранпереход был расширен и реконструирован. Однако для быстрорастущей китайско-северокорейской торговли модернизации одного лишь пункта пропуска было недостаточно. Узким местом оставался железнодорожно-автомобильный "Мост дружбы", пропускная способность которого составляет лишь 200 автомобилей в сутки с предельной массой 20 тонн. Как следствие, в 2010–2014 годах в восьми километрах от него Китай построил новый четырёхполосный автомобильный мост. Однако с 2014 по 2019 года близкий к завершению проект оставался замороженным, поскольку Северная Корея отказывалась строить подъездные пути к мосту. В 2019 году Председатель КНР Си Цзиньпин и лидер КНДР Ким Чен Ын всё же договорились о продолжении работ, благодаря чему реализация проекта стоимостью \$360 млн. вошла в завершающую фазу [33].

Автомобильный и железнодорожный пункты пропуска Дандун-Синьчжу играют важную роль для китайско-северокорейского туризма, активное развитие которого здесь пришлось на 2010-е года. В октябре 2012 Национальная администрация по туризму КНР определила Дандун в качестве пункта агрегации туристов для поездок в Северную Корею, а с 2016 года погранпереходы Дандуна стали единственными в Китае пунктами пропуска, откуда граждане КНР могут отправиться в однодневный тур в Северную Корею по внутрикитайскому паспорту. Кроме того, в Дандуне существует ускоренная однодневная процедура получения северокорейской туристической визы для длительных поездок в КНДР. Благодаря данным мерам в 2016 году из города Дандун в КНДР выехало 20 тысяч туристов, что в два раза превысило показатели 2014 и 2015 годов. В 2016 году представители ВСНП КНР поднимали вопрос создания речного туристического

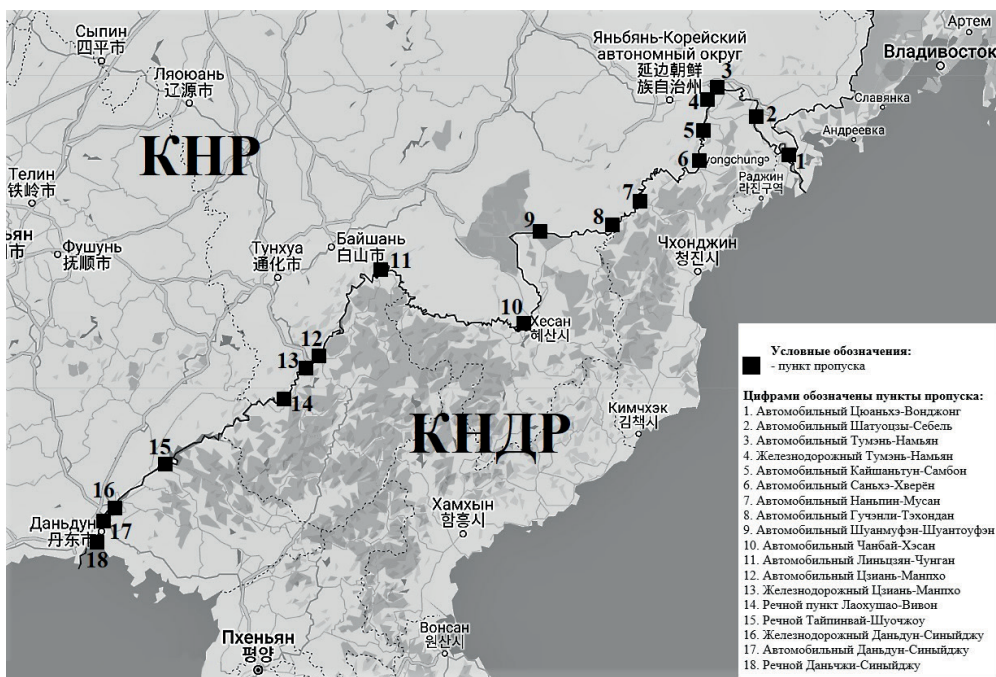

Рис. 1. Постоянные пункты пропуска между Китаем и КНДР по состоянию на начало 2020 года. Составлено автором.

Fig. 1. Permanent checkpoints between China and North Korea as of early 2020. Compiled by the author.

терминала в Дандуне, однако на настоящий момент данный проект остаётся не-реализованным.

Как говорилось выше, в текст Соглашения, которое, казалось бы, охватывает китайско-северокорейскую границу на всём её протяжении, не вошло несколько погранпереходов, имеющих статус временных. К таковым, к примеру, относятся грузовой автомобильный пункт пропуска Цинши-Юньфэн, служебный переход Бадагоу-Пупин, речной грузовой переход Сандаогу-Фадонри, речной грузовой переход Цзиань-Манпхо, открытые в 1990-х годах и решающие довольно узкие задачи. К примеру, Цинши-Юньфэн располагается на китайско-северокорейской ГЭС Юньфэн и, хотя в отдельные годы его товарооборот достигает 20 тысяч тонн, в первую очередь он обеспечивает работу электростанции. Служебный переход Бадагоу-Пупин расположен у небольшой, но исторически важной для северных корейцев железнодорожной станции Пупин - именно здесь, согласно официальной версии, четырнадцатилетний Ким Ир Сен покинул захваченную японцами родину, дав себе обещание вернуться. Как следствие, данный погранпереход открывается на период проведения памятных мероприятий [43].

Примечательно, что система не включённых в Соглашение временных пунктов пропуска также находится в непрерывной модернизации. К примеру, в мае 2019 года в четырёх километрах от стыка границ РФ-КНР-КНДР был открыт временный пассажирский речной пункт пропуска Фанчуань-Туманган, предназначенный для пропуска китайских туристов в КНДР [46]. Соглашение об открытии переправы между городом Хуньчунь и СЭЗ Расон было подписано ещё в 2016 году, тогда же состоялись первые пробные туристические поездки. [46].

Из приведённых фактов видно, что за двадцать лет с момента подписания Соглашения система китайско-северокорейских погранпереходов развивалась не только качественно, но и количественно: построен новый автомобильный погранпункт Цзиань, служебный переход Шуанмуфэнь повышен до уровня двустороннего автомобильного погранперехода, открыт временный речной пункт про-

Наименование пары пунктов пропуска	Статус пункта пропуска в 2001 году по внутрикитайской классификации	Статус пункта пропуска в 2020 году по внутрикитайской классификации
Цюаньхэ-Вонджонг	национального уровня	национального уровня
Шатуоцзы-Себель	местного уровня	национального уровня
Тумэнь-Намьян (автомобильный)	национального уровня	национального уровня
Тумэнь-Намьян (железнодорожный)	национального уровня	национального уровня
Кайшаньтун-Самбон	национального уровня	национального уровня
Саньхэ-Хверён	национального уровня	национального уровня
Наньпин-Мусан	национального уровня	национального уровня
Гучэнли-Тэхондан	местного уровня	национального уровня
Шуанмуфэн-Шуантоуфэн	служебный переход	местного уровня
Чанбай-Хэсан	местного уровня	национального уровня
Линьцзян-Чунган	национального уровня	национального уровня
Цзиань-Манпхо (автомобильный)	НЕ СУЩЕСТВОВАЛ	национального уровня
Цзиань-Манпхо (железнодорожный)	национального уровня	национального уровня
Лаохушао-Вивон	местного уровня	местного уровня
Тайпинвай-Шуочжоу	местного уровня	местного уровня
Даньдун-Синийчжу (железнодорожный)	национального уровня	национального уровня
Даньдун-Синийчжу (автомобильный)	национального уровня	национального уровня
порт Даньчжи - порт Синийчжу	местного уровня	местного уровня

Табл. 1. Развитие китайско-северокорейских пунктов пропуска в 2001-2020 годах. Составлено автором.

Table 1. Development of Chinese-North Korean checkpoints in 2001-2020. Compiled by the author.

пуска Фанчуань. В итоге число постоянных погранпереходов увеличилось с 16 до 18 (рисунок 1), разработано как минимум три проекта новых пунктов пропуска: железнодорожные Дяованьцзы-Хунюнни и Наньпин-Мусан, туристический Чуншань-Самджанг. В уже существующих погранпунктах построено четыре новых автомобильных моста, три пункта пропуска местного уровня по результатам проведённых модернизаций повышены до национального уровня, а общее число пунктов пропуска первого класса достигло тринадцати (таблица 1).

Таким образом, китайская политика по развитию пунктов пропуска на границе с КНДР представляет собой спектр взаимосвязанных мероприятий, направленных на создание и развитие трансграничной транспортно-логистической инфраструк-

Основные изменения в период 2001-2020 гг.
- построен новый мост
- пропускная способность увеличена в 2 раза - повышен до национального уровня
- модернизированы прилегающие железные дороги в КНР и КНДР - открыто туристическое сообщение без изменения статуса грузового погранперехода
- построен новый мост - пропускная способность увеличена в 3 раза
- реконструированы здания контрольных служб и прилегающая территория
- пропускная способность увеличена в 2 раза - проведена реконструкция моста - реконструированы здания пункта пропуска - подготовлены предложения по присвоению статуса международного пункта пропуска
- построен новый мост - построен новый комплекс зданий пункта пропуска - площадь пункта пропуска увеличена до 20 тыс. кв. м.
- пропускная способность увеличена в 2 раза - реконструированы досмотровые здания и территория
- построено новое здание погранперехода, оборудована территория - статус повышен со служебного перехода до временного, а затем и до постоянного двустороннего грузо-пассажирского пункта пропуска
- построено новое здание пункта пропуска
- построено новое здание пункта пропуска
- создан новый пункт пропуска национального уровня
- оптимизированы грузопотоки путём открытия автомобильного пункта пропуска
- построена новая пристань - отремонтирована платформа осмотра погрузчиков
- отремонтирован вокзал в части касающейся международных перевозок - число путей международных отправок увеличено с 4 до 6
- построен новый автомобильный мост

туры, призванной эффективно обеспечивать доминирующую роль Китая в внешнеэкономической деятельности КНДР. Результатом двадцатилетнего развития стала эффективная и гармоничная система пунктов пропуска на границе с Северной Кореей.

При этом Китай не останавливается в совершенствовании системы пограничных переходов с КНДР, действуя в зависимости от экономических, геополитических и иных реалий. К примеру, активное взаимодействие экономик города Хуньчунь и СЭЗ Расон обусловило не только строительство нового трансграничного автомобильного моста в пункте пропуска Цюаньхэ-Вонджон, но и повлекло открытие туристического речного погранперехода Фаньчуань-Туманган, а также разработку проекта железной дороги Дяованьцзы-Хунюнни. С другой стороны, такое экономически неостребованное направления как Тайпинвай-Шуочжоу власти КНР оставляют без внимания, не занимаясь "развитием ради развития".

Казалось бы, что в нагрузке на китайско-северокорейские пункты пропуска существует явный дисбаланс, поскольку располагающиеся в провинции Ляонин автомобильный и железнодорожный пункты пропуска Дандун-Синьджу обеспечивают до 70% грузовых перевозок между КНР и КНДР, в то время как на 15 постоянных погранпереходов провинции Цзилинь приходится около трети двусторонней торговли. Однако даже столь явный перекося в распределении грузовых потоков имеет свои экономические, геополитические и национально-культурные объяснения. Дандун и Синьджу - крупные коммерческие и логистические центры КНР и КНДР, где созданы необходимые условия для ведения международного бизнеса и через которые следует подавляющая часть грузооборота. Провинция Цзилинь, в свою очередь, является центром расселения этнических корейцев, проживающих в приграничных с КНДР ЯКАО и ЧКАУ. Как следствие, небольшие по размерам и объёмам грузооборота пункты пропуска, многие из которых имеют статус двусторонних, призваны обеспечивать приграничный торговый и пассажирский оборот, в то время как Дандун-Синьджу скорее ориентирован на снабжение не граничащих с Китаем районов Северной Кореи.

Исследуя пограничную политику Китая в части развития пунктов пропуска с КНДР, важно оценить и ответные шаги северокорейской стороны по развитию смежных погранпереходов. Информация по данному вопросу практически отсутствует в свободном доступе, однако анализ имеющихся сведений позволяет сделать вывод, что власти КНДР в целом поддерживают китайские инициативы по развитию пропускной инфраструктуры, проводя синхронные мероприятия на своей территории.

Так, новые трансграничные автомобильные мосты в пунктах пропуска Цюаньхэ-Вонджонг и Тумэнь-Намьян создавались в рамках соответствующих двусторонних соглашений, в тесном организационном взаимодействии приграничных властей и строительных компаний двух стран. Финансирование и оборудование для сооружения данных объектов предоставлял Китай, рабочую силу и строительные материалы - Северная Корея. Дополнительно о политической готовности КНДР к сотрудничеству с Китаем в развитии транспортной инфраструктуры говорит и тот факт, что Северная Корея допустила китайские компании к реконструкции автомобильных и железных дорог от некоторых пунктов пропуска до северокорейских портов.

Кроме того, согласно китайским официальным источникам, вслед за модернизацией китайских погранпереходов на границе с КНДР зачастую отмечался резкий рост грузооборота в отдельно взятых пунктах пропуска, вплоть до максимальной постреструктуриционной загрузки погранпереходов. Так, после проведенной в 2012 году модернизации китайского пункта пропуска Саньхэ, увеличившей его пропускную способность со 150 до 300 тысяч тонн грузов в год, уже в 2015 году грузооборот на данном направлении достиг цифры в 276 тысяч тонн [28, 38]. Схожая ситуация имела место и на погранпереходе Чанбай-Хэсан, когда после реконструкции его китайской части уже на следующий год грузооборот пункта пропуска вырос в 5 раз и составил 170 тысяч тонн [19]. Столь резкий рост двусторонней торговли на отдельно взятых направлениях был бы невозможен без синхронного развития смежных погранпереходов в КНДР.

Показательным примером северокорейской поддержки китайских инициатив является пункт пропуска Шуанмуфэн-Шуантоуфэн, за 2009-2019 годов выросший из служебного перехода в двусторонний автомобильный пункт пропуска, в первую очередь предназначенный для поездок китайских туристов в КНДР. Примечательно, что параллельно с модернизацией данного погранперехода северокорейские власти активно отстраивали расположенную поблизости специальную туристическую зону Самджиён.

Стоит отметить и регулярно публикуемые в западной прессе данные спутниковых снимков, свидетельствующие об активной модернизации северокорейской железнодорожной инфраструктуры в районе городов Синьджу и Манпхо, распо-

ложенных напротив китайских железнодорожных пунктов пропуска Дандунь и Цзиань соответственно.

Вместе с тем в отдельных случаях КНДР искусственно препятствует китайским инициативам по развитию пропускной инфраструктуры. В первую очередь стоит отметить новый автомобильный мост Дандун-Синьиджу, строительство которого северокорейская сторона по неизвестным причинам заморозила более чем на пять лет. Со схожими, хотя и менее масштабными проблемами Китай сталкивается в речном пункте пропуска Лаохушао-Вивон, где КНДР отказывается от строительства полноценной пристани на своём берегу реки Ялуцзян. Однако при рассмотрении данных проблемных объектов через призму межгосударственного взаимодействия, они представляются как локальные трудности, не оказывающие решающего влияния на общую линию развития пропускной инфраструктуры между КНР и КНДР.

Таким образом, развитие пропускной инфраструктуры КНР и КНДР в 2001-2020 годах дало необходимый синергетический эффект, позволивший обеспечить стабильный рост грузооборота между странами и, как следствие, выстроить прочное экономическое взаимодействие двух государств. Китай, осуществив тактические по масштабам и стоимости мероприятия по развитию пунктов пропуска с КНДР, сделал их ключевым элементом своей пограничной политики в отношении Северной Кореи, обеспечившим стратегическое экономическое доминирование во внешнеторговом обороте КНДР.

Литература

1. Kim Samuel S., Lee Tai Hwan. North Korea and Northeast Asia (Asia in World Politics.). Lanham, MA: Rowman & Littlefield, 2002. DOI 10.1017/S0041977X03330356.

2. 中华人民共和国政府和朝鲜民主主义人民共和国政府关于边境口岸及其管理制度的协定 = Соглашение между правительством КНР и правительством КНДР о пунктах пересечения границы и системах управления ими // Сайт Министерства коммерции КНР. URL.: <http://policy.mofcom.gov.cn/pact/pactContent.shtml?id=859> (дата обращения: 10.09.21).

3. 中华人民共和国政府和朝鲜民主主义人民共和国政府关于共同建设、管理和维护集安—满浦界河公路大桥的协定 = Соглашение между правительством КНР и правительством КНДР о совместном строительстве, управлении и техническом обслуживании автомобильного моста Цзиань-Манпо // Сайт Министерства иностранных дел КНР https://www.fmprc.gov.cn/web/ziliao_674904/tytj_674911/tyfg_674913/t947949.shtml (дата обращения: 21.09.21).

4. "中国口岸年鉴" 2016年 = Ежегодник портов Китая за 2016 год // Государственная статистическая информационная сеть КНР. URL.: <http://www.tjcn.org/tjnj/KKK/35780.html> (дата обращения: 15.09.21).

5. 集安市人民政府口岸办公室集安市老虎哨口岸维修改造项目公开招标公告 = Объявление Управления пунктов пропуска народного правительства города Цзиань о публичных торгах на проект по техническому обслуживанию и ремонту пункта пропуска Лаохушао в городе Цзиань // Информационная сеть по государственным закупкам Министерства финансов КНР. URL.: http://www.ccgp.gov.cn/ccggg/dfgg/gkzb/201909/t20190929_13013797.htm (дата обращения: 17.09.21).

6. 州人大常委会执法检查组关于对《延边朝鲜族自治州口岸管理条例》贯彻实施情况进行执法检查的报告 = Отчёт инспекционной группы Постоянного комитета НПКС Яньбянь-корейского автономного округа о выполнении "Положений об управлении пунктами пропуска Яньбянь-корейского автономного округа" // Сайт Постоянного комитета НПКС Яньбянь-корейского автономного округа. URL.: <http://www.ybrd.gov.cn/monitoring/jdbg/2019-04-09/176390.html> (дата обращения: 20.09.21).

7. 2019年政府工作报告 = Отчёт о работе правительства города Тумэнь за 2019 год // Сайт Народного правительства города Тумэнь. URL.: http://www.tumen.gov.cn/zw_2185/jcxxgk/gzbg/202010/t20201010_168734.html (дата обращения: 21.09.21).

8. 2013年政府工作报告 = Отчёт о работе правительства провинции Цзилинь за 2013 год // Сайт народного правительства провинции Цзилинь. URL.: http://www.jl.gov.cn/zw/jcxxgk/gzbg/szfgzbg/201411/t20141119_6625523.html (дата обращения: 19.09.21).

9. 2018年安图县政府工作报告 = Отчёт о работе правительства уезда Аньту за 2018 г. // Сайт Народного правительства провинции города Аньту. URL.: http://www.antu.gov.cn/zw_2292/jcxxgk/gzbg/201912/t20191203_28484.html (дата обращения: 18.09.21).

10. 2018年全国口岸验收情况 = Перечень утверждённых в 2018 году пунктов пропуска национального уровня // Сайт главного таможенного управления КНР. URL.: <http://www.customs.gov.cn/customs/302249/302310/kakfygb/2176495/index.html> (дата обращения: 21.09.21).

11. 2019年全国口岸验收情况 = Перечень утверждённых в 2019 году пунктов пропуска национально-го уровня // Сайт главного таможенного управления КНР. URL.: <http://www.customs.gov.cn/customs/>

ztzl86/302310/kakfygb/2659191/index.html (дата обращения: 21.09.21).

12. 李玉晶, 张冬梅, 金炯宇. 2016关于和龙边境经济合作区的调研报告 = Ли Юйцзин, Чжан Дунмэй, Цзинь Цзюньюй. Отчёт об исследовании зоны приграничного экономического сотрудничества Хэлу в 2016 году // 延边党校学报. 2016年4月, 第32卷第2期2016年4月, 87-89 = Журнал партийной школы Яньбянь, апрель 2016 г., том 32, выпуск 2, стр. 87-89. DOI: 10.16332 / j .cnki.cn22-1302 / d.2016.02.028 (дата обращения: 21.09.21).

13. 中国图们到朝鲜七宝山铁路旅游线路恢复开通 = Возобновил работу туристический маршрут железной дороги Цибаошань из китайского города Тумэнь в Северную Корею // Информационный портал "Sohu". URL.: https://www.sohu.com/a/329034513_362042 (дата обращения: 16.09.21).

14. 长白口岸出入境人数创历史新高 = В пункте пропуска Чанбай установлен рекорд по количеству пересечений границы // Служба новостей КНР. URL.: <http://www.jl.chinanews.com/shms/2019-12-16/105030.html> (дата обращения: 19.09.21).

15. 学习贯彻十八大 = Изучение и внедрение положений 18-го национального конгресса Коммунистической партии Китая // Сайт Министерства коммуникаций КНР. URL.: http://zizhan.mot.gov.cn/zhuantizhuanlan/qita/zoujingzhib/xinwencehua/xuexiguancheshibada/201606/t20160623_2048682.html (дата обращения: 20.09.21).

16. 中朝签署《中朝图们-南阳口岸新界河公路桥建桥协定》 = Китай и Северная Корея подписали "Соглашение КНР и КНДР о строительстве нового моста через пограничную реку в пунктах пропуска Тумэнь-Намьян" // Сайт Министерства иностранных дел КНР. URL.: https://www.mfa.gov.cn/web/zwbw_673032/wshd_673034/t1296816.shtml (дата обращения: 21.09.21).

17. 中朝将在图们江上建公路桥 = Китай и Северная Корея построят автомобильный мост через реку Тумэнь // Информационное агентство "Жэньмин жибао". URL.: <http://world.people.com.cn/n/2015/0918/c157278-27604494.html> (дата обращения: 21.09.21).

18. 中国加快打造图们江区域国际合作重要支点 = Китай ускоряет создание важной точки опоры международного сотрудничества в районе реки Тюмень // Сайт журнала "China Securities Journal". URL.: http://www.cs.com.cn/xwzx/hg/201208/t20120823_3468828.html (дата обращения: 20.09.21).

19. 鸭绿江畔起潮声-吉林省沿边口岸经济发展扫描 = Нарастающие звуки у реки Ялу - Обзор экономического развития пунктов пропуска провинции Цзилинь // Сайт управления по делам Тайваня народного правительства провинции Цзилинь. URL.: <http://www.huaxia.com/jltw/xj/yw/jlyw/2015/11/4620126.html> (дата обращения: 19.09.21).

20. 中朝国境桥造工程启动 = Началась реализация проекта реконструкции китайско-корейского пограничного моста // Сайт информационного агентства "China Daily". URL.: http://www.chinadaily.com.cn/dfpd/jl/2010-03/17/content_9602587.htm (дата обращения: 17.09.21).

21. 珲春沙坨子口岸鱿鱼进口量大幅增长创新高 = Объем импорта кальмаров в порту Шатуоцзы в Хунчуне резко увеличился и достиг нового максимума // Информационное агентство "Sina.com". URL.: <http://jl.sina.com.cn/yanbian/hunchun/2015-07-22/7549.html> (дата обращения: 18.09.21).

22. "一带一路"图们口岸: 期待更大投入 提升通关能力 = "Один пояс, один путь" в пункте пропуска Тумэнь: с нетерпением ждём увеличения инвестиций в улучшение таможенного оформления // Информационное агентство "China Business News". URL.: <https://www.yicai.com/news/4668316.html> (дата обращения: 19.09.21).

23. 乘风向远海天阔 -2017年延边州开发开放工作回眸 = Оседлав ветер к далёким морям и бескрайнему небу - Обзор развития и открытости Яньбянь-Корейского автономного округа в 2017 году // Сайт "Новости Яньбянь". URL.: http://www.ybrbnews.cn/SpecialTopic/2017-12/21/294_169905.html (дата обращения: 21.09.21).

24. 关于加快推进沙坨子口岸中朝柳多岛边民互市贸易区建设的建议的答复 = Ответ на предложение об ускорении строительства китайско-корейской приграничной торговой зоны на острове Людоу в пункте пропуска Шатуоцзы // Информационное агентство "Торговая сеть Китая". URL.: <https://jl.zhaoshang.net/2017-11-29/616703.html> (дата обращения: 21.09.21).

25. 首届中国-长白边境贸易商品交易会开幕 = Открытие первой приграничной товарной ярмарки Китай-Чанбайшань // Информационное агентство "Sohu.com". URL.: <http://news.sohu.com/20080918/n259626344.shtml> (дата обращения: 17.09.21).

26. 中朝集安-满浦公路口岸正式开通 = Официально открыт китайско-северокорейские автомобильный пункт пропуска Цзиань-Манпхо // Информационное агентство "Хубэй Жибао". URL.: <http://news.cnhubei.com/caijing/p/10553646.html> (дата обращения: 18.09.21).

27. 人大代表尹清建议: 升级丹东太平洋口岸, 加速边境旅游发展 = Предложение депутата Всекитайского собрания народных представителей Инь Цзин: модернизировать пункт пропуска Тайпин в Даньдуне для развития приграничного туризма // Информационное агентство "Sohu.com". URL.: https://www.sohu.com/a/128537771_260616 (дата обращения: 19.09.21).

28. 关于将龙井市三合口岸升级改造的建议 = Предложения по модернизации и ремонту пункта пропуска Саньхэ в городе Луңцин // Сайт Постоянного комитета НПКС Яньбянь-корейского автономного округа. URL.: <http://www.ybrd.gov.cn/rmdbdh/dychy/2015-07-13/172562.html> (дата обращения: 20.09.21).

29. 经济外交研究中心张翠珍、张璐超两位老师赴吉林省临江市调研 = Преподаватели Чжан Цуйчжэнь и

Чжан Лучао из Центра исследований экономической дипломатии отправились в город Линьцзян провинции Цзилинь для исследований // Центр исследований экономической дипломатии Китайского университета иностранных дел. URL.: http://jjwj.cfau.edu.cn/art/2019/9/9/art_4129_74969.html (дата обращения: 21.09.21).

30. 我院设计的中朝圈河-元汀界河公路大桥项目交工验收 = Приёмка китайско-северокорейского автодорожного моста Цюаньхэ-Вонджин через пограничную реку, спроектированного нашим институтом // Сайт дорожного управления города Хуньчунь. URL.: <http://www.hcygs.net/index.php?id=2862> (дата обращения: 19.09.2021).

31. 省市调研组到我县调研口岸工作 = Провинциальная и городская исследовательские группы прибыли в наш округ для инспектирования работы пункта пропуска // Информационное агентство "Даньдун Ньюз". URL.: http://www.ddnews.com.cn/swxx/content/2018-05/17/content_110687.htm (дата обращения: 21.09.21).

32. 古城里口岸 = Пункт пропуска Гучэнли // Интернет-энциклопедия "Байду". URL.: <https://www.baik.com/古城里口岸> (дата обращения: 21.09.21).

33. 丹东陆路(公路)口岸 = Пункт пропуска Даньдун (автомобильный) // Сайт ассоциации пунктов пропуска КНР. URL.: <http://kouanxiehui.langye.net/kaifangkouan/yunshufangshi/gonglukouan/2019-02-19/200.html> (дата обращения: 18.09.21).

34. 丹东陆路(铁路)口岸 = Пункт пропуска Даньдун (железнодорожный) // Сайт ассоциации пунктов пропуска КНР. URL.: <http://kouanxiehui.langye.net/kaifangkouan/yunshufangshi/tielukouan/2019-02-19/199.html> (дата обращения: 19.09.21).

35. 开山屯陆路(公路)口岸 = Пункт пропуска Кайшантунь (автомобильный) // Сайт ассоциации пунктов пропуска КНР. URL.: <http://www.caop.org.cn/kaifangkouan/yunshufangshi/gonglukouan/2019-02-19/165.html> (дата обращения: 20.09.21).

36. 老虎哨口岸 = Пункт пропуска Лаохушао // Интернет-энциклопедия "Байду". URL.: <https://baike.baidu.com/item/老虎哨口岸> (дата обращения: 20.09.21).

37. 南坪口岸 = Пункт пропуска Наньпин // Интернет-энциклопедия "Байду". URL.: <https://baike.baidu.com/南坪口岸> (дата обращения: 21.09.21).

38. 三合口岸 : 让中朝贸易频繁互动 贸易重要通 = Пункт пропуска Саньхэ: важный канал для частого торгового взаимодействия между Китаем и Северной Кореей // Информационное агентство "Sohu". URL.: https://m.sohu.com/a/39630125_114812 (дата обращения: 21.09.21).

39. 三合口岸 : 中朝贸易"黄金桥" = Пункт пропуска Саньхэ: "Золотой мост" для торговли между Китаем и КНДР // Информационное агентство "Жэньмин жибао". URL.: <http://finance.people.com.cn/n/2015/0812/c395539-27451226.html> (дата обращения: 19.09.21).

40. 图门口岸 = Пункт пропуска Тумэнь // Интернет-энциклопедия "Байкэ". URL.: <https://www.baik.com/wiki/图门口岸/> (дата обращения: 17.09.21).

41. 集安陆路(铁路)口岸 = Пункт пропуска Цзиань (железнодорожный) // Сайт ассоциации пунктов пропуска КНР. URL.: <http://kouanxiehui.langye.net/kaifangkouan/yunshufangshi/tielukouan/2019-02-19/155.html> (дата обращения: 21.09.21).

42. 双目峰口岸 = Пункт пропуска Шуанмуфэн // Интернет-энциклопедия "Байкэ". URL.: <https://www.wanweibaike.com/wiki-双目峰口岸> (дата обращения: 18.09.21).

43. 吉林省口岸2000年代 = Пункты пропуска провинции Цзилинь в 2000-х годах // Онлайн-платформа для обмена документами "Даокэ Ба". URL.: <http://www.doc88.com/p-710683135348.html> (дата обращения: 21.09.21).

44. 打造500公里鸭绿江经济带奋力谱写白山开放发展新篇章 = Создание пятисоткилометрового экономического пояса реки Ялу и позволит написать новую главу в развитии открытости региона Байшань // Сайт Комиссии по развитию и реформам провинции Цзилинь. URL.: http://jldrc.jl.gov.cn/qt/sxzx/201802/t20180228_5224554.html (дата обращения: 21.09.21).

45. 宽甸太平湾口岸河口码头主要是对朝运输及贸易 = Терминал пункта пропуска Тайпин в Куаньдяне в первую очередь предназначен для транспортного и торгового сообщения с Северной Кореей // Новостной портал города Даньдун. URL.: <http://dandong.liebiao.com/jiuhuo/271808481.html> (дата обращения: 21.09.21).

46. 中朝图们江跨江游受欢迎 中国旅行商组团考察新线路 = Тур по пересечению китайско-северокорейской реки Тумэнь всё более популярен. Китайские туроператоры исследуют новые направления // Информационное агентство "Байду". URL.: <https://baijiahaobaidu.com/s?id=1638217786604544415&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 19.09.21).

47. 吉林南坪口岸改善通关环境满足国内铁矿粉需求 = Улучшение условий таможенного оформления в цзилинском пункте пропуска Наньпин для удовлетворения внутреннего спроса на порошок железной руды // Сайт Государственного совета КНР. URL.: http://www.gov.cn/govweb/jrzg/2008-08/11/content_1069713.htm (дата обращения: 17.09.21).

48. 丹东太平湾口岸列为国家一类口岸管理项目可行性研究报告评审会顺利召开 = Успешно прошло заседание по рассмотрению технико-экономического обоснования повышения пункта пропуска Тайпинвай города Даньдун до пункта пропуска национального уровня // Сайт департамента торговли провинции Ляонин. URL.: http://swt.ln.gov.cn/ywzl/kgaz/201906/t20190612_3505485.html (дата обращения: 18.09.21).

49. 2000년도 북한의 대외무역동향(요약본) = Тенденции внешней торговли Северной Кореи в 2000 г. (Сводка) // Сайт Корейского агентства содействия торговле и инвестициям (KOTRA). URL.: <https://news.kotra.or.kr/user/globalBbs/kotranews/787/globalBbsDataView.do?setIdx=249&dataIdx=17&pageViewType=&column=&search=&searchAreaCd=&searchNationCd=&searchTradeCd=&searchStartDate=&searchEndDate=&searchCategoryId=&searchIndustryCatIdx=&searchItemCode=&searchItemName=&page=5&row=10> (дата обращения 20.11.21).

50. 2014년 북한의 대외무역동향 = Динамика внешней торговли Северной Кореи в 2014 г. // Сайт Корейского агентства содействия торговле и инвестициям (KOTRA). URL.: <https://news.kotra.or.kr/user/globalBbs/kotranews/787/globalBbsDataView.do?setIdx=249&dataIdx=145472&pageViewType=&column=&search=&searchAreaCd=&searchNationCd=&searchTradeCd=&searchStartDate=&searchEndDate=&searchCategoryId=&searchIndustryCatIdx=&searchItemCode=&searchItemName=&page=1&row=10> (дата обращения 20.11.21).

51. 2020년 북한의 대외무역 동향 = Тенденции внешней торговли Северной Кореи в 2020 г. (Сводка) // Сайт Корейского агентства содействия торговле и инвестициям (KOTRA). URL.: <https://news.kotra.or.kr/user/globalBbs/kotranews/787/globalBbsDataView.do?setIdx=249&dataIdx=190049&pageViewType=&column=&search=&searchAreaCd=&searchNationCd=&searchTradeCd=&searchStartDate=&searchEndDate=&searchCategoryId=&searchIndustryCatIdx=&searchItemCode=&searchItemName=&page=1&row=10> (дата обращения 20.11.21)..

References

1. Kim Samuel S., Lee Tai Hwan. North Korea and Northeast Asia (Asia in World Politics.). Lanham, MA: Rowman & Littlefield, 2002. DOI 10.1017/S0041977X03330356.
2. 中华人民共和国政府和朝鲜民主主义人民共和国政府关于边境口岸及其管理制度的协定 = Soglashenie mezhdru pravitel'stvom KNR i pravitel'stvom KNDR o punktakh peresecheniya granitsy i sistemakh upravleniya imi // Sajt Ministerstva kommersii KNR. URL.: <http://policy.mofcom.gov.cn/pact/pactContent.shtml?id=859> (data obrashheniya: 10.09.21).
3. 中华人民共和国政府和朝鲜民主主义人民共和国政府关于共同建设、管理和维护集安—满浦界河公路大桥的协定 = Soglashenie mezhdru pravitel'stvom KNR i pravitel'stvom KNDR o sovmestnom stroitel'stve, upravlenii i tekhnicheskome obsluzhivanii avtomobil'nogo mosta TSzian'-Manpkho // Sajt Ministerstva inostrannykh del KNR https://www.fmprc.gov.cn/web/ziliao_674904/tytj_674911/tyfg_674913/t947949.shtml (data obrashheniya: 21.09.21).
4. "中国口岸年鉴" 2016年 = Ezhegodnik portov Kitaya za 2016 god// Gosudarstvennaya statisticheskaya informatsionnaya set' KNR. URL.: <http://www.tjcn.org/tjnj/KKK/35780.html> (data obrashheniya: 15.09.21).
5. 集安市人民政府口岸办公室集安市老虎哨口岸维修改造项目公开招标公告 = Ob'yavlenie Upravleniya punktov propuska narodnogo pravitel'stva goroda TSzian' o publicnykh torgakh na proekt po tekhnicheskome obsluzhivaniiyu i remontu punkta propuska Laokhushao v gorode TSzian' // Informatsionnaya set' po gosudarstvennym zakupkam Ministerstva finansov KNR. URL.: http://www.ccgp.gov.cn/ccgg/dfgg/gkzb/201909/t20190929_13013797.htm (data obrashheniya: 17.09.21).
6. 州人大常委会执法检查组关于对《延边朝鲜族自治州口岸管理条例》贯彻实施情况进行执法检查的报告 = Otchyot inspektsionnoj grupy Postoyannogo komiteta NPKS YAn'byan'-korejskogo avtonomnogo okruga o vypolnenii "Polozhenij ob upravlenii punktami propuska YAn'byan'-korejskogo avtonomnogo okruga" // Sajt Postoyannogo komiteta NPKS YAn'byan'-korejskogo avtonomnogo okruga. URL.: <http://www.ybrd.gov.cn/monitoring/jdbg/2019-04-09/176390.html> (data obrashheniya: 20.09.21).
7. 2019年政府工作报告 = Otchyot o rabote pravitel'stva goroda Tumehn' za 2019 god // Sajt Narodnogo pravitel'stva goroda Tumehn'. URL.: http://www.tumen.gov.cn/zw_2185/jcxcgk/gzbg/202010/t20201010_168734.html (data obrashheniya: 21.09.21).
8. 2013年政府工作报告 = Otchyot o rabote pravitel'stva provintsii TSzil'in' za 2013 god // Sajt narodnogo pravitel'stva provintsii TSzil'in'. URL.: http://www.jl.gov.cn/zw/jcxcgk/gzbg/szfzbg/201411/t20141119_6625523.html (data obrashheniya: 19.09.21).
9. 2018年安图县政府工作报告 = Otchyot o rabote pravitel'stva uezda An'tu za 2018 g. // Sajt Narodnogo pravitel'stva provintsii goroda An'tu. URL.: http://www.antu.gov.cn/zw_2292/jcxcgk/gzbg/201912/t20191203_28484.html (data obrashheniya: 18.09.21).
10. 2018年全国口岸验收情况 = Perechen' utverzhdyonnykh v 2018 godu punktov propuska natsional'nogo urovnya // Sajt glavnogo tamozhennogo upravleniya KNR. URL.: <http://www.customs.gov.cn/customs/302249/302310/kakfygb/2176495/index.html> (data obrashheniya: 21.09.21).
11. 2019年全国口岸验收情况 = Perechen' utverzhdyonnykh v 2019 godu punktov propuska natsional'nogo urovnya // Sajt glavnogo tamozhennogo upravleniya KNR. URL.: <http://www.customs.gov.cn/customs/ztzl86/302310/kakfygb/2659191/index.html> (data obrashheniya: 21.09.21).
12. 李玉晶, 张冬梅, 金炯宇. 2016关于和龙边境经济合作区的调研报告 = Li Yujszin, CHzhan Dunmehj, TSzin' TSzyun'yuj. Otchyot ob issledovanii zony prigranichnogo ehkonomicheskogo sotrudnichestva KHehlun v 2016 godu // 延边党校学报. 2016年4月, 第32卷第2期2016年4月, 87-89 = ZHurnal partijnoj shkoly YAn'byan', aprel' 2016 g., tom 32, vypusk 2, str. 87-89. DOI: 10.16332 / j.cnki.cn22-1302 / d.2016.02.028 (data

obrashheniya: 21.09.21).

13. 中国图们到朝鲜七宝山铁路旅游线路恢复开通 = Vozobnovil rabotu turisticheskij marshrut zheleznoj dorogi TSibaoshan' iz kitajskogo goroda Tumehn' v Severnuyu Koreyu // Informatsionnyj portal "Sohu". URL.: https://www.sohu.com/a/329034513_362042 (data obrashheniya: 16.09.21).

14. 长白口岸出入境人数创历史新高 = V punkte propuska CHanbaj ustanovlen rekord po kolichestvu peresehenij granitsy // Sluzhba novostej KNR. URL.: <http://www.jl.chinanews.com/shms/2019-12-16/105030.html> (data obrashheniya: 19.09.21).

15. 学习贯彻十八大 = Izuchenie i vnedrenie polozhenij 18-go natsional'nogo kongressa Kommunisticheskoy partii Kitaya // Sajt Ministerstva kommunikatsij KNR. URL.: http://zizhan.mot.gov.cn/zhuantizhuanlan/qita/zoujinzgjt/xinwencehua/xuexiguancheshibada/201606/t20160623_2048682.html (data obrashheniya: 20.09.21).

16. 中朝签署《中朝图们-南阳口岸新界河公路桥建桥协定》 = Kitaj i Severnaya Koreya podpisali "Soglasenie KNR i KNDR o stroitel'stve novogo mosta cherez pogranichnyuyu reku v punktakh propuska Tumehn'-Nam'yan" // Sajt Ministerstva inostrannykh del KNR. URL.: https://www.mfa.gov.cn/web/zwbd_673032/wshd_673034/t1296816.shtml (data obrashheniya: 21.09.21).

17. 中朝将在图们江上建公路桥 = Kitaj i Severnaya Koreya postroyat avtomobil'nyj most cherez reku Tumehn' // Informatsionnoe agentstvo "ZHehn'min zhibao". URL.: <http://world.people.com.cn/n/2015/0918/c157278-27604494.html> (data obrashheniya: 21.09.21).

18. 中国加快打造图们江区域国际合作重要支点 = Kitaj uskoryaet sozdanie vazhnoj točki opory mezhdunarodnogo sotrudnichestva v rajone reki Tyumen' // Sajt zhurnala "China Securities Journal". URL.: http://www.cs.com.cn/xwzx/hg/201208/t20120823_3468828.html (data obrashheniya: 20.09.21).

19. 鸭绿江畔起潮声-吉林省沿边口岸经济发展扫描 = Narastayushhie zvuki u reki YAlu - Obzor ehkonomicheskogo razvitiya punktov propuska provintsii TSzil'in // Sajt upravleniya po delam Tajvanya narodnogo pravitel'stva provintsii TSzil'in. URL.: <http://www.huaxia.com/jtww/xw/jlyw/2015/11/4620126.html> (data obrashheniya: 19.09.21).

20. 中朝国境桥改造工程启动 = Nachalas' realizatsiya proekta rekonstruktsii kitajsko-korejskogo pogranichnogo mosta // Sajt informatsionnogo agentstva "China Daily". URL.: http://www.chinadaily.com.cn/dfpd/jl/2010-03/17/content_9602587.htm (data obrashheniya: 17.09.21).

21. 珲春沙坨子口岸鲑鱼进口量大幅增长创新高 = Ob'em importa kal'marov v portu SHatuotszy v KHun'chune rezko uvelichilsya i dostig novogo maksimuma // Informatsionnoe agentstvo "Sina.com". URL.: <http://jl.sina.com.cn/yanbian/hunchun/2015-07-22/7549.html> (data obrashheniya: 18.09.21).

22. "一带一路"图们口岸: 期待更大投入 提升通关能力 = "Odin poyas, odin put'" v punkte propuska Tumehn': s neterpeniem zhydom uvelicheniya investitsij v uluchshenie tamozhennogo oformleniya // Informatsionnoe agentstvo "China Business News". URL.: <https://www.yicai.com/news/4668316.html> (data obrashheniya: 19.09.21).

23. 乘风向远海天阔 -2017年延边州开发开放工作回眸 = Osedlav veter k dalyokim moryam i beskrajnemu nebu - Obzor razvitiya i otkrytosti YAn'byan'-Korejskogo avtonomnogo okruga v 2017 godu // Sajt "Novosti YAn'byan'". URL.: http://www.yrbnews.cn/SpecialTopic/2017-12/21/294_169905.html (data obrashheniya: 21.09.21).

24. 关于加快推进沙坨子口岸中朝柳多岛边民互市贸易区建设的建议的答复 = Otvet na predlozhenie ob uskorenii stroitel'stva kitajsko-korejskoj prigranichnoj trgovoj zony na ostrove Lyuduo v punkte propuska SHatuotszy // Informatsionnoe agentstvo "Torgovaya set' Kitaya". URL.: <https://jl.zhaoshang.net/2017-11-29/616703.html> (data obrashheniya: 21.09.21).

25. 首届中国-长白边境贸易商品交易会开幕 = Otkrytie pervoj prigranichnoj tovarnoj yarmarki Kitaj-CHanbajshan' // Informatsionnoe agentstvo "Sohu.com". URL.: <http://news.sohu.com/20080918/n259626344.shtml> (data obrashheniya: 17.09.21).

26. 中朝集安-满浦公路口岸正式开通 = Ofitsial'no otkryt kitajsko-severokorejskie avtomobil'nyj punkt propuska TSzian'-Manpkho // Informatsionnoe agentstvo "KHubej ZHibao". URL.: <http://news.cnhubei.com/caijing/p/10553646.html> (data obrashheniya: 18.09.21).

27. 人大代表尹清建议: 升级丹东太平洋湾口岸, 加速边境旅游发展 = Predlozhenie deputata Vsekitajskogo sobraniya narodnykh predstavitelej In' TSin: modernizirovat' punkt propuska Tajpin v Dan'dune dlya razvitiya prigranichnogo turizma // Informatsionnoe agentstvo "Sohu.com". URL.: https://www.sohu.com/a/128537771_260616 (data obrashheniya: 19.09.21).

28. 关于将龙井市三合口岸升级改造的建议 = Predlozheniya po modernizatsii i remontu punkta propuska San'kheh v gorode Luntszin // Sajt Postoyannogo komiteta NPKS YAn'byan'-korejskogo avtonomnogo okruga. URL.: <http://www.ybrd.gov.cn/rmdbdh/dychy/2015-07-13/172562.html> (data obrashheniya: 20.09.21).

29. 经济外交研究中心张翠珍、张璐超两位老师赴吉林省临江市调研 = Prepodavately CHzhan TSujchzhehn' i CHzhan Luchao iz TSentra issledovanij ehkonomicheskoy diplomatii otpravilis' v gorod Lin'tszyan provintsii TSzil'in dlya issledovanij // TSentr issledovanij ehkonomicheskoy diplomatii Kitajskogo universiteta inostrannykh del. URL.: http://jjwj.cfau.edu.cn/art/2019/9/9/art_4129_74969.html (data obrashheniya: 21.09.21).

30. 我院设计的中朝圈河-元汀界河公路大桥项目交工验收 = Priyomka kitajsko-severokorejskogo avtodorozhnogo mosta TSyuan'kheh-Vondzhin cherez pogranichnyuyu reku, sproektirovannogo nashim

institutom // Sajt dorozhnogo upravleniya goroda KHun'chun'. URL: <http://www.hcygs.net/index.php?id=2862> (data obrashheniya: 19.09.2021).

31. 省市调研组到我县调研口岸工作 = Provintsial'naya i gorodskaya issledovatel'skie gruppy pribyli v nash okrug dlya inspektirovaniya raboty punkta propuska // Informatsionnoe agentstvo "Dan'dun N'yuz". URL: http://www.ddnews.com.cn/swxx/content/2018-05/17/content_110687.htm (data obrashheniya: 21.09.21).

32. 古城里口岸 = Punkt propuska Gu'chenli // Internet-ehntsiklopediya "Baidu". URL: <https://www.baik.com/古城里口岸> (data obrashheniya: 21.09.21).

33. 丹东陆路 (公路) 口岸 = Punkt propuska Dan'dun (avtomobil'nyj) // Sajt assotsiatsii punktov propuska KNR. URL: <http://kouanxiehui.langye.net/kaifangkouan/yunshufangshi/gonglukouan/2019-02-19/200.html> (data obrashheniya: 18.09.21).

34. 丹东陆路(铁路)口岸 = Punkt propuska Dan'dun (zheleznodorozhnyj) // Sajt assotsiatsii punktov propuska KNR. URL: <http://kouanxiehui.langye.net/kaifangkouan/yunshufangshi/tielukouan/2019-02-19/199.html> (data obrashheniya: 19.09.21).

35. 开山屯陆路 (公路) 口岸 = Punkt propuska Kajshantun' (avtomobil'nyj) // Sajt assotsiatsii punktov propuska KNR. URL: <http://www.caop.org.cn/kaifangkouan/yunshufangshi/gonglukouan/2019-02-19/165.html> (data obrashheniya: 20.09.21).

36. 老虎哨口岸 = Punkt propuska Laokhushao // Internet-ehntsiklopediya "Baidu". URL: <https://baike.baidu.com/item/老虎哨口岸> (data obrashheniya: 20.09.21).

37. 南坪口岸 = Punkt propuska Nan'pin // Internet-ehntsiklopediya "Baidu". URL: <https://baike.baidu.com/南坪口岸> (data obrashheniya: 21.09.21).

38. 三合口岸 : 让中朝贸易频繁互动 贸易重要通 = Punkt propuska San'kheh: vazhnyj kanal dlya chastogo trgovogo vzaimodejstviya mezhdru Kitaem i Severnoj Koreej // Informatsionnoe agentstvo "Sohu". URL: https://m.sohu.com/a/39630125_114812 (data obrashheniya: 21.09.21).

39. 三合口岸 : 中朝贸易"黄金桥" = Punkt propuska San'kheh: "Zolotoj most" dlya trgovli mezhdru Kitaem i KNR // Informatsionnoe agentstvo "Zhehn'min zhibao". URL: <http://finance.people.com.cn/n/2015/0812/c395539-27451226.html> (data obrashheniya: 19.09.21).

40. 图门口岸 = Punkt propuska Tumehn' // Internet-ehntsiklopediya "Bajkeh". URL: <https://www.baik.com/wiki/图门口岸/> (data obrashheniya: 17.09.21).

41. 集安陆路 (铁路) 口岸 = Punkt propuska TSzian' (zheleznodorozhnyj) // Sajt assotsiatsii punktov propuska KNR. URL: <http://kouanxiehui.langye.net/kaifangkouan/yunshufangshi/tielukouan/2019-02-19/155.html> (data obrashheniya: 21.09.21).

42. 双目峰口岸 = Punkt propuska SHuanmufehn' // Internet-ehntsiklopediya "Bajkeh". URL: <https://www.wanweibaike.com/wiki-双目峰口岸> (data obrashheniya: 18.09.21).

43. 吉林省口岸2000年代 = Punkty propuska provintsii TSzil'in v 2000-kh godakh // Onlajn-plattforma dlya obmena dokumentami "Daokeh Ba". URL: <http://www.doc88.com/p-710683135348.html> (data obrashheniya: 21.09.21).

44. 打造500公里鸭绿江经济带奋力谱写白山开放发展新篇章 = Sozdanie pyatisotkilometrovogo ehkonomicheskogo poyasa reki YAlu i pozvolit napisat' novuyu glavu v razvitii otkrytosti regiona Bajshan' // Sajt Komissii po razvitiyu i reformam provintsii TSzil'in'. URL: http://jldrc.jl.gov.cn/qt/sxzx/201802/t20180228_5224554.html (data obrashheniya: 21.09.21).

45. 宽甸太平湾口岸河口码头主要是对朝运输及贸易 = Terminal punkta propuska Tajpin v Kuan'dyane v pervuyu ochered' prednaznacheni dlya transportnogo i trgovogo soobshheniya s Severnoj Koreej // Novostnoj portal goroda Dan'dun. URL: <http://dandong.liebiao.com/jiuhuo/271808481.html> (data obrashheniya: 21.09.21).

46. 中朝图们江跨江游受欢迎 中国旅行社组团考察新线路 = Tur po peresecheniyu kitajsko-severokorejskoj reki Tumehn' vsyo bolee populyaren. Kitajskie tuoperatory issleduyut novye napravleniya // Informatsionnoe agentstvo "Baidu". URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1638217786604544415&wfr=spider&for=pc> (data obrashheniya: 19.09.21).

47. 吉林南坪口岸改善通关软环境满足国内铁矿粉需求 = Uluchshenie uslovij tamozhennogo oformleniya v tszil'in'skom punkte propuska Nan'pin dlya udovletvoreniya vnutrennego sprosna na poroshok zheleznoj rudy // Sajt Gosudarstvennogo soveta KNR. URL: http://www.gov.cn/govweb/jrzq/2008-08/11/content_1069713.htm (data obrashheniya: 17.09.21).

48. 丹东太平湾口岸列为国家一类口岸管理项目可行性报告评审会顺利召开 = Uspeshno proshlo zasedanie po rassmotreniyu tekhniko-ehkonomicheskogo obosnovaniya povysheniya punkta propuska Tajpinvaj goroda Dan'dun do punkta propuska natsional'nogo urovnya // Sajt departamenta trgovli provintsii Lyaonin. URL: http://swt.ln.gov.cn/ywzl/kagz/201906/t20190612_3505485.html (data obrashheniya: 18.09.21).

49. 2000년도 북한의 대외무역동향(요약본) = Tendentsii vneshnej trgovli Severnoj Korei v 2000 g. (Svodka) // Sajt Korejskogo agentstva sodejstviya trgovle i investitsiyam (KOTRA). URL: <https://news.kotra.or.kr/user/globalBbs/kotranews/787/globalBbsDataView.do?setIdx=249&dataIdx=17&pageViewType=&column=&search=&searchAreaCd=&searchNationCd=&searchTradeCd=&searchStartDate=&searchEndDate=&searchCategoryIdx=&searchIndustryCatIdx=&searchItemCode=&searchItemName=&page=5&row=10> (data obrashheniya 20.11.21).

50. 2014년 북한의 대외무역동향 = Dinamika vneshnej trgovli Severnoj Korei v 2014 g. // Sajt Korejskogo

agentstva sodejstviya trgovle i investitsiyam (KOTRA). URL.: <https://news.kotra.or.kr/user/globalBbs/kotranews/787/globalBbsDataView.do?setIdx=249&dataIdx=145472&pageViewType=&column=&search=&searchAreaCd=&searchNationCd=&searchTradeCd=&searchStartDate=&searchEndDate=&searchCategoryIdx=&searchIndustryCatIdx=&searchItemCode=&searchItemName=&page=1&row=10> (data obrashheniya 20.11.21).

51. 2020년 북한의 대외무역 동향 = Tendentsii vneshnej trgovli Severnoj Korei v 2020 g. (Svodka) // Sajt Korejskogo agentstva sodejstviya trgovle i investitsiyam (KOTRA). URL.: <https://news.kotra.or.kr/user/globalBbs/kotranews/787/globalBbsDataView.do?setIdx=249&dataIdx=190049&pageViewType=&column=&search=&searchAreaCd=&searchNationCd=&searchTradeCd=&searchStartDate=&searchEndDate=&searchCategoryIdx=&searchIndustryCatIdx=&searchItemCode=&searchItemName=&page=1&row=10> (data obrashheniya 20.11.21).

Роман Викторович ТАРАНТУЛ, соискатель учёной степени кандидата политических наук, кафедра международных отношений ДВФУ, г. Владивосток, Россия, электронная почта: tarantul@rambler.ru

Roman V. TARANTUL, PhD Candidate, Department of International Relations, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: tarantul@rambler.ru

Поступила в редакцию
(Received) 30.11.2021

Одобрена после рецензирования
(Approved) 14.02.2022

Принята к публикации
(Accepted) 25.02.2022

Сообщение
DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/172-179

К публикации студенческих переводов стихотворений японской писательницы, переводчицы и поэтессы М. Тавара

Александр Сергеевич ДЫБОВСКИЙ

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, dybovskii.as@dvfu.ru

Арина Денисовна БЫКОНЯ

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, bykonja.ad@students.dvfu.ru

Алиса Николаевна ЕРОШКИНА

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, eroshkina.an@students.dvfu.ru

Вероника Владимировна КАРЕЛИНА

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, karelina.vv@students.dvfu.ru

Роман Юрьевич КИБА

Фальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, kiba.riu@students.dvfu.ru

Александр Николаевич КОЛГАНОВ

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, kolganov.an@students.dvfu.ru

Илья Александрович КРАСЮЧЕНКО

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, krasiuchenko.ia@students.dvfu.ru

Анастасия Александровна ПИЧУГИНА

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, pichugina.aa@students.dvfu.ru

Константин Дмитриевич РУМЯНЦЕВ

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, rumiantcev.kd@students.dvfu.ru

Леван Гурамович РУСЕЙШВИЛИ

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, ruseishvili.lg@students.dvfu.ru

Валерий Романович СТЕПАНОВ

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, stepanov.vr@students.dvfu.ru

Алена Алексеевна ШЕВЧУК

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, shevchuk.aal@students.dvfu.ru

Валентин Александрович ЮСУПОВ

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, iusupov.va@students.dvfu.ru

Для цитирования: Дыбовский А.С., Быконя А.Д., Ерошкина А.Н., Карелина В.В., Кибя Р.Ю., Колганов А.Н., Красюченко И.А., Пичугина А.А., Румянцев К.Д., Русейшвили Л.Г., Степанов В.Р., Шевчук А.А., Юсупов В.А. К публикации студенческих переводов стихотворений японской писательницы, переводчицы и поэтессы М. Тавара // Известия Восточного института. 2022. № 1. С. 172–179. DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/172-179

Message

DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/172-179

On the publication of student's translations of poetry of a Japanese writer, translator and poet M. Tawara

Alexander S. DYBOVSKY

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, dybovskii.as@dvfu.ru

Arina D. BYKONIA

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, bykonja.ad@students.dvfu.ru

Alisa N. EROSHKINA

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, eroshkina.an@students.dvfu.ru

Veronika V. KARELINA

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, karelina.vv@students.dvfu.ru

Roman Yu. KIBA

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, kiba.riu@students.dvfu.ru

Alexander N. KOLGANOV

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, kolganov.an@students.dvfu.ru

Ilya A. KRASYUCHENKO

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, krasiuchenko.ia@students.dvfu.ru

Anastasia A. PICHUGINA

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, pichugina.aa@students.dvfu.ru

© Дыбовский А.С., Быконя А.Д., Ерошкина А.Н., Карелина В.В., Кибя Р.Ю., Колганов А.Н., Красюченко И.А., Пичугина А.А., Румянцев К.Д., Русейшвили Л.Г., Степанов В.Р., Шевчук А.А., Юсупов В.А., 2022

Konstantin D. RUMYANTSEV

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, rumiantcev.kd@students.dvfu.ru

Levan G. RUSEISHVILI

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, ruseishvili.lg@students.dvfu.ru

Valery R. STEPANOV

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, stepanov.vr@students.dvfu.ru

Alyona A. SHEVCHUK

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, shevchuk.aal@students.dvfu.ru

Valentin A. YUSUPOV

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, iusupov.va@students.dvfu.ru

For citation: Dybovskij A.S, Bykonya A.D., Eroshkina A.N., Karelina V.V., Kiba R.YU., Kolganov A.N., Krasychenko I.A., Pichugina A.A., Rumyantsev K.D., Ruseishvili L.G., Stepanov V.R., Shevchuk A.A., Yusupov V.A. On the publication of student's translations of poetry of a Japanese writer, translator and poet M. Tawara // Oriental Institute Journal. 2022. № 1. P. 172-179. DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/172-179

「俵さんの歌集は、私の人生を通して何度も読み返したバイブルだ」
立花 開 歌人

"Сборники стихов Тавара Мати в моей жизни – библия,
которую я много раз перечитывал"
(Татибана Харуки, поэт).

Следуя традиции Восточного института имперской эпохи, мы предлагаем вниманию читателей "Известий восточного института ДВФУ" несколько переводов стихотворений в жанре танка выдающейся японской поэтессы Тавара Мати (俵万智), выполненных студентами ВИ-ШРМИ ДВФУ в ходе учебных занятий по теории и практике перевода.

М. Тавара родилась в 1962 году в Осака. После окончания университета "Васэда" работала преподавателем японского языка в школе "Хасимото" преф. Канагава, посвящая свободное время сочинению танка, которыми увлеклась в студенческие годы. В 1986 году М. Тавара получила престижную литературную премию Танка Кадокава за поэтический сборник "Августовское утро" (『8月の朝』). Первый большой сборник её стихов "Именины салата" 『サラダ記念日』 (1987) стал бестселлером. За год было продано около 3 млн. экземпляров книги, и она приобрела большую популярность у японской публики. За этот сборник в 1988 году поэтесса была удостоена 32-й премии Ассоциации современной японской поэзии. Сборник "Именины салата" произвел переворот в искусстве сочинения танка, обогатил его новыми идеями в сфере языка и стиля и, несомненно, стал большим событием культурной жизни Японии конца 1980-х гг.¹

Поэтика Тавара Мати неразрывно связана с многовековой традицией поэтического жанра танка (短歌). Известный японский лингвист Оно Сусуму大野晋 (1919–2008), анализируя особенности поэтических текстов М. Тавара, заметил, что ее танка – это "традиционные женские песни" (伝統的な女の人の歌), восходящие к "Сборнику старых и новых песен" Кокинсю (古今集) [3, с. 217]1. По мнению С. Оно, стихотворения М. Тавара представляют собой наблюдения над различными жизненными ситуациями, подобно дневнику, описывающие то, что происходит с поэтессой в жизни [3, с. 219].

Творчество М. Тавара, будучи прочно связанным с традиционной японской поэтической культурой, произвело революцию в поэтике танка благодаря своему новаторству. Среди новаторских черт ее поэзии прежде всего, вероятно, следует назвать использование современного разговорного японского языка, абсолютно преобладающего в стихах М. Тавара над характерным для поэтического жанра танка средневековым литературным языком бунго. Формы разговорного языка и раньше использовались в японской поэзии, однако Тавара Мати не просто сделала большой шаг на пути осуществления в поэзии принципа "единства речи и письма" (言文一致), а внесла в поэзию танка реальный разговорный стиль своего поколения, а именно – молодого поколения японцев 1980-х гг.

Упомянутый выше японский языковед С. Оно в беседе с М. Тавара заметил, что в ее "Именинах салата" содержится около 500 западных заимствований, использование которых в текстах танка считалось противоречащим японской поэтической традиции,

¹ О творчестве М. Тавара и первых переводах ее стихов на русский язык подробнее см. [1]; см. также статью и переводы Дм. Коваленина [2].

изначально ориентированной на использование исконно японской лексики – ваго [3, с. 214]. Частотные западные заимствования – サラダ "салат"、バーゲン "распродажа"、バレンタイン "День святого Валентина"、コンタクトレンズ "контактные линзы"、セーター "свитер" и прочие – самым естественным образом употребляются в стихах М. Тавара.

Японский литературовед Фурухаси Нобуёси (1943–) видит новаторство поэтессы в том, что ее танка могут быть прочитаны как сюжетно связанные фрагменты описания жизни лирической героини поэтических текстов М. Тавара. Например, поэтический цикл "Едем любоваться морем" (『海を見に行く』) Н. Фурухаси интерпретирует как описанную в поэтических зарисовках любовную историю молодой женщины, вступившей в отношения с женатым мужчиной [8, с. 12–18]. Историей непростых отношений лирической героини сборника с возлюбленным Н. Фурухаси считает и "Именины салата" [8, с. 30–36]. Свообразие танка М. Тавара Н. Фурухаси видит в том, что в них фиксируются движения души поэтессы, которые обычный человек обычно не замечает [8, с. 36]. Притягательность "Именин салата" для массового читателя, по его мнению, обусловлена также и тем, что лирическая героиня сборника предстает перед читателем в период своего взросления. Особенность стихов Тавара Мати Н. Фурухаси видит в том, что они дают читателям возможность почувствовать самые тонкие экзистенциальные переживания героини [8, с. 26–27]. Н. Фурухаси отмечает, что Тавара Мати избегает логического осмысления жизни, искусно создает каламбуры и мастерски передает "печаль обыденности" (日常生活に訪れる哀愁). По его мнению, это и придает произведениям М. Тавара свежесть и привлекательность [8, с. 175–179].

Японский поэт Ямада Вагару (山田航 1983–) отметил новации М. Тавара в композиционной форме стиха. Поскольку М. Тавара обычно записывает свои стихи без традиционного деления на пять строк, последние семь мор во многих случаях не могут быть записаны отдельной строкой, как этого требует структура танка, поскольку слишком прочно связаны с предыдущим текстом. Речь в первую очередь идет о случаях типа 捨てるかもしれぬ写真を何枚も真面目に撮っている九十九里 (Может, и не буду хранить снимки, но не могу оторваться от камеры на взморье Кудзюкури). Последние семь мор танка (выделены выше) начинаются со вспомогательного глагола иру, и не могут существовать отдельно от предыдущих семи, что является отклонением от традиции [3, с. 133]. Заметим попутно, что в приведенном примере не предназначена для отдельной записи и вторая строка танка, так как при ее выделении (しれぬしやしんを) пришлось разорвать функционально и семантически единое словосочетаниеかもしれぬ.

Поэтическое новаторство Тавара Мати встретили не только восторженные почитатели таланта поэтессы, но также и строгие критики. Одни ругали М. Тавара за вульгаризацию складывавшегося веками поэтического жанра, другие укоряли поэтессу в недостаточной радикальности в реформировании поэтики танка. Известный мастер танка Окаи Такаси (岡井隆 1928–) во время обсуждения конкурсного сборника Тавара Мати "Августовское утро" замечил, что использование речевых оборотов вроде "Жарю омлет с привкусом слез" (涙の味のオムレツを焼く) годится разве что для эстрадной песни, а "баночный тухай" (缶チューハイ) абсолютно неуместен в поэзии танка [3, с. 90]. Многие представители сообществ традиционной поэзии (歌壇) оценивали творчество Тавара Мати негативно, называя ее произведения легкомысленными копиями танка (軽薄なコピー), порожденными коммерциализацией искусства и полным отсутствием профессионализма [3, с. 95]. С другой стороны, Тавара Мати критиковали за то, что она, привнеся в поэзию танка современный разговорный стиль, не смогла полностью отказаться от классического литературного языка бунго [3, с. 135].

После "Именин салата" Тавара Мати выпустила в свет еще пять больших поэтических сборников, каждый из которых содержит немало оригинальных и новаторских танка. Кроме "Именин салата" большой популярностью у читателей пользуются поэтические сборники "У ветра на ладони" и "Шоколадная революция". М. Тавара написала также немало блистательных эссе, роман "Треугольник", много занималась переводами англоязычной литературы, играла в кино, вела несколько популярных программ на японском ТВ и самым естественным образом вошла в число знаменитостей японской массовой культуры.

Предметом перевода студентов ВИ-ШРМИ ДВФУ стали стихотворения из четырех поэтических сборников Тавара Мати: "У ветра на ладони" (『風の手ひら』 (1991), "Шоколадная революция" 『チョコレート革命』 (1997), "Это я, Марио" 『オレがマリオ』 (2013), "Размер будущего" 『未来のサイズ』 (2020). Сначала в учебных целях дается перевод, близкий к подстрочному, передающий структуру и основной смысл стихотворения, затем – его поэтическая версия. В переводы студентов были внесены незначительные редакционные изменения.

Переводы студентов

Константин Румянцев

予期できることも予期できないこともここ過ぎて悲しみの後味 [5]

И надежды, и безнадежность с какого-то момента начинают отдавать тоской.

Надежду губит время,
Печаль идёт за ней,
Но безнадеги бремя
Нести всего больней.

北風と太陽われを待つゆえにコートのをりを立てる一月 [4]

Меня ждут северный ветер и солнце, так что надо поднять воротник пальто.
Сейчас январь.

Январь настал, холодный ветер
Задул горячий солнца свет.
В пальто это ненастье встретив,
Узришь зимы прекрасной цвет.

Алёна Шевчук

ペンシルで唇を描き 思いきり冷たい言葉を用意している [4]

Обводя помадой контур губ, рисую холод заготовленных слов.

Давно обдуманные речи
Без капли страха и стыда,
Как холодный след в душе при встрече,
Ложатся краской на уста.

男とはふいに煙草をとりだして火をつけるものこういうときに [4]

Мужики в такие моменты прикуривают, быстро достав сигарету.

Достать нервозно пачку "Кента",
Привычно дым пустить клубами...
Мужчин в тревожные моменты
Пытаюсь описать словами.

人と会う約束、仕事、なくなりて 静かな三月、四月、来月 [7: 23]

Обещания встреч, работа – все кончилось вдруг. Тихо проходит март, апрель и так далее...

Договоры о встречах, работы азарт –
Все в прошлом – подумать могла ли я?
Неспешно и тихо проходит март,
За ним апрель
И далее...

ヤドカリの貝殻いつかきつくなり脱がねばならぬ浜辺を歩く [7: 87]

"Когда раковина рака-отшельника становится тесной, её следует снять", – (думаю) шагая по пляжу.

Гуляя по пляжу я видел картину,
Как маленький крабик вдоль берега брёл.
Свой панцирь отправив в морскую пучину,
На спину недавно он новый возвёл.

Анастасия Пичугина

はじまりと思いたけれどおしまいとなるかもしれぬ夜を抱かれる [5]

Хотелось (мне) думать, что это начало, но это (вполне) может быть и конец. В объ-
ятых ночи...

Хотелось бы думать, что это начало,
Однако, возможно, наступит конец...
А я утопаю в объятиях ночи...

議論せし 二時間をキスでしめくくる 卑怯者なり君も私も [5]

И ты, и я – мы трусы, поцелуем завершившие двухчасовой спор.

Проспорив целых два часа,
Спор завершили поцелуем.
Два жалких труса –
Ты и я.

Алиса Ерошкина

卒業式の前の日に知る 千円でバラ三本買えないことを [5]

За день до выпускной церемонии (вдруг) узнала, (что) за тысячу иен три розы
не купить.

Знай –
За день до выпускного
Нигде за 1000 иен
Три розы не купить!

Александр Колганов

肉じゃがの匂い満ちれば、この部屋に誰かの帰りを待ちいるごとし [5]

Если комната наполнена запахом жаркого, значит, похоже, ждут, что кто-то вернет-
ся.

Если нос щекочет твой
Запах мяса и картошки,
Значит кто-то в этот дом обязательно вернется.

Роман Киба

「こ・ん・に・ち・は」そっとキーボードをたたく初めて会った言葉のように
[4]

Не спеша, на клавиатуре набираю "П-р-и-в-е-т", как слово, с которым встречаюсь
первые.

Не спеша, на клавиатуре
Я наберу "п-р-и-в-е-т"
"Видимся впервые" –
Как-то так
Оно звучит...

愛ということばを三度ほど使い男をだましている雨の中 [4]

Обманывая его, раза три произнесла слово "люблю". Дожливо (на дворе).

Уж где-то в третий раз
Обманываю парня,
Говоря ему "люблю".
Тем временем стою
И мокну под дождем.

雨だれと海の音とが溶け合いてそのように君を抱く伊豆の宿 [5]

Шум дождя растворяется в шуме прибоя... И я так обнимаю тебя в гостинице на
(полуострове) Идзу.

Гласы моря и дождя
Слились в единый шум.
И мы в гостинице на Идзу
Словно дождь и море
С тобой в объятиях сольёмся.

Вероника Карелина

角砂糖のように味わう小さくて四角いあなたの手紙の文字を [7]

Пробую, как гранулированный сахар, маленький квадратные буквы твоего письма.

Маленькие квадратные буквы
Твоего письма
На вкус будто
Кубики сахара.

エレベーター八階ぶんの口づけを監視カメラに残す新宿 [6]

В камере слежения в лифте здания Синдзюку мы оставили наш поцелуй на восемь этажей.

В здании Синдзюку
Камера засняла,
Как в лифте сквозь восемь этажей
Я целовал тебя.

Арина Быконя

百枚の手紙を君に書きたくて 書けずに終わりかけている夏 [4]

Стостраничное письмо хотела написать тебе, но не написала – вот-вот кончится лето.

Я так хотела написать...
Но пролетело лето.
И вновь пустые сто страниц
Остались без ответа.

「だいじょうぶ？」呪文のようにくり返す何の役にも立たない言葉 [4]

Нет толку в том, чтобы повторять слова "Все в порядке?", словно заклинание.

"Все в норме?" – спрашиваешь ты,
Как будто ищешь истину.
Что толку повторять слова,
Когда они бессмысленны?

Леван Русейшвили

ただ鳥が空を飛ぶようにただ僕が17歳であることを飛ぶ [5]

Как птица в небе я просто летаю. Оттого, что мне 17 лет.

Мне только 17,
Я просто летаю,
Как птицы по небу летят.

そばにいてももらえぬことを知っている土曜日だから海を見に行く [4]

Я знаю, ты не можешь быть со мной. Сегодня ведь опять суббота. И потому пойду смотреть на море.

Суббота наступила,
А по субботам ты не можешь быть со мной.
Мне остается только любоваться морем.

Валентин Юсупов

「死ぬまでの待合室」父が言う老人ホーム見学に行く [7: 146]

"Зал ожидания смерти" – так называет отец дом престарелых, куда я иду на экскурсию.

"Зал ожидания смерти" –
Только и сказал отец
Про экскурсию в дом престарелых.

Валерий Степанов

人間は人間として生きている ブドウがブドウの木であるように [5]

Люди живут, как подобает людям, точно так же, как виноградная лоза всегда остается лозой.

Бреду по миру не спеша,
Разглядывая встречных, словно ветви,
И ничего не изменить, весь мир как дебри,
А я в нём виноградная лоза.

「水に書く文字のようだね」流れゆく恋だからまた恋が始まる [5]
"Это похоже на письмо, написанное на воде!" Поскольку это текучая любовь, она начинается снова.

Пишу я кистью по воде,
Течёт моя погибшая любовь,
То, что закончилось однажды,
Возможно, станет явью вновь.

予期できることも予期できないこともここ過ぎて悲しみの後味 [5]
Что можно предсказать и что нельзя, здесь всё прошло, лишь послевкусие осталось.

Что толку говорить,
Что будет и что было?
Любовь прошла,
Но горести печать застыла.

Литература

1. Дыбовский, А.С. "Именины салата" Тавара Мати в переводах Дм. Коваленина 『表象と文化 XVIII』, 大阪大学言語文化共同研究プロジェクト2020, 大阪大学言語文化研究科, 2021. С. 1-12.
2. Коваленин, Дмитрий. Искусство приготовления салата. Поэтические коллажи Тавара Мати // Электронный ресурс: <https://www.susi.ru/salat1.html> (Дата обращения: 31 дек. 2021 г.)
3. 俵万智 史上最強の三十一文字 『サラダ日記30周年記念』文藝別冊・総特集 河出書房 東京2017 (Тавара Мати. Самые сильные в истории танка "К 30-летию "Именин салата"" / Отдельный выпуск литературного журнала "Бунгэй". Изд-во "Кавадэ сёбо". Токио, 2017). – 223 с.
4. 俵万智 『風の手ひら』 (Тавара Мати. "У ветра на ладони") 河出書房新社 / Kindle 版, 2017. Электронная книга.
5. 俵万智 『チョコレート革命』 (Тавара Мати. "Шоколадная революция") 河出書房新社 / Kindle 版, 2017. Электронная книга.
6. 俵万智 『オレガマリオ』 (Тавара Мати. "Это я, Марио"). 文藝春秋. Kindle 版, 2017. Электронная книга.
7. 俵万智 『未来のサイズ』 (Тавара Мати. "Размер будущего"). 角川文化振興財団, 2020. – 181 с.
8. 古橋信孝 吉本ばななと俵万智 筑摩書房 東京 1990 (Фурухаси Нобуёси / Ёсимото Банана и Тавара Мати / Изд-во "Тикума сёбо". Токио, 1990). – 193 с.

References

1. Dybovskij, A.S. "Imeniny salata" Tavara Mati v perevodakh Dm. Kovalenina 『表象と文化 XVIII』, 大阪大学言語文化共同研究プロジェクト2020, 大阪大学言語文化研究科, 2021. S. 1-12.
2. Kovalenin, Dmitriy. Iskusstvo prigotovleniya salata. Poehticheskie kollazhi Tavara Mati // EHlektronnyj resurs: <https://www.susi.ru/salat1.html> (Data obrashheniya: 31 dek. 2021 g.)
3. 俵万智 史上最強の三十一文字 『サラダ日記30周年記念』文藝別冊・総特集 河出書房 東京2017 (Tavara Mati. Samye sil'nye v istorii tanka "K 30-letiyu "Imenin salata"" / Otdel'nyj vypusk literaturnogo zhurnala "Bungeh"). Izd-vo "Kavadeh syobo". Tokio, 2017). – 223 s.
4. 俵万智 『風の手ひら』 (Tavara Mati. "U vetra na ladoni") 河出書房新社 / Kindle 版, 2017. EHlektronnaya kniga.
5. 俵万智 『チョコレート革命』 (Tavara Mati. "SHokoladnaya revolyutsiya") 河出書房新社 / Kindle 版, 2017. EHlektronnaya kniga.
6. 俵万智 『オレガマリオ』 (Tavara Mati. "EHto ya, Mario"). 文藝春秋. Kindle 版, 2017. EHlektronnaya kniga.
7. 俵万智 『未来のサイズ』 (Tavara Mati. "Razmer budushhego"). 角川文化振興財団, 2020. – 181 s.
8. 古橋信孝 吉本ばななと俵万智 筑摩書房 東京 1990 (Furukhasi Nobuyosi / YOsimoto Banana i Tavara Mati / Izd-vo "Tikuma syobo". Tokio, 1990). – 193 s..

Александр Сергеевич ДЫБОВСКИЙ, канд. филол. наук, доцент кафедры японоведения ДВФУ, г. Владивосток, Россия, e-mail: dybovskii.as@dvfu.ru

Арина Денисовна БЫКОНЯ, студентка бакалавриата ДВФУ, г. Владивосток, Россия, e-mail: bykonja.ad@students.dvfu.ru

Алиса Николаевна ЕРОШКИНА, студентка бакалавриата ДВФУ, г. Владивосток, Россия, e-mail: eroshkina.an@students.dvfu.ru

Вероника Владимировна КАРЕЛИНА, студентка бакалавриата ДВФУ, г. Владивосток, Россия, e-mail: karelina.vv@students.dvfu.ru

Роман Юрьевич КИБА, студент бакалавриата ДВФУ, г. Владивосток, Россия, e-mail: kiba.riu@students.dvfu.ru

Александр Николаевич КОЛГАНОВ, студент бакалавриата ДВФУ, г. Владивосток, Россия, e-mail: kolganov.an@students.dvfu.ru

Илья Александрович КРАСЮЧЕНКО, студент бакалавриата ДВФУ, г. Владивосток, Россия, e-mail: krasiuchenko.ia@students.dvfu.ru

Анастасия Александровна ПИЧУГИНА, студентка бакалавриата ДВФУ, г. Владивосток, Россия, e-mail: pichugina.aa@students.dvfu.ru

Константин Дмитриевич РУМЯНЦЕВ, студент бакалавриата ДВФУ, г. Владивосток, Россия, e-mail: rumiantcev.kd@students.dvfu.ru

Леван Гурамович РУСЕЙШВИЛИ, студент бакалавриата ДВФУ, г. Владивосток, Россия, e-mail: ruseishvili.lg@students.dvfu.ru

Валерий Романович СТЕПАНОВ, студент бакалавриата ДВФУ, г. Владивосток, Россия, e-mail: stepanov.vr@students.dvfu.ru

Алена Алексеевна ШЕВЧУК, студентка бакалавриата ДВФУ, г. Владивосток, Россия, e-mail: shevchuk.aal@students.dvfu.ru

Валентин Александрович ЮСУПОВ, студент бакалавриата ДВФУ, г. Владивосток, Россия, e-mail: iusupov.va@students.dvfu.ru

Alexander S. DYBOVSKY, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Japanese Studies Department, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: dybovskii.as@dvfu.ru

Arina D. BYKONIA, Undergraduate Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: bykonja.ad@students.dvfu.ru

Alisa N. EROSHKINA, Undergraduate Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: eroshkina.an@students.dvfu.ru

Veronika V. KARELINA, Undergraduate Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: karelina.vv@students.dvfu.ru

Roman Yu. KIBA, Undergraduate Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: kiba.riu@students.dvfu.ru

Alexander N. KOLGANOV, Undergraduate Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: kolganov.an@students.dvfu.ru

Ilya A. KRASYUCHENKO, Undergraduate Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: krasiuchenko.ia@students.dvfu.ru

Anastasia A. PICHUGINA, Undergraduate Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: pichugina.aa@students.dvfu.ru

Konstantin D. RUMYANTSEV, Undergraduate Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: rumiantcev.kd@students.dvfu.ru

Levan G. RUSEISHVILI, Undergraduate Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: ruseishvili.lg@students.dvfu.ru

Valery R. STEPANOV, Undergraduate Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: stepanov.vr@students.dvfu.ru

Alyona A. SHEVCHUK, Undergraduate Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: shevchuk.aal@students.dvfu.ru

Valentin A. YUSUPOV, Undergraduate Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: iusupov.va@students.dvfu.ru

Информация для авторов

К публикации в журнале принимаются, как правило, работы, ранее не выходившие в русскоязычных изданиях. Предоставление автором/авторами рукописи в редакцию журнала рассматривается как заключение договора в устной форме о передаче издателю права на использование своего произведения (п. 2; ст. 1286; ГК РФ) в печатном и электронном виде. Принятие рукописи к публикации предполагает бесплатную бессрочную передачу автором/авторами текста неисключительных авторских прав редакции.

Предоставляя рукописи в редакцию журнала, авторы тем самым подтверждают согласие с принципами публикационной этики издания и процедурами обработки рукописей (см. детали на сайте издания).

В работе с рукописями редакция исходит из существования нескольких жанров научных текстов: 1) научная статья, 2) отчет о работе круглого стола/научного семинара, 3) научная рецензия, 4) публикация исторического источника и научный комментарий к нему, 5) сообщение о научном событии. Разделение на жанры преследует цель совершенствования научной экспертизы рукописей и дифференцированного подхода к текстам разного назначения. Обобщенно редакция выделяет жанр статьи и жанр материалов (с поджанрами; см. ниже).

Стремясь к совершенствованию исследовательской практики научного сообщества, редакция понимает под научной статьёй отчет о логически завершённом исследовании познавательной проблемы, осуществлённом посредством применения научного метода. Соответственно, характерной чертой научной статьи является её методолого-методическая насыщенность, признаками которой являются а) чёткое описание объекта, предмета, цели и задач исследования, б) обсуждение и оценка фактологической и методолого-методической основы исследования, в) обобщение и выводы. Именно эти четыре признака лежат в основе различения "статей" и "материалов" в практике редакционной работы.

Материалы включают следующие поджанры:

- материалы круглого стола/семинара – стенограмма или авторские материалы научного обсуждения актуальной познавательной проблемы;
- научная рецензия – критический отзыв на публикацию, раскрывающий её содержание и дающий оценку её познавательного значения;
- научный комментарий к историческому источнику – текст, сопровождающий публикацию документа, задающий его исторический контекст, разъясняющий необходимые детали (упоминаемые в нём события и персоналии и т. п.), дающий оценку документа как источника по указываемым в комментарии познавательным проблемам;
- сообщение о научном событии – краткий обзор одного или нескольких научных событий (конференций, семинаров и т. п.), включающий содержательное мнение автора о значении этих событий для развития области знаний.

Рукописи статей подлежат научному рецензированию. Рукописи иных материалов проходят редакционную экспертизу на предмет соответствия тематическому профилю журнала и научно-познавательной актуальности.

Рукописи проходят редакционный отбор. Рукописи, не соответствующие содержательно-тематическому профилю журнала, редакционным требованиям к оформлению и комплектности, не рассматриваются.

Рукописи статей публикуются в порядке их поступления в редакцию. Редакция журнала оставляет за собой право сокращать и редактировать рукописи статей, а также переносить их публикацию в один из ближайших номеров. Право на первоочередную публикацию имеют статьи членов редколлегии журнала, а затем статьи аспирантов и докторантов.

Один автор (индивидуально и в соавторстве) не может опубликовать в журнале в течение календарного года более двух статей.

Доля заимствований из предыдущих публикаций автора в рукописи, направляемой им в журнал, не может превышать 25%.

Плата за публикацию статей не взимается, гонорар не выплачивается. Авторские экземпляры иногородним авторам не высылаются.

Требования к оформлению направляемых в редакцию материалов

1. Формат файла должен быть совместим с Microsoft Office Word.
2. Файл не должен содержать встроенных стилей и специального форматирования.
3. Формат страницы А4. Поля страницы: верхнее и нижнее – 2 см, правое – 1,5 см, левое – 2,5 см.
4. В заголовках не применять ЗАГЛАВНЫЕ символы без необходимости, пропунктировка буквы «ё» в тексте рукописи обязательна.
5. Шрифт Times New Roman, размер знака 14 пт, межстрочный интервал 1,5.
6. Объём основного текста присылаемых рукописей (без учета аннотаций и списка литературы):
 - статей – от 0,5 до 1,0 авторского листа (20–40 тыс. знаков с пробелами);
 - материалов в рубрику «Научная жизнь» – не более 0,3 авт. листа (12 тыс. знаков);
 - комментариев к историческому источнику (в рубрику «Архив») – не более 0,3 авт. листа (12 тыс. знаков), текст исторического источника не должен превышать 1,0 авт. листа (40 тыс. знаков);
 - материалов в рубрику «Рецензии» – не более 0,5 авт. листа (20 тыс. знаков).
7. Порядок оформления статьи: УДК, Ф. И. О. автора (авторов) на русском языке и их транслитерация латиницей, название статьи (на русском и английском языках), аннотация (на русском и английском языках), ключевые слова (на

- русском и на английском языках), текст статьи, список использованной литературы, список сокращений (если есть), подписи к рисункам и диаграммам (если есть), информация об авторе (авторах) на русском и английском языках.
8. Аннотация должна включать информацию о предмете, методологии и результатах исследования. Объём аннотации на русском языке – 500 (± 100) знаков, на английском языке – 1000 (± 100) знаков.
 9. Количество ключевых слов и фраз 5–7, количество слов внутри ключевой фразы не более 3 – так, чтобы общее количество слов не превышало 15. Ключевые слова должны быть упорядочены – от общих, соответствующих проблеме, к частным, отражающим детали исследования, методику.
 10. Текст рукописи может включать не более двух уровней заголовков.
 11. Ссылки в тексте статьи являются внутритекстовыми и оформляются квадратными скобками. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведённой цитаты или упомянутого факта. В случае одновременной ссылки на несколько работ, сами ссылки помещаются внутрь одной пары скобок и отделяются друг от друга точкой с запятой.
 12. Ссылка на неопубликованный архивный или иной документ внутритекстовая, она не помещается в список литературы. Такая ссылка оформляется круглыми скобками.
 13. В случае, если рукопись включает таблицы, иллюстрации, диаграммы, в тексте должны быть ссылки на эти объекты.
 14. Таблицы, иллюстрации, диаграммы должны снабжаться поясняющей подписью, в которой даются название/заголовок и указывается авторство или источник происхождения: ссылка на элемент списка литературы, неопубликованный источник, иная ссылка.
 15. В силу того, что изображения в текстовый файл не вставляются, поясняющие подписи к иллюстрациям помещаются после списка литературы особым списком (даже если иллюстрация одна). Все подписи к иллюстрациям необходимо сопровождать переводом на английский язык.
 16. Рисунки, карты и т. п. принимаются в наиболее распространённых графических форматах (eps, ai, jpeg, bmp, tif) отдельными файлами с разрешением 300–450 dpi; вставлять графический файл в текстовый не следует!
 17. Имя графического файла с иллюстрацией – порядковый номер иллюстрации в рукописи.
 18. Диаграммы должны быть представлены в исходном виде, а не как рисунок, т. е. сопровождаться таблицей данных. Для этого диаграммы необходимо выполнять и предоставлять в формате электронных таблиц Microsoft Excel. Каждая диаграмма должна быть расположена на отдельном листе файла электронной таблицы.
 19. Ввиду чёрно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. по возможности не должна содержать более трёх цветов (чёрный, белый, серый 50%).
 20. Расшифровка сокращений и аббревиатур (кроме общепринятых, ГОСТ Р 7.0.12-2011) обязательна и даётся в конце текста рукописи после списка литературы.
 21. Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учёта соавторов и хронологии.
 22. В списке сначала указывается литература на кириллице, затем на латинице, затем в других системах письма.
 23. В одном пункте списка литературы не может быть больше одной ссылки на один том издания.
 24. Библиографическое описание элементов списка литературы выполняется по ГОСТу Р 7.0.100–2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления» (см. образец оформления рукописи).
 25. Ссылка на работу, опубликованную на восточном языке, должна включать описание на языке оригинала и полный перевод описания данной публикации на русский язык.
 26. При наличии у цитируемой публикации идентификатора цифрового объекта (DOI), его необходимо указывать.
 27. Русскоязычный список литературы должен сопровождаться его англоязычной версией («References»). В «References» после полного перевода описания неанглоязычной публикации на английский должен быть указан ее оригинальный язык. Например: (In Russian). Порядок расположения публикаций в списке литературы и «References» идентичен. Транслитерация неанглоязычных имен и фамилий выполняется по стандарту BSI (British Standards Institution).
 28. Сведения об авторе (авторах) рукописи должны включать: фамилию, имя, отчество, учёную степень, учёное звание, место работы, должность, адрес электронной почты, ORCID (при наличии).
 29. Присылаемому файлу (файлам) следует присваивать только фамилию автора (первого автора). В случае, если рукопись имеет нескольких авторов, редакция ведёт переписку с первым автором.
 30. Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации в виде набора файлов. Адрес электронной почты: izvestyavi@yandex.ru

**Обращаем внимание авторов,
что рукописи статей, подготовленные с нарушением вышеуказанных требований,
редакцией к рассмотрению не принимаются.**

ИЗВЕСТИЯ ВОСТОЧНОГО ИНСТИТУТА

№ 1 (53) • 2022

Ответственный редактор А. А. Киреев
Редактор английского текста В. Л. Завьялова
Корректор О. А. Золотухина
Компьютерная верстка В. Н. Караман
Дизайн обложки Е. А. Андреева

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия РФ.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-36364 от 20 мая 2009 г.

Учредитель и издатель:
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Дальневосточный федеральный университет", 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10.

Цена свободная

Дата выхода в свет: 23.03.2022
Формат 70x100/16. Усл. печ. л. 15,48. Уч.-изд. л. 16,70.
Тираж 100 экз.
Заказ 053

Отпечатано в типографии Издательства Дальневосточного федерального университета, 690950, Владивосток, ул. Пушкинская, 10.

ISSN 2542-1611

9 772542 161006